

К. Н. ГРИГОРЬЯН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

ՀԱՅԿԼԻԿԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՆՍՏՐԱԿՆԵՐԻ ԱՐԽԻՎ
ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԱՆՍՏՐԱԿՆԵՐԻ ԱՐԽԻՎ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՍԻԱ
Մ. ԱՐԵՂՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Կ. Ն. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

ՌՈՒՍ-ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ԳՐԱԿԱՆ ԵՎ
ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ
ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

(X-XX Դ. ՍԿԻԶԲԸ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1974

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. М. АБЕГЯНА

К. Н. ГРИГОРЬЯН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

(X-начало XX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1974

Р II
348594

Во введении и в первых главах книги (ч. I) характеризуются исторические предпосылки и начальный период образования русско-армянских культурных связей, их отражение в памятниках письменности X—XVII веков.

Во второй части книги (XVIII век) исследуются печатные источники, свидетельствующие о дальнейшем укреплении общекультурных связей между двумя народами. Последующие, III и IV части охватывают XIX и начало XX века—период, богатый фактами литературного общения между Россией и Арменией.

Ответственный редактор

С. К. ДАРОНЯН

Дружба народов Советского Союза имеет свои богатые исторические традиции.

В прошлом царизм угнетал малые народы, подавляя их стремление развивать свою национальную культуру, литературу, свой национальный язык. Самодержавие натравливало народы России друг на друга, разжигая межнациональную вражду, пытаясь таким путем расколоть силы общероссийской освободительной борьбы.

Вопреки этой официальной политике самодержавия действовала другая историческая сила, которой принадлежало будущее. Опыт народных движений показал справедливость замечания Энгельса в письме к Марксу от 23 мая 1851 года о том, что Россия действительно играла прогрессивную роль по отношению к Востоку¹. Безусловно прогрессивной была роль России и по отношению к Армении. Воссоединение Восточной Армении с Россией было одним из важных поворотных пунктов в истории армянского народа. В результате событий конца 20-х годов прошлого века, благодаря военным победам русской армии большая часть армянского народа, стонавшего в течение многих веков под игом деспотического режима отсталых восточных государств, была спасена от неминуемой гибели. Создались объективно благоприятные условия для культурного возрождения армянского народа.

Еще в условиях общественной борьбы конца 50-х годов прошлого века Н. А. Добролюбов четко разделял два диаметрально-противоположных понятия: «административную часть Русского общества», подразумевая под последней политиче-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, Изд. 2-е, М., Госполитиздат, 1962, стр. 241.

ский строй и государственный аппарат царской России, с одной стороны, и русский народ,—с другой².

Две основные тенденции в национальной культуре определяют характер развития межнациональных идейных и культурных связей. В. И. Ленин писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»³. Передовые деятели как России, так и Армении глубоко сознавали необходимость солидарности, единения угнетенных классов в борьбе с общим врагом—с самодержавием, в борьбе за светлое будущее.

В устанавлении и развитии более тесных и дружественных контактов между двумя народами особо важной была роль русской литературы, ее гуманистические традиции. Она вдохновляла и воспитала не одно поколение деятелей армянской литературы и общественной мысли.

В дореволюционные годы исследовались преимущественно политические и экономические связи между Россией и Арменией. История культурных взаимоотношений в течение длительного времени оставалась в тени. Еще менее внимания уделялось вопросам литературного и идейного общения между двумя народами. Эти вопросы в специальных исследованиях нашли весьма слабое отражение⁴.

До сих пор нет общего очерка истории русско-армянских политических, экономических и культурных связей, хотя за

² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. 6, М.—Л., Гослитиздат, 1963, стр. 221, 222.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁴ Из первых общих обзорных работ следует указать: «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа». Три части. М., 1833—1838; С. Н. Глинка. Обзорение истории армянского народа. ч. I, М., 1831; ч. II, 1833; Г. И. Кананов. Армяне в России. В сб. «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». 2-е издание, М., 1898, стр. 513—524; Б. М. (Минас Берберян). Армяне в России (на арм. яз.). Журн. «Лума» («Лепта»), 1909, № 1, 2, 4; А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью до воцарения дома Романовых в 1613 году. «Кавказский вестник», Тифлис, 1901, № 12. Из специальных исследований выделяется богатством фактического материала книга Г. А. Эзова. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

советские годы появилось значительное количество книг и статей, посвященных отдельным эпохам и частным вопросам⁵.

После Октябрьской революции были созданы предпосылки для всестороннего изучения значения русской литературы в развитии литератур народов СССР. Немало сделано, особенно за послевоенные годы, и по изучению русско-армянских литературных отношений⁶. Историки и литературоведы рас-

⁵ *Л. М. Меликсет-Бек*. Древняя Русь и Армения. Сб. трудов Института языка АН Арм. ССР, т. I, Ереван, 1946; *его же*. Из истории русско-армянских отношений. «Известия АН Арм. ССР», 1954, № 4; *С. Арешян*. Заметки русских путешественников об Армении (XIV—XVII вв.). Там же, 1951, № 3. Армяно-русские отношения в XVII веке. Изд. АН Арм. ССР, 1953; *П. Т. Арутюнян*. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1954; *А. Г. Абрамян*. Страницы из истории народов Закавказья и армяно-русских отношений (на арм. яз.). Ереван. Изд. АН Арм. ССР, 1953; *А. Р. Иоаннисян*. Иосиф Эмин. Изд. Ереванск. гос. ун-та, 1945; *его же*. Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия. Изд. Ереванск. гос. ун-та, 1947; *М. Г. Нерсисян*. А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 гг. (на арм. яз.). Ереван. Изд. АН Арм. ССР, 1944; *С. Арешян*. Из предыстории арменоведения в России. «Известия АН Арм. ССР», 1955, № 1; *З. Григорян*. Военные походы русской армии по присоединению Восточной Армении к России. Там же, 1951, № 2; *его же*. Участие армян в освобождении Восточной Армении (на арм. яз.). Там же, № 11; *М. Г. Нерсисян*. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг. (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1955; *В. Парсамян*. Колониальная политика царизма в Армении. ч. I (на арм. яз.). Ереван, Изд. Армянского филиала АН СССР, 1940; *его же*. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1947 и др.

⁶ *Р. Нанумян*. К армяно-русским литературным связям (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1945; *Русет Оганнисян*. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1952; *К. Н. Григорян*. Из истории русско-армянских литературных отношений X—нач. XX вв. Л., Изд. АН СССР, 1955; *С. Арешян*. Армянская печать и царская цензура, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957; *Гурген Ованн*. Русско-армянские литературные связи в XIX—XX вв. в двух томах (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1960—1961; *С. Арутюнян*. Столетия жизнь Пушкина в армянской литературе (на арм. яз.). Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1935; *С. Даронян*, Микаэл Налбандян и русские революционные демократы. М., «Худож. л-ра», 1967; *А. Тертерян*. В. Брюсов и

ширили круг проблем, включив в свои занятия в плане взаимосвязей историю театра, драматургии, живописи⁷. Предметом специального исследования стал вопрос о значении русского языка в развитии и обогащении словарного фонда армянского языка⁸.

Автор, избрав для настоящей работы тему из истории русско-армянских литературных и культурных отношений с начала их возникновения до первого десятилетия XX века, ни в какой степени не претендует на всестороннее освещение этих связей на протяжении почти целого тысячелетия. Автор рассматривает свою работу как опыт монографического исследования различного характера явлений культурного и литературного общения между двумя народами, с целью выделения отдельных периодов и этапов, определения их своеобразия, обусловленного историческими обстоятельствами.

Первые две главы, охватывающие древний период, до XVII века включительно, являются вступительной частью, характеризующей исторические условия, подготовившие почву для более тесного, непосредственного общения между Россией и Арменией.

В главах, посвященных древнему периоду и XVIII веку, армянская культура (на арм. яз.), Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1944; *Нв. Туманян*. Ованес Туманян и русская литература, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1956; *К. Н. Григорьян*. В. Я. Брюсов и армянская поэзия. М., Изд. восточной литературы, 1962; *его же*. Армения в русской литературе и живописи, XVIII—первая пол. XIX века. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1962; см. *Арам Бабалян*. Армянские литературные связи (1920—1960). Материалы к библиографии. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1960, стр. 17—78; *Левоч Мкртчян*. Армянская поэзия и русские поэты XIX—XX вв. Ереван, «Айастан», 1968; сб. «Литературные связи», т. I. Изд. Ереванского у-та, 1973.

⁷ *Р. Зарьян*. Борьба за русскую драматургию в армянском театре (на арм. яз.), Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1955; *Б. Арутюнян*. Армяно-русские театральные связи. Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1956; *В. Вартамян*. Прогрессивная роль передовой русской театральной культуры в развитии армянского театра (Дореволюционный период). М.—Ереван, Изд. Госинст. театр. искусства, 1959; *С. Ризаев*. Драматургия Горького на армянской сцене, Ереван, ГИЗ Арм. ССР, 1956; *М. Саргсян*, Связи армянского и русского изобразительных искусств в XIX—XX вв. (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1953.

⁸ См. *С. К. Казарян*. Роль русского языка в обогащении и развитии современного армянского языка, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1952.

в круг изучения включены не только памятники письменности, имеющие отношение к литературе, но и отдельные страницы истории живописи, а также факты, характеризующие общекультурные связи между двумя народами.

При слабой разработке проблемы, в особенности раннего периода, важное значение приобретает собирание фактов, которые позволят в будущем создать полную и исторически правдивую картину развития идейных и культурных связей между Россией и Арменией. В настоящей работе используются как архивные материалы, так и сведения, разбросанные и затерянные в русской периодической печати и в малодоступных редких изданиях.

Изучение истории русско-армянских литературных связей позволит дополнить общую картину становления и развития новой армянской литературы, расширить наше представление об истоках, которыми она питалась и обогащалась. В то же время исследование литературных связей внесет новые моменты в освещение вопроса о международном значении русской литературы.

Настоящая монография была задумана и начата еще до Великой Отечественной войны как исследование по истории русско-армянских культурных связей и литературных отношений в важнейших ее этапах, от ранней стадии их возникновения до начала XX века.

Отдельные ее главы были опубликованы в различных научных изданиях в виде статей и самостоятельных очерков.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

І. ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ СВЯЗЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ X—XVI вв.

На процесс возникновения и развития русско-армянских культурных связей наложила свой отпечаток историческая судьба армянского народа.

Армения прошла долгий тернистый путь. Много крови и слез видела древняя земля. «Армения... Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа,—писала «Правда» в статье, посвященной пятнадцатой годовщине Советской Армении.—Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света—Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал опомниться от одной опустошительной грозы, как надвигалась новая и снова разрушались села и города, разрушалась культура, гибли трудящиеся армяне...»¹.

В конце XIV века Армения потеряла свою государственную самостоятельность. Северо-восточная часть ее стала добычей Персии, юго-западная перешла к Турции. В жизни армянского народа наступили тяжелые времена. Произвол и деспотизм завоевателей довели страну до полной разрухи и опустошения.

Ограбленные и обездоленные трудовые массы крестьянства вынуждены были покинуть свою древнюю родину, скитаться в чужих краях в поисках работы и хлеба. Странниче-

¹ «Правда», 28 ноября 1935 г.

ская жизнь становится одной из характернейших черт жизни армянского народа. Вместе с тем, как указывает А. К. Дживелегов, «свободолюбивый дух и высокое национальное сознание позволили армянскому народу отстоять и сохранить свою национальность, свой язык и обычаи, пронести сквозь все испытания истории свою многовековую духовную и материальную культуру»².

В тисках турецкого и персидского ига армянский народ не прекращал борьбы против своих угнетателей. Особенно усилилось национально-освободительное движение в конце XVII века, а в первой четверти XVIII столетия обездоленные крестьянские массы во главе с армянским полководцем Давид-Бекком выступили против персидского рабства.

Армяне жили в России с давних времен. Не вызывает сомнения факт существования армянских поселений в древней Руси до татарского нашествия.

Армяне, обосновавшись еще в XI веке в Крыму и Поволжье, в крупных центрах Золотой Орды, были носителями своей вековой культуры. Армянские строители мастера-каменщики оставили значительный след в архитектурных памятниках приволжского края.

При Владимире Мономахе славились в Киеве искусные армянские врачи, которые пользовались широкой популярностью в столице древней Руси³. После принятия христианства Владимиром Святославичем связи армян с Киевским государством становятся более прочными. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского», говоря об инородцах в древнем Киеве, в числе представителей других наций, называет и армян⁴. Он же, ссылаясь на записки Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сообщает: «Татары, завоевав Армению в 1326 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернии; что некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в старом Крыму и близ Судака»⁵. Эти же сведения находим в двухтом-

² А. К. Дживелегов. Армения и Турция. М., «Правда», 1946, стр. 6.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. III, СПб., 1893, стр. 708.

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, СПб., изд. 5-е, 1842, стр. 124.

⁵ Там же, т. IV, примеч. 146.

ной «Истории о Таврии», где говорится о том, что армянские купцы и ремесленники поселились в Крыму⁶. В Таврии сохранились армянские памятники материальной культуры второй половины XIV века⁷. Исторические памятники приволжского края свидетельствуют о существовании там армянского поселения в начале XIV века.

В XIII веке армяне поселяются в городах юго-западной Руси⁸, а в первой половине XIV века они обосновываются в соседних с Россией странах: в Польше, Галиции, Молдавии, Крыму, в столицах хазар и болгар, в ханстве Золотой Орды⁹.

Восточная политика Ивана III, предшественника Грозного, предопределялась борьбой с остатками государства Золотой Орды, стремлением укрепить русское влияние, переманить на свою сторону прежде всего христианское население края. В конце XV века во главе Казанского царства фактически оказались прямые ставленники Ивана III. Иван Грозный продолжал эту же политику с еще большей решительностью. Он все более проникал на юго-восток, пытаясь сначала мирным путем подчинить себе эти дальние территории. Задача завоевания казанской земли и Астрахани выдвигалась и самими условиями, которые в XVI веке сложились так, что подчинение этих территорий стало исторической необходимостью для сохранения самостоятельности и независимости русского государства.

События XVI века и значительные сдвиги в политической и экономической жизни России не могли не повлиять как на внутреннее состояние страны, так и на ее международное положение. Ликвидация феодальной раздробленности, политическое и национальное единение, укрепление централизованного русского государства, успешные исходы военных компаний Ивана Грозного, завоевание Казани в 1552 году и Астрахани в 1556 году, выход русских в Нижнее Поволжье— все эти события в целом создавали благоприятную обстановку

⁶ С. С. Богуш. История о Таврии, т. II, СПб., 1806, стр. 176—177.

⁷ Петр Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 28.

⁸ См. С. М. Соловьев. История России..., кн. I, т. IV, стр. 1204.

⁹ См.: Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950; А. П. Смирнов. Волжские булгары. Труды Гос. истор. музея, вып. XIX, М., 1951; Л. М. Меликсет-Бек. Из истории русско-армянских отношений. «Известия АН Арм. ССР», 1954, № 4.

ку для дальнейшего развития экономической и политической жизни страны, расширения дипломатических и культурных связей с Востоком. В поисках надежной опоры русские должны были в первую очередь сблизиться еще в большей степени с соседними христианскими народами.

Древние торгово-экономические связи армян с Россией приняли более организованный характер и были оформлены соответствующими государственными документами в XVII веке, при Алексее Михайловиче. Знаменательным является тот факт, что в 1660 году из Персии приехал в Москву армянский купец Захар Сарадов, преподнес русскому царю богатые дары и заявил о своей готовности служить «великому христианскому государю»¹⁰. В эту эпоху некоторые из армянских купцов выполняли роль культурных посредников, через которых приглашались в Россию искусные мастера-золотописцы, чеканщики, «алмазники-резцы».

* * *

Начальный период русско-армянских культурных связей, частичное отражение которых можно проследить в памятниках письменности, относится к далеким временам.

Армения не была для русских летописцев неведомой страной. Опираясь на византийские источники, в частности на хронику Георгия Амортола, в общем введении «Повести временных лет», где рассказывается о том, «откуда пошла Русская земля», летописцы упоминают «Армению Великую и Малую» в перечислении стран, оказавшихся населенными «Афетовым племенем»¹¹. В летописи упоминаются также горы Араратские, или Раратские, не как туманное обозначение неизвестной далекой страны, а как конкретное географиче-

¹⁰ С. М. Соловьев. История России..., т. XII, СПб., 1894, стр. 560, 561. Собр. актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, М., 1833—1838, стр. 328; ч. II, стр. 63—67.

¹¹ Полн. собр. русских летописей (в дальнейшем сокращ. ПСРЛ), т. I. Лаврент и Троиц. летописи, СПб., 1846, стр. 2; т. V, Софийская первая летопись (выписки из хронографа Георгия Амортола в приложениях), СПб., 1851, стр. 82; т. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку, СПб., 1859, стр. 261; т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою Летописью, СПб., 1862, стр. 2; т. XVIII. Симеоновская летопись, СПб., 1913, стр. 2. В текстах встречаются и варианты: «Арвинья», «Армения».

ческое понятие, как крайний предел христианского мира. Когда русские летописцы хотели дать представление о больших географических пространствах, они прибегали к образу «гор Араратских», с которыми связывалось традиционное библейское представление о «всемирном потопе» и о Ноевом Ковчеге, якобы приставшем к Араратской горе. Так, например, в Симеоновской летописи, в «Повести о житии и храбрости благоверного великого князя Александра Ярославича» (Александра Невского), в той части, где рассказывается о возрастающей его славе, летописец говорит: «Начя же имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря Понтейского, и до моря Хуожьского, и до страны Тивиренския, и до гор Араратских, иже об ону страну моря Варяжского, и до гор Аравитских, даже и до Рима великого, распространи бо ся имя его пред тмы тмами, и пред тысящами тысящ»¹².

В «Русском хронографе» (западнорусской редакции) повествуется о крещении Армении. В основных своих элементах рассказ хронографа совпадает с национальным вариантом армянской исторической литературы, известным по «Истории» Агафангела (V в.): христианский проповедник Григорий спокойно и мужественно переносит все страшные истязания и мучения, которым его подвергает армянский языческий царь Трдат. Наконец, по повелению царя Григорий был брошен в глубокую яму со змеями и скорпионами, «чтобы эти гады съели его». Пятнадцать лет пробыл Григорий в этой яме. Он питался пищею, доставляемой одной вдовой. Божий гнев покарал Трдата, который обратился в дикого кабана. «И великий страх напал на всю армянскую землю». Тогда открылось «тайное видение» сестре Трдата Хосровадухт. Григорий был извлечен из ямы. По его молитвам царь снова обрел человеческий облик. Трдат принял христианство и вместе с ним «была озарена светом» и вся Армения.

«Русский хронограф» кратко, но точно излагает содержание национальной версии об обращении в христианство Армении¹³. Это же предание с незначительными вариантами

¹² ПСРЛ, т. XVIII. Симеоновская летопись, СПб., 1913, стр. 65; т. V, стр. 181, т. VIII, стр. 151; т. XXII, ч. II, стр. 23.

¹³ ПСРЛ, т. XXII, ч. II, Пг., 1914, стр. 86—87: «Армянский же царь Тиридат, уведев о своем боярине Григории, сыне Анакове, яко христианин есть, и по многих различных муках во граде Арарате вверже его

повторяется и в одном официальном документе Московской Руси 1447 года¹⁴.

В 301 году христианство было объявлено в Армении государственной религией. Царь Трдат III (287—332) и его приближенные приняли новую веру от первого патриарха армянской церкви Григория Просветителя.

Имя Григория, патриарха «Великия Армении» в древней Руси пользовалось большим уважением. И русские летописцы, которые всегда с осуждением, вызываемым требованиями официальной православной идеологии, говорят об «армянской ереси»¹⁵, окружают ореолом величия и славы личность христианского просветителя Армении. Он стоит в первом ряду среди христианских великомучеников¹⁶, и имя его упоминается среди участников «Собора первого святых отцов»¹⁷. По православному календарю, 30-го сентября отмечается память «священномученика Григория, епископа «Великия Арме-

в ров глубоок, идеже множество змиев и гадов. И соверши тамо 15 лет, питаем женою вдовицею. Царю же Тиридату мучашу христиан, и божиним гневом поражен бысть, преложиися в вепрь и пребываше в горах. И всю землю божий гнев различными недруги казняше, дондеже божие виденне бысть Кусарадукте, сестре Тридата царя, повелевая Григория извести из рова. Изшедше же и архиерей поставлен бысть и крести всех. Исцели же и царя и всех страждущих от бесов».

¹⁴ Послание российского духовенства углицкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 года, декабря: «Також и Арменский царь Тиридат о заточеньи великого Григория претворен бысть вепрем, и ходи две лете, нечистоту ядын; но паки умолен быв великим Григорием от сестры его, и сотвори его человека, и також покаяся и крестяся сам и все царство свое крести» («Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею АН», т. I. 1334—1598. СПб., 1841, стр. 82).

¹⁵ ПСРЛ, т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью, СПб., 1862, стр. 59 (об армянских еретиках), стр. 145—148 (диспут св. Иларiona с армянскими еретиками); т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки, СПб., 1889, стр. 27 (об армянских еретиках); т. XX. Львовская летопись, СПб., 1910, стр. 33 (об «армянской ереси», в статьях, помещенных перед Львовской летописью).

¹⁶ ПСРЛ, т. XX, стр. 27, 213.

¹⁷ Там же, стр. 29, 30.

нии»¹⁸. Новгородская третья летопись сообщает: «В лето 6953 архиепископ Емфимий постави церковь каменну святого Григориа Великия Армении, у святого Варлаама на Хутьни в монастыре, а на верху колокольницу»¹⁹. В той же летописи упоминается об освящении храма св. Григория «в лето 7043, июня в 15 день»²⁰. Софийская летопись сохранила более подробные сведения: «Тое же весны лета 7043, месяца апреля в 11 день, божией милостью, основана бысть церковь каменна святой Григорей Великия Армении, в святых обители все-милостивого Спаса и великого чудотворца Варлаама на Хутьне, против южных дверей большия церкви и чудотворцова гроба»²¹. Таким образом, на древней русской земле, в Хутьни, близ Новгорода, была воздвигнута церковь в память «Григория Арменского».

В церкви Спас-Нередице в Новгороде сохранилось фресковое изображение Григория Парфянского и св. Рипсимии. «Русская церковь,—пишет Л. М. Меликсет-бек,—исходя из традиции времен так называемого «вселенского согласия» в церковной жизни вообще сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении, и иже с ним 37 дев (Рипсимии, Гаянии и пр.)»²². Еще в 1900-х годах обратил внимание на эти же факты А. Д. Ерицов. Он извлек выписки из «Иконописных подлинников» новгородской редакции конца XVI века с вариантами из списков Забелина и Филимонова, свидетельствующих о сохранении русской традиционной иконописью обязательных норм изображения Григория Просветителя²³. В этих правилах говорится о его внешнем облике: «...Пишется тако: подобием русаки Василий Кесарийский; брада посветлее Васильевы, с проседью; риза святительская

¹⁸ См. А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточною Русью до воцарения дома Романовых—в 1613 году. «Кавказский вестник», 1901, № 12, стр. 49.

¹⁹ ПСРЛ, т. III, стр. 240.

²⁰ Там же, стр. 249. То же самое сообщается в Никоновской летописи. ПСРЛ, т. XIII, стр. 320.

²¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 296.

²² Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и армяне (Взаимоотношения и мифословотворческие встречи). Сб. Трудов Института языка им. Н. Я. Марра АН Армянской ССР, т. I, Ереван, 1946, стр. 120.

²³ Сб. на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 6.

богородичь, в омофоре, исподь празелень дымчат, патрахиль вохра блед; власы оброслый; сух же и черен»²⁴. Правила иконописания, где давались некоторые общие черты внешнего облика, преследовали прежде всего цель строгого регламентирования работы иконописца, чтобы не допускать отклонения от традиционных норм и условностей. Тем не менее, по этим правилам «художнику пришлось бы изобразить облик армянского просветителя в восточном типе, несколько не греша ни против национальных преданий армян, ниже против требований исторической точности»²⁵.

Из всех этих фактов следует, что русская православная церковь в течение многих веков не только сохранила память христианского просветителя Армении, но и широко популяризировала его имя.

Армянский писатель XI века Степанос Таронци (Таронский), по прозвищу Асохик, в своей «Всеобщей истории» упоминает о крещении Руси²⁶. Повествуя о событиях конца X—начала XI века, о смерти «великого куропалата Давида» и о поездке византийского царя Василия в Восточные области, в Абхазию и Иверию, Асохик упоминает факт выдачи царем Василием своей сестры Анны замуж за «царя рузов» Владимира Ярославича. «В это же самое время рузы уверовали во Христа»²⁷. Армянский историк имеет в виду принятие христианства киевским князем Владимиром Святославичем в 988 году.

Об эпизоде из «Всеобщей истории», где описана встреча византийского императора с «царем рузов» впервые было сообщено в русской печати в 1824 году, в изложении слушателя медицинского факультета Московского университета Согомоном Тер-Гукасовым:

«Во время бытности Василия императора в Армении в 1000 году, с ним находились там 6000 россиян копьеносцев, по свидетельству армянского историка, монаха Стефана Таронского, призванного Асохик (говорун), который жил в то

²⁴ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью..., «Кавказский вестник», 1901, № 12, стр. 50, 51.

²⁵ Там же.

²⁶ «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым». М., 1864.

²⁷ Там же, стр. 200.

время и сам лично знал императора Василия. Упоминает сей великий муж, что между русскими и грузинами, приехавшими в Армению (в Тайскую область) повидаться с императором, произошла за безделицу ужасная драка. Русский нес сено для своей лошади; грузинец, увидев, отнял у него пошу; тот начал призывать своих; а как грузины стояли ближе, то скорее подоспели, и убили русского. Увидев сие, другие русские взволновались и начали с ними драться. Когда битва продолжалась с великою яростью, то на помощь грузинцам вышли тайские дворяне; но не могли устоять противу храбрости русских: многие из них были убиты, в числе коих тридцать человек великих тайских бояр, которых имена также упоминает выше сказанный историк»²⁸.

Армянский историк Мовсес Каганкатваци, который жил в конце VII века, в своей «Истории» упоминает о походах рузиков, или рузов (так называются у Каганкатваци руссы) на столицу Кавказской Албании Партав. Н. Эмиш, сожалея, что автор лишь «в общих только выражениях упоминает об их походах, не обозначая ни времени, ни предводителей, под начальством которых они были совершены», тем не менее отмечает ценность свидетельства древнеармянского историка, в смысле типичности рассказа и в своей статье приводит целиком отрывок о рузах.

Каганкатваци, повествуя о том, как Делимиты отняли у аравитян город Партав, пишет: «Около того же времени из северных стран отделился народ с незнакомыми, непривычными (для нас) чертами лица (народ), называемый рузиками. Они три раза, как ураган, налетали с восточной стороны обширного моря Каспийского на Партав, столицу албанов. Город не выдержал их натиска и был предан лезвию меча. Они захватили в свои руки все богатство и имущество жителей. Начальник (Делимитов) осадил было их, но не мог причинить им вреда; ибо у них была сила непобедимая. Но женщины города прибегли к хитрости и коварству и стали предлагать рузам смертную чашу. Последние, узнав об измене, пещадно перебили женщин с их младенцами. Они (рузы)

²⁸ С. Тер-Гукасов. Свидетельство восточного писателя о древних руссах. «Вестник Европы», 1824, № 12, стр. 303, 304. Примеч. редакции: «Из рукописи, хранимой в Венеции, напечатано в Армянской истории Чамчяна, монаха армянского монастыря св. Лазаря, в Венеции». Сообщено г-ном лекарем, Соломоном Тер-Гукасовым, продолжающим врачебные науки при здешнем университете».

оставались в этом городе шесть месяцев и, ограбив его совершенно, ушли в свою страну с много различной добычей»²⁹.

Русские летописцы в свою очередь дают нам факты и сведения конкретно-исторического характера, касающиеся Армении и армян.

Из летописей узнаем, что в 1346 году в Армении был страшный мор; так много было умерших, что, как говорит летописец, «яко не бе кому их погребати»³⁰. Армения упоминается в перечислении стран, покоренных в 1385 году Ленк-Тимуром, или Темерланом, который в летописях именуется Темир-Аксаком³¹. Об армянах говорится в связи с нашествием Мамая в 1380 году, в той части, где летописец перечисляет наемные отряды в войсках ордынского князя³². В описаниях событий второй половины XIV века, где повествуется о новгородских «охотниках»³³, составлявших большие отряды и занимавшихся грабежом и разбоем на Волге, среди их жертв упоминаются и армяне, очевидно, торговые люди,

²⁹ См. Н. О. Эмин. О памятниках древности в русской Армении и о походах руссов на Партав. В кн. «Исследование и статьи по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы. С приложением переводов из армянских историков». М., 1896, стр. 161.

Страну агванов (албанов), ее географическое положение Н. О. Эмин определяет следующим образом: «Страна албанов, или ахванов, лежала между нынешним Елисоветполем (Гандзаком), реками Курюю и Араксом, кавказскими горами, Каспием и пространством, занимаемым Карабахом. Столица ее Партав находилась на левом берегу Куры».

³⁰ ПСРЛ, т. VII. Летопись по Воскресенскому списку, СПб., 1856, стр. 210; т. X. Никоновская летопись, стр. 217; т. XVIII. Симеоновская летопись, стр. 957; т. XX. Львовская летопись, стр. 184; т. XXIII. Ермолинская летопись, стр. 108; т. XX. Моск. летописный свод, стр. 175; т. XVI. Летопись Авраамки, стр. 95.

³¹ ПСРЛ, т. VI. Софийская летопись, стр. 125; т. VIII. Воскресенская летопись, стр. 65; т. XI. Никоновская летопись, стр. 158—159.

³² ПСРЛ, т. IV. Новгородская четвертая летопись, 1915, стр. 311; т. VI. Софийская летопись, стр. 90 (в прибавлениях); т. VIII. Воскресенская летопись, стр. 34; т. XVI. Летопись Авраамки, стр. 107; т. XX. Львовская летопись, стр. 200; т. XXIII. Ермолинская летопись, стр. 124—125; т. XXV. Московский летописный свод, стр. 201.

³³ ПСРЛ, т. VIII. Воскресенская летопись, стр. 14; т. XVIII, стр. 104, 105; т. XXV. Московский летописный свод, стр. 183. О другом случае ограбления армянских купцов см. т. XIII Никоновская летопись, стр. 386.

которых «умертвили в Нижнем, отняли их имущество, жен, детей, вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии,— как говорит Н. М. Карамзин,— и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычею»³⁴.

В «Хронографе» сохранился рассказ о событиях в Армении первого века до нашей эры, об армяно-римской войне, о победах и поражении Тиграна II (Тиграна Великого, с именем которого связан хотя и недолгий, но блистательный период могущества древнего армянского царства): «Тогда же сечеса Антиох Дионик, царь Сирский, с Тигранисом, царем Арменским. И одоле Тигранис и принять Антиохию. Царю же Антиоху бежавшу в Перскую землю, пришед же Помпий Магн от Рима на Килики и победи их. И бися с Тигранисом, царем Арменским, и победи его и приять Армению и Киликию и Сирию разсыпа, отмстив Антиохияном. И вниде во град Антиохию, сотворив я под Римляны. Антиох же Дионик, слышав Арменского царя погибель и Помпиеву победу, пришед от Перския земля, паде пред Помпием, прося у него царства своего. Помпий же, послуша моления его, даде ему царство Сирию и Киликию»³⁵.

Автор «Хронографа» не сообщает ничего нового, не дополняет известные сведения новыми подробностями. Тем не менее представляет несомненный интерес сам факт, что автор не прошел мимо этих событий и нашел нужным включить их в свое летописание.

В Киево-Печерском патерике, во втором послании «черноризца» Печерского монастыря Поликарпа к архимандриту Акиндину рассказывается о враче армянине «родом и верою», который был так искусен во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и такого уже не станет лечить»³⁶.

По своему характеру послание Поликарпа примыкает к обычным произведениям религиозно-нравоучительной церковной литературы, с ее яркой тенденцией прославления деятелей русской православной веры и «посрамлении» всех «ино-

³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского в 3-х кн., изд. 5-е, СПб., 1842, кн. 2, т. V, стр. 6.

³⁵ ПСРЛ, т. XXII. Русский хронограф, стр. 36, 37.

³⁶ Киево-Печерский патерик по древним рукописям. В переложении на современный русский язык Марии Викторовой. Киев, 1870, стр. 88, 89.

верцев». В этом древнем памятнике русской церковной литературы, идейные задачи которого достаточно ясны, врач-армянин противопоставлен «блаженному Агапиту», который наделен всеми христианскими добродетелями. Рассказ завершается полным раскаянием «иноверного и нечестивого армянина», отказавшегося от армянской веры и перешедшего под сень русской православной церкви: «И постригся этот армянин в Печерском монастыре и тут кончил жизнь свою в добром исповедании». Этими словами заключает свой незатейливый рассказ «блаженный Поликарп»³⁷.

Не вдаваясь в подробный разбор Киево-Печерского патерики, как литературного памятника, отметим только особое значение сообщенных в нем сведений об армянском враче в Киевской Руси XI в. Факт, несомненно, интересный с точки зрения истории ранних культурных связей армян с древней Русью. «Если оставить в стороне легендарную сторону этого повествования,—пишет Л. А. Оганесян,—в числе прочих также исторически неточный факт, что армянин «родом и верою» в XII веке оказался не христианином и уверовал в Христа лишь после того, как проникся верою в святого Агапита, с точки зрения нашей темы остается интересным лишь факт существования в Киеве очень опытного врача-армянина, слава которого была так велика, что к его помощи обращался даже Владимир Мономах»³⁸.

Л. А. Оганесян, очевидно, опираясь на Н. М. Карамзина³⁹, высказал предположение о том, что упоминаемый в Киево-Печерском патерике врач не был одиноким, что там были и другие врачи (и не только врачи) армяне⁴⁰.

Подвергая некоторому сомнению достоверность сообщенных в Киево-Печерском патерике исторических фактов, Л. А. Оганесян в доказательство «легендарности повествования» говорит: «В числе прочих также исторически неточный факт, что армянин «родом и верою» в XII веке оказался не хри-

³⁷ Там же, стр. 93.

³⁸ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении с древнейших времен и до наших дней в пяти частях, ч. II, Ереван, Изд. АН Армянской ССР, 1946, стр. 68.

³⁹ «Во времена Мономахова,—пишет Н. М. Карамзин,—славянсь в Киеве армянские врачи». История Государства Российского, т. III, стр. 130, 131.

⁴⁰ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении, ч. II, стр. 67.

стианином и уверовал в Христа лишь после того, как проникся верою в святого Агапита». То, что армянин «родом и верою» оказался не христианином,—случай не единичный в памятниках русской древней письменности. Не нужно забывать конкретные исторические обстоятельства эпохи, которые наложили известный отпечаток и на идеологию древнерусских авторов. Следует при этом учесть, что на развитие русско-армянских культурных связей древнего периода значительное влияние оказал религиозный момент, борьба русской церкви против «армянских ересей».

Русская церковь после падения Византии становилась новым центром христианства. Защищая основы православной веры, она служила единению национальных сил, укреплению государства и усилению международного влияния Руси. В раннем средневековье борьба русских церковников против всяких иных толкований христианской веры, против «ересей» и «еретиков», в том числе и против «армянских ересей и еретиков», принимала весьма острый характер. Они проявляют непримиримость и вражду ко всем, кто оказался вне единой православной церкви. Этим и объясняются такие с первого взгляда «курьезы», когда человека «армянской веры» не признают христианином. Не только в XII—XIII, но и значительно позже, в XVII веке, армян часто и в летописях, и в официальных документах называют «иноверцами».

В конце XIII века в изложении обязательных условий при избрании епископа епархии указывалось: «Не позволять в своей епархии православным вступить в браки, кумиться и брататься с армянами и латинами»⁴¹. В послании же митрополита Киприана к игумену Афанасию (1390—1405) имеется более раздраженная фраза по адресу «армянской ереси»⁴².

Однако не следует отождествлять официально церковную идеологию с действительным отношением русских к армянам. Их часто признавали нехристианами, подразумевая, что они не православные, и только. Церковники же на Руси считали армян еретиками, чем и объясняются раздраженные выпады по адресу армян, которые встречаются в церковно-политических документах.

В ожесточенных спорах русские церковники порою при-

⁴¹ См. С. М. Соловьев. История России... Кн. I, т. IV, столб. 1268.

⁴² «Акты исторические...», т. I, СПб., 1841, стр. 476.

бегали даже к подделке литературных памятников. «Иногда подделка зависела от политических соображений,—писал академик В. Н. Перетц.—Так возникло при Петре I «Соборное деяние Киевское на армянина еретика Мартина» (1718)—с целью борьбы со старообрядцами; выдававшееся за памятник XII века, оно и по содержанию, и по языку, и по почерку оказалось изделием начала XVIII века»⁴³.

В атмосфере острой религиозной борьбы весьма интересным фактом является то, что один из самых ярких приверженцев знаменитого протопопа Аввакума оказался армянский проповедник, «поп из армян» Иосиф Истомин, или Астомен. Его мы видим среди активных участников ожесточенной полемики по вопросам веры второй половины XVII столетия. Он вошел в историю религиозных движений России как «первый учитель раскола в Сибири»⁴⁴. Нет сомнения, что Истомин познакомился и близко сошелся с Аввакумом до ссылки последнего в Тобольск. Когда борьба достигла своего апогея и правительство приняло решительные меры против раскольников, тогда зачинщики и главари религиозной оппозиции были сосланы в Сибирь. Среди сосланных оказался и Иосиф Истомин. В 1660 году он проезжал Енисейск, через Верхотурье, Туринск и Тюмень, проповедуя «свое учение о двуперстии порицая треперстное знамение, как печать антихристову»⁴⁵. Как можно судить по скудным, отрывочным сведениям Пермской летописи и по посланиям Тобольского митрополита Игнатия, Истомин был последовательным и страстным проповедником, человеком большими душевными силами и крепкой воли. Он убежденно и твердо шел за Аввакумом. В Пермской же летописи говорится о том, что Аввакум и Истомин «были самыми сильными распространителями в стране Сибирской раскола». В частности, Пермская губерния, как пишет об этом Н. Ончуков, «обязана расколом знаменитому протопопу Аввакуму и попу из армян Иосифу

⁴³ В. Н. Перетц. Краткий очерк методологии истории литературы. Пг., 1922, стр. 92.

⁴⁴ «Сб. Русского исторического общества», т. 60, СПб., 1887, стр. 340, 362.

⁴⁵ «Пермская летопись. Третий период». Составил Василий Шишонко. Пермь, 1884, стр. 512.

Истомину»⁴⁶. О них же с гневом писал тобольский митрополит Игнатий: «Кто изречет оная хулы, идый сии сквернии человецы Аввакум и Астомен, изрыгаша, и какова чадения, сиречь угару, прежде в России, потом и в сибирской сей стране не исполниша»⁴⁷. В порыве негодования Игнатий называет Истомина «проклятым армянином».

Биограф Игнатия высказал предположение, что слово «армянин» не следует понимать в прямом смысле. Игнатий ревниво оберегал чистоту русской православной веры. В своих посланиях он говорил: «Заблуждение раскольников происходит от армян, появившихся в России в царствование Иоанна Васильевича Грозного и распространивших свое учение о двуперстном крестном знаменнии; поэтому он (Игнатий.—К. Г.) называет и самих раскольников армянами, и полуармянами, а раскол—армянскою или полуармянскою ересью»⁴⁸. Учитывая условность терминологии в полемических речах русских церковников, можно допустить, что Игнатий употребил слово «армянин» в отношении Истомина не в прямом значении, а как чисто полемическую формулу, чтобы указать на враждебность Истомина вероучению русской православной церкви. Но тогда возникает вопрос: почему же в иных случаях ни тобольский митрополит, ни другие не называют никого из своих идейных врагов «армянами»? Скорее всего Иосиф Истомин действительно был по происхождению армянином и являлся выходцем из казанской или московской колонии.

Еще в конце прошлого века Г. А. Халатянц обратил внимание на некоторые сходные мотивы армянского героического эпоса «Давида Сасунского» с древнерусской былинной литературой, главным образом Киевского цикла⁴⁹. Позже, уже в наше время, к этой теме на более широкой основе обратился Л. М. Меликсет-Бек. В своей статье «Древняя Русь и Армения», автор касается древнейшего времени об-

⁴⁶ Н. Ончуков. По Чердынскому уезду. «Живая старина», вып. 1, 1901, стр. 65.

⁴⁷ «Пермская летопись. Третий период», стр. 512.

⁴⁸ «Русский биографический словарь», т. VII, СПб., 1897, стр. 48. Здесь же Иосиф Истомин назван «кавказским чернецом».

⁴⁹ Г. Халатянц. Давид Сасунский. Образчик армянского народного эпоса в сб.: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». Изд. 2-е. М., 1898.

щения между двумя народами, начиная со скифо-сарматского периода истории Руси, совпадающего с государством урартов вплоть до нахарарства, отмечает следы в этических терминах вторжения скифов на территорию древней Армении в VIII—VII в. до нашей эры.

В повести о Бове-королевиче, как известно, упоминается «Орменское», или «Арменское царство Зензевея». Трудно говорить об исторической основе сказочного сюжета, тем не менее, Л. М. Меликсет-Бек высказал предположение, что в русском сказании речь идет о Киликийской Армении. Автор статьи, отметив также факт проникновения в древнеармянский язык отдельных русских слов (например, «сало»), поставил общую проблему изучения русско-армянских фольклорных встреч⁵⁰.

В «Истории» Зеноба Глака, составленной, по мнению М. Абегиана, из разных источников не ранее VIII века, сохранились сведения об исторических преданиях восточно-славянских племен. Д. С. Лихачев, касаясь легенды о построении Киева и ссылаясь на Зеноба Глака, пишет: «Рассказать эту легенду в Армении могли те славянские дружины, которые в VII в. совместно с хазарами воевали в Закавказье. Могли эти легенды перейти и через славянские поселения, с древних времен державшиеся на северном Кавказе в районе Тамани»⁵¹.

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе имеются в памятнике XII—XIII вв. под заглавием «Воскепорик» («Златочрев»)⁵².

Благодаря исследованиям выдающегося филолога Н. О. Эмина еще в конце прошлого века был установлен самый ранний факт литературного общения между армянами и Россией⁵³. Мы имеем в виду армянский пересказ русского сказа-

⁵⁰ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя Русь и Армения. Труды Института языка АН Армянской ССР, т. I, Ереван, 1946, стр. 108—109.

⁵¹ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет (Историко-литературный очерк). В кн.: «Повесть временных лет», ч. II. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 10.

⁵² Л. М. Меликсет-Бек. Указ. статья, стр. 119.

⁵³ «Сказание о святых Романа и Давиде. По армянским Четьям-Минеям». В кн.: «Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.), апокрифы, жития, слова и др.», М., 1897, стр. 150—155.

ния о Борисе и Глебе «Сказание о святых Романе и Давиде». Памятник датируется XIII веком и входит в армянские «Четыр-Минен»—«Айсамвурк», что означает «в сей день». Н. О. Эмин предлагает обратить внимание на заключительные строки армянского текста, вставленные, вероятно, самим переводчиком: «Много других совершено чудес этими святыми (т. е. Романом и Давидом), и они записаны в пространной истории (интересно было бы знать, какая эта «пространная история»); чудеса совершаются ими и поныне». Далее: «Многие из нашей страны (т. е. из Армении), видевшие эти чудеса, рассказывали нам (о них)»⁵⁴.

Из этих слов можно сделать два вывода: во-первых, то, что многие из армян в эту далекую эпоху посещали Русь; во-вторых, нам представляется вполне основательным предположение Н. Эмина о том, что автор перевода не только был на Руси, в частности в Киеве, но долго жил там и настолько хорошо выучился языку, что предпринял перевод русского сказания, с целью ознакомления своих соотечественников с одним из образцов русской духовной литературы. Эмин отвечает и на второй вопрос: что явилось оригиналом для армянского переводчика и что он внес от себя в текст русского сказания? По мнению Эмина, основанному на изучении текста и сличении его с двумя русскими списками, источником «Сказания о Романе и Давиде» послужило русское «Сказание о св. Борисе и Глебе», приписываемое Эмином вслед за историками русской литературы черноризцу Иакову, так называемое «сказание», а не «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора-летописца. «При описании чудес,—пишет Эмин,—армянский переводчик строго держится своего подлинника, чего нельзя сказать об исторической его части, к которой он относится довольно свободно и которую заменяет незастойливым своим вступлением, оставляя в то же время в стороне все благочестивые размышления автора черноризца»⁵⁵.

Из заключительных строк армянского текста «Сказания о св. Борисе и Глебе» можно сделать и третий вывод: перевод составлен не позднее первой половины XIII века—до 1240 г., когда в Вышгородском храме Бориса и Глеба, разрушенном татаро-монголами, погибли мощи Бориса и Глеба

⁵⁴ Там же, стр. 153 (примеч.).

⁵⁵ Там же, стр. 154—155. Текст сказания с комментариями Н. Эмина см. стр. 156—167.

и, следовательно, нельзя было уже говорить о чудесах, «совершаемых ими и поныне».

Спустя многие годы после Н. О. Эмина, к изучению армянского извода «Сказания о св. Борисе и Глебе» обратился В. Н. Бенешевич, пытаясь доказать, что армянский извод является переводом не с русского, а с греческого оригинала. Значение же армянского текста В. Н. Бенешевич видел в том, что он «впервые дает след существования греческого жития о св. Борисе и Глебе»⁵⁶.

Уже в наше время к вопросу об источнике армянского «Сказания о Давиде и Романе» вернулся Л. М. Меликсет-Бек, который поддержал гипотезу В. Н. Бенешевича. Он также пришел к выводу о том, что армянский пролог является обработкой греческой версии, а не переводом непосредственно русской редакции. При этом Л. М. Меликсет-Бек ссылается, в частности, на армянскую транскрипцию собственных имен в тексте пролога, где они даны в греческой форме⁵⁷.

К вопросу об источнике и путях проникновения русского «Сказания о св. Борисе и Глебе» в Армению обратилась недавно И. А. Атаджанян. Она поставила перед собой задачу ответить на следующие вопросы: время составления армянского перевода древнерусского сказания, установление его источника, выяснение характера перевода, мотивов выбора армянским автором именно этого, а не другого произведения, выяснение путей, по которым сказание о русских князьях проникло в армянские Четы-Минеи («Айсамвурк»—«В сей день»), армянскую житийную литературу.

И. А. Атаджанян, опираясь на Н. Эмина и привлекая новые печатные и рукописные источники, при помощи тщательного анализа, сопоставительного параллельного изучения как текста армянского перевода, так и установленного ею текста русского источника, показала слабость позиции В. Н. Бенешевича, вслед за ним и Л. М. Меликсет-Бека и пришла к следующим выводам:

а) армянский перевод русского Сказания «Патмутюн србоц Давти ев Романоси», т. е. «История св. Давида и Ро-

⁵⁶ В. Н. Бенешевич. Армянский пролог о св. Борисе и Глебе. «Известия Отд. русского яз. и словесности Имп. академии наук», т. XIV, кн. первая, СПб., 1909, стр. 213.

⁵⁷ См. Л. М. Меликсет-Бек. Указ. статья, стр. 127, 128.

мана» (в русском тексте, как и в армянском переводе Борис и Глеб названы по крещению Давид и Роман) составлен в 1249 году в Киликийской Армении; б) его источником явилось русское Сказание из Сборника Московского Успенского собора XII века; в) перевод далеко не точный. Если в описании чудес армянский автор придерживается подлинника, то в исторической части Сказания он чувствует себя более свободно, порою заменяя русский текст своим рассуждением; г) выбор армянским автором для перевода именно этого Сказания вызван, по всей вероятности, его идеей: призыв к национальному объединению⁵⁸.

Из новейших работ по изучению древнего периода русско-армянских литературных связей заслуживает внимания статья Н. Н. Розова, в которой, на основе текстологических изысканий, с использованием материалов из архива известного русского ученого-филолога академика Н. К. Никольского, ставится вопрос о возможном отражении творчества одного из первых русских писателей митрополита Илариона, жившего в середине XI века, в догматическом сочинении Нерсеса Шнорали (1102—1172) «Изложение веры»⁵⁹.

Установление этого факта было бы очень важным для характеристики раннего периода литературного общения между двумя народами. Однако остается много неясного. Исследование нужно продолжить. Автор статьи пользуется старым русским переводом сочинения католикоса Нерсеса⁶⁰, где могут быть неточности. Отмеченные Н. Н. Розовым, совпадения могут быть обусловлены общим сюжетом; они могут толкать и на мысль о возможном существовании единого греческого источника.

В XIV веке армяне появляются в древней столице волжских булгар.

В 1722 году Петр I обратил внимание на восточные надписи в девяти верстах от Казани, в девяти верстах от

⁵⁸ И. А. Атаджанян. Русское «Сказание о Борисе и Глебе» и армянские Четы-Мини. Ереван, «Айтастан», 1969, стр. 12—19.

⁵⁹ Н. Н. Розов. К изучению русско-армянских культурных связей древнейшего периода (Русский митрополит Иларион и католикос Нерсес). «Вестник Ереванского университета», 1970, № 2, стр. 197—203.

⁶⁰ «Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию». Перевод с армянского Александра Худобашева, СПб., 1847.

Волги. Среди них были найдены и армянские надписи⁶¹. Тогда же Петр I велел снять точные копии и «перевести их на русский язык». Армянских надписей было в то время обнаружено только три, позднейшими разысканиями их число увеличилось до пяти. Первоначально ими занялся Сен-Мартен. Позже они привлекли внимание академика М. И. Броссе, который расшифровал полностью две надписи, одна из которых не была еще известна⁶². Первая из них гласит (в переводе Броссе): «Здесь поконгся боголюбящий и милостивый господин Автин, сын господина Тенера. Вы, читающие (это), просите прощения грехов (его) год 784 арм.—1335». Вторая надпись была прочитана полностью за исключением первого слова пятой строки: «Гроб этот заключает честное тело Сары госпожи, (которая) перешла ко Христу. Вы, которые читаете (это), просите у бога прощения грехов ее... (непрочит. слово) госпожи Авак. Год 770—1321».

Броссе не ставил перед собою задачу объяснить, каким образом пятеро армян оказались на севере и «положили кости свои в городе татарском, в начале XIV века», но предполагает, что их не было в Болгарах в большом количестве и что эти гробницы лишь свидетельствуют о посещении города торговыми людьми из армян⁶³.

Новые ценные сведения, которые содержатся в исследованиях советских историков, позволяют несколько уточнить вопрос о составе населения городов и колоний Крыма и Поволжья. В конце XIII—начале XIV веков растут крупные центры Золотой Орды. Наблюдается большой приток населения. «В дальнейшем (т. е. после нашествия Чингис-хана в 1220—1221 гг.—К. Г.) мы видим в Сарае Бату и Сарае-Берке ремесленников,—пишут Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский,—которые могут считаться местными по своему происхождению или по своей воле сюда приехавшими из других городов, как

⁶¹ «Отечественные достопамятности, или изображение Русских исторических памятников и необыкновенных произведений природы, наук и художеств, находящихся в России». Изд. А. С. Шпряева, М., 1823, стр. 43, 44.

⁶² Подробнее об истории нахождения и расшифровки армянских надписей в Болгарах см. С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1899, стр. 249—253.

⁶³ М. И. Броссе. Об армянских надписях в Болгарах. «Известия Императорского археологического общества», т. II, вып. II, 1859, стр. 181—184.

среднеазиатских, так Кавказа, Крыма и даже Египта, что, конечно, не исключает нового притока пригнанных путем захвата в плен ремесленников из какого-нибудь завоеванного города»⁶⁴. В XV веке население городов Крыма и Поволжья, где жило и множество армян, как по национальному, так и по своему сословному составу представляло пеструю картину⁶⁵.

В таких крупных центрах Золотой Орды, как Кафа (Феодосия), Судак в Крыму, Болгары и Сарай-Берке в Поволжье, среди жителей армян, кроме купцов, несомненно были и ремесленники. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский указывают, что в некоторых городах, как, например, в Сарай-Берке, ремесленники по численности были самым значительным слоем населения⁶⁶.

Недалеко друг от друга в Волжских булгарах найдены пять надгробных камней. Можно ли их считать случайными могилами людей, умерших в пути, в чужом городе? Есть основания думать, что это часть кладбища. Содержание надписей ясно говорит о том, что обнаруженные гробницы принадлежат лишь знатым армянам. Надписи сохранили о них память. А кто может знать, сколько безвестных, простых людей из армянского поселения «положили кости» здесь же, недалеко от берегов Волги?

Это предположение подтверждается исследованием А. П. Смирнова, который, отмечая интернациональный характер города Болгары, пишет: «Нам известна армянская колония, возникшая здесь еще до эпохи монгольского завоевания. Центром ее являлась «Греческая палата», находившаяся на западе от городища и представляющая развалины христианской церкви. К этому же времени относится ряд армянских надгробий 784, 770 и 757 гг. армянского летосчисления (XIV век н. э.)»⁶⁷. А. П. Смирнов считает вероятным, что армяне появились в Поволжье во второй половине XI века, т. е. тогда же, когда большое число их выселилось в Восточную Европу и значительная часть обосновалась в Крыму.

⁶⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 152.

⁶⁵ Там же, стр. 416.

⁶⁶ Там же, стр. 151.

⁶⁷ А. П. Смирнов. Волжские булгары. «Труды Гос. истор. музея». Вып. XIX, М., 1951, стр. 59, 60.

«Наиболее ранним памятником,—пишет он,—свидетельствующим о пребывании армян в Болгарах, является могильная плита 1121 года, обнаруженная у Греческой палаты, за пределами городища»⁶⁸.

А. П. Смирнов устанавливает, что в Волжских булгарах наряду с армянами торговыми людьми были и армяне-ремесленники, мастера строители, каменотесы. Они принимали непосредственное участие в строительстве архитектурных памятников. «Нельзя согласиться с мнением тех, кто считал золотоордынские постройки делом рук одних приезжих мастеров,—пишет А. П. Смирнов.—В результате многолетних работ академика И. А. Орбели следует считать установленным что, техника резьбы по камню на средневековом Востоке возникла в горной, обильной камнем стране, в Армении. Повсюду от Конии до Самарканда и от Болгар до Богдада носителями лучших традиций резьбы по камню являлись армяне, а по изготовлению изразцов—персы. На постройке крупных зданий, по всей вероятности, работали артели смешанного состава из армянских и персидских мастеров. Указание И. А. Орбели на состав артелей кидает яркий луч на историю булгарских памятников, Нет сомнения в том, что мы имеем дело с заезжими иноземными мастерами—каменотесами, каменорезами и художниками—глазурищиками. Над кладкой зданий и над резбой по камню трудились, по всей вероятности, армянские каменщики, а над поливными украшениями персидские художники...»⁶⁹.

Таким образом, армяне, переселившись еще в XI веке в Крым и Поволжье и, обосновавшись в крупных центрах, несли туда и свою культуру. Армянские мастера-строители оставили значительный след в архитектурных памятниках приволжского края.

К числу древних армянских колоний на территории России относится и Астраханская. В Астрахани живут армяне с давних времен. Особенно усилился приток армян после 1554 года, когда город был завоеван русскими и присоединен к владениям Московского государства, став одним из важнейших пунктов сношений с Востоком. С Астраханской колонией связана и Армянская Крутец-гора в Симбирской губернии, о которой в русском географическом лексиконе сказано:

⁶⁸ Там же, стр. 143.

⁶⁹ Там же, стр. 143.

«Армянская Крутец-гора в Симбирской губернии с Соколье-го, называется так от армян, взбунтовавшихся некогда в Астрахани и засевших на сей горе. Бывшего у них тут укрепления еще и поныне видны остатки. Самый верх Крутца от севера почти до южно-восточной стороны обведен земляным валом с принадлежащим ему рвом, которого глубины, смотря по отлогости вала, будет сажени на полторы от восточной даже до южно-восточной стороны крутизною горы неприступной. В окружности всего укрепления на глазомер будет около 500 сажений⁷⁰. Трудно теперь установить, какими судьбами «взбунтовавшиеся некогда в Астрахани» армяне оказались в Симбирском крае. Кто бунтовал, о каком слое армянского населения идет речь, против кого они восстали и при каких обстоятельствах—все эти вопросы не лишены интереса. Пока возможно высказать лишь некоторые предположения.

Астрахань, как известно, в дни крестьянской войны, восстания Болотникова была центром борьбы. Во время «обыска», произведенного в Астрахани в 1616 году по делу о злоупотреблениях астраханского воеводы и приказных, когда было допрошено около полутора тысяч горожан, кроме дворян, подъячих, стрельцов были вызваны на допрос и торговые люди: купцы персы—19, купцы бухарцы—7 и астраханские купцы армяне—7⁷¹. Однако «взбунтовавшиеся армяне» не могли быть из числа купцов (их было в Астрахани немного), ни бежавшие в дни восстания Болотникова торговые люди, которые не могли вызвать никакого сочувствия со стороны восставших масс. Скорее всего речь идет об армянах—ремесленниках, трудовой прослойке. «Бунтовщики», очевидно, были теми армянами, которые восстали против гнета татарских ханов⁷².

Интересные сведения об армянах содержатся также в русской оригинальной исторической повести «О Царьграде, о

⁷⁰ «Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде», ч. I, М., 1801, стр. 206.

⁷¹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова (1606—1607), Л., Госполитиздат, 1951, стр. 230, 231.

⁷² Предположение это высказано А. Кариняном в рецензии (рукопись) на мою статью «Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII вв.» («Труды Отд. древнерусской лит-ры» Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), т. IX, Л., 1953, стр. 323—336).

создании его и взятии турками в 1453 году», древнейший текст которой приписывается очевидцу падения Константинополя, некоему Нестору-Искандеру.

Н. Г. Чернышевский в своей заметке «Повесть о Царьграде. Чтение И. Срезневского» («Современник», 1855, № 5) отмечал многочисленность списков повести, разночтения, которые содержатся в русском тексте по сравнению с «важнейшими из греческих и западных описаний этого события», указывая на то, что в русском списке сохранились подробности, которых нет в других списках, что повесть потерпела изменения от позднейших вставок, в то же время писал о том, что она «должна быть почитаема рассказом, вовсе не лишенным исторической достоверности»⁷³.

В «Повести о Царьграде...» сохранились сведения об участии армянских войск в защите города. В ней рассказывается о том, как «безбожный царь Амуратов сын», Магомет Второй, пошел войной против последнего византийского императора Константина и осадил Царьград. По мнению исследователей, историческая часть повести написана во второй половине XV века на основании дневников и рассказов современников. Позднейшие наслоения появились в результате переделки текста неизвестным книжником «в духе новой идеи, обставленной политическими легендами о Царьграде и апокрифическими представлениями о будущих судьбах его»⁷⁴. Интересующий нас отрывок относится к наиболее достоверной исторической части, в которой подробно описаны военные события: осада города турецкими войсками и героическая его защита «греками, фрягами и армянами».

Автор находился в турецких войсках, но был русским по происхождению, христианином и горячо сочувствовал защитникам города, что не могло не сказаться как на идейной концепции повести, так и в описаниях битвы за Царьград.

Силы турок во многом превосходили число защитников города. Не говоря об огромном неравенстве флота (у византийцев было до 15 кораблей, в то время как флот Магомета насчитывал до 420 кораблей и прочих судов), турки выста-

⁷³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, М., Гослитиздат, 1949, стр. 693.

⁷⁴ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Изд. АН СССР, 1934, стр. 512, 513.

вили 258 тысяч войск, гарнизон же осажденного города составлял не более 7000 человек⁷⁵. Армяне упоминаются как участники двух крупных, решающих сражений. В византийских войсках греков, итальянцев и армян объединяла, как можно предполагать, единая христианская идеология: «И яко слышаша люди зvon церковей божьих, абне укрепишася и охарабришася вси и бьяхуся с Туркы крепчае первого, глаголюще друг другу: днесь да умрем за веру христианскую»⁷⁶

По византийским источникам число наемных войск не превышало двух тысяч человек⁷⁷, состоящих из итальянцев и армян. В самой повести цифровые данные весьма приблизительны. Здесь, несомненно, сказалась тенденциозность автора: «Един бьяшесь с тысящею, а два с тьмою»⁷⁸. Фраза, которая была нужна не столько для показа численного превосходства противника, сколько воспевания героизма защитников города. Тем не менее, сведения, которые можно почерпнуть из батальных картин повести, отражают реальное количественное соотношение участвующих в боях войск. Приводим описание первого сражения, в котором, наряду с греческими войсками в защите города, участвуют итальянские и армянские части: «В 14-й же день Турки откликнувшие свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и кары бити, и прикативши пушки и пищали многие, начаша бити град, такоже стреляти и из ручных и из луков тмочисленных... Егда же Турки начааху—уже всих людни с стени збиша, абне вскрячавши все воинство, и нападоша на град вкупе со всех стран кличюще и вопиюще, овый со огни различными, овый с лествицами, овый с стенобитными хитростями и иными многы козиц на взятие града... Турки ж паки, услышавше зvon велий, пустиша сурныя и трубныя гласы и тумбан тмочисленных, и бысть сеча велиа и преужасна: от пушечного бо и пищального стуку и от зуку звоннаго

⁷⁵ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками. «Ученые записки второго отделения Имп. академии наук», кн. I, СПб., 1854, стр. 79, 88, 129, 136.

⁷⁶ «Памятники древней письменности и искусства. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века (По рукописи Троице-Сергиевской лавры начала XVI века, № 773). Сообщил архимандрит Леонид». СПб., 1886, стр. 13.

⁷⁷ М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками, стр. 88.

⁷⁸ «Повесть о Царьграде», стр. 7.

и от гласа вопли и кричания от обоих людей и от трескоты оружия: яко молния бо блистааху от обоих оружия, также и от плача и рыдания градцких людей и жен и детей, мяшесь небу и земли совокупитись и обоим колебаться, и не бе слышати друг друга что глаголет: совокупиша бо ся вопли и кричания и плач и рыдания людей и стук дельный и звон клаколный в един звук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огней и стреляния пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видети друг друга с кем ся бьет, и от зелейного духу многим умрети. И тако сечахуся и маяся на всех стенах, дондеже ночная тьма их раздели: Турки убо отыдоша в свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие люди падоша от труда яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам». На утро цезарь приказал собрать трупы и похоронить их. Число убитых преков в этом бою составило 1740, а «фляг и армян 700». Цезарь же пошел осматривать городские стены и видел полные рвы с трупами турок: «и пометиша всех убыенных до 18 тысяч», которых «повеле цесар пожещи»⁷⁹.

Вторая битва, в которой участвовали также итальянские и армянские подразделения, оказалась еще более ожесточенной. Это было в тридцатый день осады. Турки сделали еще одну яростную попытку приступом овладеть Царьградом. Защитники города, услыша «звон церковей божьих», с еще большей отвагой и храбростью дрались «нещадно» с турками. Трупы с обеих сторон падали, как снопы, кровь текла сильным потоком по городским стенам. С наступлением ночи турки отошли в свой стан. А городские люди падали от усталости и изнеможения. «И не бе тоя нощи слышати ничтоже, разве стонание и вопль сеченых людей, но и еще живи бяху». На утро цезарь повелел собрать трупы и похоронить, а раненым оказать помощь. Во время этой второй страшной битвы было много убитых: «И собраша мртывых Греков и Фряг и Армен и иных пришлых людей 5700». Но во много раз больше потерь понесла турецкая армия. Когда Зустуней (один из византийских полководцев) с вельможами пошел осматривать городские стены, то он насчитал «до 35000 убыенных» трупов «неверных»⁸⁰.

«Повесть о Царьграде» сохранила эти сведения об

⁷⁹ Там же, стр. 8—10.

⁸⁰ Там же, стр. 12—14.

«арменах», сражавшихся в войсках «православного царя Константина» против турок⁸¹.

В другом историческом памятнике рассказывается о поведении армян-купцов при осаде Казани русскими войсками. Как сообщает казанский летописец, «в городе сказалось большое количество иноземных купцов, в числе их и армян. Казанцы, надеясь на крепость своего города, на большие продовольственные запасы решили оказать упорное сопротивление, организовали оборону. 5000 иностранных купцов—«Бухар и Шамахен, и Турчан, и Армян»—казанцы не выпустили из осажденного города. Более того, казанцы решили использовать их в борьбе с русскими⁸².

«История о Казанском царстве», известная под названием «Казанского летописца», как памятник русской исторической литературы, пользовалась огромной популярностью. Она подвергалась неоднократным переработкам, а в XVII веке была включена в состав русских хронографов и сохранилась до наших дней в большом количестве списков⁸³. Нет достоверных сведений о личности автора, мировоззрение которого, несомненно, сказалось в описаниях и освещении событий. Одно лишь можно сказать определенно, что он не только сочувствовал, но и восхвалял деятельность Ивана Грозного. Как же казанский летописец описывает поведение армянских купцов, оказавшихся в осажденном городе? Он говорит о них с явным сочувствием, потому что они на стороне русских. Армяне отказались биться с русскими. Тогда казанцы привязали их железными цепями к пушкам, поставили сзади них татарских солдат с обнаженными мечами и под угрозой смерти заставили их стрелять по русским полкам. Но и тут татары не достигли успеха. Потому что, как говорит летописец, армяне «лестно и худо бияху и не улучаху, аки неумеючи, и ядра через все перепущаху или не допушаху, едва кого убиваху». Таким образом, привязанные цепями к пушкам армяне стреляли так, что ядра или не долетали или перелетали через русские войска. Этот эпизод свидетельствует о

⁸¹ См. также ПСРЛ, т. XII. Летописный сб., именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, СПб., 1901, стр. 84—86.

⁸² ПСРЛ, т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903, стр. 130.

⁸³ «История русской литературы». АН СССР. Институт литературы (Пушкинский дом), т. II, ч. I, М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 461.

горячем сочувствии армян к русским. О поведении армянских купцов узнал и русский царь, который, как говорит казанский летописец, «великий милость за се подаст им: живых всех испустив во отечествия их»⁸⁴.

Армянская колония в Москве существовала задолго до этих событий. В летописи Авраамки, где повествуется о Московском пожаре 1390 года, упоминается «посадка за городом некоего арменина». После взятия Казани, во время победоносного въезда Грозного в Москву, в числе инородцев вышли встречать его и армяне. По велению Ивана Грозного, многие из армян были поселены в Москве на постоянное жительство в той части столицы, которая носила тогда название «Белого города», где жили «обеленные» свободные люди из инородцев, пользовавшиеся особыми льготами.

Очевидно, не без влияния казанских событий верхний ярус одного из девяти приделов Покровского собора в Москве (церкви Василия Блаженного), воздвигнутого Грозным в честь взятия Казани, в XVI веке был посвящен «Григорию Арменскому». Возможно, что это было знаком внимания к армянам, доказавшим свое сочувственное отношение к русским во время последней осады Казани⁸⁵. В Московской летописи говорится: «Месяца октября в 1 день (1560 г.), священи церкви придели в Новом городе у Фроловского мосту, которые ставлены на возвешение чудес божних о Казанском взятъе, в которые дни божия помочь и победа была православному царю над бусурманами: храм Живоначальные Троицы. Вход во Иерусалим. Николе Великорецким, Киприян и Устинья, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Григорей еписком великия Армении»⁸⁶. В официальном документе второй половины XVI века гово-

⁸⁴ ПСРЛ, т. XIX, стр. 130.

⁸⁵ См. Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». «Труды Отдела древнерусской литературы Института Русск. лит. АН СССР», т. IX, Л., 1953, стр. 283.

⁸⁶ «Летописец Русский (Московская летопись) по рукописи, принадлежащей А. Н. Лебеву. Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских», кн. 3, М., 1895, стр. 31, 127. Подробнее о постройке церкви Василия Блаженного в Москве см. А. П. Новицкий. История русского искусства, т. I, М., 1899, стр. 222, 223; В. В. Суслов. Церковь Василия Блаженного в Москве, СПб., 1912, стр. 5—8.

рится о гостинном «Арменском дворе»⁸⁷: Армянский посад сгорел в 1570 году вместе с большей частью Москвы во время нашествия крымского хана Дивлет Гирея. «Но армянская колония в русской столице стала прочною и постоянною»⁸⁸.

II. РУССКО-АРМЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVII В.
АРМЯНСКИЕ КУПЦЫ В РОЛИ КУЛЬТУРНЫХ ПОСРЕДНИКОВ.
АРМЯНЕ В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
«ЦАРСКОГО ЖИВОПИСЦА И ИКОНОПИСЦА»
БОГДАНА САЛТАНОВА В МОСКОВСКОЙ
ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

После приобретения Россией таких важных узловых пунктов, как Казань и Астрахань, создались более благоприятные условия для развития торговли с восточными странами. С. М. Соловьев указывает на растущие доходы, получаемые московским царем от таможенных пошлин в Астрахани¹. Во второй половине XVII века русские цари всячески поощряли деятельность армянских купцов, роль которых далеко не ограничивалась торговыми операциями. Они выполняли определенные культурные задачи.

В начале XVII века, при Михаиле Федоровиче, были отправлены царские посланцы ювелир Иван Мартын и англичанин купец Гловерти с «просительными грамотами» к разным государствам, в разные страны, «дабы не воспрещено было вызываемым всякого рода иностранным художникам приезжать в Россию». При Алексее Михайловиче, вступившем на престол в 1645 году, из Персии чаще стали приезжать «промышленные армяне», которые доставляли русскому царю «великолепнейшие украшения, за что многие из них получали жалованные грамоты, позволяющие приезжать в Москву и в другие города с узорочными товарами, и беспошлинно продавать оные»².

⁸⁷ «Акты исторические...», т. 2, СПб., 1841, стр. 19.

⁸⁸ А. Д. Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточною Русью..., «Кавказский вестник», 1901, № 12, стр. 50.

¹ С. М. Соловьев. История России..., кн. II, т. VII, СПб., 1893, стр. 390, 391.

² А. Е. Малиновский. Историческое описание древнего российского музея, под названием мастерской и оружейной палаты, в Москве обретающегося, ч. I. М., 1807, стр. XXX—XXXI.

Во многих официальных русских документах XVII века, в числе торговых людей из персов, греков, бухарцев, тезиков (среднеазиатских купцов), грузин, находим и армян. В этих бумагах часто упоминаются имена крупных армянских купцов: Григория Лусикова, Степана Ромодамского (представителей армянской торговой компании в Персии)³, Сафара Васильева, Парсея Васильева, Аваджана Каспарова, Богдана Мосесова, Давыда Иванисова, Вартана Семенова, Аваниско Назарова, Алексея Григорьева и многих других⁴. В 1660 году из Персии приехавший в Москву армянский Купец Захар Саратов преподнес русскому царю богатые подарки: «Престол, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугом, восточною бирюзой и турецкой финифтью, оцененный в 22589 рублей; перстень золотой с алмазами; жаровню серебрянную для сжигания ароматов; 15 сулей ширакского шарапу, что шах пьет; 4 сулейки водки гулфяной, 3 сулейки водки ароматной; стекляницу водки нарвезтавой; 12 золотников аромату восточного»⁵.

Сарадов не только был лично принят царем (12-го апреля 1660 года он был допущен «на аудиенцию к государю»)⁶, но им особенно заинтересовался и Посольский Приказ, ведавший внешними сношениями Московского государства с другими странами. Там Сарадова подробно расспрашивали о возможности приобретения для царя драгоценных камней, разных украшений, «птиц индийских», на что армянский купец отвечал: «Можно заказать богатый черпак—можно сделать в 50000; можно из Индии привезти птиц, которые говорят по-индийски, а зверей привезти нельзя, потому что ехать надобно через два моря». В Посольском Приказе интересовались не только драгоценностями, но там спрашивали у Сарадова и о другом, о возможности приглашения в Россию золотописцев и алмазников-резцов. Сарадов отвечал, что таких людей много в «Шаховой области» и выразил свою полную готовность «призывать их в Московское государство»⁷.

³ О Гр. Лусикове и его спорах во время приезда в Москву с Артамоном Сергеевичем Матвеевым в 1672 году см. С. М. Соловьев. История России... т. XII, кн. III, стр. 561, 565—568.

⁴ «Акты исторические...», т. V, стр. 420, 421; «Дополнения к актам историческим...», т. X, стр. 95, 190.

⁵ С. М. Соловьев. История России..., т. XII, кн. III, стр. 560.

⁶ А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 120, 123.

⁷ С. М. Соловьев. История России..., т. XII, кн. III, стр. 561.

Армянские купцы часто выполняли роль культурных посредников, через которых приглашались в Россию не только разные мастеровые люди, но и «золотописцы», чеканных дел мастера. В эту категорию, несомненно, входили и живописцы, способные выполнять самые разнообразные художественные работы. Историк Оружейной палаты А. Малиновский пишет о том, что в Посольском Приказе особенно интересовались, может ли Сарадов «вызвать в Россию золотописцев, серебряных и золотых дел мастеров, гравильщиков и всяких художников»⁸. Такие люди, как Сарадов, в начальных стадиях установления культурных связей с Россией, сыграли видную роль.

В жизни Московского государства было еще одно важное звено, посредством которого происходил большой и сложный процесс обмена культурными ценностями. Мы имеем в виду Посольский Приказ. В древней Руси первоначально всеми вопросами, касавшимися внешних сношений, занималась Боярская дума, выполнявшая функции государственного совета. В первой половине XVI века, в силу растущих и развивающихся связей Московского государства с другими странами, постепенно выделился особый орган, впоследствии известный под названием Посольского Приказа, во главе которого стоял думный дьяк. В его составе находились дьяки (не думные, а обыкновенные), подъячие, толмачи-переводчики, золотописцы⁹. Среди сотрудников Посольского Приказа, в административном аппарате Московского государства, были люди различных национальностей, в числе их и армяне. В Петровскую эпоху в протоколах Верховного тайного совета упоминаются «вотчинной коллегии вице-президент» в Астрахани Федосий Мануков¹⁰, толмач Павел Ормянин¹¹, Карапет Ширванов, который выполнял в Персии специальные задания¹².

Несколько загадочной и неясной представляется нам фигура воеводы и стольника XVII века Василия Александровича Даудова. Сведения о его национальной принадлежно-

⁸ А. Ф. Малиновский. Указ. соч., стр. 123.

⁹ См. подробнее: С. А. Белокуров. О Посольском Приказе. М., 1906.

¹⁰ «Сборники Русского исторического общества», т. 63, СПб., 1888, стр. 93, 250, 305, 626, 669—670.

¹¹ Там же, т. 101, стр. 46.

¹² Там же, т. 69.

сти разноречивы. В. В. Бартольд называет его персиянином¹³, автор статьи в Русском биографическом словаре В. Власов говорит о том, что Даудов «по происхождению, вероятно, армянин»¹⁴, а биограф Н. Селифонтов, автор специального исследования о служебной деятельности и домашней жизни Даудова, причислил его безоговорочно к армянской нации¹⁵. Установление национальности официальных лиц по русским документам XVII века не легкая задача. Не говоря уж о том, что многие армянские имена и фамилии в этих документах принимают русские окончания, весьма часто они приобретают столь искаженные формы, что с большим трудом можно догадаться об их первоначальных армянских корнях. Арапет (Карает или Айрапет) Матвеев (Матевосян), Несорюкс (Нерсес?) Арютов (Арутюнян), Яков (Акоп) Магдасиев (Магдесян), Григорий Асипуров (Асатурян), Аннуш Варганов, Якуб Бугосов (Акоп Погосян), Аракел Петров, Хачик Михайлов, Аветик Мурдирсов (Мартirosян)¹⁶ и т. д. В официальных бумагах армянские торговые люди нередко именуется и так: Матвей Григорьев, Сергей Сергеев, Степан Иванов¹⁷. По всей вероятности, русские писари, чтоб не ломать голову над тем, как написать непривычные имена и фамилии армян, заменяли их русскими формами. Иногда и сами купцы выбирали более удобные для русского произношения формы.

Вернемся к Даудову. Распространенное армянское имя Давид легко могло принять форму Дауд. Однако это имя в таком же произношении встречается у татар и персов. В русском документе 1765 года упоминается Дауд—переводчик крымского хана¹⁸. Даудов именует себя «Алимарцан Бабаев сын Даудов», но нигде он не говорит о своей национальности. Источниками биографии Даудова могут послужить обширные

¹³ В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 180, 181.

¹⁴ «Русский биографический словарь», СПб., 1905, стр. 115—117.

¹⁵ «Летопись занятий Археограф. комиссии за четыре года». Вып. пятый, СПб., 1871, стр. 1.

¹⁶ «Собр. актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. I, М., 1833, стр. 327—350. (В дальнейшем: «Собр. актов»).

¹⁷ Там же, стр. 336—346.

¹⁸ «Сборники Русского исторического общества», т. 57, СПб., 1887, стр. 481.

челобитные последнего периода его жизни, в которых, перечисляя свои заслуги, он часто возвращается к прошлому. Из этих документов можно предположить, что Даудов родился около 1620 года, был родом из Персии, из города Исфагана, «служил у шаха по передней в стряпчих». При посредстве боярина, князя И. И. Лобанова-Ростовского, во время его посольской поездки в Персию, Даудов в 1664 году приезжает в Россию, поступает на службу в Посольский Приказ, очевидно, толмачем. Позже он неоднократно появляется то в качестве переводчика, то в числе посланников русского царя в Константинополе, в Бухаре, Хиве. Был он некоторое время воеводой в Яренске (в Вологодск. губ.), Чаронде, Скопине-Рязанске¹⁹.

Биография Даудова, богатая и красочная внешними фактами, могла бы служить благодарным материалом для приключенческого романа. При третьей поездке Даудова в Константинополь для выполнения сложной дипломатической задачи он чуть было не поплатился жизнью. Даудов был послан к турецкому султану с царскими грамотами²⁰. По дороге он должен был доставить грамоту атаману донских казаков Корнею Яковлевичу, в которой предписывалось «со всем войском и пушками» начать штурм Каланчинских башен. Казаки поспешили приступить к военным действиям раньше назначенного времени, когда Даудов еще был в Азове. В результате Даудов был арестован турецкими властями по обвинению в подстрекательстве казаков к нападению и был приговорен к смертной казни. Исполнение приговора было, однако, отложено, благодаря заступничеству азовского писаря Асман-Афенди. Между тем донские казаки успели разрушить одну башню и приступили к другой. Тогда жители Азова потребовали у воеводы, чтобы он повесил Даудова на той самой башне, которую осаждали казаки. Азовский воевода согласился исполнить требование жителей только по прошествии двух дней. Счастливый случай спас Даудова. Ночью поднялся ветер со стороны моря и вода затопила лагерь

¹⁹ См. А. Барсуков. Списки городских воевод XVII столетия, СПб., 1902, стр. 469; «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1852, стр. 1364.

²⁰ О поездках Даудова в декабре 1678 года и в 1692 году в Константинополь и о содержании его дипломатических переговоров с турецким султаном Магаметом IV см. С. М. Соловьев. История России..., т. XII, стр. 403—404; т. XIII, стр. 849.

казаков. Они принуждены были отступить. Даудова в сопровождении пристава отпустили в Константинополь. Азовский воевода, однако, письменно жаловался визирю на Даудова, как на главного виновника нападения казаков. Жалоба не могла, конечно, остаться без последствий. По прибытии Даудова в Константинополь султан отдал приказание визирю принять от Даудова грамоты, но на третий день отрезать ему уши и нос. Заступничество «турецкого патриарха» Муфты-Феузлы-Афенди и самого визиря еще раз спасли царского посланца и Даудов был отпущен в Москву невредимым²¹.

Рассказ этот, заимствованный Селифонтовым целиком из челобитной Даудова, напоминает несколько восточную сказку. Не следует так наивно доверять и принимать за очевидную правду историю третьего посещения Даудовым Константинополя, столь красочно и не без фантазии изложенной самим Даудовым в челобитной с просьбой об отставке, где он подробно говорил о своих заслугах перед русским царем в самом выгодном свете.

Даудова Селифонтов считает армянином по его прежнему имени и по именам его братьев. Настоящее имя Даудова—Алимарцан. Братьев его звали Большой Халап и Милькуша (в других случаях Мелкум) или Ильюмки. Ни фамилия Бабаев, ни эти имена ничего определенного не говорят о национальной принадлежности Даудова. Хотя и возникают некоторые сомнения—не написана ли биография Даудова самим Даудовым, во всяком случае она составлена человеком, близко знакомым с жизненным путем Даудова. Возможно даже, что автором ее был один из его сыновей. В этой записке рассказывается эпизод, как с подарками шаха Алимарцан Бабаев посетил русских послов: «Один человек персиденин стряпчий, именем Алимарцан, был Бабаев, сын Даудов, взглянул на святой образ и спросил у толмача у Ивана Иванова, сына Ширмова, что за парсуны стоят на полке; и он, толмач, сказал про святой образ и про благочестивую христи-

²¹ Н. Селифонтов. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. «Летопись занятий Археологической комиссии за четыре года». Вып. пятый, стр. 1—41; Приложения, стр. 1—175. К очерку приложены документы в количестве 103 номеров. Большею частью, за редкими исключениями, они относятся к частной жизни Даудова. В них очень мало говорится о его дипломатической деятельности.

анскую веру. И ему, персиденну, вельми полюбилась христианская вера». Затем, там же говорится о крещении Бабаева в Чудовском монастыре²². Сам Даудов в своей челобитной, рассказывая о себе, пишет, что он возлюбил «благочестивую православную христианскую веру» и приехал в Россию служить «великому государю, в холопстве вечно»²³. У Даудова можно было бы предположить, что речь идет о переходе из армяно-григорианского вероисповедания в русскую православную веру. Но приведенные выше отрывки из автобиографии целиком опровергают подобные предположения. Невозможно допустить, чтоб армянин не знал о существовании русских икон и чтоб они произвели на него такое впечатление. Он не стал бы спрашивать у толмача, что за «парсуны», указывая на «святой образ».

Скорее всего Даудов был персиянином. Независимо от национальной принадлежности, Даудов в Посольском Приказе был лицом, выполнявшим роль посредника. Во второй половине XVII столетия через него приглашали из Персии нужных русскому государству людей. В частности, при его помощи приезжали в Россию из Испагани и Джульфы разные армянские мастеровые люди, в числе их живописцы.

Во второй половине XVII столетия крепили и развивались культурные связи армян с Россией. В «Исторической записке о первоначальных и последующих сношениях армянского народа с Российским государством» говорится: «Из сношений 1671 года видно, что в Москве был тогда весьма искусный живописец Пеакуцира, и находились другие художники из армянской нации»²⁴. Упоминает об этом и С. Н. Глинка в «Обзрении истории армянского народа», ссылаясь также на «Сношения» 1671 года: «В Москве между прочими армянскими художниками находился и искусный живописец Пеакуцира»²⁵. Что за странное имя? Не опечатка ли? Возможно, что имя это было неправильно прочитано при расшифровке рукописного документа. О каком «искусном живописце» идет речь,

²² Автобиография В. А. Даудова. «Русский архив», 1889, № 5, стр. 6.

²³ «Летопись занятий Археографической комиссии. За четыре года». Вып. пятый, стр. 88.

²⁴ «Собр. актов», ч. II, стр. 288.

²⁵ *Сергей Глинка*. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области армянской в Российской империи. ч. II, М., 1833, стр. 238.

имя которого приняло столь искаженную форму? Во всяком случае, ясно одно: во второй половине XVII столетия в Москве работали армянские художники, о которых до нас дошли весьма скудные сведения, не позволяющие делать какие-либо выводы.

Но мы можем определенно говорить о значении деятельности художника-армянина Богдана Салтанова, царского живописца XVII века, имя которого стало известно узкому кругу специалистов в начале XX века благодаря исследованиям А. И. Успенского.

Богдан (Иван Иевливич) Салтанов, художник «иноземец арменской веры», прибывший в Россию из «Шаховой области», т. е. Персии, работал в Московской оружейной палате в качестве живописца и иконописца в течение тридцати лет. При чтении специальных работ бросается в глаза, что некоторые исследователи древнерусской живописи стремились или упоминать только между строк имя «иноземца»-художника, или вовсе умалчивать о многолетней деятельности Салтанова в Оружейной палате.

В книге Д. А. Ровинского²⁶, принадлежавшей к числу первых обзорных работ по истории русского иконописания, почти не говорится о Салтанове; его нет даже в «Исчислении русских иконописцев всех школ». А между тем ко времени написания очерка Ровинского и в печати были известны «Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным»²⁷, в которых не только неоднократно упоминается имя Салтанова, но имеется достаточно материала для составления предварительной биографической справки о художнике. Когда Ровинский писал свой обзор, был уже опубликован и другой важный источник по истории живописи и иконописи, где имя Салтанова упоминается во многих документах²⁸. Некоторым оправданием могло служить для автора обзор русского иконописания XVII века то, что Салтанов не был иконописцем в строгом смысле слова, что

²⁶ Д. А. Ровинский. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Изд. А. С. Суворина, М., 1903.

²⁷ «Временник Императорского московского общества истории и древностей российских». Кн. VII, М., 1850, стр. 15—128.

²⁸ «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725. Составил заведующий архивом Оружейной палаты А. Виктор. Вып. II, М., 1833. (О Салтанове см. стр. 441, 443—447, 453, 455).

поле его деятельности, как царского живописца, было значительно шире. Но, тем не менее, нельзя было умолчать о нем в общем обзоре русского иконописания XVII века²⁹.

Предшественники Ровинского, при самом различном отношении к личности художника и к его творчеству, считали своим долгом уделить ему определенное место в истории русской живописи и русского иконописания; все они говорят о Салтанове как об одном из крупнейших живописцев-иконописцев XVII века.

Известный исследователь русской старины Ив. Забелин уделил не одну страницу описаниям работ Салтанова, которого он называл одним из «первых живописцев царского двора»³⁰. В книге Г. Филимонова о Симоне Ушакове упоминается «известный живописец армянин Богдан Салтанов», который «своим искусством и деятельностью далеко превзошел всех своих предшественников»³¹. Другой исследователь истории русского иконописания В. И. Успенский пишет: «В XVII веке на поприще русского иконописания трудятся: из Афин греканин Апостол Юрьев, из Армении Богдан Салтынов, из Австрии Данило Вухтер и Иван Детерс, из Швеции Дерсон, из Польши Станислав Лопуцкий»³². Один из позднейших историков искусства Московской Руси А. Новицкий так определяет место Салтанова в истории русской живописи: «Салтанов среди живописцев занимал такое же положение, как Симон Ушаков среди иконописцев»³³.

Несмотря на то, что многие исследователи говорили о Салтанове, о его многолетней деятельности в России, но никто специально не занимался художником-«иноземцем». Салтанова, по сути открыл А. И. Успенский. Ему принадлежит и заслуга составления первой биографической справ-

²⁹ Только в главе о технике иконописания XVI—XVII веков Ровинский приводит факт изготовления олифы Салтановым. Об этом подробно см. ниже.

³⁰ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., ч. I, М., 1862, стр. 131—164.

³¹ Г. Филимонов. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. М., 1873, стр. 31. См. также стр. 48, 49.

³² В. И. Успенский. Очерки по истории иконописания, СПб., 1899, стр. 76—78.

³³ А. Новицкий. Парсуное письмо в Московской Руси. «Старые годы», 1909, июль—сентябрь, стр. 390.

ки о художнике. В 1907 г. он выступил в печати со специальной статьей, посвященной Салтанову³⁴. Впоследствии он же издал четыре объемистых тома «Царские иконописцы и живописцы XVII века» (1910—1916) с публикацией материалов из Московского архива министерства императорского двора. Второй том этого труда составил «Словарь царских иконописцев и живописцев XVII века», в котором после центральных фигур в русской иконописи XVII века Симона Ушакова и Василия Познанского более всего внимание уделено Салтанову. В «Словаре» ему посвящено более десяти страниц с воспроизведением сохранившихся образцов его иконописи³⁵.

Не всегда легко установить национальную принадлежность того или другого иностранца-живописца, работавшего в Московской оружейной палате. Вот что говорит по этому поводу А. И. Успенский: «Многие из иностранцев принимали русское подданство и православную веру и теряли свои прежние имена и фамилии, по которым можно было бы определить их национальность. Поэтому те мастера—«иноземцы», которые называются в официальных документах Василиями Ивановыми, Иванами Кирилловыми, Иванами Николаевыми и др., являются для нас личностями загадочными, без сведений об иностранных фамилиях»³⁶. В самом деле, кто мог бы подумать, что Марк Астафьев и Савва Яковлев (ученики Салтанова) были арабами. А что говорят, например, такие фамилии, встречающиеся среди живописцев и иконописцев XVII века: Чекулай, Борис Чечотка, Ондрей Тарара, Стефан Козел, Тимофей Чорт, который в других случаях упоминается как Чертенок, или Чертенков. Эти фамилии-прозвища, упоминаемые в официальных документах, дают весьма мало для определения их национального происхождения.

Национальная же принадлежность Салтанова не вызывает никаких сомнений. Во многих документах точно и опре-

³⁴ Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов. (Из открытий в области истории русской живописи XVII века). Очерк приват-доцента А. И. Успенского. «Старые годы», 1907, март, стр. 75—86 (с воспроизведением шести работ Салтанова в тексте статьи).

³⁵ «Записки Московского археологического института, издаваемые под редакцией А. И. Успенского», т. II; А. И. Успенский. Царские живописцы и иконописцы XVII века. Словарь, М., 1910, стр. 235—245.

³⁶ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. I, М., 1913, стр. 24.

деленно говорится, что он был армянином из Персии, армяно-григорианского вероисповедания. На официальных бумагах Салтанов расписывался на армянском языке³⁷.

История дает нам немало примеров, когда весьма сложно и своеобразно складывается жизнь художника. Достоверно неизвестно, когда и где родился Салтанов. Можно только предположительно считать, что он родился в 20—30-х годах XVII века в городе Исфагани. Нетрудно догадаться, какие причины побудили его, как пишет он в одном из документов, покинуть «в своей стороне отца своего и мать и весь род», скитаться по свету, наконец приехать в Россию и во дворце русского царя искать счастливой доли. Нужно только вспомнить, как изнывал в XVII веке армянский народ под игом султанской Турции и шаховой Персии. Нет сведений о жизни и деятельности до его приезда в Россию. Одно только можно с полной уверенностью сказать, что он приехал в Москву, будучи уже опытным мастером-живописцем. У Забелина мы находим следующие строки: «Дворцовые иконописцы и живописцы, под главным смотрением иконописца Симона Ушакова и живописца, нарочно вызванного из Шаховы области (Персии.—К. Г.), армянина Богдана Салтанова начали писать в хоромы стенное и подвoločное письмо»³⁸. Речь идет о живописных работах в Коломенском дворце, которые были начаты в июне 1669 года и продолжались более двух лет.

Салтанов был грамотным человеком, владел свободно армянским письмом, что дает основание думать, что он учился в каком-либо армянском монастыре, которые в ту эпоху представляли своеобразные очаги культуры и просвещения. Салтанов приехал из города Исфагана, где славились школа армянских миниатюристов-живописцев. Образцы работ армянских мастеров, работавших в Исфагане в XVII веке, сохранились, и три из них, относящиеся к 1649 году, воспроизведены в исследовании А. Н. Свирина³⁹. Вполне можно предполагать, что Салтанов принадлежал к этой плеяде

³⁷ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV, М., 1916, стр. 494, 502, 507 (см. документы № 564, 583, 593).

³⁸ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв., ч. I, М., 1862, стр. 353.

³⁹ См. А. Н. Свирин. Миниатюра древней Армении, М.—Л., «Искусство», 1939, стр. 123, 124, 127, 128, 130.

армянских живописцев. К сожалению, из его миниатюр до сих пор ничего не обнаружено, чтобы можно было бы говорить более определенно о происхождении стиля его работ этого типа. Однако известно, что Салтанов был не только живописцем-иконописцем, но и владел искусством книжных украшений. Вот что рассказывается об этом в одном из документов:

«В прошлом во 181 году (т. е. 1673 году), по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великие и Малые и Белые России самодержца, писал оружейной палаты иконописец Богдан Салтанов на полотне своем, и своим серебром и красками 12 пророчиц сивилл и те сивиллы поднес великому государю околицей Артемон Сергеевич Матвеев. Да в нынешнем в 182 году (т. е. в 1674 году), по указу ж великого государя, писал он же живописец Богдан Салтанов в книгу «Василиологион» персоны ассирийских, перских, греческих, римских царей и великороссийских великих князей, и великих государей царей⁴⁰, всего 26 мест на своем полотне и своим золотом, и серебром, и красками; и за полотно, на чем 12 сивилл и 26 государских персон писал, и за золото, и за серебро, и за краски денег ему Богдану не заплачено, и за работу живописного писма ничего не дано»⁴¹.

«Книга о сивиллах»⁴² и «Василиологион» принадлежат перу переводчика Посольского Приказа Николая Гавриловича Спафария.

«Василиологион» был преподнесен царю Алексею Михайловичу 5-го сентября 1674 года. Оригинал написан «на александрийской большой бумаге, в десть, книжным письмом, в лицах; лица писаны на полотне из масла, подложены тафтою, перед персоны вклеиваны тафты-ж; переплетено по

⁴⁰ Точное название: «Василиологион или сочисление царей ассирийских перских, европейских, греческих, римских и благочестиво-греческих и великих князей и государей царей российских, которые во всем свете были и ныне есть в бранех доблестнейшие и мужественнейшие».

⁴¹ «Дополнения к Актам историческим...», т. VI, СПб., 1857, стр. 197.

⁴² «Книга о сивиллах» упоминается у Ф. И. Буслаева: «Эта книга, кажется, была только приготовлена к печати, и именно книга о сивиллах, как это явствует из великолепной рукописи того же самого 7181 (т. е. 1672 г.) года, с изображениями сивилл, которые писаны масляными красками, очевидно, с западных образцов живописи XVII в.» (Ф. Буслаев. Древнерусская народная литература и искусство, СПб., 1861, стр. 364).

образу в золоте, обложена бархатом червчатым, застежки и наугольнички и средники серебряные, золочены, резные. «Лиц этих, или «персон» других царей и русских государей в оригинале 1674 года было 26, как видно из докладной выписки Посольского Приказа, по поводу челобития рисовавшего их мастера Салтанова»⁴³.

Салтанов приехал в Россию при посредстве переводчика Посольского приказа упомянутого выше В. А. Даудова. Даудов и Салтанов оба были уроженцами Исфагани и вполне возможно, что они были знакомы друг с другом до приезда в Москву.

Сохранился документ о поступлении Салтанова на службу в Оружейную палату, в котором говорится:

«175 г. июня в 15 день великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал быть вновь в Оружейной палате иноземцу армянские веры в живописных Богдану Салтанову, который по указу его великого государя прислал в Оружейную палату и Посольского Приказу в нынешнем во 175-м году июня в 8 день Посольского приказу переводчиком Васильем Доудовым, и выучить ему своему мастерству из русских людей учеников впредь для его государевых живописных дел, а для его иноземства великий государь указал ему дать своего государева жалованья в приказ с дворцов питься и корму с сытного десять ведер вина дворянского, ведро вина двойного, пятнадцать ведер пива, десять ведер меду, романей, ренского вина, церковного по полуведру, с кормового белудку, осетрика, до свежих рыб шесть посолоив, хлебного осмину муки пшенично...»⁴⁴. В те времена в московском дворе нужда в искусных живописцах была большая и царь дорожил приезжими иностранными мастерами. Вот почему и Салтанова приняли так хорошо. Он не был единственным иностранным мастером в Оружейной палате. Тогда, в особенности

⁴³ И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария, «Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине», Нежин, 1899, стр. 54. В статье указаны сохранившиеся списки «Василлиологиона». Автор ее пишет, что он пользовался экземпляром Моск. архива министерства иностр. дел и предполагает, что это оригинал 1674 года, но портреты оказались вырванными.

⁴⁴ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. III, М., 1914, стр. 385, 386.

во второй половине XVII века, при царе Алексее Михайловиче, который был большим любителем и покровителем искусства, приезжали живописцы в Россию не только с Запада, но и с Востока. Уже в 1662 году в Оружейной палате состояли на царской службе 60 иностранцев. Среди них: немцы, значительное количество поляков, два грека, араб Савка Яковлев, перс (кызил-баш «Шаховой области») шелкового дела мастер Мамодадей Акитов. В 1667 году присоединился к ним и армянин «из Шаховой области», т. е. из Персии, Богдан Салтанов. Таким образом, Салтанов с 15-го июня 1667 года стал «постоянным жалованным и кормовым иконописцем-живописцем для государевых дел».

Царские иконописцы и живописцы находились в ведении Оружейного приказа, во главе которого стоял оружничий. Оружейный приказ не только хранил царское оружие, но и ведал заготовкой стягов и знамен для рядовых воинов, красивого и богатого оружия. На основе Оружейного приказа возникает и Оружейная палата, в отдельном доме около дворца. Она представляла собой огромную мастерскую, где было сосредоточено не только оружейное дело, но и работы по живописи и иконописи, писание знамен, украшение книг, грамот, чеканное дело. Здесь же помещались мастерские: кузнечная, плотничная, швейная и т. д.

В годы работы Салтанова во главе Оружейной палаты стоял боярин Богдан Матвеевич Хитрово, через которого иконописцы общались с русским царем. «Оружничий» был близким царю человеком. «В примитивных дворах великокняжеских,—пишет В. Трутовский,— с XI века существовал «меченоша». Великий князь Московский Василий Иоаннович в 1511 году учредил высокую и ответственную, ближайшую к лику цареву, должность—оружейничего»⁴⁵.

Постоянные иконописцы и живописцы для «государевых дел» получали жалованье хлебом и деньгами. Обычно иконописцу в среднем платили, кроме кормовых, от трех до десяти рублей в год. Более крупные оклады имели уже искусные мастера. В частности, Иван Безмин получал в 1677 году 65 рублей, а Симон Ушаков—самый высокий оклад из русских иконописцев—67 рублей в год.

⁴⁵ В. Трутовский. Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и московская Оружейная палата. «Старые годы», 1909, июль—сентябрь, стр. 345—383.

Иностранцам платили значительно более повышенные оклады, почти в двойном размере. При поступлении в Оружейную палату Салтанову было определено жалованье 120 рублей в год, т. е. столько, сколько получал тогда немец Энгелес, а в 1679 году оклад Салтанова был повышен до 156 рублей в год, т. е. столько, сколько получал другой искусный иностранный мастер Даниил Вухтер⁴⁶.

Несмотря на хорошее вознаграждение, Салтанов жил в нужде и ему часто приходилось обращаться к царю с просьбой выдать дополнительные средства для существования. «Челобитные» Салтанова дали повод исследователю обрисовать облик художника в неверном свете. Успенский говорит о том, что Салтанов был «плутоват и хитер», что он «был талантливым художником», но вместе с тем «изобретательным человеком, не упускавшим никакого случая к наживе. При изворотливости своего характера и умении присматриваться к окружающей его обстановке и обстоятельствам он не погиб, как пропадали многие из придворных, и не был вышвырнут из дворца, и оставался здесь до самой смерти, и всю свою жизнь умел просить и получать...». Чем же заслужил Салтанов такую суровую оценку? «Художник наш,—продолжает Успенский,—прожив несколько лет в Москве, увидел, что принятие православия для инородцев может для них служить очень выгодною статьею, особенно если они живут при дворе,—вот в 1674 году он решается сделаться православным»⁴⁷.

Успенский не совсем точен: он сам же установил, что Салтанов был «армянской веры»—армяно-григорианского вероисповедания. Следовательно, он не был иноверцем. Он был христианином, который перешел из армяно-григорианского вероисповедания в веру русской православной церкви. А для неосведомленного читателя может создаться впечатление, что Салтанов перешел из какой-то другой веры в христианскую.

«Не позднее, как осенью того же года,—пишет Успенский,—армянин, указав на принятие им православия, просит царя пожаловать его потомственным дворянством...»⁴⁸. Обра-

⁴⁶ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV, стр. 15.

⁴⁷ «Старые годы», 1907, март, стр. 77.

⁴⁸ Там же.

тимся к фактам биографии Салтанова. Он был первоклассным художником по оценке самого же Успенского и других исследователей, Салтанов (ниже увидим подробно) выполнял самые ответственные работы для русского двора. Из царских иконописцев-живописцев XVII века он не был единственным, которого удостоили дворянского звания. Современники Салтанова, Симон Ушаков и Иван Безмин, тоже из простых людей были возведены в дворянское достоинство. Судя по документам, искусство Салтанова расценивалось тогда не ниже работ вышеуказанных мастеров.

Перейдем теперь к просьбам Салтанова увеличить жалование или выдать единовременные пособия. При более беспристрастном отношении в этом нельзя видеть ничего из ряда вон выходящего. Просили все. Просил и Салтанов, который имел не меньше, а скорее больше основания рассчитывать на милость царя. Иначе было бы странно, что все просьбы Салтанова, как показывают документы, удовлетворялись. Навряд ли это можно объяснить добротой и мягкосердечностью царя. И, наконец, не так легко и сладко жилось Салтанову в России, как это изображается в работах Успенского. Вот три документа, показывающие, как жил Салтанов в России, будучи царским живописцем.

«Царю-государю и в. к. Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу бьет челом твой живописного дела мастер иноземец Богдашко Салтанов. По твоему в. государя указу и по грамоте, как я холоп твой приехал к тебе в. государю в Москве, и отведено мне жить палатка на новом Гостине дворе, над таможенными сенями, старая, безо всякого нутряного строения, и я холоп твой в той палатке двери и лавки и к окнам окончины и ставни и печь и всякое нутряное строение строил своими деньгами. А как был большой пожар и в тот большой пожар все то строение погорело, и после пожару в той палатке опять построил все снова своими ж деньгами. А ныне государь в большой таможене учинен Сибирской Приказ в тое палатку мне велят очистить, а мне холопу твоему опричь того приютитца негде. Милосердный государь пожалуй меня, холопа своего, не вели государь меня из той палатки высылать, потому что я строил ее проча себе, своими деньгами, чтоб мне меж двор не волочица с людишками своимн. Царь-государь, смилуйся».

Помета на документе: 178. Апреля... Послать память в

Рис. 1. Богдан Салтанов. Богоматерь с двумя ангелами, 1769.

Сибирской приказ, высылать его Богдана из той палаты для государевых дел не велеть»⁴⁹.

Второй и третий документы достаточно наглядно показывают, как Салтанов занимался «вымогательством». В 1687 году, около 8-го ноября умерла его жена. Он пишет «челобитную»:

«В нынешнем во 196-м году, волею Божиею, жинишки у меня не стало, а погребести мне нечем. Милосердные великие государи, пожалуйте меня, чем было бы мне женишка свою погребести». Салтанову было выдано десять рублей на похороны⁵⁰.

Наконец третий документ:

«Царю-государю и в. к. Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьет челом холоп твой Шаховы области живописного дела мастер Богдашко Салтанов. По твоему в. государя указу и по грамоте выехал я холоп твой к тебе в. государю к Москве мастерством своим тебе в. государю поработать, да со мной ж выехал брат мой; и я холоп твой своим мастерством тебе в. государю живописное всякое дело работаю беспрестанно, и своему мастерству русских людей учу; и в Коломенском в твоих в. государя хоромах у стенного письма работал два года; а твое государево жалованье месячной корм дается мне помесечно, на хлеб и на дрова и на всякой харч и на конской корм, всего до десяти рублей, из приказы новые чети. И на нынешний государя на 179 год месячного корму мне ничего не дано, испроелся без остатку, и занял я на пропитанье у своего чело- века шестдесят рублей с лишком, и те деньги исхарчил же, и впредь пракормитца стало нечем и занять не у кого, и того долгу заплатить нечем. Милосердный государь-царь и в. к. Алексей Михайлович всеа Великия, и Малыя, и Белья Рос- сии самодержец пожалуй меня холопа своего, вели, государь, мне свое государево жалованье месячный корм на 179 год из приказы новые чети выдать и о том из оружейного приказу в приказ новые чети послать память, чтобы мне с людишками голодную смертью не умереть и было бы чем тот долг запла- тить. Царь-государь, смилуйся».

⁴⁹ «Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным». «Временник Императорского московского общества истории и древностей российских». Кн. VII, М., 1850, стр. 115.

⁵⁰ А. И. Успенский. Царский живописец и дворянин Иван Иевлевич Салтанов. «Старые годы», 1907, март, стр. 83.

На обороте помета: «179, октября 14. Послать память в приказ новые чети»⁵¹.

Беспристрастное отношение к этим документам, более объективная их оценка не могла бы привести к тем ошибочным выводам, к которым пришел Успенский, утверждая, что Салтанов в России «устроился на славу», и к тем суровым характеристикам, которые искажают облик художника. В интересах справедливости нужно сказать, что Салтанову давали не только тогда, когда он просил, но и тогда, когда правители Московской Руси считали нужным особо отметить его заслуги, честную службу и высокое мастерство художника. Приведу несколько документов.

«19-го марта 1679 года Салтанову было дано за его многие живописные дела и что он работал Спаса Нерукотворного образа, что у великого государя на сених, в приказ 8 рублей»⁵².

«4 сентября 1681 года царь велел выдавать Ивану Салтанову и Ивану Безмину за их многие верховные дела вместо дворцового поденного корма и питья кормовых денег против Симона Ушакова по 50 рублей в год каждому».

«К пасхе 1681 года царь Федор Алексеевич приказал дать дворянину Салтанову за его искусство 30 рублей и кафтан суконный, кармазиновый, испод хребтовый белый с опушкою бобровой и с золотыми или серебряными нашивками».

«1-го января 1684 года Салтанову цари Иоанн и Петр Алексеевич велели дать за его доброе мастерство и многую работу 10 аршин атласу алого самого виницейского по 23 алтына 2 деньги за аршин»⁵³.

В этих царских «милостях» разве есть какие-либо данные, что Салтанов был «плутоват и хитер», что он получал якобы все блага и привилегии исключительно благодаря «ловкому вымогательству». Если же Салтанову «жилося неплохо», то исключительно потому, что он был человеком безусловно одаренным и трудолюбивым. Сведения, которые сохранились о Салтанове, говорят об исключительной плодовитости его, они свидетельствуют о том, какого разнообра-

⁵¹ «Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным», стр. 120, 121.

⁵² А. И. Успенский. Словарь, стр. 239, 241.

⁵³ Там же, стр. 241.

ного характера работы выполнялись Салтановым для нужд русского двора.

В феврале 1668 года Салтанов писал «по полотну живописным письмом к государеву большому шатру» (оп. 34, № 956, 176 г.)⁵⁴.

В 1670 году он написал «две иконы на меди—Спасов образ да Богородицы...» (столбец № 620, 178 г.).

В 1671 году Богдан Салтанов писал подволоку в хоромы к царице Наталье Кирилловне (№ 957, 179 г.).

К пасхе 1671 года «армянин написал государю в поднос» — «образ Пречистой Богородицы с Превечным младенцем» (столбец № 47, 180 г.).

В 1671 же году Салтанов расписал «12 ящичков разными цветными красками в шкатунию к царице Наталье Кирилловне» (столбец № 159, 180 г.).

В 1672 году Салтановым были написаны «пять барашков, два козлика и две булавы в хоромы к царевичу Федору Алексеевичу» (оп. 34, № 957, 180 г.)⁵⁵.

В январе 1674 года Салтанов расписал «аспидом цветным древко к хоругви в Вознесенский монастырь» (столбец № 196, 182 г.)⁵⁶.

К пасхе того же года Салтанов написал «в поднос к государю пять знамен с изображением на первом из них Логина Сотника, иже при кресте господнем, на втором— благоверного князя Довмонта Псковского, на третьем— архистратига божия Михаила, на четвертом— благоверного князя Георгия Владимирского, на пятом— мученика христовя Севастиана, на других сторонах знамен были изображены кресты пяти степеней» (столбец 341, 183 г.).

13 декабря 1674 года, когда Петру Алексеевичу было два с половиной года, Салтанов «изготовлял» для царевича «в поднос к Рождеству два набата» (бубны). Для этой цели были куплены: «кожа, струны, медные кольца и колокольца.

⁵⁴ Там же, стр. 235. В скобках ссылка Успенского на рукописный источник. О работах Салтанова см. также *И. Забелин*. Перечень иконописных и живописных работ московских дворцовых и городских мастеров XVII столетия. «Русский художественный архив», 1894, стр. 109, 111, 115—118, 121, 123, 127, 128 и др.

⁵⁵ *А. И. Успенский*. Царские иконописцы и живописцы XVII в. *Словарь*, т. II, М., 1910, стр. 235, 236.

⁵⁶ Там же, стр. 236.

Один из этих набатов, декабря 19, живописец Иван Салтанов писал золотом и красками»⁵⁷. В марте 1676 года, как пишет Ив. Забелин, «поручено было искуснейшему живописцу того времени Ивану Салтанову» расписывать, разукрашивать слюдяные окна в хоромах царевича. Любопытно при этом, что не только указывалась тема: «в кругу орла, по углам травы, по слюде», но и ставилось особое условие: «написать так, чтоб из хором wskвозе видно было, а с надворья в хоромах, чтоб невидно было». Чем же была вызвана такая изоляция мальчика Петра? «Здесь высказалась,—пишет Ив. Забелин,—та мысль древнего воспитания в царском быту, в силу которой дети бережно скрывались от посторонних глаз, царевичи лет до 13, а царевны на всю жизнь»⁵⁸. В том же году Салтанов расписал для царевича красками: «гнездо голубей, гнездо ракушек, гнездо кинареек, гнездо щеглят, гнездо чижей, гнездо боранов, а у борашков сделать, чтоб было будто шерсть по ним сушья»⁵⁹.

В мае 1675 года царский художник написал в хоромах царевича Федора Алексеевича столовую доску с изображением на ней притчи: «Когда царь Константин был не во благочестии и взят был в плен персы и приведен был в капище на жертву и свободился своими рабы воинами» (столбец № 380, 183 г.).

В июне Салтанов расписал две шкатулы для царицы (столбец № 409, 183 г.); в августе написал два древка «старых» в поход царевичу Петру Алексеевичу (столбец № 432, 183 г.)⁶⁰.

В марте 1676 года Салтанов «расписал цветными красками киот в придел мученика Феодора Стратилата, травы на верхней кайме посреди—крест» (столбец № 210, 184 г.); «дымчатым аспидом выаспидил погребец в хоромы к великому государю» (столбец № 220, 184 г.). На «пушечке подносной» Салтанов «писал разными красками ободочки разные»

⁵⁷ И. Забелин. Детские годы Петра Великого. В кн. «Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи», ч. I, М., 1872, стр. 15.

⁵⁸ Там же, стр. 11.

⁵⁹ Там же, стр. 14. См. также М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. I, Соцэргиз, Л., 1940, стр. 17, 32; А. Успенский. Словарь, стр. 238.

⁶⁰ А. И. Успенский. Словарь, стр. 237.

(столбец № 250, 184 г.; столбец № 251, 184 г.); в декабре того же года он написал на полотне «Распятие в хоромы и государю» (столбец № 118, 185 г.)»⁶¹.

В расходных книгах Оружейной палаты за 1676 год в записи от 13-го сентября сказано: «Живописцу Ивану Богдановичу Салтанову за краски 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную палату всякие приказные и верховные дела: потешные дровки, ларцы, подготовки, шкафы, стулы, столовые доски, кнот, шахматы маленькие, оконницу, пушку железную, птицы деревянные разными статьями, потешные волчки»⁶².

В марте 1677 года Салтанов писал для царя «книжный аналой и деревянное разное клеймо» во дворце (оп. 33, № 958, л. 351 об.); в том же году он «писал стенное письмо в приказе Тайных дел» (столбец № 380, 185 г.).

В 1678 году художник—«иноземец» писал стенопись в церкви «преподобномученицы Евдокии и иные многие верховные дела» (столбец № 515, 186 г.). Осенью того же года он расписывал «разными красками и аспидами каменное новое крыльцо и около Спасского собора каменную ж новую паперть» (столбец № 29, 187 г.).

В 1679 году Салтанов написал «золотом и красками персону» царя Федора Алексеевича (оп. 34, кн. 959, л. 223 об.). В том же году он писал стенопись в церкви Иоанна Белоградского (оп. 34, № 962, л. 442).

В 1680 году Салтанов написал на полотне «образ пресвятыя Богородицы Полоцкия»; образ «преподобномученицы Евдокии по полотну, евангельские притчи» (там же, № 962, лл. 550, 559). В том же году он написал: «Крещение великого князя Владимира, Видение царя Константина и Собрание на избнениях младенцев» (столбец № 78, 188 г.).

В 1682 году Салтанов писал «персону царя Алексея Михайловича на полотне» (столбец № 131, 190 г.). В том же году 10-го апреля он заявил в Оружейной палате, что напи-

⁶¹ Там же, стр. 238.

⁶² «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613—1725. Составил завед. Архивом Оружейной палаты А. Викторов». Вып. II, М., 1883, стр. 443—444. Здесь же опубликованы окладные-расходные книги за 1687—1688 годы, где записано: «Иван Богданов сын Салтанов—оклад 256 р. Расписка на армянском языке» (там же, стр. 453).

сан им «образ живоносного Христова воскресения на стекле, и тот образ указал великий государь ему Ивану взнести к себе в хоромы» (столбец № 369, 190 г.).

Летом 1688 года Салтанов приготовил «составную олифу»—«впредь для церковных и верховных живописных дел» (столбец № 547, 196 г.)⁶³.

Известно, что Петр еще с детских лет проявил особый интерес к военным забавам. Спустя многие годы после поездки в Архангельск и путешествия по Белому морю, он задумал большие военные маневры на суше, в окрестностях Москвы, близ Коломенска⁶⁴. По всей вероятности, с этими маневрами были связаны живописные работы, выполненные в 1694 году группой художников во главе с Салтановым. Тогда он писал с другими для царя Петра Алексеевича двадцать три картины «бои полевые, разные образцы»⁶⁵.

О последних годах жизни Салтанова дошли до нас весьма скудные и отрывочные сведения. Однако, во всяком случае, очевидно, что не только при Алексее Михайловиче, но и в конце века, в начальный период царствования Петра I он принимал деятельное участие во всех больших, значительных начинаниях, где нужен был опытный живописец, не только как исполнитель и руководитель художественных работ, но и как авторитетный эксперт, с мнением которого считались и дорожили. Одна из его последних работ связана с военными походами Петра I, победой русских войск над турками при штурме крепости Азов 19 июля 1696 года. Эту блистательную победу Петр решил «для возбуждения любви к военной славе в Россиянах»⁶⁶ для того, чтобы «поселить в сердца народа своего любовь к славе и трудам», отметить «торжественным вшествием в столицу по образцу древних римских триумфаторов»⁶⁷.

В честь этого события была задумана постройка Триумфальных ворот в Москве. В своем «повелении» из Черкас-

⁶³ А. И. Успенский. Словарь, стр. 238—241, 244.

⁶⁴ Подробное описание так называемого «Кожуховского похода» Петра см. М. М. Богословский. Петр. I, т. I, стр. 193—206.

⁶⁵ И. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. I, стр. 166.

⁶⁶ «Жизнь Петра Великого, описанная Г. Галеном», Перевод с немецкого, ч. I, СПб., 1812, стр. 70.

⁶⁷ «Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича Лефорта...», М., 1800, стр. 104.

ска Петр писал дьяку Виниусу: «Понеже писано есть, достоин делатель мзды своея, тогда для мню, яко удобно к восприятно господина генералиссима (боярин Алексей Семенович Шени) и протчих господ, чрез два времени в толиках потах трудившихся, триумфальными портами почтити; место же мною к сему удобное на мосту, чрез Москву реку устроенном, или где лутче»⁶⁸.

Виниус в ответ сообщал, что он немедленно приступит к осуществлению замысла Петра, но вместе с тем предупреждал, что по словам мастера Салтанова, строительство может быть окончено не раньше 18-го сентября. В оправдание этого срока приводились размеры работ: «Ибо дело не малое, вышина около 5 сажен, ширина от 7 до 8 сажен». Со своей стороны Виниус предлагал, если «будет великого государя позволение», при торжественном шествии «стрелять из пушек или дать ружейный залп, а на воротах поставить трубачей с литаврами»⁶⁹.

Триумфальные ворота по чертежам Виниуса были построены Салтановым и его товарищами при въезде из Замоскворечья на Каменный мост.

«Двуглавый орел под тремя коронами возвышался над фронтоном среди знамен, прапоров, копей и протазанов под ним нарисованы были пушки, ядра, бомбы и морские суда. На фронтоне находилась надпись: Бог с нами, никто же на ны. Никогда же бываемое. Парящая слава в одной руке держала лавровый венок, в другой масличную ветвь. Под нею была надпись: достоин делатель мзды своея. В середине ворот висел зеленый венок. От него спускались златотканые шпалеры. ...Фронтон опирался на две колоссальные статуи: одна представляла богатыря, с палицею в правой руке и с зеленою ветвью в левой; другая, воина в доспехах, с обнаженным мечом. Над ними были надписи: Геркулесовою крепостью и Марсовою храбростью. На пьедесталах находились изображения: под Геркулесом, Азовского паши в чалме и двух скованных турок; под Марсом, татарского Мурзы с двумя скованными татаринами. Над тем и другим были надписи в стихах:

⁶⁸ «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. I, СПб., 1889, стр. 109.

⁶⁹ Там же, стр. 603, 604.

Над пашею:

Ах, Азов мы потеряли.

И тем бегство себе достали.

Над мурзою:

Прежде на степях мы ратовались,

Ныне же от Москвы бегством едва спаслись.

Подле Геркулеса и Марса стояли пирамиды, перевитые зелеными ветвями с надписями, на одной: в похвалу храбрых воев морских; на другой: в похвалу прехрабрых воев полевых. Пространство между пирамидами и перилами моста занято было двумя картинами на полотне... Картины оканчивались изображением двух голов на коле: Азовского Паши и Дулак Мурзы. Перила моста были увешаны персидскими коврами»⁷⁰.

Это был, по существу, первый в России военный парад, организованный Петром I, которому он придавал особо важное значение. По его замыслу, победное шествие русских войск должно было представлять «такое зрелище, какого он (т. е. русский народ) и вообразить тогда не умел»⁷¹.

От «государева потешного двора Коломенского» двигалась к Триумфальным воротам вереница всех родов войск, офицеры разных чинов, позолоченные кареты и коляски знатных лиц, военных, духовных и приказных служителей, всадники в панцирях, богато украшенные лошади, карлики при них, боярские люди, музыканты (певчие, суровщики, трубачи и др.). За музыкантами несли «государево знамя, на котором написан Спасов образ, около того знамени шли солдаты с кольями». Петр шел «наряду с другими офицерами пред бомбардирскою ротою в мундире, ничем не отличавшимся от других»⁷². При появлении высокопоставленных лиц «из мел-

⁷⁰ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. II, СПб., 1858, стр. 300, 301.

Описание триумфальных ворот Н. Устряловым составлено на основе сведений, содержащихся в кн.: *Василий Рубан*. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отсюда с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных происшествии..., СПб., 1773, стр. 179—183.

⁷¹ «Историческое обозрение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича Лефорта...», стр. 104.

⁷² Там же, стр. 108.

кого ружья и пушек была стрельба», залпы из всей артиллерии, поставленной на площади. Затем пел хор певчих, трубы били в трубы, били в литавры, накры и барабаны, «звонили колокола во всей Москве». А при подходе к Триумфальным воротам «была речь в стихах, через трубу»⁷³. «Труба сия содержала полторы сажени, и так была устроена, что все слова, чрез нее произнесенные, всем, народу были ясно и внятно слышны»⁷⁴. Затем солдаты тащили по земле трофейные турецкие знамена, за которыми шли «татарский принц и множество полоненных турок и татаров в оковах, которые железными цепями великий шум творили»⁷⁵. За ними шла телега, на которой везли «вора, крестопреступника и изменника Якушку... Телега намощена тесом и поставлены ремни, а на релях по столпам воткнуто по обе стороны два топора, два ножа повешены, два хомута, десять плетей, двое клещей два ремня, а Якушка в турецком платье, голова в чалме обвита по-турецки, руки и около поясницы окован цепями, на шее петля, на перекладе веревка, петлею и ложена на шею... А на груди медная доска, на коей вырезано было великими литерами: «Сей злодей переменял четырежды свой закон и изменил богу и всему народу»⁷⁶. У столпов приставлено два человека заплочных мастеров стрелецкого приказа: Алешка Иванов, Терешка Андреев. Позади их рота солдат, везли Якушку в другие ворота, что подле Триумфальных ворот... для того, что он за многое свое воровство и измену в Триумфальные ворота весть недостоин»⁷⁷.

Торжественное шествие русских войск через нарядные,

⁷³ Образцы этих хвалебных виршей см. «Дополнения к деяниям Петра Великого», т. IV, М., 1790, стр. 199, 200, а также в брошюре, изданной Ильей Копиевским: «Слава торжеств и знамен побед...», Амстердам, 1700.

⁷⁴ «Дополнение к деяниям Петра Великого», т. IV, стр. 199.

⁷⁵ «Журнал госуд. Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизеном». В кн. «Собр. разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях... Петра Великого», ч. III, СПб., 1787, стр. 20.

⁷⁶ Речь идет о Якове Янсене, изменнике и предателе, который сначала был католиком, потом стал протестантом, потом православным, и в конце магометанином. Через три дня после торжеств он был «колесом ломан и казнен, а голова его на коле поставлена» (в кн. «Собр. разных записок и сочинений, служащих к доставлению сведения...», стр. 21).

⁷⁷ «Поход Шенна к Азову...», стр. 185—205.

богато разукрашенные картинами, коврами и зелеными ветвями Триумфальные ворота было зрелищем для того времени «невиданным и несслыханным»: «Звук барабанов, литавр, накр, играющие на трубах и других инструментах в воротах и во всех полках, стрельба из ружей и пушек, почти непрерывно во все шествие производимая; колокольный звон во всей Москве, пышность шествия, до того невиданного; вид ворот Триумфальных столь же новой; картины побед и блистание золота и серебра, представляли народу такое зрелище, которое их приводило в несказанное удивление, или паче в некий род испуга».

В параде русских войск было уделено немало внимания внешнему оформлению, живописным работам. Даже по тем скудным сведениям, которые сохранились в печатных источниках нетрудно представить грандиозность замысла и исполнения: «Все улицы, по коим быть шествию, всевозможно были украшены. Вдоль мосту поставлены были огромные живописные картины, украшенные вместо рам лаврами. На первой представлялись сражения с татарами, и приступ к Азову с надписью: Москва Агарян побеждает, на многие версты прехрабро прогоняет. На другой изображался приступ к Азову и морские сражения галер и фуркатов с надписью: На море турки поражены, оставя Москве добычу, корабли их сожжены. На море виден Нептун с трезубцем и веслом, сидящий на морском чудовище, с надписью: се и аз поздравляю взятием Азова и вам покоряюсь».

Стены внутренности ворот обиты были богатыми шелковыми обоями, на которых вытканы были прежних российских государей победы, и казанское взятие⁷⁸.

Это было время, когда русская батальная живопись делала свои первые шаги, и приходится сожалеть, что ни одна из этих живописных работ не дошла до нас.

Все художественные работы были выполнены Салтановым, его товарищами и учениками.

Триумфальные ворота в Москве были одной из последних работ Салтанова. После 1702 года имя его исчезает в документах Оружейной палаты. Что стало после с ним, где кончил свою жизнь художник—«иноземец»—неизвестно.

Все эти описания и записи, извлеченные нами из различных печатных источников, приобретают особую ценность, так

⁷⁸ «Дополнения к деяниям Петра Великого», т. IV, стр. 194—196.

как за редкими исключениями (всего несколько образцов икон) все работы Салтанова бесследно исчезли. Из живописи Салтанова сохранились в Распяцкой церкви Московского кремлевского дворца: картина с изображением животворящего креста и пред ним св. царя Константина и царицы Елены, а также царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны и патриарха Никона; вознесение Господне; богоматерь с двумя ангелами; Иоанн Богослов и богоматерь (в распятии), а также живопись на резном кресте.

Академик И. Э. Грабарь в своем многотомном труде по истории русского искусства в разделе, посвященном древнерусской живописи, уделил Салтанову весьма незначительное место. В XII главе («Живописцы иноземцы в Москве») нет ни единого упоминания о Салтанове. Несколько фраз посвящено ему в последующей главе—«Симон Ушаков и его школа». Вот что там сказано о Салтанове: «В 1667 году, за год до смерти Ушакова, на службу в Оружейную палату был принят армянин, персидский подданный Богдан Салтанов, принявший вскоре православие, и с тех пор значащийся в документах как живописец Иван Иевлевич Салтанов. С каким запасом знаний прибыл он в Москву—сказать трудно, но из слов Ушакова, свидетельствующего некоторые его технические познания, можно заключить, что они не были очень блестящими»⁷⁹.

Вывод этот основан на факте, заимствованном Грабарем из «Материалов» Забелина. 18-го июня 1667 года из посольского приказа в Оружейную палату пришел Богдан Салтанов и «образец мастерства своего принес. Да он же, Богдан, сказал за собою мастерство ж варить олифу самую добрую, которой по его мастерству на Москве сварить не умеют. Салтанову были выданы нужные материалы для приготовления олифы—масло льняного по весу три фунта да мастики полтора фунта. И живописец Богдан принес из того масла олифы по весу три фунта... А иконописец Симон Ушаков, смотря той олифы сказал, та де олифа добра, живописца Станиславова варенья прежнего лутче; а если буде укажет в. государь такову ж олифу против армянина Богданова

⁷⁹ И. Грабарь. История русского искусства, т. VI, М., 1913; Живопись. История живописи, т. I. Допетровская эпоха, стр. 444—446.

варенья и составу сделать, и он де Симон Ушаков такову олифу сам сварит, чайть его Богдановы и лутче, да иные де иконописцы, кому он Симон тот олифой состав укажет, такову олифу против арменина Богдана и на Москве сварят. Симон Ушаков сказал и руку приложил. Помета: Дать то ж число составов Симону и велеть сварить олифа»⁸⁰.

Так излагается этот факт в документе, на основе которого трудно сделать тот вывод, к которому пришел Грабарь. Здесь интересно другое. Симону Ушакову пришлось признать, что олифа, приготовленная Салтановым, «Станиславова варенья прежнего лутче». Лучшую олифу, как правило, варил тогда Станислав Лопуцкий, учитель Ивана Безмина. Но, видимо, было задето самолюбие Ушакова, поэтому он решил доказать, что русские живописцы, если царь прикажет, сварят не хуже олифы «против арменина Богданова варенья».

К этому вопросу более объективно подошел В. Трутовский. Он писал по поводу того, с каким запасом знаний Салтанов приехал в Россию: «Очевидно, он раньше был уже известен как художник, потому что ему сразу вменено было в обязанность выучить своему мастерству из русских людей учеников»⁸¹. Конечно, Салтанов приехал в Россию уже зрелым мастером и его творческая биография началась еще в Персии. Иначе как могло быть, чтоб поручали обучение русских мастеров недостаточно опытному живописцу. Нам удалось, на основе материалов, опубликованных в печати А. И. Успенским, установить, что у Салтанова в разное время училось живописному делу довольно большое количество людей. В документах упоминаются в качестве учеников Салтанова: Афанасий Филлипов, Матвей Рыдкин, Лазарь Иванов, Карп Астафьев, Марк Иванов, Емельян Кондратов, Ивашка Федосеев, Мишка Фирсов, Гришка Грызлов, Игнашка Скарчевский, Якушка Кондратов, Савка-арап (Савва Яковлев); из стрельцов: «Самсонка да Сенька», «Петрушка да Афонька». В документах говорится о том, что Салтанов

⁸⁰ «Материалы для истории русской иконописи, собранные Ив. Забелиным», стр. 78, 79.

⁸¹ В. Трутовский. Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и Московская Оружейная палата. «Старые годы», 1909, июль—сентябрь, стр. 362.

выучил своих учеников «русских людей живописному своему мастерству, чему он Иван сам горазд»⁸².

В отличие от Грабаря, А. И. Успенский не склонен рассматривать творчество Салтанова в рамках школы Ушакова. Действительно, даже при самом беглом взгляде на живопись обоих мастеров трудно найти что-либо общее между ними. Успенский не приписывает Ушакову слишком большую роль в перевооружении русской иконописи второй половины XVII века, как это делает Грабарь. «Что касается до царских живописцев Салтанова, Безмина и Познанского,—пишет Успенский,—то они в своем мастерстве ни под каким влиянием не находились и к «школе» Ушакова не принадлежали. Если, несомненно, царские иконописцы XVII века находились под сильнейшим влиянием живописцев, то последние ни в коем случае не учились у иконописцев»⁸³. В. Трутовский, сожалея, что не сохранились произведения грека-иконописца Апостола Юрьева, пишет: «Но зато много имеем мы, например, от такого выдающегося иконописца того времени, как полутатарин—полуармянин Богдан Салтанов». В. Трутовскому прекрасно были известны работы и публикации Забелина, Викторова, Успенского (в статье есть даже ссылки на последнего), где вполне определенно и ясно, на основе изучения документов, сказано о национальной принадлежности Салтанова. И все же Трутовский почему-то называет его «полутатаринном». Ошибка эта—результат небрежности.

Большой интерес представляет та часть упомянутой статьи В. Трутовского, в которой дается общая характеристика тех времен, когда Салтанов работал в Оружейной палате. Вторая половина XVII века духовной жизни России была оживленной, бурной. Это была эпоха церковных реформ, проводимых патриархом Никоном, времена религиозной борьбы; в эти годы прозвучали страстные проповеди протопопа Аввакума, его горячий протест против всяких нововведений, западных влияний, в частности и в русской иконописи: «Пишут Спасов образ Емануила лицо одутловато, уста червонные, волосы кудрявые, руки и мышцы толстые, то же и у ног бедра толстые, а весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишь сабли той при бедре не написано. А все

⁸² А. И. Успенский. Словарь, стр. 235, 237, 240.

⁸³ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV, М., 1916, стр. 8, 11.

го писано по плотскому умыслу»⁸⁴. Эти строки приводит автор статьи для того, чтобы оценить творчество Салтанова. И как бы иллюстрируя мысли Аввакума, так описывается икона (образ богаматери), принадлежащая кисти Салтанова: «Лицо обрюзглое и опухшее старой женщины, выражение слезливое и скучное, без всякой проникновенности, тело полное и пухлые руки—все это так мало напоминает икону и так грубо и животно, что только терпимостью и западничеством Хитрово и можно объяснить существование такого иконописца среди «царских». А его ангелы— это какие-то голландские толстые, жирные, крепкие бюргеры...»⁸⁵.

Источники всех этих недостатков с точки зрения В. Трутовского—влияние голландских и немецких мастеров на творчество Салтанова. С другой стороны, автор статьи не целиком отдает его Западу: «Хотя этот пошиб был и преобладающим у Салтанова,—продолжает он,—все же он иногда находил в себе достаточно способности приблизиться и к «истовому» письму. Такова его икона св. Константина и Елены... Здесь и лица, и позы, и движения всех фигур опять условны, опять «иконописны». Почему же в других случаях он был так груб, так животно-телесен?»⁸⁶.

После этой суровой критики В. Трутовский приходит к выводу: «Несмотря, однако, на все эти недостатки Салтанова, как иконописца, нельзя отказать в талантливости, в знании анатомии, в рисунке и умении передавать движения. И, возможно, что при других условиях из него мог бы выработаться недурной бытовой художник голландского типа»⁸⁷.

Действительно, работы Салтанова выделяются на общем фоне русской иконописи XVII века своей и особой манерой письма, и образами. Однако В. Трутовский, сторонник традиционных условностей старинной русской иконописи, в своей оценке суров и несколько субъективен. Что живопись Салтанова выходит за рамки русской иконописи—это верно и это связано с вопросом об истоках творчества художника—«иноземца», но трудно видеть в спокойном взоре богаматери Салтанова нечто «животное и грубое». К общей оценке Салтанова, определения его места в истории русской живописи

⁸⁴ «Старые годы», 1909, июль—сентябрь, стр. 357.

⁸⁵ Там же, стр. 362.

⁸⁶ Там же, стр. 362, 363.

⁸⁷ Там же, стр. 363.

более объективно подошел один из виднейших исследователей древнерусского искусства А. И. Успенский, который писал: «Салтанов громадную пользу принес русскому искусству, внося в него новую, свежую и живительную струю. Он дольше всех остальных художников-иностранцев работал в Оружейной палате, научил многих русских живописи. Было время, когда наши дворцы в числе своих драгоценнейших украшений имели именно картины Салтанова. Пожар 1737 года и другие пожары беспощадно уничтожили значительную часть художественных произведений XVII века.

Немного из произведений Салтанова дошло до нас, но и они показывают, что это был действительно, первоклассный художник... Мы добрым именем, с глубокой благодарностью и уважением помянем художника, оставившего «природительские пожитки» ради воссоздания и насаждения в России русской живописи»⁸⁸.

Салтанов не был одиноким. С ним вместе или рядом с ним работали в России и другие армянские художники: мастера-каменщики, миниатюристы, золотописцы, гранильщики, алмазники, чеканных дел мастера.

Многогранная, богатая творческая деятельность Богдана Салтанова—одна из интереснейших страниц художественной жизни России и истории русско-армянских культурных связей XVII века.

⁸⁸ А. И. Успенский. Словарь, стр. 245, *его же*. Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов. «Старые годы», 1907, март, стр. 86.

Рис. 2. М. М. Иванов. «Остатки крепости Ангала при реке Лори в Великой Армении», 1782.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. РУССКО-АРМЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В XVIII ВЕКЕ.
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ.
ПЕРВАЯ АРМЯНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В РОССИИ.
АРМЯНО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ ГРИГОРА ХАЛДАРЯНА

Петр I, наметив широкую политическую программу, всеми средствами старался заселить Прикаспийский край армянами. 2-го марта 1711 года последовал сенатский указ: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹. А указом 2-го мая того же года за армянами были закреплены все права и привилегии, которыми они пользовались в России до воцарения Петра I². В 1715 году, когда А. П. Волынский отправился в Персию русским посланником, в специальной инструкции говорилось: «Разведав об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества: обходиться с ними ласково и склонять к приязни»³.

Петр I принимал решительные меры для укрепления русского влияния в Прикаспийском крае, добиваясь максимального увеличения христианского населения, видя в последнем известный барьер против соседних восточных государств⁴. В «пунктах» Матюшину в мае 1724 года Петр I пи-

¹ «Полн. собр. законов», т. VII. Грамоты Петра I об армянах, стр. 257.

² «Полн. собр. законов», т. IV, 1830, стр. 662.

³ С. М. Соловьев. История России..., кн. IV, т. XVIII, стр. 664.

⁴ На эту тему существует довольно большая литература. См. Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом (с публикацией большого количества документов), СПб., 1898.

сал: «Стараться всячески, чтоб армян призывать и других христиан, если есть в Гилянъ и Мазандеран и оживлять (поселять), а басурман zelo тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно турецкого закона, т. е. турецкой веры (суннитов)»⁵. В указе на имя генерал-майора Кропотова от 10 ноября 1724 года Петр писал: «Понеже мы оной армянский народ в особливую нашу императорскую милость и протекцию приняли».

Армянский народ ждал поддержки и помощи от России в борьбе за освобождение своей родины от ига завоевателей. Один из передовых армянских общественных деятелей того времени—Израел Ори, заручившись обещаниями римского императора и курфюрста Баварского, настойчиво добивался помощи России. Он явился к петровскому министру Головину и изложил свой план освобождения Армении и Грузии, с учетом военной мощи противника. Он просил не терять времени, так как по его мнению, было тогда «самое удобное время» разбить Персию. В том же духе писал Ори и Петру.

Ори получает чин полковника русской армии и отправляется в Персию для сбора нужных сведений. Выполнив задание Петра, по возвращении из Персии, он умирает в Астрахани⁶.

Обещание Петра I окрыляло армян, укрепляло в них веру в том, что близок час освобождения от многовекового ига. «Блеснувший дух надежды,—пишет Сергей Глинка,— что царь России готов содействовать армянам в выручении Армении из цепей порабощения: сия животворная надежда слилась с общей жизнью сынов Гайка и отдалила от них все, кроме желания свободы Армении»⁷. Однако планам Петра не суждено было осуществиться.

Израел Ори был первым из деятелей западноармянского движения, который намечал широкую программу национальноосвободительной борьбы, установил связь с петровской Россией, надеясь при ее активной помощи восстановить ар-

⁵ С. М. Соловьев. История России... Кн. IV, т. XVIII, стр. 664.

⁶ Там же, стр. 680—691 (излагается история переговоров Ори с Петром I). Об Израеле Ори и его политических планах см. В. Парсамян. Колониальная политика царизма в России (на арм. яз.), ч. I, Ереван, 1940, стр. 16—20.

⁷ С. Н. Глинка. Обзорение истории армянского народа, ч. II, стр. 240, 241.

мянское государство. После неудачной попытки Ори, спустя многие годы, появляется на арене другой активный борец за восстановление независимого национального государства— Иосиф Эмин, предпринимавший в начале 60-х годов XVIII столетия новые шаги в этом же направлении. Эмин— выходец из армянской индийской колонии. Его молодые годы прошли в Лондоне, где он усиленно готовился к будущей деятельности. Ему удалось при помощи влиятельных лиц поступить в королевскую академию в Вульвиче, где он изучал артиллерийское дело и искусство фортификации. В 1759 году, преодолевая большие трудности, наконец, удалось ему впервые посетить Армению и попытаться осуществить наметенный им план. В Эчмиадзине, резиденции главы армянской церкви, он не встретил сочувствия. Тогда Эмин направился в Грузию, познакомился с царем Ираклием, изложил ему свой план освобождения Армении и Грузии. В ноябре 1761 года Эмин приехал в Петербург с намерением установить непосредственную связь с русским правительством⁸.

Эмин преследовал широкие политические цели: поднять восстание армян и грузин, вместе с карабахскими меликами, едиными усилиями, опираясь на помощь России, сбросить персидско-турецкое иго. Однако попытки Эмина не увенчались успехом. Он вернулся к своим родным в Индию, где и умер в 1809 году⁹.

В политических переговорах с Россией видную роль тогда играли патриархи армяно-григорианской церкви. Католикос рассматривался в то время «не только как религиозный, но и как своего рода политический глава армянского народа»¹⁰. Наиболее дальновидные из высшего духовенства ориентировались на Россию, понимая, что единственный реальный путь освобождения армянского народа лежит через сближение с Россией. Уже в петровские времена представи-

⁸ Эмин провел в Петербурге около четырех месяцев. Жил он на Адмиралтейской стороне, близ галерного двора, в доме английского пастора Думареска. В том же доме жил некоторое время и «кизлярский житель тифлисский армянин Папа Хатунов», который стал посланцем Эмина в Грузию. Эмин выехал из Петербурга в марте 1762 года.

⁹ См. подробнее: А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Изд. Ереванск. гос. ун-та, 1945.

¹⁰ А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947, стр. 15.

тели армянской церкви сознательно служили этой цели. Патриарх Исаи обратился к Петру с просьбой о помощи, на что русский император отвечал о готовности взять под свое покровительство и оказать содействие армянскому народу «ради христианства»¹¹. Вообще религиозный момент играл весьма важную роль в сношениях с армянами, симпатии и надежды которых определялись не без влияния того факта, что Россия была не только могучим соседом, но и великим христианским государством. В ответах купца Сарадова на расспросы в Посольском приказе есть одно примечательное место. Он говорит о том, что «они с отцом великому христианскому государю во всем работать и служить рады, а не для своей прибыли; шах их жалует, торгуют они безошлинно; но только веры шах басурманской, а они христианской»¹². Это показывает, как еще в XVII веке даже в идеологии торгового сословия можно видеть отражение сильного тяготения армянского народа к России.

Армяне общались с Россией не только через купечество и духовенство; армянский народ, активно борясь за освобождение от многовекового ига, выдвигал своих лучших сынов в защиту интересов родины, которые оказывали и России сильную военную помощь. Еще в «1062 году великокняжескими грамотами призваны были армяне для вспомоществования Киевской стране к отражению поляков»¹³. В разные исторические эпохи армяне добровольно вступали в русскую армию целыми боевыми единицами под названиями «эскадронов, милиции и армянских всаднических сотен»¹⁴.

В 1723 году около 700 человек армян и грузин вступили в русскую армию, составив несколько рот и эскадронов. «Когда турки занимали Грузию и Армению,—пишет П. Г. Бутков,—то многие из грузин и армян... оставили свое отечество, вышли в Гилян в 1723 году и там... вступили в российскую службу»¹⁵.

Командиром армянского эскадрона был Лазарь Христофоров. При нем были подполковник Петр Кашперов, поручик

¹¹ «Собр. актов», ч. I, стр. 11, 12.

¹² С. М. Соловьев. История России..., т. XII, кн. III, тр. 560, 561.

¹³ «Собр. актов», ч. II, стр. 283.

¹⁴ Там же, ч. I, стр. 25, 383.

¹⁵ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I, СПб., 1869, стр. 57.

Иван Исцатуров и прапорщик Хачатур Якопов. Грузинским эскадром командовал подполковник Рафаил Парсидамов¹⁶.

В 30-х годах XVIII века появляются в русской армии первые армянские генералы: 9 декабря 1734 года, по представлению генералов Левашева и Гессен-Гомбургского, армянский подполковник Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша были пожалованы «за службу и верность их к России генерал-майорскими чинами». Л. Христофоров командовал эскадром, состоящим из армян, добровольно вступивших во время похода Петра Первого в Персию. «Сей эскадрон существовал долгое время и армяне мужественно сражались за себя и за выгоды России»¹⁷. В 1760 году последовал сенатский указ «О принятии в Российскую военную службу грузинцев и армян»¹⁸.

В екатерининское время, при генерал-фельдмаршале графе П. А. Румянцеве-Задунайском из армян были полковник Касперов и подполковник Иван Сумбатов. Впоследствии Иван Петрович Касперов достиг чина генерал-лейтенанта. Во вторую турецкую войну при генерал-фельдмаршале находились в качестве генеральс-адъютантов: подполковник Мина Лазарев и премьер-майор Артемий Иванович Лазарев. Из армян-добровольцев был создан специальный отряд, которым командовал подполковник Абрамов. В войнах и боевых походах под командованием прославленного полководца, генералиссимуса А. В. Суворова-Рымникского, в русских войсках сражались армяне: подполковники Хастатов¹⁹ и Манеев, майор Лалаев. Хастатов своими боевыми делами и храбростью достиг впоследствии чина генерала и был удостоен знаков отличия; Манеев был убит при штурме Измаила²⁰.

Во второй половине XVIII века произошли важные события в политической жизни России, которые не могли не сказаться и на судьбе армян. Русско-турецкая война 1768—1774 годов, вступление русских войск в пределы Грузии,

¹⁶ «Сведения об определении армян и грузин в Кизлярский шквадрон». «Ставропольские губерн. ведомости», 1854, № 50, стр. 520—522; 1857, № 8, стр. 46; № 9, стр. 51.

¹⁷ «Собр. актов», ч. II, стр. 295, 296.

¹⁸ Там же, ч. I, стр. 24.

¹⁹ А. В. Хастатов был женат на родной сестре бабушки М. Ю. Лермонтова. У Е. А. Хастатовой гостил поэт во время поездок на Кавказ.

²⁰ «Собр. актов», ч. III, стр. 300, 301.

усиление интереса русской дипломатии к Кавказу—все это создавало благоприятные условия для установления более тесного контакта и с армянами. В эту эпоху в русских государственных планах Армении уделялось особо важное место. Армянское население сосредоточено было главным образом на территории исторической Армении, хотя армяне жили и в Грузии и во всех Закавказских ханствах. Поддерживая армянское освободительное движение, правительство Екатерины II намеревалось восстановить армянское государство, что целиком отвечало задачам русской восточной политики. Россия стремилась создать новое христианское государство, способное вместе с Грузией укрепить русское господство на Востоке. Для осуществления этой политики исторические обстоятельства были весьма благоприятные. «Призывы русских властей, обращенные к армянам,—пишет А. Р. Иоаннисян,—встретили среди последних самый живой и горячий отклик. Уже с конца XVII—начала XVIII столетия широкие круги армянского народа и все выдающиеся армянские деятели связывали с Россией свои надежды на избавление от персидского и турецкого ига. В эпоху Екатерины II к России обращали свои взоры представители самых различных слоев армянского общества»²¹. Не только армянские мелики и духовенство, но и широкие массы армянского народа видели в русских своих освободителей.

Екатерина II в отношениях с армянским народом придерживалась взглядов Петра I. Она предприняла более реальные шаги в создании армянских колоний. При деятельном содействии самой императрицы в конце XVIII века строятся армянские города: Нор-Нахичевань и Григориополь.

В стихотворениях Василия Рубана нашли отражение события конца XVIII века, когда южные окраины России, прибрежные земли Азовского и Черного морей по плану Потемкина заселялись христианским населением, когда приток армян в пределы России принимал все более и более массовый характер. В стихотворении «Эпикидион, или надгробная песнь», посвященном Потемкину-Таврическому В. Рубан писал:

²¹ См. подробнее: А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Изд. Ереванск. ун-та, 1947.

Ты, тихий Дон! и вы усть-Кальмиуски воды!
Из ваших влагу недр днесь новы пьют народы:
Нахичевань при том, Мариуполь при сих,
И множество еще селений и других;
Для удобления полей и садоводства,
Художеств и ремесл, торгов и судоходства,
Род греков и армян из Крыма преведен
И при Меотиде²² в России заселен...²³

Растут армянские колонии в крупнейших русских центрах: в Москве и Петербурге, а также в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте, в Крыму. Екатерина «дарует армянам особые права и привилегии, закрепленные «высочайшими грамотами». Она предписывает своим чиновникам принять все меры, обеспечивающие лучшие условия для приезжих армян, «дабы не только все (армяне),—писала императрица,—перешедшие в пределы наши сохранены были, но чтобы и находящиеся за границею, видя их благоденствующих, к ним присоединились»²⁴. В екатерининскую эпоху, в усилении русского влияния на Востоке и в укреплении позиции русского государства на Кавказе видную роль сыграли епархиальный архиепископ обитающего в России армянского населения Иосиф Аргутинский-Долгорукий и И. Л. Лазарев.

С давних пор Россия стала для армян заветной страной, куда они стремятся сначала небольшими группами. Затем процесс притока армянского населения в русские провинции, длившийся довольно долго, примерно с 1723 года происходит более организованно, приобретая все более массовый характер²⁵. Переселение приняло особо широкие размеры во время русско-персидской и русско-турецкой войн 1826—1828 годов. Оно происходило в тяжелых условиях: приходилось буквально все бросать и пешком, с семьями, со стариками и детьми кое-как добираться до русской земли. В событиях этих лет важную роль сыграли отдельные представители армянского духовенства. Достаточно известна деятельность, например, Нерсеса Аштаракского, будущего патриарха. Архиепископ

²² Меотида—Азовское море.

²³ «Русская поэзия. XVIII век». Под ред. С. А. Венгерова. Вып. 6. СПб., 1897, стр. 356.

²⁴ «Собр. актов», ч. I, стр. 45, 46.

²⁵ См. С. Н. Глинка. Описание переселения армян аддербаджанских в пределы России, М., 1831.

Эрзерумский Карапет увел с собой в Россию почти все христианское население края, состоявшее около 70000 человек. Сам Карапет, будучи уже стариком, шел пешком вместе с народом, перенося особые трудности длительного пути от самого Эрзерума до Ахалциха.

В планах Петра, а затем и Екатерины Армения занимала важное место как страна, стоявшая на путях России в сношениях с Востоком. Интерес к «армянскому вопросу», в особенности в конце XVIII века, целиком определялся внешней политикой России. Екатерина II возлагала большие надежды на армян. Ее попытки создать новое христианское государство при помощи восстановления древней Армении не увенчались успехом. «Мечта о создании под покровительством России армянского государства,—пишет А. Р. Иоаннисян,—не исчезла и после крушения надежд, вызванных событиями восьмидесятих годов. Она продолжала оставаться политическим идеалом всех выдающихся армянских деятелей ближайших десятилетий»²⁶.

Усиление интереса в XVIII веке к Армении отразилось и в русской печати, и в русском искусстве. В 1780—1790-х годах вместе с войсками посетили Армению русские живописцы М. М. Иванов и Г. С. Сергеев, запечатлевшие в своих путевых альбомах отдельные живописные уголки древней страны²⁷.

Долгое время в России представление об Армении сливалось с образом Кавказа. В конце XVIII—начале XIX века вслед за общими обзорами Кавказского края появляются в русской периодической печати отрывочные сведения об Армении.

В произведениях русской поэзии XVIII века Кавказ встречается как условное обозначение далекого горного края. Сначала мелькают «Азийские страны», «Юг», как собирательное понятие, из которого со временем постепенно выделяются Тавр и Кавказ. В одном из своих стихотворений 1743 года М. В. Ломоносов писал:

²⁶ А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 194.

²⁷ См. К. Н. Григорьян. Армения в русской литературе и живописи. XVIII—первая половина XIX века. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1962, стр. 13—23.

Фиссон шумит, Багдад пылает
Там вопль и звуки в воздух бьют,
Ассирски стены огонь терзает,
И Тавр и Кавказ в Понт бегут²⁸.

Первые упоминания об армянах в русской поэзии находим во второй половине XVIII века, в стихотворениях В. Петрова. Несколько позже у А. Н. Радищева, в «богатырской повести» в стихах, в которой автор обращался к мотивам распространенной в XVIII веке сказки о Бове-королевиче, несколько строк посвящены Армении:

На Пегаса я воссевши,
Полечу я страны дальни,
В те я области обширны,
Что Понт черной облегают,
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство
Славно древле Мифридата,
Где Тигран царил в Армении...²⁹

Упоминание о Тигране II здесь обусловлено не столько специальным интересом к историческому прошлому Армении, сколько продиктовано политической атмосферой и возрастающим интересом России к Кавказу. «В 1770—1790-е годы,— пишет академик М. П. Алексеев,—русский правительственный и общественный интерес к тем странам, «что Понт черный облегают», чрезвычайно усилился»³⁰.

Русско-армянские культурные связи в конце XVIII века развиваются с особой интенсивностью. В этот период значительную роль сыграла петербургская армянская колония.

В Петербурге XVIII века, в стенах Академии наук разрабатывалась программа будущей первой армянской школы на территории России. Здесь была основана одна из первых армянских типографий. Изданные в ней словарь Г. Халдаряна и «Книга, заключающая ключ познаний» К. Сарафовой

²⁸ Собр. соч. М. В. Ломоносова, ч. I, СПб., 1840.

²⁹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 30, 31.

³⁰ М. П. Алексеев. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». В сб. «Радищев. Статьи и материалы». Изд. Ленингр. гос. ун-та, 1950, стр. 192.

свидетельствуют о растущем интересе к русскому языку, явившимся важнейшим фактором в дальнейшем укреплении культурных связей армянского народа с Россией.

Предпосылки для непосредственного сближения армянского народа с Россией, как мы видели, были созданы еще в Петровскую эпоху. Они дали свои плоды в конце XVIII века.

В развитии культурных связей между двумя народами большую роль сыграла петербургская армянская колония, возникшая вскоре после основания города.

Петербург строился быстрыми темпами. С каждым годом увеличивался приток новых жителей, среди которых было много иностранцев. «Мастера-иноземцы» широким потоком хлынули в Россию,—пишет А. В. Предтеченский,—привлеченные всевозможными льготами, предоставляемыми им Петром»³¹. В числе приезжих были люди различных специальностей: живописцы, архитекторы, переводчики, ученые, ремесленники, купцы. В первый период существования города отмечается большая текучесть населения. «Обыватели С.-Петербурга суть или постоянные, или временные, записанные в других местах и городах,—говорится в старинном русском географическом лексиконе.—Многие из сих последних, как-то: купцы, ремесленники и работники живут здесь беспеременно однакож сюда не принадлежат; иные, пробыв здесь несколько лет, оставляют столицу и спустя некоторое время возвращаются опять в оную; другие ездят каждый год во свояси». Здесь же имеются сведения о петербургских армянах: «Армяне суть купцы, мастера галантерейных вещей и проч. Здесь оных малое токмо число поселилось»³².

С самого основания города Петр придавал большое значение вопросу увеличения торгового сословия и дворянства. Специальные указы и грамоты Петра показывают, как он всячески поощрял и деятельность армянских купцов и промышленников. С 20-х годов XVIII века усилился процесс переселения армян в Россию. «Армяне на призывный голос Петра,—пишет С. Н. Глинка,—сливавшегося с голосом их сердец, спешили целыми семействами переселяться и водворяться в пределах России. В числе сих новых переселенцев

³¹ А. В. Предтеченский. Население и быт Петербурга. В кн. «Петербург Петровского времени. Сб. статей». Л., Лениздат, 1948, стр. 136.

³² «Словарь географич. Российск. государства... собранный Афанасьем Щекатовым», ч. V. М., 1807, стр. 662, 664.

были потомки Манука Лазарева. С прибытием их в Россию в Москве и на берегах Невы отмежевались участки армянские»³³.

В архиве Абаделик-Лазаревых сохранилась краткая записка, составленная в 80-х годах XVIII века, из которой явствует, что уже в 1710 году, т. е. через семь лет после основания Петербурга, там была небольшая армянская колония. Записка составлена, по всей вероятности, для официальной цели и первым вопросом значится: «В котором году произошел здешний армянский приход?». В ответе сообщается, что «в 1710 году в Петербурге завели Армянские конторы»³⁴. Речь здесь идет о торговых агенствах. Петербург вскоре стал важным транзитным пунктом, где купцы останавливались, а некоторые из них и совсем обосновались.

Таким образом, первые армяне, появившиеся в Петербурге, были люди из торгового сословия. Но купцы бывали разные. Среди них, как увидим ниже, встречались люди культурные и образованные для своего времени. Рано появляются в Петербурге и служивые люди из армян. В 1710 году в Посольском Приказе был толмачом «Армянин Афонасий Панкратов»³⁵.

Что собой представляла петербургская армянская колония в самом начале XVIII века, какова была ее численность, каков ее состав—на все эти вопросы нет возможности ответить с исчерпывающей полнотой, так как, к сожалению, мы не располагаем еще нужными данными. Из той же краткой записки из архива Абаделик-Лазаревых узнаем, что на первое время для нужд немногочисленной колонии из Москвы приезжали армянские священники, а «в 1730 году священник Иван Шеристанов основался в Петербурге (скончался в 1787 году)»³⁶. Следовательно, в 30-х годах армянский приход вырос настолько, что появилась необходимость иметь постоянного священника. В конце 30-х годов XVIII века в Петербурге

³³ Сергей Глинка. Обзорение истории армянского народа, ч. II, стр. 246.

³⁴ Центр. Гос. историч. архив в Ленинграде (в дальнейшем: ЦГИАЛ), ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12.

³⁵ «Собр. актов», ч. I, стр. 355, 357.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12. Документы об армянском протопере Иване Петрове Шеристанове см. «Собр. актов», ч. I, стр. 372, 373.

бурге существовала «Армянская улица»³⁷. За счет кого росла армянская колония? Кроме торговых людей, чиновников, лиц духовного звания, вскоре видим и военных. В официальных бумагах за 1720—1750 годы часто встречаются дела по челобитным армян с просьбой принять их «в российскую военную службу».

Из представлений Коллегии иностранных дел на имя русской императрицы выясняется, что часть Кизлярского армянского эскадрона, главным образом офицеры, в количестве восемнадцати человек, в 1736 году оказались в Петербурге «при войсках российских», которым императрицей было велено назначить «окладное жалованье и награждение в Приказ»³⁸. Вполне вероятно, что некоторые из этих офицеров обосновались в Петербурге.

Еще в 1714 году в «секретном предположении» одного из активных помощников Исаела Ори, архимандрита Минаса³⁹, поданном на имя подканцлера барона Шафирова, один из шести пунктов составляла просьба «о дозволении строить в Петербурге армянскую церковь»⁴⁰. Вопрос этот возникает снова в январе 1740 года. Один из первых армянских жителей Петербурга, Лука Ширванов, получил «высочайшее» разрешение построить на территории собственного дома небольшую армянскую каменную церковь⁴¹. С. М. Соловьев сообщает о том, что «синод... в январе 1742 года исходатайствовал у императрицы указ—упразднить армянские церкви в Петербурге, Москве и Астрахани, кроме одной каменной в последнем городе, и впредь не позволять их строить... 7-го апреля просьба Синода была исполнена»⁴². В 1750 году, как

³⁷ «Словарь геогр. Российск. государства», ч. V, стр. 655. «Армянская улица» числится в списке улиц Петербурга за № 73.

³⁸ Сведения об определении армян и грузин в Кизлярский шквадрон. «Ставропольские губ. ведомости», 1857, № 3, стр. 46.

³⁹ Биограф. материалы о Минасе-вардапете (1658—1740) см. *Л. М. Меликсет-Бек*. К биографии сподвижника Исаела-Ори—Минаса-вардапета. «Известия АН Арм. ССР», 1946, № 1, стр. 75—88.

⁴⁰ «Собр. актов», ч. I, стр. 358.

⁴¹ *П. Н. Петров*. История Санкт-Петербурга, СПб., 1884, стр. 401.

⁴² *С. М. Соловьев*. Русская история..., т. XXI, стр. 151. У Соловьева неточная ссылка на № 3546 «Полн. собр. законов». Просьба синода была удовлетворена не 7-го апреля, как пишет он, а 16-го января указом

это явствует из бумаг государственной коллегии иностранных дел, армяне снова обратились через «ювелира Русского двора» Ивана Лазарева с челобитной о разрешении построить каменную церковь. На это последовало изустное повеление Екатерины II о дозволении армянам «построить в Петербурге, для отправления их по вере службы, церковь и под оную отвести место». Генерал-полицмейстер, сообщая содержание указа в сенат, присовокупил со своей стороны, что он находит целесообразным «для армянской церкви выделить место на Невской перспективе»⁴³. Постройка была начата в 1771 году по проекту известного архитектора Фельтена. В 1781 году в торжественной обстановке, в присутствии многих высокопоставленных лиц, новая церковь была «освящена» архиепископом Иосифом Аргутинским-Долгоруким⁴⁴. Десять лет спустя последовал сенатский указ губернатору «об отводе места на Васильевском острове, при кладбище для погребения армян»⁴⁵.

Таким образом, уже в самом начале XVIII века возникает вопрос о постройке в Петербурге армянской церкви. Тот факт, что в начале 40-х годов церковь была построена, свидетельствует о наличии к этому времени в Петербурге армянского населения.

Армянская колония в Петербурге по сравнению с другими—Астраханской, Крымской, Московской—не была многочисленной. По цитированной выше записке из архива Аба-мелик-Лазаревых выясняется, что даже в 80-х годах XVIII века число постоянных жителей армян в Петербурге не превышало 150-ти⁴⁶. В северной столице проездом, кроме купцов, бывали и другие— из армян. Так, например, в конце сентября 1741 года прибыло в Петербург посольство от персидского шаха Надира с богатыми дарами для русского двора. В числе подарков было 14 слонов⁴⁷. Среди людей, сопровождавших слонов из Персии в Петербург, значатся «персияне»: Соколов, Петров, Крестьянов, Барабанов и «армяне»:

Елизаветы Петровны за № 8500. См. «Поли. собр. законов», т. XI, стр. 559.

⁴³ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга, стр. 92. (примеч.).

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12.

⁴⁵ «Собр. актов», ч. I, стр. 30.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 880, оп. 5, № 108, л. 12.

⁴⁷ М. И. Пыляев. Старый Петербург, СПб., 1887, стр. 62.

Иванов и Константинов⁴⁸. Пусть не смущают читателей фамилии этих «персиян» и «армян». Долгое время в России, как было уже сказано, иностранные фамилии часто в переводах русифицировались, тем более, если это касалось людей из простого сословия.

Многообразие и пестрота населения Петербурга вызвали в начале 60-х годов XVIII века у Шлецера удивление: «Какое многообразие в людях, в рассуждении племен и языков... Здесь соединяется Азия с Европою: Армяне, Калмыки, Бухары (китайцев при мне не было), словом люди едва ли не из всех частей света без исключения. Посмотрите вокруг, когда находитесь на большой дороге: какое разнообразие в кучах людей, в их лицах и одеждах! Богослужение отправляется здесь теперь на четырнадцати языках»⁴⁹. Несмотря на их немногочисленность, они, очевидно, выделялись своей ярко выраженной восточной внешностью, возможно, и национальной одеждой. Иначе трудно представить, как они могли быть замечены немецким путешественником в пестрой массе населения Петербурга.

Одним из первых «с.-петербургских армян» был Лука Ширванов. Его имя впервые упоминается в официальном документе от 16-го июля 1727 года, в числе посланных армян из России в Персию, где, по всей вероятности, они выполняли какие-то дипломатические задания⁵⁰. Брат Ширванова Карапет, который в других документах именуется «Иваном Карапетовым», судя по всему, был русским дипломатическим агентом в Персии. Его имя упоминается и в протоколах Верховного тайного совета 1727 года, где о нем сказано: «С 1723 года поныне в Персии употребляется в интересах его имп. величества и служит со всякою верностью и усердием»⁵¹. В другом документе 1730 года говорится о нем как о торговом армянине, который был «Сагнагах Армянского

⁴⁸ *Е. П. Карнович*. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими, СПб., 1886, стр. 132, 133.

⁴⁹ «Замечания иностранца о С. Петербурге, в 1764 году писанные. (Из собственной биографии Шлецера)». «Вестник Европы», 1815, № 1, стр. 61—63.

⁵⁰ «Собр. актов», ч. I, 1, стр. 367.

⁵¹ «Сб. Русского историческ. общества», т. 69, стр. 67—68.

собрания семь лет по комиссии российского двора»⁵². В бумагах Коллегии иностранных дел сохранились «выписки из допросов Ивана Карапета»⁵³. Он действовал во времена Исаи Ори. «В Карабахе,—пишет В. Парсамян,—для организации вооруженных сил и для объединения армянских меликов вокруг этой задачи, деятельную работу начал посланный от Петра I армянин Иван Карапет»⁵⁴. Он умер в конце 30-х годов и его личная переписка на армянском языке была взята из его дома и передана Ширванову, который эти письма разобрал и описал⁵⁵. Следовательно, Лука Ширванов был вполне грамотным человеком, владевшим не только армянским, но и русским языком. Он был и крупным промышленником. По всей вероятности, выходец из Новой Джульфы, он приехал в Россию в самом начале XVIII века. В первое время он действовал в Астрахани, затем приехал в Петербург, и, пользуясь указом от 2-го марта 1709 года, позволяющим «торговым армянам ездить из Москвы через Ругодив (Нарву) и С.-Петербург за границу, на каких они судах пожелают»⁵⁶, завязал тесные связи с северной столицей, где вскоре и поселился на постоянное жительство. Обосновавшись в Петербурге, он развивает широкую деятельность, строит фабрики «для делания шелковых, полушелковых и бумажных парчей», занимается разведением шелководства в Астрахани и Кизляре и т. д. В 1741 году Ширванову разрешается строить в Петербурге суда. Его имя как купца и промышленника встречается во многих документах и почти во всех случаях именуется он «санкт-петербургским армянином»⁵⁷.

Ширванов поселился в Петербурге около 30-х годов и имел на Васильевском Острове на углу Третьей линии и

⁵² «Собр. актов», ч. I, 368. Сагнаг, или Сигнаг,—объединенное название земель армянских меликов в Карабахе—Талин, Галиберт, Хагин, Варанда, Туги или Дизиг в XVIII веке составляли область, называемую Сигнаг (см. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, стр. 259).

⁵³ «Собр. актов», ч. I, стр. 372.

⁵⁴ В. Парсамян. Колониальная политика царизма в Армении (на арм. яз.), ч. I, Ереван, Изд. Армянского филиала АН СССР, 1940, стр. 20.

⁵⁵ «Собр. актов», ч. I, стр. 372.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

159067
X
Малого проспекта собственный каменный дом⁵⁸. Вместе с Ширвановым обосновались в Петербурге и другие армянские купцы. Из именного указа сената, от 16-го ноября 1760 года узнаем, о принятии «в вечное России подданство армянина Манвела Назаретова с родными его братьями Артемьем, Богданом и Никитою Назаретовыми о пожаловании их в с.-петербургские мещане»⁵⁹. Если иметь в виду, что эти купцы вели жизнь скитальческую, были постоянно в разъездах, общались в разных странах со многими своими соотечественниками, не забывая при этом, что среди них встречались грамотные, не чуждые культуре люди, то станет очевидной их роль как посредников в установлении более тесных культурных связей между Россией и армянами.

Во второй половине XVIII века из Новой Джульфы переселился в Россию крупный армянский промышленник Лазарь Назарович Лазарев. В 1776 году грамотой Екатерины II он, его дети и потомки были пожалованы в «российские дворяне»⁶⁰. Один из четырех его сыновей Иван Лазаревич обосновался в Петербурге, купил у гр. Строгоновых заводы в Пермской губернии, довел до совершенства шелковую фабрику в Московской губернии, где по заказам Г. А. Потемкина и Зубова выделялись «для петербургских дворцов отличнейшие шелковые изделия..., коими обиты многие залы в с.-петербургских дворцах: Зимнем, Таврическом»⁶¹. Впоследствии сыновья и внуки И. Л. Лазарева на гражданской и военной службе достигли чинов и высокого положения.

X
Наряду с И. Л. Лазаревым, получившим в конце века титул графа, центральным лицом, через посредство которого в эту эпоху армяне общались с Россией, был архиепископ армянского народа, обитающего в России, Иосиф Аргутинский-Долгорукий. Он был одним из наиболее видных и деятельных членов армянской культурной колонии в Петербурге⁶². Некоторое время он жил в Астрахани, при его со-

⁵⁸ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга, стр. 401.

⁵⁹ «Собр. актов», ч. I, стр. 378.

⁶⁰ «Историческое описание рода Лазаревых». ЦГИАЛ, ф. 880, эп. 5. № 1. См. также «Собр. актов», ч. I и II.

⁶¹ «Собр. актов», ч. II, стр. 299.

⁶² О политической деятельности И. Л. Лазарева и И. Аргутинского-Долгорукого см. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, Ереван, 1947.

действии армяне были переселены из Крыма в Нахичевань. Кипучая деятельность Аргутинского начинается с 1782 года, когда он участвовал в переговорах «О склонении Грузии поступить под покровительство России». В 1787 году он с русскими войсками был в Турции, участвовал также и в Персидском походе 1796 года. С 70-х годов Аргутинский оказался в северной русской столице в качестве не только духовного лица, но и политического представителя армянского народа. С 1773 года он был епархиальным архиепископом обитающих в России армян, а с 1800 года становится верховным патриархом. Его роль была весьма значительной в екатерининскую эпоху, когда русской дипломатией разрабатывались планы возрождения армянского государства, как существенной части русской восточной политики.

Аргутинский был человеком незаурядных способностей, давших ему возможность быстро подняться и занять видное положение. Он принадлежал к числу культурных людей своего времени. Отличное знание русского языка, несомненно, способствовало его популярности в русских правительственных сферах. О языке Аргутинского можно судить по его предисловию к русскому переводу «Исповедания христианской веры армянской церкви», в котором он излагает содержание традиционной исторической легенды о происхождении армянского народа, заимствованной им из сочинений древнеармянских авторов: «Достовернейшее повествование о родословии Праотцев Арменского племени, гласит тако: Ной родил Афета, Афет родил Гомера, Гомер родил Тираса, Тирас родил Торкома, Торком родил Гайка, который обще с Немвродом предпринял Вавилонское столпотворение. Поелику же не хотел он признать над собою верховной власти Немврода, то, оставя предприятие оно, возвратился в свою землю; за что он Немврода нанесена ему была война, в которой Гайк победил и убил Немврода. Почему народы, повинующиеся Гайку, почитая его за отца своего и государя, стали называть себя от имени его Гайканами, а землю, обитаемую ими, Гайканскою. И так до сего времени, как в писаниях, так и в общем разговоре, называем мы себя Гайканами. Сей Гайк родил Армена, который силою оружия покорил многие соседственные народы, и утвердя над ними власть свою, много распространил свое владение. От имени

его, славного завоеваниями, стали иностранные народы называть нас Армянами, а землю Армениею»⁶³.

В конце XVIII века петербургская армянская колония значительно возросла. В ее состав вливались люди различного общественного положения. Преимущественно это были чиновники, военные, лица духовного звания и в особенности представители торгового сословия и промышленников.

В 1779 году Аргутинский познакомился с Григорием Халдаряном, который приехал в Россию из Лондона, где жил в течение десяти лет. Халдарян—уроженец Новой Джульфы, некоторое время занимаясь торговлей в Индии, накопил богатство. Еще в Лондоне у него возникла идея организации армянской типографии, с целью распространения просвещения среди своих соотечественников. Преодолев большие трудности, потратив значительные средства, Халдарян наконец достигает своей цели. По его заказу были изготовлены в Голландии девять различных армянских шрифтов для будущей типографии⁶⁴. В 1779 году Халдарян переехал в Петербург, где спустя несколько лет, в 1783 году, основал армянскую типографию⁶⁵. В этом важном культурном начинании Халдарян нашел такого сильного и деятельного покровителя, каким оказался Аргутинский.

Недолго просуществовала в Петербурге армянская типография. Недостаточная материальная база, особые трудности ведения дела, рост долговой суммы вскоре привели ее к весьма тяжелому состоянию. В 1788 году умер Халдарян.

⁶³ «Исповедание христианския веры армянской церкви, переведенное с армянского на Российский язык и изданное тщением преосвященного Иосифа, архиепископа всего армянского народа, обитающего в России, и кавалера князя Аргутинского-Долгорукого. В Санкт-Петербурге. С дозволения цензуры. Печатано у Шнора 1799 года». *Его же*. Таинство крещения армянской церкви и чин священныя и божественныя литургии армянския церкви..., СПб., 1799. Экземпляры названных сочинений с автографом Аргутинского хранятся в Гос. публ. библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁶⁴ «Архив армянской истории» (на арм. яз.), т. IX, стр. 486, 487.

⁶⁵ Первые армянские типографии возникли в Константинополе, Амстердаме, Венеции. Первая армянская печатная книга увидела свет в 1512 году. В 1771 году патриарх Симеон основал в Вагаршапате, близ Еревана, типографию и бумажную фабрику.

Типография была перевезена Аргутинским сначала в Нахичевань, а затем в Астрахань⁶⁶.

За пять лет существования петербургская типография выпустила несколько книг преимущественно духовного содержания. Из них следует указать на новое издание сочинений армянского писателя XII века Нерсеса Шнорали (Благодатного), с двумя прекрасными портретами автора. Она была издана 1-го мая 1788 года с послесловием, в котором подробно рассказывалось о типографии Халдаряна и издательской деятельности Аргутинского. Достоянна упоминания и вторая книга: «История Вардананской войны» армянского писателя V века Егише, с литографированными изображениями полководца Вардана Мамиконяна и Гевонда Ереца⁶⁷. Из приложенной в конце статьи выясняется, что издание было начато при жизни Халдаряна, но увидело свет лишь после его смерти.

Реплика 306/1

В конце XVIII века значительно возрастает интерес к русскому языку и было бы весьма важно установить, каким путем и средствами на первых порах осуществлялось проникновение элементов русской культуры в армянскую среду.

В богатейшем хранилище армянских рукописей «Матенадаране» сохранилась записная книжка конца XVIII века неизвестного купца-армянина, где имеются не только деловые записи, отражающие торговую деятельность, но и записи, по которым можно судить о круге его духовных интересов. Записи армянского купца носят двоякий характер. В одном случае источником могли служить живая речь и устное народное творчество, в другом—книжные тексты. В интересующей нас части записной книжки содержатся на русском языке краткие записи по истории России от Рюрика до Екатерины II, русские поговорки и упражнения по русскому языку. Встречаются такие специфические русские выражения как: «Мы сами с усами», «не брал, но драл», «гораздо нежно, да ненадежно», «дале море, меньше горе», «не в службу, а в дружбу», «смех и грех» и т. д. Здесь же запись поговорки—«На что желать мне долгих лет, в словах и в деле я

⁶⁶ См. Лео. История Армении (на арм. яз.), т. III, Ереван, Изд. АН Арм. ССР. 1946, стр. 960, 964, 1055—1056. Его же. Католикос Иосиф Аргутинский (на арм. яз.). Тифлис, 1902, стр. 194—196.

⁶⁷ «Архив армянской истории», т. IX, стр. 487, 499.

вечный человек»; «Не молви слова, крепись, а дав слова, держись», «Дурака посади за стол, он и ноги на стол», «Дом полон ослами, один пришел с рогами». Тут же армянский перевод. Автора записной книжки заинтересовали омонимы в русском языке. Так, например, он записывает: «Мука—из чего хлебы пекут, му́ка—то есть мучение»⁶⁸.

В записной книжке армянского купца находим и образцы песен, свидетельствующие о его культурном уровне. Эти песни любовно-игривого содержания и являются своеобразной стилизацией под модные для той эпохи «пастушеские» мотивы:

Придальные за тучей
Пастушка гуляла,
И туда глядь и сюда
Нечто примечала.
То пойдет, то посидит,
За тучей она глядит,
Только в чаще пастуха
Она не видала.
Не видала и того,
Как пастух подкрался,
Обернув ее к себе,
С ней поцеловался...
Не шути ты, не замай.—
Девка говорила,—
Вот в ухо я тебе дам,
Пастуху грозила...
Как упали на траву,
Мне не стало видно,
Только слышу, как кричит—
Как тебе не стыдно!...⁶⁹

Автор записной книжки плохо владел русским языком. Русские песни, которые ему понравились и которые он хотел запечатлеть в памяти, были записаны при помощи армянского алфавита. Очевидно, в XVIII веке это был довольно

⁶⁸ Матенадаран, № 5954, лл. 118—121, 110—112, 122.

⁶⁹ Там же, лл. 53—55. Вариант, распространенной тогда песни. См. соч. *Михаила Дмитриевича Чулкова*. Собр. разных песен, т. I. СПб., 1913, стр. 101, 102.

распространенный способ воспроизведения русских текстов, наиболее удобный для быстрейшего овладения языком. Этим же методом пользовался и Григорий Халдарян—автор изданного в Петербурге первого армяно-русского словаря⁷⁰.

Появление словаря Халдаряна в 1788 году свидетельствует о растущем интересе армян к русскому языку. В нем заключено около двух с половиной тысяч, как говорит составитель, «наизбраннейших слов из бездонного моря языка русского народа». Автор преследовал цель «по тропинке языкознания вывести читателей на широкую дорогу» углубленного и всестороннего изучения «роскошного и славного языка просвещенной России». В конце книги помещены армянский текст и параллельный русский перевод «Молитвы» Нерсеса Шнорали (Благодатного).

Издание словаря Халдаряна было завершено вдовой автора Катаринэ Захаровной. Лео назвал ее первой армянской издательницей⁷¹. В послесловии упоминается и имя наборщика: «Помяните достойно имя основателя типографии и автора книги, в бозе почившего (светлой души) Халдаряна Григория, а также его духовного сына и непосредственного ученика Мкртума Аствацатуряна, который с юношеских лет не мало трудился и постоянно трудится во славу армянского племени, с любовью служившего, и отливая, и подравнивая, и набирая, и рассыпая свинцовые буквы»⁷².

Книга Халдаряна, по словам автора, являлась «более плодом любви, нежели знаний». Разумеется, не трудно обнаружить в этом первом опыте составления армяно-русского лексикона существенных недостатков. Но для своего времени словарь Халдаряна, безусловно, был явлением большого культурного значения.

⁷⁰ Книга, которая называется: «Стезя языкопознания». Напечатано в типографии Халдаряна. Иждивением Катаринэ Захаровны, вдовы покойного. СПб., 2-го декабря 1788, 156 стр. В годы Великой Отечественной войны в Чкаловском архиве была обнаружена рукопись армяно-русского словника 1785 года. См. С. Сукасян. Старейший русско-армянский словарь (на арм. яз.). «Известия АН Арм. ССР», 1945, № 5, стр. 73—78.

⁷¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 1056.

⁷² «Стезя языкопознания», стр. 156.

II. КНИГА КЛЕОПАТРЫ САРАФОВОЙ. РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВАРЛААМА ВАГАНОВА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ АРМЯНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В 1788 году в петербургской типографии Г. Халдаряна была издана книга «девицы Клеопатры Сарафовой», предназначенная для юношества¹. Она мало привлекала внимание исследователей. Между тем книга «первой писательницы из восточных армян» достойна всестороннего рассмотрения. Она открывается посланием к великому князю Константину Павловичу: «Милостивейший государь! Сей первый плод слабых трудов моих недоумевала воистину, кому бы могла посвятить, как токмо не имени вашего императорского высочества. Удостойте же милостивейший государь, оный вашего приятия и не отриньте его! Коль щастлива и прещастлива буду я в роде смертных, когда сей труд и вкупе трудившаяся привлекут на себя вашего императорского высочества благоволение. Милостивейший государь, вашего императорского высочества, всенижайшая Клеопатра Сарафова». В этом обращении нет ничего удивительного. Отдавая дань общепринятым нормам того времени, автор нашел нужным посвятить свой труд высокопоставленному лицу, ожидая, возможно, поддержки и поощрения, что могло иметь немаловажное значение и для будущих новых начинаний в этом же направлении.

Книга К. Сарафовой содержит: а) «Букварь армянской и Российской», б) «Российской букварь с армянским», в) «Наименование букв армянских с показанием, которые из российских букв соответствует употреблению армянской», «Наименование букв армянских с показанием, какая из армянских букв соответствует употреблению российской», д) «Армянские слоги с российским произношением», е) «Российские слоги с армянским произношением».

Наиболее значительный по объему (стр. 21—243), составили «Армянский словарь с российским переводом» и «Российский словарь с армянским переводом». И в этом случае

¹ «Книга, содержащая в себе ключ познания, букваря, словаря и некоторых правил из нравочения. Сочиненная и переведенная с русского на армянской и с армянского на российской языки девицею Клеопатрою Сарафовою 1788 г. августа 1 дня. В Санкт-Петербурге печатано с дозволения Управы Благочиния, у Григория Халдарова».

автор придерживается тех же принципов параллельного воспроизведения, как и в первом разделе. Сначала дается русская форма слова, затем его звучание при помощи армянских букв и, наконец, его значение. Так же составлен армяно-русский лексикон. Например:

Русастан, или Русет—Россия,
азат—свободный,
айгепан—садовник,
лусамут—окно и т. д.

Сарафова, в поисках более доступных и доходчивых форм, впервые применила способ передачи звучания русских слов армянскими буквами и звучание армянских слов при помощи русского алфавита. И, конечно, как и следовало ожидать, она встретила с серьезными трудностями, вытекающими из фонетического различия этих двух языков. В армянском алфавите отсутствуют знаки, при помощи которых можно было бы воспроизводить такие специфические русские звуки, как «ъ» или «ы», «щ», «ю», «я». Поэтому последние три звука изображались в учебнике Сарафовой посредством двойного сочетания армянских букв.

Не менее трудной оказалась задача воспроизведения звучания армянских слов при помощи русского алфавита. Только в отношении некоторого количества армянских слов можно достигнуть правильной передачи их звучания при помощи русских знаков. Например:

патив—честь,
анун—имя,
еритасард—молодой и т. д.

Для большинства же армянских слов применяемый Сарафовой способ давал лишь приблизительное, далеко не точное представление о звучании оригинала. Например: «акагаг—фазан» (петух), «банастегць—стихотворец» (поэт), «интрель—избирать», «исгаль—чувствовать», «арогч датогутюн—здоровое рассуждение» и т. д.² В переводах с армян-

² Вопрос, который некогда волновал Сарафову и который она пыталась решать практическим путем, представляет актуальную проблему и для советской филологической науки. Давно назрела необходимость разработки фонетической аналитической транскрипции, позволяющей с возможной точностью воспроизводить звучание и ритмический рисунок национальных текстов, в частности армянских.

ского встречаются и неточности. Тем не менее, основная цель была достигнута. Словарь Сарафовой был для своего времени полезным и нужным руководством. Он не был предназначен, как можно судить по многообразию и разносторонности состава слов, для людей узкого сословного круга. В некоторых случаях в нем даются не только отдельные слова, но и целые выражения и фразы. Например:

авитенакан кянк—вечная жизнь,
тагаворутюн еркнаин—царство небесное,
хайренакан ануи—отечественное имя.

В русско-армянском словаре встречаются такие выражения, как: «замертво упасть», «сошествие святого духа», «тенное место», «тучная земля». Автор иногда допускает неточности, искажения, в особенности в отношении таких специфически-русских, трудно переводимых выражений и слов, как «болтун», «вельможа», «водяной», «вещун», «детина», «пригожий» и т. д.

В книге К. Сарафовой имеется разговорник, рассчитанный по своей тематике на школьников, где нашли отражение общепринятые педагогические нормы и где автор преследовал цель приучить своих юных читателей «хорошим манерам»:

«Разговор:
Вас надобно долго дожидаться.
Прошу меня простить—я учил мой урок.
Изволите ли вы супу?
Пожалуйте, дайте мне ветчины.
Не изволите ли пить?
Изволите ли пива?
Вина белого?
Вина красного?
Меду?
М. Г., я имею честь пить за ваше здоровье.
Я благодарствую».

В книге Сарафовой много нравоучительных сентенций. В таком плане составлен раздел, озаглавленный автором: «Гражданское начальное учение», в котором излагаются основы христианской морали и нравственности. Здесь встречаются такие изречения, как:

«Добрые дела сами собою воздаяния приносят.
Во всяком возрасте почитай родителей.
Сделав ближнему пользу, сам себе сделаешь пользу.
Вопрос: кто есть ближний?
Ответ: всякой человек.
В свете ничего совершенного нет: Един бог совершенен».

В этом же разделе приводятся образцы русских пословиц и поговорок:

«Праздность есть мать скуки и многих пороков.
Век живи, век учись.
На бога надейся, но сам не оплошай.
По заслугам воздаяние...

Бранные слова оскорбляют уста, из которых исходят столько же сколько и уши, в которые входят.

Честность есть неоцененное сокровище.
Тонкость не есть чистосердечие.
Хитрость не есть разум.

Когда самую истину показать надлежит, на то излишних слов не надобно».

В форме вопросов и ответов даются общепользные сведения о временах года, частях света и т. д.

В сравнительно небольшом словаре, насчитывающем около двух тысяч слов, нашли место такие понятия, которые дают основание думать, что Сарафовой не были чужды передовые веяния «века просвещения». Например: «демократическое правление», «республиканское правление», «деспотический или неограниченный владетель». Что эти выражения оказались в словаре не случайно и они связаны с мировоззрением автора, подтверждается содержанием последующих разделов. В разговорнике встречаются такие фразы:

«Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам.
Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам.
Вольность есть право, все то делать, что законы дозволяют.
Где есть разделение между особами, тамо есть также преимущества особам, законами утвержденные.

Где умеренность наблюдается, тут и самого меньшого гражданина жизнь и честь во уважение принимается. Законы можно назвати способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе и без которых бы общество разрушилось».

На основе этих рассуждений можно составить представление об общественно-политических воззрениях Сарафовой. Она стоит на дворянско-просветительских позициях, ратует за справедливость, за право и «меньшого гражданина» защищать свою правду.

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». Этой фразой утверждается равноправие всех граждан перед законом, независимо от имущественного положения и сословной принадлежности. В то же время Сарафова не затрагивает основы дворянско-монархического строя. Свобода граждан регламентируется законами; они имеют право «все то делать, что законы дозволяют», а законы охраняют право и привилегии имущих сословий. Сарафова лишь констатирует: «Где есть разделение между особами, тамо есть также преимущества особам, законами утвержденные». Судя по всему, Сарафова была сторонницей просвещенной монархии, где «добрые законы направляют действия граждан к добру». В ее суждениях легко обнаружить и черты общегуманистического мирозерцания, навеянные идеями просветительской философии XVIII века. В книге Сарафовой находим и такие мысли:

«Сердиться не должно на того, кто тебя выше или ниже, а то во гневе не будет равенства.

В споре на что сердиться: всяк человек рожден своим смыслом, так как и своим лицом.

Во всяком деле должно выслушать обе стороны; пусть защищает всякой свою правду».

Автор защищает право каждого свободно высказывать свое мнение, право каждого отстаивать «свою правду». В то же время программа поведения образцового гражданина начертана в книге в весьма общих тонах. На вопрос: «Что есть добрый гражданин?» автор отвечает: «Добрый гражданин есть тот, который выполняет с точностью все гражданские обязательства; домашние: яко сын, яко муж, яко отец, яко получающий услуги, или яко отправляющий служение

по состоянию, в котором находится; общественные: яко в обществе живущий; и дружеские: яко друг и яко добрый сосед». Общественные обязанности гражданина автором определяются слишком расплывчатой, ни к чему не обязывающей фразой: «яко в обществе живущий». Сарафова сторонница социального мира и общественного спокойствия. Она не одобряет поведение людей беспокойных, ищущих, которых она называет «завистниками». Она проповедует каждому довольствоваться тем, что он имеет, не желать большего, смириться. Сарафова говорит:

«Кто завистлив или желает того и сего, тому не дож-
даться веселья.

Кто состоянием своим доволен, тому жить весело».

В основе этих нравоучительных сентенций в конечном счете лежит мысль о покорности и смирении. Эта куца житейская философия вполне соответствовала официальным нормам поведения, установленным законами дворянского общества. «Благонамеренность» автора в большей степени сказалась в отрывке, где она рисует образ добродетельной барыни. Здесь же находим «Описание совести»:

«Совесьть есть светило внутреннее, закрытое, которое освещает единственно самого человека, и речет ему гласом тихим без звука; трогая нежно душу, приводит ее в чувство, и следуя за человеком везде, не дает ему пощады ни в каком случае.

Именованья совести: Помещик сердца, советник рассудка, руководитель души, поверенный добродетель, стряпчий должности, защитник слабого, зеркало невинности, узда страстей, пугалище пороков.

Пять времен совести:

Время, когда совесьть наставляет,

Время, когда совесьть побуждает,

Время, когда совесьть оправдывает или обвиняет,

Время, когда совесьть оскорбляет или утешает,

Время, когда совесьть прячется или заснет».

Отрывок этот выписан нами из последнего раздела книги, имеющего странное заглавие: «Китайские мысли о совести», в котором без всякого плана и последовательности приводятся отдельные мысли, изречения, со ссылками на Аристо-

теля, Сократа, Диогена, Анаксагора и других мыслителей древности.

На общественные воззрения Клеопатры Сарафовой несомненное влияние оказало ее социальное положение, ее принадлежность к привилегированному сословию. Тем не менее, в создании такой своеобразной книги-учебника, в известной степени ею руководило благородное патриотическое стремление по мере своих сил способствовать процессу культурного возрождения армянского народа.

Книга Сарафовой для своего времени имела огромное значение в пропаганде русского языка среди армянского населения. «Первейшая человеку должность, чтоб служить своему отечеству,—говорит Сарафова.—Не прискорбно ли вам будет, когда вы не в состоянии будете никогда ему никакой услуги оказать».

Кто же была Клеопатра Сарафова, которую историк Лео назвал «первой писательницей» из восточных армян?³

Биографические сведения о ней отсутствуют. Можно говорить лишь предположительно, что она родилась в 1755—1760 годах в Астрахани. Хотя в книге Сарафова и допускает искажения и неточности, тем не менее она достаточно хорошо владела как армянским, так и русским языками. Знанием русского языка она обязана петербургскому периоду своей жизни. Кто же Сарафова по происхождению? Есть все основания думать, что она была дочерью армянского богатого негоцианта и промышленника Мовсеса Сарафова.

Сарафов, как это стало известно благодаря исследованию А. Р. Иоаннисяна об Иосифе Эмине, был автором проекта освобождения армянских областей и восстановления армянского независимого государства, под покровительством России. В этой записке Сарафов затрагивал вопросы, связанные с успешным осуществлением всей военной кампании, высказывая свои соображения об организации добровольческих отрядов из армян и грузин, подчиненных общему командованию русского экспедиционного корпуса, о содержании и снабжении армян, о плане освобождения важнейших населенных пунктов: Еревана, Ахалциха, Карса, Баязета и

³ Лео, История Армении, т. III, стр. 1056.

Вана и т. д.⁴ «Моисей Бунятов сын Сарафов», как именует он себя в этом официальном документе, поданном 8-го июня 1765 года в Коллегию иностранных дел, как и многие подобные ему, был выходцем из Ирана, переехал в Россию, обосновался в Астрахани, где занимался шелководством. В 60-х годах он был одним из влиятельных армянских промышленников, деятельность которых поощрялась русским правительством⁵. Когда Сарафов переехал в Петербург, пока трудно сказать, но уже в начале 80-х годов он был там. Его имя упоминается в Записке Иосифа Аргутинского 1781 года в числе именитых петербургских армян⁶.

Сам Сарафов в своем проекте ссылается на «жителей из национальных же армян людей знатных в Санкт-Петербурге». Среди перечисленных имен в конце его записки находим имена: армянского священника Иваница Шеристанова, гофювелира Ивана Лазарева, князя Михайло Назарова, Юзбаши Якупа, Макара Манычарова и владельца шелковых фабрик Григория Кампанова⁷.

Эти петербургские армяне составляют ту социальную среду, из которой вышла Клеопатра Сарафова. Она сама, по всей вероятности, дочь купца, находилась в окружении представителей торгового сословия. Воодушевленная идеями «века просвещения», желая служить своему отечеству, Сарафова взялась за перо и написала свою книгу.

Нет достоверных биографических сведений и о другом петербургском авторе XVIII века. Кто был скромный подпоручик Варлаам Ваганов, который, будучи брошен волею судеб в северную русскую столицу, с таким усердием и энтузиазмом занимался пропагандой истории своего народа? К сожалению, пока еще не удалось обнаружить в рукописных хранилищах какие-либо документы о нем, о его служебной и литературной деятельности. Во всех же печатных источниках его имя упоминается, как автора русских переводов книг об Армении.

⁴ Текст проекта впервые опубликован в кн.: *А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин*, стр. 339—352.

⁵ Ему был представлен русским правительством кредит в сумме 10 000 рублей. См.: «Полное собр. законов Российск. имп.», т. XVI, стр. 387.

⁶ См. *А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин*, стр. 269.

⁷ Там же, стр. 352.

Из опубликованных за последние годы документов выясняется, что в 1784 году Варлаам Ваганов был капралом лейб-гвардии конного полка. Его имя, как переводчика, стоит под официальными письмами армянских меликов⁸. Среди них встречается одно письмо 1783 года подполковника русской армии Мирзабека (Мурзабека) Ваганова⁹, возможно, родственника Варлаама Ваганова. В 1786 году Варлаам Ваганов был уже подпоручиком и жил постоянно в Петербурге. Все наши поиски его имени в списках офицеров как лейб-гвардии конного полка, так и лейб-гвардии Преображенского полка оказались тщетными. Нет имени Ваганова и в различных справочных изданиях русских офицерских чинов XVIII века, где имена лиц низших воинских званий отсутствуют.

Небольшая книжка Ваганова, заключающая в себе 27 страниц и озаглавленная «Плач о Армении», представляла перевод на русский язык заключительной части «Истории Армении» армянского писателя-историка V века Мовсеса Хоренаци.

Переведенный отрывок свидетельствует о патриотических чувствах, которыми руководствовался Ваганов. В то же время отрывок этот принадлежит к числу наиболее ярких страниц, характеризующих и памятник древнеармянской литературы:

«Рыдаю о тебе Армения! Рыдаю о тебе избраннейшая страна во всем Севере! Отъят от тебя Владыка, отъят священник, отъят советник, отъят и мудрый учитель, мир и покой твой разрушены, одно смятение и раздор распространяют свои корни, пала уже истинная вера, коею ты славилась; развратность и невежество овладели ею престолом. Болезнующую о тебе о Армянская церковь! Где теперь украшение, где великолепие алтарей твоих? Лишилася ты несравненного пастыря, лишилася и его подвижника. Уже не зрю я словесного твоего Стада, пасомага на зеленеющем лугу, или при струях сладкого упоения, или соединенного во ограде, да будет безопасно от волков хищных! Я вижу его рассеянным и рассыпан-

⁸ См.: А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, стр. 255, 262, 266, 272, 273.

⁹ Там же, стр. 249, 250.

ным по дебрям и пустыням, по местам, исполненным гибели»¹⁰.

Не случайным было русское издание 1786 года в Петербурге эпилога «Истории Армении» Хоренаци, где повествуется о падении армянского царства династии Аршакуни в 428 году. Оно тесно связано с событиями политической жизни России конца XVIII века. Вместе с тем брошюра Ваганова отражала настроение деятелей армянского национально-освободительного движения 80-х годов XVIII столетия. Это был период, когда в русской столице, в Коллегии иностранных дел, при непосредственном участии Г. А. Потемкина и А. В. Суворова разрабатывались планы восстановления армянского государства¹¹. Легко представить как в то время звучали строки из «Плача о Армении».

«Царствуют свирепые и безчеловечные владыки, которые тяжкими налогами обременяют народ и издают повеления жестокие и неудобноисполняемые. Вельможи не милосердны, друзья пронырливы, и злодеи многоможны, верным к сей суетной жизни продолжая, разбойники отовсюду толпами набегают, жилища разрушаются, имени расхищаются, вельможи обременены оковами, и знаменитые низвергаются в темницу, чада посылаются в изгнание, и простой народ бесчисленный претерпевает бедствия. Грады взяты, крепости разрушены, села опустошаются, и жилище пожирается пламенем... Болезни и многоразличные смерти удручают»¹².

Слова эти напоминали читателям об угнетенном и бедственном положении армянского народа в султанской Турции и шахской Персии.

¹⁰ «Плач о Армении. Из сочинений славного Армянского историка Мовсеса Хоренацеса». Перевел с армянского на российский язык В. В... В Санкт-Петербурге. Печатано с дозволения Управы Благочиния. У Шнора. 1786.

Впервые описана: «Первое прибавление к росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». СПб., 1829, стр. 23, за № 10182.

Брошюра Ваганова является библиографической редкостью. Экземпляр ее хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹¹ См. М. Нерсисян. А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 гг. (на арм. яз.). Ереван. Изд. АН Арм. ССР, 1944.

¹² «Плач о Армении», стр. 25, 26.

П Л А Ч Ъ.

Объ отпаденіи Арменскаго царства отъ рода Арсакуніанъ или Арзацидовъ: и объ отбятіи Первосвященства отъ племени Святаго Григорія просвѣтителя Арменіи.

Рыдаю о тебѣ Арменія! рыдаю о тебѣ избраннѣйшая сирана во всемъ Сѣверѣ! отбѣяпѣ отъ тебя Владыка, отбѣяпѣ священникъ, отбѣяпѣ со-

Рис. 4. Начальная страница перевода В. Ваганова эпикола «Истории Арменіи» Мовсеса Хоренаци. 1786.

Отсутствие биографических материалов не позволяет в полной мере осветить вопрос об участии Ваганова в национально-освободительном движении. Во всяком случае он пользовался покровительством И. Л. Лазарева. Свой перевод отрывка из «Истории Армении» Хоренаци Ваганов посвятил Екатерине Ивановне Лазаревой. В обращении к ней он писал: «Посвящаю вашему высокоблагородию незрелый плод моего труда, употребленного на перевод сей книжки, ласкаюсь я надеждою, что он вам понравится, потому особливо, что вы, имея душу кроткую, сердце снисходительное и от природы расположенное к состраданию, найдете в ней описания человеческих несчастий, достойных вашей чувствительности, соболезнования, и пролития слез; при том благодарность моя, к особе вашей, моя признательность, и почтение, руководствующее меня к сему предприятию. Я весьма счастлив буду, и почту себя довольно награжденным, ежели труд сей удостоен будет благосклонного от вас принятия»¹³.

Что Ваганов был тесно связан с И. Л. Лазаревым и Иосифом Аргутинским-Долгоруковым и пользовался их покровительством, становится совершенно очевидным из изданной в Петербурге второй его книги, представляющей перевод «Истории Армении», составленной виднейшим представителем Индийской армянской колонии в Мадрасе Шаамиром Шаамиряном.

Армянская индийская колония возникла в XVIII веке. В связи с новой волной гонений и преследований армян в Турции и Персии и с походом афганцев на Исфагань и на Новую Джульфу усиливается переселение армян в Индию. Во второй половине XVIII столетия по своему культурно-политическому значению начали выделяться колонии в Мадрасе и Калькутте. В Мадрасе в 1794 году вышло первое армянское периодическое издание «Аздарар» («Вестник»). В 70-х годах здесь же образуется небольшой кружок патриотически настроенных армян. Из этого кружка вышел Шаамир Шаамирян, деятельность которого тесно связана с армянским освободительным движением последних десятилетий XVIII века.

Связь с индийской колонией была установлена и раньше, но она стала более регулярной и прочной в 80-х годах XVIII века. Шаамирян, с которым в эти годы Иосиф Аргутинский находился в переписке, был крупным богачом и видным дея-

¹³ Там же, стр. 5, 6.

телем армянского освободительного движения. Он явился автором книги под заглавием «Ворогайт парац» («Западня честолюбия»), с историко-теоретическим введением и изложением конституционных принципов будущего армянского государства¹⁴. Трактат Шаамиряна был издан в Мадрасе. Там же было напечатано составленное им «Краткое историческое и географическое описание царства Арменского». Экземпляр книги был послан Аргутинскому, который в свою очередь представил его Г. А. Потемкину. По распоряжению последнего, в Петербурге был издан русский перевод книги Шаамиряна. Автором перевода был Варлаам Ваганов¹⁵.

Переводчик истории Армении ставил перед собою определенную задачу. Ваганов принадлежал к числу тех, которые прилагали все усилия к тому, чтобы вызвать интерес русского двора к судьбам армянского народа. Не случайно книга Ваганова была посвящена одному из виднейших государственных и военных деятелей екатерининских времен, сподвижнику русской императрицы, фельдмаршалу, «светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому». Среди подписчиков первого русского издания «История Армении», наряду с именами кавказского происхождения: Ивана Маничарова, Гарсевана Чавчавадзева, Иосифа Хастатова, Макара Богдановича Маничара, Ивана Сумбатова, Назара Гарибджанова, Григория Худобашева и Иоакима Лазарева, были также имена высших сановников Российского государства: Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, сенатора, президента комерц-коллегии, впоследствии государственного канцлера графа Александра Романовича Воронцова; одного из деятельнейших и влиятельнейших сотрудников Екатерины Второй, графа Александра Андреевича Безбородко; сына фельдмаршала, друга Воронцова и Потемкина, графа Андрея Петровича Шувалова, известного археолога, члена Российской академии, президента Академии художеств

¹⁴ См. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия, стр. 136—163.

¹⁵ «Краткое историческое и географическое описание царства Арменского, из древних писателей сего народа, яко верных источников, собранное и на арменском языке в Индии изданное Яковым Шамировым, с ныне с арменского на российский язык переведенное подпоручиком Варлаамом Вагановым. Иждивением книгопрод. Вогака и товарищ. в Санкт-Петербурге. Печатано с дозволения Управы Благочиния у Шюора, 1786 года».

Алексея Ивановича Мусина-Пушкина; княгини Екатерины Романовны Дашковой; отца поэта К. Ф. Рылеева; старшего сына «Арапа Петра Великого» Ив. Абрамовича Ганибала и многих других знатных вельмож екатерининских времен. В перечислении «особ, благоволивших подписаться» на «Историю Армении» Ваганова, значилось и имя прославленного русского полководца, Александра Васильевича Суворова¹⁶.

Варлаам Ваганов на обороте титульного листа поместил шесть стихотворных строк, которые говорили о светлых надеждах автора, об освободительной миссии России в отношении армянского народа:

Богатством, древностью и храбростью героев,
Что в римских некогда разили в битвах воев,
Премножеством премен прославлена страна,
Армения до днесь лежит расхищена;
Но вопль ее врагов насильством извлеченный,
Достиг уже пред трон Российский освященный.

В предисловии, обращенном к читателю, Ваганов просил быть не строгим к его русскому языку, так как он «иностранец» и, «упражняясь» в русском языке, «через весьма немногие годы, не имел ни случая, ни возможности вникнуть в изящество и красоту одного другим образом, как собственным своим рачением, без всякого руководителя». Из его краткого предисловия выясняется, что он занимался переводом армянской истории в свободное от службы время. У Ваганова не было руководителя при изучении русского языка, но у него были не плохие помощники и консультанты при осуществлении перевода «Истории Армении» Шаамиряна. В обращении к читателям он упоминает имена двух своих соотечественников: Макара Богдановича Маничара и прибывшего из Армении Степана Попова. Как выясняется из опубликованных документов XVIII века, касающихся русско-армянских политических сношений, Степан Попов был переводчиком и посредником между резиденцией патриарха Армении Эчмиадзином и Петербургом. Его называли иногда в официальной переписке «араратским послом». Он подписывался: «армянской

¹⁶ О связях Суворова с армянскими колониями см. В. Восканян и В. Акопян. Новый документ о Суворове. «Известия АН Арм. ССР», 1950, № 6, стр. 93—98; А. Адамян. Новые документы о Суворове. Там же, 1950, № 8, стр. 95—97.

диякон Степан Сагаков сын Попов». Он бывал в Петербурге, выполняя разные поручения патриарха. Он же оказывал существенную помощь Ваганову в работе над переводом «Истории Армечии»¹⁷.

Достоин специального внимания и второй помощник Ваганова—Макар Богданович Маничар. Его настоящее имя Маргар Аствацатурович Манучарян. Богдан соответствует армянскому имени Аствацатур, что в дословном переводе означает «данный богом». Некоторые биографические сведения сохранились о нем в переписке католикоса-патриарха Гукаса. Предки Манучаряна были жителями Еревана. Со времени нашествия шаха Аббаса они оказались в Персии, поселились в Новой Джульфе, затем переехали в Россию. Сначала жили в Астрахани. Позже Маргар Манучарян со своими братьями Мкртичем, Пилипосом и Ованесом перебрались в Петербург¹⁸. Здесь, в «Московской части» города, он завел «мануфактуру шелковых чулок и перчаток»¹⁹.

Манучарян был не только крупным промышленником, но и видным представителем армянской культурной колонии в Петербурге. Он был для своего времени достаточно образованным человеком, и принимал деятельное участие во многих культурных начинаниях. Участие его выражалось не только в крупных денежных пожертвованиях, но и проявлением инициативы в организации культурных учреждений. Манучарян был среди тех немногих, кто оказал содействие Халдаряну в основании армянской типографии в Петербурге. Он помогал Ваганову в переводе исторического сочинения Шаамиряна на русский язык. Наконец, Манучарян явился инициатором организации армянской школы в Астрахани.

Астраханская школа занимает важное место в истории просвещения, как первое армянское учебное заведение гражданского типа на территории России, хотя и оно по условиям своего времени находилось под опекой духовных властей.

Не только в древний период и средневековье, но и в XVIII столетии армянские школы существовали преимущест-

¹⁷ См. А. Р. Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение, в 80-х годах XVIII столетия, стр. 113, 114, 120—122, 170, 176, 177, 269, 271.

¹⁸ «Архив армянской истории» (на арм. яз.), т. IV, Тифлис, 1899, стр. 516—518.

¹⁹ «Словарь геогр. Российск. государства...», собранный Афанасьем Шекатовым», ч. V, М., 1807, стр. 687.

венно при монастырях. Учебная программа была подчинена задачам духовного воспитания и образования. Несколько особняком стояла школа, организованная в начале XVIII века Венецианской конгрегацией во главе с Мхитаром Себастьяни, принявшим католичество. «Мхитаристы» вскоре развили широкую деятельность, ревниво собирая и изучая все, что относится к истории Армении, ее культуры, литературы, языка. Они начали издавать книги не только религиозного содержания, но и переводы из европейской литературы, исторические исследования, словари, а также труды по географии и естественным наукам.

Иные задачи ставила армянская школа в Астрахани, возникшая в 70-х годах XVIII столетия. Это было частное учебное заведение, где в первое время занималось небольшое количество купеческих детей. Ни скудные средства, ни условия, ни состав преподавателей не могли обеспечить всестороннее развитие воспитанников. Астраханская школа на первых порах и не ставила широких образовательных задач. Она давала минимальные необходимые знания, главным образом, для занятия коммерческими делами²⁰. Сохранилось стихотворение, посвященное Г. А. Потемкину, сочиненное в 1776 г. и переведенное на русский язык воспитанниками армянского училища в Астрахани:

Потемкин в свет родясь не тщетно наречен,
По имени того, кто просветил Армен,
Предзнала знать судьба, что сей страны народы
В Россию преселясь в последующие годы,
Под кровом крыл Его спокойно будут жить
И в нем Григория втораго станут чтить,
Надеждою горе и долу бывши полны,
Без страха проходить дерзнуть Касписки волны,
Неся сокровища из Перские земли,
Во Астраханский порт доставят корабли,
Благоуспешный торг и путь имея скорый
Небесный и земный шлет помощь в том Григорий²¹.

²⁰ Речь идет об учебном заведении, которое существовало в Астрахани до организации Агабабовского училища в 1805 году.

²¹ Печатаное редкое издание. Здесь же и другие стихи, посвящ. Потемкину (стихи Вас. Рубан). Рукоп. Отд. Инст. русск. лит. (Пушкинский дом) АН СССР. Архив М. П. и Н. М. Петровских, ф. 382, № 47.

По содержанию этого небольшого послания, легко представить и его сочинителей—купеческих детей, их интересы, и, наконец, их кругозор. Они благодарят в лице Потемкина правителей России, обеспечивших армянским купцам путь «из Перской земли во Астраханский порт», выгодный торг и большие барыши. Потемкин пользовался широкой популярностью среди армянского населения. «Генерал-фельдмаршал, князь Г. А. Потемкин,—пишет С. Н. Глинка,—был всегдашним ходатаем перед троном за армянскую нацию»²².

Стихотворное послание к Потемкину свидетельствует, что в 1776 году в Астрахани уже были небольшие частные пансионы. Вопрос об организации армянской школы вновь возник в начале 80-х годов. Инициатором этого культурного начинания был Маргар Манучарян. В письме к нему патриарх Гукас одобрял его намерение²³.

В 1782 году Манучарян обратился в петербургскую Академию наук с просьбой оказать помощь в составлении программ для будущей армянской школы в Астрахани. Прошение было написано конференц-секретарем Петербургской Академии наук Яковым Штелиным²⁴. Им же была составлена в августе 1782 года, по просьбе Манучаряна, записка на немецком языке об организации армянской школы в Астрахани. Обнаруженная нами в фондах рукописного отдела Государственной публичной библиотеки в Ленинграде записка Штелина представляет подробный план четырехклассного училища для детей от восьми до пятнадцати лет. В числе предполагаемых предметов намечались: география, математика, физика, всеобщая история, естествознание, иностранные языки. Автор записки приводит перечень учебных пособий: библия на родном языке, то же на русском, немецком и

²² С. Н. Глинка. Обзор истории армянского народа, ч. II, стр. 302.

²³ «Архив армянской истории» (на арм. яз.), т. IV, стр. 481—483.

²⁴ Автор книги «Анекдоты о Петре Великом» Яков Яковлевич Штелин, приехал в Петербург в 1735 году при содействии «начальника российской Академии наук Корфа и поступил адъюнктом академии, составлял статьи для «Ведомостей», писал торжественные оды. Затем он стал «ординарным профессором элоквенции» и ему был поручен надзор за академическими граверами. С 1765 года Штелин сделался конференц-секретарем Академии наук. Он занимался также сочинением различных проектов, программ и т. д. См.: «История Имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского», т. I, СПб., 1870, стр. 538—567.

французском языке, то же иллюстрированное издание, географический лексикон Российской империи Полунина, французский письмовник (образцы писем), русско-немецко-французский разговорник, учебник физики Крафта, галерея исторических картин, а также синхронические таблицы и географические карты. В записке говорится и о необходимом оборудовании, в которое включены не только циркули, линейки, измерители масштабов, глобус и различные приборы, но и инструменты часовых дел, модель зданий, гербарии, коллекции рыб, птиц и насекомых, собрание всевозможных камней, благородных минералов, пласты земельных пород и т. д. Особое внимание в программе уделялось техническим предметам и практическим знаниям, что приближало ее к программам будущих реальных училищ²⁵.

Астраханская школа, как она рисуется нам в этой программе, преследовала широкие образовательные цели, но был ли осуществлен проект Штелина? Если Манучарян в начале 80-х годов и добился ее организации, то она просуществовала недолго.

В 1805 году в Астрахани было основано первое армянское учебное заведение на территории России, так называемое Агабабовское училище. Основателем его был купец, астраханский житель Николай Иванович Агабабов, попечителем же—его сын, титулярный советник Иван Николаевич Агабабов²⁶.

²⁵ «Для армянской общины в Астрахани, по требованию ее членов и благотворителя Маничара. В Петербурге, август 1782 года» (на немецк. яз.). Отдел Рукописей Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Бумаги Я. Я. Штелина, № 41. *К. Н. Григорьян*. Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII в. Впервые о записке Я. Штелина см. «Известия АН Арм. ССР», 1953, № 9, стр. 72.

²⁶ Эти сведения почерпнуты нами из рукописных документов, в частности из «Прошения астраханской купеческой жены вдовы из армянской нации Елизаветы Петровой по муже Агабабовой» от 18 авг. 1821 г. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 39, № 5310, л. 1, 7; № 3909. В другом документе более позднего времени (1863 г.) говорится: «В 1810 году в г. Астрахани, иждивением армянина Николая Агабабова, возникло названное его именем и предназначенное для образования детей здешних армян, училище, на содержание которого учредитель пожертвовал дом и капитал в 10 т. рублей ассигн., употребленный на исправление пожертвованного дома». ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, № 139992, л. 8.

В эти же годы И. Иоаннесовым в Петербурге была основана армянская типография²⁷.

С петербургской культурной колонией связана и деятельность Макара Хоченца. Настоящая его Фамилия—Гехамяни Маргар Захарович, уроженец Эривани. Позже он со своим семейством переехал в Смирну и был переводчиком у английского посла. Хоченц пользовался репутацией ученого человека, свободно владел многими языками: итальянским, русским, турецким, персидским, арабским. Узнав о деятельности петербургской колонии, установив связь с Аргутинским, Хоченц, оставив службу в Смирне, переехал в Петербург. После того как типография, основанная Халдаряном, была переведена из Петербурга в Новый Нахичевань, он становится одним из активных помощников Аргутинского. Хоченц переводит на армянский язык и в 1794 году при содействии Аргутинского издает весьма популярный в XVIII веке нравоучительный роман Фенелона «Приключения Телемака». В предисловии он дал обзор переводов «Телемака», высказывал мысль о необходимости осуществления и армянского перевода. Здесь же он упоминает о готовящемся грузинском издании. Хоченц является автором перевода восточной повести «Роза и соловей» азербайджанского поэта XVI века Физули. Он же перевел эту повесть на французский и итальянский языки²⁸. В 1817 году Хоченц участвовал в издании С.-Петербургским библейским обществом библии на армянском языке²⁹.

В 1819 году, когда возник вопрос о цензуре армянских книг в Петербурге, архиепископ Иоаннес в письме к министру

Принят в архив

²⁷ В архиве Департ. народного просвещения сохранилось дело «По отношению г. министра полиции ген.-лейт. Балашова о дозволении завести здесь армянской церкви архидиакону Иоаннесову типографию. Начало 10 марта 1811. Конечно 5 сент. 1811». В деле имеется ответ Балашова графу (от 9/III 1811) Алексею Кирилловичу Разумовскому, в котором говорится: «Государь император по докладу моему изъявил на заведение сей типографии Высочайшее свое соизволение, вместе с тем повелеть изволил чтобы печатание книг, как светских, так и духовных армянского исповедания, было сообразно во всем цензурным правилам и изданным от Духовного правительства постановлением». ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 86, ед. хр. № 9108.

²⁸ См. Лео. История Армении, т. III, стр. 1056, 1057, 1083. См. также Лео. Иосиф Аргутинский, стр. 197—199.

²⁹ См. «Собр. актов», ч. III, стр. 214.

духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыну рекомендовал в качестве такового Макара Хоченца, «который,—писал Иоаннес,—есть муж искусный и ученый философским наукам...» Хоченц служил тогда в Коллегии иностранных дел. Из письма графа Нессельроде князю А. Н. Голицыну выясняется, что Хоченцу тогда было уже 83 года. Здесь же сообщалось, что он просит жалованье 1500 рублей в год. Против назначения Хоченца возражал Иоаким Лазарев, считавший, что Хоченц требует слишком большое вознаграждение и, по его мнению, цензурованием армянских книг, издаваемых в Петербурге, с полным успехом мог бы заняться цензор в Москве архимандрит Серафим. Князь А. Н. Голицын писал в ответ Лазареву, что так как Хоченц рекомендован «преосвященным Иоаннесом, архиепископом обитающих в России армян», то его просьба должна быть удовлетворена и 1500 рублей, по его мнению, «кажется весьма умеренным окладом за труды столь достойного и способного человека, каковым признал г. Хоченц, тем паче, что труд его доставит пользу для всей нации». Пока шли переговоры между Голицыным и Лазаревым, Макар Хоченц на 84-м году жизни умер³⁰.

История армянской колонии в Петербурге еще не написана. Краткая характеристика ее отдельных представителей, выявленные факты и сведения еще не позволяют с достаточной полнотой и точностью определить ее состав. Одно лишь можно сказать определенно: Петербург XVIII века занимает весьма важное место в начальной стадии возрождения армянского народа и в укреплении русско-армянских культурных связей.

III. УСИЛЕНИЕ ИНТЕРЕСА В РОССИИ К КАВКАЗУ. РУССКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX ВВ. ОБ АРМЕНИИ. РАДИЩЕВЕЦ С. А. ТУЧКОВ ОБ АРМЯНСКОМ НАРОДЕ

В конце XVIII века, в связи с растущими интересами русского государства на Востоке, изучению южных районов страны и Кавказского края уделяется большое внимание. В эти годы Российская Академия наук осуществляет, с целью

³⁰ См. ЦГИАЛ. Дело по цензуре и сочинениям. 1819—1820 гг., ф. 777, оп. 1, ед. хр. № 182106 и № 206608.

исследования географических условий и природных богатств, целый ряд экспедиций, в числе их известные академические экспедиции 1768—1774 годов по Южной России и Кавказу, с участием виднейших ученых того времени. Академики Гильденштедт, Самуил Гмелин, Петер Симон Паллас, Маршал фон Биберштейн, М. Я. Лерхе были первыми исследователями юга России и Кавказа. Ими собран богатый материал, опубликованный частично в конце XVIII—начале XIX веков¹.

Несмотря на то, что эти первые исследователи Кавказа в основном были географами и натуралистами и преследовали цель обозрения естественных ресурсов края, некоторые из них уделяли внимание также вопросам изучения языка и быта местного населения. Так, например, в бумагах академика П. С. Палласа сохранились собранные им лингвистические материалы по армянскому языку², использованные частично в «Сравнительных словарях всех языков и наречий»³.

Первые сведения об Армении в русских книгах появились в 1765 году, в «Дорожной географии», представляющей справочное пособие «о всех в свете государствах». В этой книге Армении были посвящены две странички с краткими сведениями о территории, климате и главных городах: «Сия земля веселая, воздух в ней хороший, здоровой и умеренной. Евфрат наводняет нивы. В ней собираются плоды, виноград, шелк и проч. Однако очень мало хлеба. Находятся несколько и серебряных рудоконных заводов». Так повествовала «Дорожная география» об армянской земле⁴.

Почти через пятнадцать лет после русского издания «Дорожной географии», в 1779 году, был издан «Всемирный путешественник», являющийся также переводом с фран-

¹ «Материалы для истории Экспедиции Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологический обзор и описание архивных материалов». Составила Б. Ф. Гнучева. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940.

² Архив АН СССР (Ленинград). Бумаги П. С. Палласа.

³ «Сравнительные словари всех языков и наречий», ч. I, СПб., 1787. 411 стр., ч. II, 1789, 491 стр.

⁴ «Дорожная география, содержащая описание о всех свете государствах, о их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, столичных городах, расстоянии их от Парижа и о ведущих к сему городу дорогах как морем, так и сухим путем». Переведена с французского языка. Печатана при Императорском Московском университете 1765 года. «О Армении», стр. 131—133.

цузского⁵. В нем Армении уделено немного страниц (письмо XIX), где из отрывочных, случайных, малодостоверных сведений составлен краткий историко-географический очерк. Автор описывает города: Джульфу, Нахичевань, Эривань, а также озеро Севан и Эчмиадзинский монастырь. «Сие имя (т. е. Армения.—К. Г.) не может быть вам неизвестно, государыня моя,— так начинается письмо об Армении во «Всемирном путешественнике».—Об нем часто упоминается в священной и светской истории. Армения почитается за первую землю, населенную людьми, спасшимися от потопа. В ней еще и гораздо прежде были жители, если то правда, как утверждают некоторые писатели, что здесь находился земной рай. Но столько раз переменяли положение сего чудесного сада, что ничего о том верного сказать нельзя... Армения есть страна плодоносная и вообще приятная... Наилучший округ в Азии, сей части света в старину столь изобильной, а ныне столь опустошенной, по крайней мере в том месте, которое почитается колыбелью рода человеческого»⁶.

Первое упоминание в русских книгах об армянской поэзии, без указания источников находим в статье С. Г. Домашева «О стихотворстве», напечатанной в июньской книжке «Полезного увеселения» за 1762 год. Автор, разбирая подробно принципы русского стихосложения в том разделе, где он говорит о стихотворстве различных народов, посвятил несколько строк армянской поэзии⁷.

В 1776 году была издана в Петербурге весьма любопытная переводная книга Г. Беля, где имеются некоторые отрывочные сведения об армянах⁸. В кратком предисловии автор говорит о себе. В июле 1714 года из Лондона он отправился в Россию с намерением «увидеть Азию». Бель имел из Лондона письмо к «первому врачу и тайному советнику» Петра I «доктору Орешкину», который представил его Волинскому. Через Орешкина же он устроился в Коллегии иностранных

⁵ «Всемирный путешественник, изданное господином аббатом Де-ла-Порт, а на российский язык переведенное с французского», СПб., 1779.

⁶ «Всемирный путешественник», т. II, стр. 148—164.

⁷ «Материалы для истории русской литературы». СПб., Изд. П. А. Ефремова. 1867, стр. 193.

⁸ «Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли; а именно: в Исфагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов», 3 части. СПб., 1776.

дел. Бель вместе с русским посланником Артемием Петровичем Волинским оказался в Персии. Записки Беля дневникового характера. Автор старался, как говорит он в предисловии, «записывать только то, что мне казалось достойнейшим примечания и что не тщался я ни украсить, ни умножить, ни же переименовать описываемые мною вещи⁹». Книга состоит из трех частей. Первая часть, интересующая нас, носит название «Путешествие из Санкт-Петербурга в Исфаган при отправленном посольстве от его императорского величества Петра I к шаху Гуссейну, персидскому Софи, в 1715 году».

В путевых записках Беля имеются краткие сведения о городе Шемахе, об армянском населении в Тавризе, но наибольший интерес представляет его описание встречи с армянскими крестьянами в деревне Кара-Хина 27 января 1717 года. Сначала встретил русскую свиту армянский священник с толпою крестьян, которые, узнав, что приезжие—христиане из России, организовали торжественную встречу. «Один из них нес крест, написанный на конце шеста; другие играли на дудках, сиповках и на других мусикийских орудиях, между тем как один бил меру медными досчечками, ударяя их одну о другую, а большая часть пела духовные стихи и псалмы. В сем порядке препроводили нас до самого нашего ночлега, который нашли мы гораздо лучше всех тех, кои уже имели по ту пору. Они прислали нам вина и презрядного винограда, который сохраняют они во всю зиму, вешая его в сухих и прохладных покоях»¹⁰.

В описании Беля сохранились ценные сведения, свидетельствующие о настроениях армянского крестьянского населения в Персии, об их горячей симпатии к русским. В лице посланников Петра I они видели представителей великой России, с которой связывали все свои надежды и чаяния на лучшее будущее. Рассказ Беля о встрече в деревне Кара-Хина представляет ценность также, хотя и беглыми, но чрезвычайно любопытными зарисовками отдельных деталей жизни и быта армянского крестьянства¹¹.

⁹ Там же, ч. I, стр. VI—VIII.

¹⁰ Там же, стр. 74, 75.

¹¹ Любопытно, что один из паломников в своих записках упоминает армянскую гостиницу (очевидно, монастырскую) в Раме (в Палестине). «Пешеходца Василия Григорьевича Барского-Плаки-Альбова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе.

Некоторые сведения об Армении содержатся также в кратких очерках Степана Даниловича Бурнашева¹². Они носят обзорный характер, написаны скучным канцелярским языком. В них имеются скудные данные о составе населения Грузии и «областей азербиджанских», о религии кавказских народов, об образе правления, о доходах, о войсках. В обзоре Бурнашева имеются также краткие сведения о городах и укреплениях, о грузинской царской фамилии, в частности о царе Иракле Теймуразовиче Багратионе, при котором автор состоял на службе. В очерке об азербиджанских областях находим краткую политико-экономическую характеристику Эриванского ханства, Нахичевани, Карабаха и Шуши.

Первое упоминание в русских книгах об армянских обычаях можно найти в книге Глеба Громова, озаглавленной «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и при том нечто для холостых и женатых» (СПб., 1797)¹³. По существу, она представляла собой собрание случайных, недостоверных сведений, и, вероятно, единственной заботой автора было сделать ее как можно занимательней для русского читателя.

Книга эта была написана в целях пропаганды устоев русской семейной жизни. В ней нашли некоторое отражение нравы, обычаи и кавказских народов. Но если автор сравнительно подробно говорил о соседних современных «мингрельцах, грузинцах и черкесах», то в отношении Армении он

Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723, и оконченное в 1747 году, им самим написанное. Часть первая, содержащая в себе странствование его с 1723 по 1735 год. Издание шестым тиснением. В Санкт-Петербурге, изданием Имп. Академии наук 1819 года», ч. I, стр. 179.

¹² «Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при его высочестве царя Карталинском и Кахетинском Ираклием Теймуразовичем полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 году». Курск, 1793. Вторая брошюра Бурнашева: «Описание областей азербиджанских в Персии и их политическое состояние...». Курск, 1793.

¹³ См. В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. IV, СПб., 1905, стр. 108 (за № 8472). В языке XVIII века слово «позорище» означало — «зрелище», в данном случае в смысле картины.

ограничился легендой из древней мифологии о богине любви Анаит¹⁴.

Громов, по-видимому, при изложении этой легенды пользовался сочинениями древних историков. Действительно, как указывает Н. Эмин, Плиний («Натуральная история», кн. XXXIII, 24) говорит, что «первая статуя из цельного золота была воздвигнута в Армении в храме богини Анаит». Страбон же более подробно говорит («География», кн. XI, гл. XIX) о множествах храмов в Армении, воздвигнутых в честь Анаит, «из которых замечательнейший находился в провинции Аклисине (Екехиац)...»¹⁵.

Очевидно, источником изложенной в книге Громова легенды послужил Страбон или его позднейшие толкователи.

По мнению Н. Эмина, древнегреческие историки, в частности Страбон, рисуют образ не армянской богини, а «великую богиню сирийскую», что они «увлекались скорее мнимым, нежели существенным сходством» Анаит с вавилонско-ассирийским божеством. Опираясь на свидетельство древнеармянского историка Агафангела, Эмин показывает принципиальное различие между сирийской богиней и культом Анаит в Армении. «Ни один из древних армянских писателей,—говорит он,—не представляет культа Анаит в тех условиях, при которых видим его в Вавилонии, Финикии и Фригии, где при звуках барабана и флейты иступленные женщины с еще более иступленными мужчинами предавались омерзительным пляскам и совершали чудовищные мерзости. Поклонение богине Анаит было широко распространено в странах западной Азии, но армянская Анаит,—замечает Эмин,—несмотря на одинаковость ее происхождения с Бельтис ассирийцев, Милиттой вавилонян¹⁶ и с Митрой или Анаид персов, является с особенным характером целомудренности, который резко отличает ее от таких же однородных богинь, упомянутых народов. Анаит пользовалась у древних армян большим уважением. В их представлении она была мать всякого целомуд-

¹⁴ Г. Г. (Громов). Позорище..., стр. 47, 48.

¹⁵ Н. О. Эмин. Очерк религии и верований языческих армян. В кн.: «Исследования и статьи Н. О. Эмина по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы. (За 1858—1884 гг.). С приложением переводов из армянских историков», М., 1896, стр. 16.

¹⁶ В таких же тонах рисует Громов культ Милитты у ассирийян и вавилонян (см.: «Позорище...», стр. 23, 24).

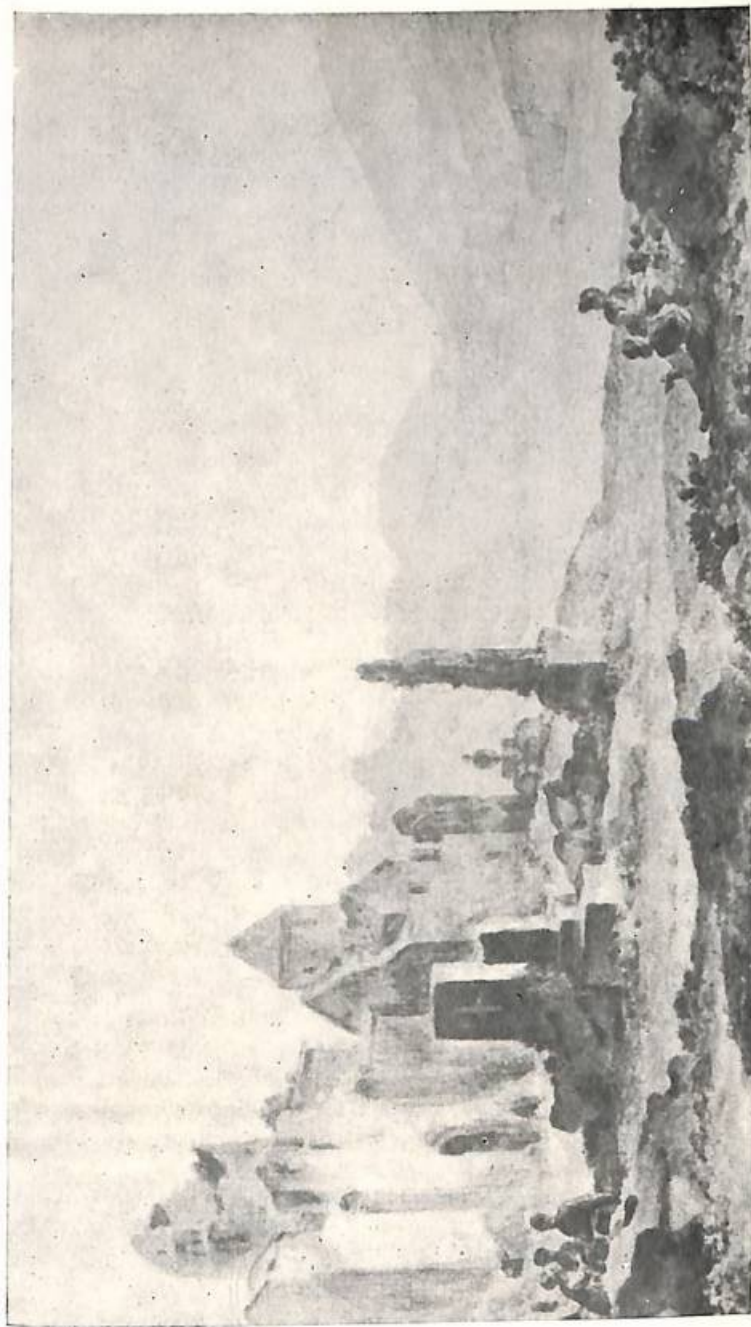

Рис. 3. М. М. Иванов. Развалины города Ани. 1782.

рия. С образом Анаит языческие армяне связывали высокое понятие чистоты и непорочности»¹⁷.

А. Н. Веселовский, ссылаясь на «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци (Хоренского) и на Броссе, писал: «В представлении армян Анаhit являлась дочерью Арамазда; от него богатство, от царицы Анагиты помощь, от Вахагна сила, говорит один Эдикт Тиридата... У армян она (Анаhit) называется матерью maig всякой мудрости»¹⁸.

Другой автор, «член Российской Академии и многих ученых Обществ», Иоган Готлиб Георги в самом конце XVIII века выпустил книгу в четырех частях под заглавием: «Описание всех обитающих в Российском государстве народов»¹⁹. В «Предуведомлении» говорится об источниках, которыми пользовался автор при составлении своего справочника. «Таковыми служили, во-первых, летописцы российские, а, во-вторых, и большею частью описания частные России подданных народов». Автор имеет в виду работы Миллера, Гмелина, Фишера, Крашенинникова, Рычкова, Палласа, Лепехина и др. Из перечисленных в предисловии источников ни один не мог служить опорой для составления очерка об армянах, которым посвящен специальный раздел в четвертой части²⁰. Здесь говорится о привилегиях, которые были даны Петром I армянам, об их переселении из Персии, Грузии, Армении, Крыма в русские города: Астрахань, Кизляр, Моздок, Москву и С.-Петербург, о строительстве города Н.-Нахичевани для переселенцев при Екатерине II; даются и некоторые статистические сведения: в Астрахани в 1746 году было армян около двухсот дворов, а в 1770 году число мужского населения в городе, «по собственному числению», достигало 1281 чел.;

¹⁷ Н. О. Эмин. Указ соч., стр. 16, 17.

¹⁸ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. Сб. Отд. Русского языка и словесности Имп. Акад. наук. СПб., 1880, т. XXI, № 2, стр. 69, 70.

¹⁹ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное; в четырех частях, с сто гравированными изображениями народов и 8 виньетками». СПб., при Имп. Академии наук, 1799.

²⁰ Там же, ч. IV, стр. 46—52.

«Тифлис, столичный грузинский город, имеет до двадцати тысяч в себе армян и до двадцати их церквей».

После кратких исторических, географических и статистических сведений автор переходит к характеристике армянского народа. Об их внешности он говорит: «Армяне бывают большею частью лицом пригожи, изредка великорослы, обыкновенно сухощавы. Черные волосы и глаза и красноватый из темна цвет тела их дают худощавым лицам их вид задумчивый...».

В характеристике национального типа автор допускает много ошибочных суждений, неточностей, что явилось результатом его неосведомленности и некритического отношения к скудным источникам. Георги, как можно заключить из его краткого описания, не имел ясного представления о культурном прошлом армянского народа, об основной его массе и свои суждения строил на отрывочных, случайных сведениях. Образ жизни армян, быт, обряды описаны в его книге весьма поверхностно. Автор не имеет никакого понятия о сословной дифференциации и судит обо всем, как будто народ состоит из монолитной единообразной массы. Он не учитывает специфику жизни в разных географических, климатических условиях. Так, например, об армянах вообще говорится: «Всякую пищу из царства растений, предпочитают мясной. Как можно, стараются иметь всегда за столом арбузы, дыни, овощи, виноград, вишни и другие плоды...»²¹. Где, в каких краях? Есть высокогорные районы, где пшеница не поспевает, где не имеют никакого понятия о фруктовых садах и где основная пища мясо и молочные продукты; в особенности сыр и ячменный хлеб. Такого же характера поверхностные сведения находим о жилищах: «В отчизне своей живут армяны в деревянных хижинах, тесных и на легкую руку сделанных»²². В описании национального костюма автор пользуется сведениями, где обобщаются частные, случайные наблюдения и в результате получается весьма искаженная картина. Оказывается, что «замужние и девицы армянские одеваются одинаково, носят рубахи, штаны, чулки и туфли, как мужчины. Летом же сафьянные чулки и из шелковой материи туфли». Оказывается, что они «уши украшают драгоценными камнями; а шею золотыми и серебрянными цепочками или жем-

²¹ Там же, стр. 50.

²² Там же, стр. 48.

чужными нитками, к сим же привешивают золотые монеты, кои голую грудь, почти, прикрывают»²³.

Все это, может быть, в какой-то степени правдоподобно, но почти ни одно из перечисленных украшений нельзя считать принадлежностью армянского народно-национального костюма. В книге Георги описаны, по всей вероятности, богатые наряды армянской купчихи или купеческой дочки, украшенной золотом, жемчугами и серебром²⁴. Все это, а также шелковые туфли и золотыми монетами покрытая «почти голая грудь» имеют мало отношения к национальному костюму армянской девушки или женщины. Ничего общего не имеет с народным бытом и такая развитая косметика, о которой говорит Георги. Оказывается, что армянки не только «щеки румянят», красят волосы и брови «черной мазью», а прибегают даже к такой хитрости: «Для внутренней черноты глаз, покупают дорогою ценою, черный весьма мелкий порошок, который обрезанным пером в глаза вдувают. По сделанным химическим опытам, порошок сей состоит единственно из мелкого истертого шписгласу (сурмила)»²⁵. И это возможно, что имело место, но опять-таки все эти сложные косметические манипуляции чужды армянскому народному быту.

Если есть что-либо ценного в книге Георги об армянской жизни, то оно относится к наблюдениям, хотя и поверхностным, но в основном верным в отношении народных танцев. Армяне, пишет автор, «собственные свои пляски имеют, особенные для каждого пола, и пляшут по одиночке. Мужчины стараются оказать искусство свое, притом в прыжках и ужимках. Женщина же пляшет около стоящего тихо мужчины, как будто украдкою, с скромным и благопристойным движением тела и рук своих. Мужчина притом бьет такт руками»²⁶.

Частные, верные наблюдения не спасают положения. Книга Георги в той части, где говорилось об армянах, навряд ли способствовала ознакомлению с жизнью народа, о котором в России в то время имели очень отдаленное и смутное представление. Более того, подобные издания распространяли искаженные данные о целом народе.

²³ Там же, стр. 49.

²⁴ Что это так, легко убедиться и по цветным гравюрам с изображением армянина и армянки, помещенных в четвертой части книги Георги.

²⁵ *Георги. Описание...*, ч. IV, стр. 50.

²⁶ Там же, стр. 53.

После присоединения Грузии к России в русской периодической печати стали чаще появляться статьи, очерки, письма, посвященные Кавказу. Новые владения на юге давали возможность более близкого, непосредственного ознакомления с многочисленными разноплеменными народами. Появляется острая потребность в людях, достаточно знакомых с краем, владеющих местными языками. Усиливается интерес к Кавказу в образованных слоях русского общества.

В 1805 году в «Вестнике Европы» была помещена небольшая статья М. Воронченкова, написанная в форме письма. Автор описывал «дорогу, лежащую через Кавказские горы» от Моздока до Владикавказа. Он восхищался крепостями, построенными горцами на большой высоте. Об одной из них, обнесенной валом и башнями, он писал: «Как они строены, это известно только одному богу да осетинцам». Описывая незнакомую природу края, Воронченков говорит: «Казбек есть селение и крепость на горе, где живет князь того же имени. Не могу точно сказать, гора ли получила название от князя или князь от горы». Тут же он сообщил, что грузинские крестьяне в деревне Казбек «живут очень бедно». В своем письме Воронченков жалуется на трудности пути, набегии горцев, при переходах через горы и ущелья. Наконец, он добрался до Кайшаурской долины: «Слава богу! Горы все за спиною! Теперь идет дорога хорошая, ровная, лесом да лугами; деревни частые, и опасности уже миновались. Какие места очаровательные! Какие ручьи! Какая зелень!»²⁷. Так выражал русский путешественник свое восхищение природой Кавказа. Все здесь было для него ново и необычайно.

Воронченков вскоре приехал в Тифлис, а оттуда направился в Телава, где тогда свирепствовала «морозная язва», жертвами которой стали его жена и двое детей.

В том же номере «Вестника Европы» было напечатано другое письмо из Грузии, автор которого Е. Басин был, по видимому, офицером русской армии и участвовал в боевых операциях²⁸. Свое письмо к брату он начинает словами: «В осьмнадцать месяцев я столько научился опытности, сколько дома в осьмнадцать лет не мог бы научиться; в полтора года

²⁷ Письмо из Грузии в Астрахань. Февраля 7-го дня, 1804 года. Телава. «Вестник Европы», 1805, ч. XXII, № 13, стр. 60—65.

²⁸ Другое письмо из Грузии в Тотьму. Марта 19 дня, 1805 года. Анапур. Там же, стр. 66—70.

видел столько смертей, сколько в мирной отчизне в полтора года лет не увидел бы». Из письма выясняется, что Басин ехал из Петербурга до «Кавказской линии», в течение месяца жил в Екатеринограде, получив предписание от ген.-лейт. Шепелева немедленно отправиться в Грузию. Путь его лежал через Моздок в Владикавказ. Басин не ограничивается восторженными восклицаниями, подобно Воронченкову, а делает попытки описать картины Кавказа: «За Владикавказом начинается другой мир, область ужасов, о которых читаем в романах. Что вы скажете о путешествии по узкой дороге между стремнинами верхом на лошади, а иногда и пешком над быстрым кипящим Терекком, который шумным эхом своим наполняет отдаленные пространства? Представьте себе странствующего между каменными, выше облак возносящимися громадами, покрытыми снегом...».

Ценность статей и писем первых русских путешественников, оказавшихся на Кавказе в самом начале XIX века, заключается в том, что в них находим ряд интересных, любопытных наблюдений, описаний, явившихся в результате непосредственного ознакомления с далеким горным краем. Это были первые зарисовки кавказской жизни, природы Кавказа, сделанные «с натуры» русскими авторами. К сожалению, порою, их значение снижается ярко выраженной тенденциозностью, вызванной в значительной степени исторической обстановкой. Суждения о горцах часто слишком общи и поверхностны. Они преимущественно изображаются «дикими разбойниками», совершающими набеги, грабежи и убийства. Они «кровавады, злы и коварны». Такое представление господствовало в России до появления кавказских поэм Пушкина.

Е. Басин, чтобы показать «ужасы» кавказской жизни, в письме к брату сравнивал горцев с «морскими разбойниками», скрывающимися «за высокими утесами для грабежа и убийства».

Из Владикавказа Басин приехал в Тифлис, откуда направился к Гандже. В начале декабря русские войска приступом овладели Ганджинской крепостью. Басин был участником этих боев. Он был ранен, остался в Гандже.

После выздоровления Басин застал свою часть в Сурами. Он состоял в 3-м Кавказском гренадерском полку, в батальоне полковника Симановича. Осенью 1804 года начался поход русских войск «под город Эривань». Интересные подробности

сохранились в записках участника этого похода Е. Басина: «На дороге не доходя до Эривани за 15 верст, стоит огромный араратский монастырь,—пишет он,—в котором я был, гостил у армянских архиереев, пил из церковного колодца святую воду и осмотрел кругом все здание. Нельзя видеть его без сердечного прискорбия. Не задолго до нашего прибытия эриванский хан увез отсюда патриарха и забрал монастырские сокровища, миллионов до семи простирающиеся. Не многого стоило труда войску подступить под Эривань и занять предместье, но трудно было там стоять и оттуда возвращаться. Опустошили сады, жгли финиковые, пальмовые, дулевые, гранатные, миндальные и прочие дорогие деревья; и за всем тем едва за 8 рублей могли доставать пуд хлеба». При походе под Эривань русским войскам пришлось переносить большие трудности. Недостаток продовольствия, сильный зной осложняли положение русских войск, половина которых в непривычных климатических условиях оказалась больными. Отряд русских, осадивших Эриванскую крепость, как указывает Басин, состоял из 4000 человек. В крепости находилось до 15 000 неприятельских войск. «Не мудрено, что мы сомневались, должно ли решиться на приступ,—пишет Басин,—но непонятно, почему неприятель не смел подступить к нам». На этот вопрос отвечает другой участник Эриванского похода Михайло Лохвитский. Цицианову стало известно, что сам персидский шах Баба Хан с многочисленными войсками, под командованием наследника престола Абас Мирза Кули Хана и грузинских царевичей Александра и Теймураза «стремительно идут на лагерь русских войск». Генерал-майор Портягин, которому было поручено Цициановым организовать сопротивление, 25 июля 1804 года, 700 солдатами и 6 орудиями удержал под Эриванью напор многочисленных персидских войск. В этом сражении «с твердостью, свойственною русскому», Портягин одержал победу, взял пленных и в числе трофеев 30 легких орудий. «Пораженные страхом персы,—пишет Лохвитский,—не смели уже более появляться до самого снятия осады с крепости Эривани»²⁹. В октябре 1804 года русские войска вернулись в Грузию.

В результате Эриванского похода, в самом начале XIX века многие из русских простых людей впервые побывали в

²⁹ Михайло Лохвитский. Кавказские записки. «Сын отечества», 1817, ч. 35, № 9, стр. 215, 216.

далекой Армении. Они увидели ограбленную и истерзанную древнюю страну. Тогда, по сложившимся обстоятельствам, им не удалось протянуть руку помощи армянскому народу, но одно то, что русские оказались так близко, воодушевляло армян, укрепляло в них веру в скорое освобождение.

Приближались исторические события двадцатых годов. В русской печати появляется значительное количество статей и книг, посвященных Кавказу. В центре внимания их авторов стояли: вновь присоединенная к русским владениям Грузия и Северный Кавказ. В них находим наблюдения случайного характера, отрывочные сведения и об Армении. Укажем, прежде всего, на книгу Евг. Болховитинова³⁰. В кратком очерке истории Грузии автор говорит и об армянах, как о соседях Грузии с далеких времен, о родственных чертах в культурном развитии двух народов. «Весьма частые притеснения и разорения от турков,—пишет Болховитинов,—всегда заставляли многие армянские фамилии переселяться в Грузию, отчего армяне составили почти четвертую часть самой Грузии»³¹.

В 1809 году были изданы собранные академиком И. А. Гильденшtedтом материалы во время его путешествия на Кавказ в 1770—1773 годах. В этих материалах по географическому и статистическому обозрению края собственно об армянах имеются лишь случайные упоминания³². То же следует сказать и о целом ряде изданий справочного характера, переведенных преимущественно с французского³³.

³⁰ *Евг. Болховитинов*. Историческое изображение Грузии, в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Сочинено в Александро-Невской академии. В Санкт-Петербурге 1802 года. См. также, *К. Н. Бегичев*. Объяснительный каталог библиотеки е. и. в. вел. кн. Георгия Александровича в Абастумане. Кавказ и соседние с ним страны. Тифлис, 1894, стр. 67. Здесь же даны биографические сведения о Болховитинове.

³¹ *Евг. Болховитинов*. Указ. соч., стр. 57, 58, 65, 66, 70, 76—78.

³² «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика И. А. Гильденшtedта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. Издано по повелению имп. Академии наук в СПб., 1809 года».

³³ См. «Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии». Пер. с французского Якова Лангена, СПб., 1805.

Из отдельных очерков о Кавказе особо следует отметить книгу Семена Броневского³⁴. В ней собрано значительное количество сведений о Кавказе. Автор ее, как выясняется из предисловия, участник персидского похода русской армии в 1796 году, когда он впервые познакомился с землей, «куда судьба завела на службу». После похода он оставался на Кавказской линии и продолжал составлять свои записки. Он старался ближе знакомиться с горцами Северного Кавказа. С 1802 по 1804 г. Броневский служил в Грузии «правителем дел» при главнокомандующем, генерале Цицианове.

Книга Броневского была предназначена преимущественно для русских офицеров, служивших на Кавказе и испытывавших острую нужду в справочнике географического и исторического характера. Источниками для первой географической части служили главным образом материалы путешествий академиков Гильденштедта, Самуила Гмелина и Палласа. Вторая, историческая часть справочника была составлена частично на основе материалов из архива Государственной Коллегии иностранных дел. Нужно сказать, что в книге Броневского исторические сведения занимают весьма скромное место. В ней об армянах почти ничего нет, если не считать примерно такого рода общих рассуждений: «...Смешение разных народов произвело смешение нравов и обычаев: при горской простоте и бедности примечается армянская хитрость и персидская приветливость вместе с храбростью; те же пороки, но менее добродетелей. Грузинцы, Армяне, Ширванцы и Дагестанцы

«Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие и подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоположения». Пер. с французского (Федора Шишкевича). СПб., 1810.

«Сокращенное извлечение из любопытных записок о происшествиях в Персии и Грузии, случившихся в исходе минувшего столетия». «Вестник Европы», 1807, ч. XXXII, № 6, стр. 149—56 (о нашествии Ага Магомед Хана на Тифлис в 1795 году).

Письма о Кавказе. «Сын Отечества», 1816, ч. 34, № 52, стр. 271—275 (Пер. с французского. Выписки из книги Фрейганга: «Письма о Кавказе и Грузии»).

³⁴ «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским». Две части, СПб., 1823. Отрывки были опублик. в «Вестнике Европы», 1823, ч. 127, № 1, стр. 6—19.

участвуют более или менее в сем смешанном характере»³⁵. Эти случайные замечания, претендующие на обобщенную характеристику народов Кавказа, свидетельствуют о том, какими жалкими сведениями располагал Броневский.

Однако в русскую печать начали проникать и более объективные достоверные сведения об армянском народе. В «Записке, касающейся до Земель, между Черным и Каспийским морем находящихся», составленной в конце 1805 года С. Тучковым, писателем, который близко стоял к А. Н. Радищеву³⁶, в разделе «о народе армянском» говорилось: «Из них только находятся в Грузии изрядные золотари, серебряники, каменщики на камнях и стали, медники, кузнецы, слесари, столяры, ткачи, набойщики, кожевники и проч. Не меньше в случаях военных показывают они довольно неустрашимости и способности управлять оружием. Живущие по деревням упражняются в земледелии и обрабатывании садов»³⁷. Так характеризует С. Тучков сословный состав армянского населения в Грузии.

Значительным фактом в процессе ознакомления русского общества с историей Армении было первое русское издание Мовсеса Хоренаци³⁸, автора V века.

Благодаря стараниям Иосифа Иоаннесова, русский читатель впервые получил возможность ознакомиться с этим уникальным памятником древнеармянской исторической литературы. «Если «История» Хоренаци в отношении того или иного события изобилует ошибками,—пишет М. Абемян,—то она богата такими сведениями, которые составляют доподлинную историю внутренней жизни Армении. Всегда обращались, обращаются и будут обращаться к его «Истории»³⁹.

Некоторые географические и исторические сведения об

³⁵ «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе...», ч. I, стр. 33.

³⁶ Сергей Алексеевич Тучков (1766—1839). См. о нем: Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 91—98.

³⁷ «Сочинения и переводы С. Тучкова», ч. IV, СПб., в типографии Иосифа Иоаннесова, 1817, стр. 160.

³⁸ «История Арменская, сочиненная Монсеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении. Перевел с армянского архидиакон Иосиф Иоаннесов», 2 части, СПб., 1809.

³⁹ Манук Абемян. История древнеармянской литературы. Т. I, Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1948, стр. 233.

Армении находим в книге Егора Хубова⁴⁰. «Князь Егор Хубов», как именует себя автор, был уроженцем «стран араратских»; он—племянник патриарха Симеона, у которого воспитывался. Учился Хубов в Эчмиадзине. В своем кратком обзоре он описывает закавказские события конца XVIII столетия, поход русских войск под командованием В. А. Зубова, зверства Ага Магомет Хана, деятельность Цицианова и «грузинского губернатора» Дмитрия Михайловича Волконского.

В 1807—1808 гг. была организована экспедиция востоковеда, члена Российской Академии Ю. Клапрота, с целью изучения истории, быта и языков народов Кавказа. О все возрастающем интересе к восточным народам свидетельствует составленный в 1810 году тогда еще молодым С. С. Уваровым, ставшим впоследствии президентом Академии наук и министром народного просвещения, «Проект Азиатской Академии». Он вызвал широкий отклик в научных и политических кругах. «Им интересовался Наполеон, о нем высказывал свое мнение В. А. Жуковский, сочувственно отнесся к нему Сильвестр де Саси, большое внимание уделил ему Гете»⁴¹.

По мысли автора проекта, Азиатская Академия «могла бы служить посредницей между образованностью Европы и просвещением, скрывающимся в недрах Азии, и которая соединяла бы в себе все то, что может иметь некоторое отношение к познанию Востока». По мнению Уварова, Россия не может остаться в стороне в изучении Востока, имея тесные сношения с Турцией, Китаем, Персией и Кавказом, что организация Азиатской Академии подсказывается не только ее научными, но и политическими интересами. В проекте подробно говорилось о необходимости изучения восточной словесности. «В поэзии восточных народов,—писал Уваров,—с первого взгля-

⁴⁰ «Описание достопамятных происшествий Армении, случившихся в последние тридцать лет, т. е. от патриаршества Симеона (1779) до 1809 года. Соч., кн. Егора Хубова. С арменского перевел армянской церкви архидиакон Иосиф Иоаннесов. Печатано на основании высочайшего повеления». СПб., Типогр. И. Иоаннесова, 1811.

⁴¹ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Академия наук СССР. Серия «Итоги и проблемы современной науки». М.—Л., 1950, стр. 97.

да замечаем мы необыкновенную стремительность мыслей и пышное великолепие выражений, изумляющие рассудок»⁴².

Автором проекта были изложены и основные разделы деятельности будущей Академии. Здесь, наряду с арабской, персидской, китайской и индийской словесностью, специальный (шестой) параграф был посвящен Армении и Грузии. «Словесность армянская и грузинская,—писал Уваров,—достоинны внимания в отношении историческом; ибо грузинцы и армяне имеют собственные летописи, заключающие в себе такие исторические известия, которых напрасно будем искать в историках Азии, Греции и Рима... Армянская литература так мало известна, что мы не знаем еще и имена тех сочинений, которые к ней относятся. Но для России было бы особенно выгодно познакомиться ближе с этими двумя народами: она имеет к тому великое множество способов; сверх того, многие сведущие армяне и грузинцы могли бы употреблены быть для преподавания нужных уроков в обоих языках»⁴³.

Проект Азиатской Академии подвергся суровой критике. Автор в силу своей недостаточной осведомленности не учитывал огромные трудности, не владел он нужными данными научного востоковедения. Проект Уварова оказался неосуществимым в условиях России 10-х годов прошлого века. Академик И. Ю. Крачковский говорил о проекте Уварова: «Это было скорее общее рассуждение о важности изучения Востока, чем сколько-нибудь конкретное построение»⁴⁴. Проект Уварова остался без последствий. Нужна была большая, кропотливая работа не одного поколения ученых, чтобы была создана необходимая база для осуществления научно-организационного центра русского востоковедения.

С 10-х годов прошлого века, на страницах столичной русской газеты «Северная почта» начали появляться корреспонденции о Кавказе. В 1811 году была напечатана «Краткая выписка из путешествия г. коллежского советника Стевена по Кавказскому краю»⁴⁵. В ней заключались сведения о занятиях населения Карабаха, Кизляра, Дербента, Кубинского, Ширванского, Шекинского и Ганджинского ханств. Автор упоминал армянские деревни в Ширване, «где они выделы-

⁴² «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 1, стр. 32, 33, 44.

⁴³ Там же, 1811, ч. 55, № 2, стр. 108, 109.

⁴⁴ И. Ю. Крачковский. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁵ «Северная почта», 1811, № 59, 60, 61, 64—66.

вают вино отменно хорошее и крепкое»; «армянские деревни Кирзани на самом берегу Куры», в Борчали, Сомхетии и в Бампаке.

Через несколько лет в «Северной почте» была напечатана еще одна корреспонденция о Кавказе (выписки из частного письма), в котором описывались тесные и грязные улицы старого Тифлиса⁴⁶.

В 1816 году, в переводе с французского на русский язык Александром Худобашевым была издана в Петербурге книга двух ученых-арменистов И. М. Шагана Чирбета (Джрпетяна) и Ф. Мартина, француза, «ученого в армянской словесности»⁴⁷. Авторы опирались главным образом на труды члена Общества восточных языков аббата де-Виллефруа, который еще в самом начале XVIII века занимался изучением древнеармянских рукописей из собрания Парижской библиотеки. Так возникло французское ученое общество по изучению армянского языка и сочинений древнеармянских авторов. Ш. Чирбет и Р. Мартин приводят слова аббата де-Виллефруа: «Рукописи армянские представляют нам новый свет в литературе... Армения была славнейшею Академиею Азии, в продолжении более 1000 лет, т. е. от рожд. Хр. с 440 года, по взятие Константинополя, в 1455 году... Были столетия каковы суть: 9-е, 10-е, 11-е, 12-е и 13-е, в кои Армения могла преподавать уроки большей части народов на земле; и видно, что чрез все те времена были в ней люди, отличившиеся во всех родах учености: богословы, витии во священстве, стихотворцы, философы, литургисты, историки, астрономы, переводчики весьма искусные, и люди сведущие в языках: греческом, сирийском, арабском, персидском и латинском... Арме-

⁴⁶ «Из Тифлиса (выписки из партикулярного письма)». «Северная почта», 1817, № 54.

⁴⁷ «Любопытные извлечения из древней истории о Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в Парижской библиотеке, и из иных источников, И. М. Шаганом Чирбетом, армянином, находящимся при особливом училище, при той библиотеке учрежденном для восточных языков, ныне употребляемых, и Ф. Мартином, французом, ученым в армянской словесности. Изданные в Париже на французском языке, в 1806 году, а ныне здесь переведенные Александром Худобашевым». СПб., тип. К. Крайя, 1816. С братом А. М. Худобашева Артемием Худобашевым встречался Пушкин в Кишиневе во время ссылки на юг.

ния, быв единожды открыта, отверзает нам врата Востока и взору нашему представляет сокровища, свыше всякого чаяния нашего...»⁴⁸.

В конце книги даны краткие сведения о писателях и ученых от древних армянских авторов Агатангехоса и Хоренаци (IV—V в. н. э.) до М. Чамчяна (XVIII в.) включительно.

А. Худобашеву принадлежит также обширная статья в первом русском энциклопедическом лексиконе Плюшара, в котором читатель мог находить краткие сведения не только о географии и истории Армении, но и об армянском языке и армянской литературе⁴⁹.

В 1822 году были опубликованы путевые записки фон Коцебу во время его путешествия в Персию. В 1817 году он был в Эривани, гостил у сардара Гассан Хана. «Река Санга,—писал Коцебу,—протекает под самыми окнами. Величественные деревья осеняют берега ее, а против дворца виден прекрасный каменный мост... Вершины горы Араратской возвышаются в отдалении».

Во дворце у сардара Коцебу слушал и восточную музыку, которая произвела на него странное впечатление. Он воспринял ее чисто внешне, не уловив ни ритма, ни мелодии. «Инструментальная музыка состояла из гитары, некоторого рода скрипки о трех струнах и двух барабанов,—писал он.—Все сие аккомпанировало одного певца, который кричал во всю силу и производил отвратительнейшие телодвижения... Вдруг музыка возвысила свой тон; певец испустил пронзительные крики, а три мальчика начали кувыркаться вдоль всей залы»⁵⁰.

Можно было бы предположить, что в астраханской и казанской печати, где с давних пор существовала армянская колония, должны были быть интересные сведения и материалы относительно Армении и армян. В течение двадцати лет регулярно выходили «Казанские известия». Культурная жизнь губернского города там не находила почти никакого отражения.

В «Казанских известиях» печатались иногда литературные материалы, но несколько особого свойства: «Несчастное тайное свидание», «Итальянская повесть» или «Арабская

⁴⁸ Там же, стр. 322—324.

⁴⁹ «Энциклопедический лексикон», т. III, СПб., 1835, стр. 134—147.

⁵⁰ «Русский инвалид», 1822, № 33.

сказка Мечта и Истина»⁵¹. Изредка появлялись стихи, написанные по образцам торжественных од XVIII века. Помещались и этнографические заметки, бытовые зарисовки об отдельных народностях: «Нечто о здешней маслянице», «Праздники мусульман», «Свадебные обряды у бурят», «Прием гостей у татар». В числе этих материалов в 1813 году на страницах «Казанских известий» была напечатана без подписи статья под заглавием «Армянские имянины». В ней рассказывалось как армянское население готовится к празднику, как улицы «от утра до вечера наполняются проходящими: до полудню мужчинами, а после обеда в белых тканях их женами». В ней осуждалась привычка казанских армянских женщин «завертываться в саван, белое покрывало», что лишало их «удовольствия щеголять дорогими своими нарядами и уборами». В заключении описания «армянских имянин» автор писал: «Сей народ и по многим другим обстоятельствам примечателен. Кто больше всех странствует?—Армяне. Кто менее всех изменяется?—Они же... Армяне, покоренные народом чуждым, утесненные в собственной земле, изгнанные и рассеянные, не забывают своего наречия. Находясь столько лет среди многочисленного господствующего народа, твердые армяне хранят обычаи своих предков»⁵².

Автор заметки, по-видимому, был русский корреспондент, которому была достаточно хорошо известна историческая судьба армянского народа.

В 1813—1815 годах в Астрахани издавались Иосифом Вейсгопфеном «Восточные известия», которые по своему содержанию напоминали во многом казанскую газету. Здесь те же официальные отделы с метеорологическими наблюдениями и объявлениями частных лиц, где иногда мелькали имена армянских купцов. В одно время издатель даже задумал завести отдел на армянском языке, но дело кончилось лишь объявлениями, где извещалось, что «Восточные известия» впредь будут издаваться «с переводом на армянский язык»⁵³. В 1814 году здесь была помещена статья, переведенная с армянского, под заглавием: «Нечто о мучениях,

⁵¹ В «Казанских известиях» публиковались «восточные басни» в стихах. 1818. № 26, 57, 62.

⁵² «Казанские известия», 1813, № 48, стр. 7, 8.

⁵³ «Восточные известия», 1815, № 43—45, 47—49. Объявление издателя было напечатано с параллельным армянским текстом.

армянами претерпенных во время царствования Шаха Аббаса⁵⁴. Автор ее, возможно, был эмигрировавший из Персии армянин. Не лишено основания, что и басни в стихах, помещенные в «Восточных известиях» принадлежали армянскому автору. Басни «Цветок», «Старик», «Цапля», «Не рой другому ямы», «Урок лицемерам», «Повесть об одном тиране, как он сделался добрым» подписаны «Ар-т Аа-н». Он же является автором переводов нескольких статей с немецкого. Стихотворение «Песнь о пользе наук» подписано «Ал. См-рн-въ». Вполне допустимо, что псевдоним под баснями в «Восточных известиях» составлен по такому же принципу. Если это так, то с большей уверенностью можно утверждать, что они принадлежат армянскому автору. «Ар-т» возможно распространенное армянское имя Арарат, во второй части псевдонима «Аа-н» или А-н» дает основание думать, что под ними скрывается армянская фамилия с обычным окончанием. К сожалению, басни сами по себе, по содержанию затрагивают слишком общие христианско-нравоучительные мотивы и в них нет таких черт, которые могли бы указать на специфический национальный источник и объясняли бы их происхождение.

В «Восточных известиях» была напечатана «Любимая армянская песня»⁵⁵, происхождение которой, очевидно, связано с астраханской колонией, хотя в основе ее, может быть, и лежит более древний традиционный вариант, но, видимо, ее текст приспособлен к местным условиям быта.

Возвратилась к нам весна опять,

Засветило солнце теплое;

Снег с земли Зефиры свезали;

Муравой поля покрылися;

И деревья в зелень нежную

Убралась опять по-прежнему.

Выпьем чихиря холодного⁵⁶,

Милосерд к нам бог,

Создатель наш!

Под разноцветными деревьями,

⁵⁴ «Восточные известия», 1814, № 2, стр. 14—17. Подпись: «К. Ш... в».

⁵⁵ Там же, 1814, № 37, стр. 361.

⁵⁶ Под словом «чихирь» здесь имеется в виду красное виноградное вино.

Чихиря с стаканом красного,
Станем мы, друзья, беседовать.
Уж с дерев цветки душистые
Падают в стаканы полные.
И с собою к оним нас манят.
 Выпьем чихиря холодного,
 Милосерд к нам бог,
 Создатель наш!
О весна благословенная!
Ты с цветов оковы свернувши,
Соловью дала вновь радости,
Вот люблюся их красками,
Он поет твое могущество—
Весел он—мы будем веселы—
 Выпьем чихиря холодного,
 Милосерд к нам бог,
 Создатель наш!

Трудно говорить о достоинствах этой песни, так как мы имеем дело, по-видимому, с очень вольным переводом. Но как бы то ни было «Любимая армянская песня»—первый образец в русской печати из богатого песенного творчества армянского народа, и хотя бы потому она заслуживает особого внимания.

На первых порах ознакомление России с Кавказом и Арменией, естественно, начиналось с общих географических, исторических и экономических сведений о далеком крае, которые время от времени появлялись на страницах русской периодической печати и в книгах обзорно-справочного характера. К сожалению, русский читатель не всегда мог почерпнуть из них достаточно достоверные сведения о народах Кавказа.

Рис. 6. Эсмаджинский монастырь. Гравюра. 1808.

IV. «ЖИЗНЬ АРТЕМИЯ АРАРАТСКОГО» КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК НАЧАЛА XIX ВЕКА. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЛИЧНОСТИ АВТОРА. РАЗБОР СОДЕРЖАНИЯ КНИГИ АРАРАТСКОГО. ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ИСТОЧНИКА, ПО КОТОРОМУ РУССКИЙ ЧИТАТЕЛЬ ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИЛСЯ С АРМЯНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В бумагах А. С. Пушкина сохранился листок с краткими записями библиографического характера. Запись датируется началом 1836 года. В ней перечислены названия книг, которые заинтересовали Пушкина и на которые, возможно, готовились рецензии для напечатания в «Современнике». В пушкинской записи имеется строка: «О Путеш. Арт. Ар.»¹ При первой публикации эта строка расшифрована следующим образом: «О Путеш(ествии) Арт(иллериста) Ар.». В комментариях сказано о том, что «Ар.» является, по-видимому, опиской и что вместо «Ар.» следует читать «И. Р.»². Автограф не дает никакого основания для различного чтения пушкинского текста. Там совершенно ясно и четко написано «Арт. Ар.» Почему же понадобилось такое произвольное чтение? Предполагая, что в записи перечислены книги, на которые должны были быть напечатаны рецензии в «Современнике», комментатор обратился к журналу и начал искать среди отзывов на книги название, напоминающее пушкинскую запись. Не обнаружив в «Современнике» ничего близкого, автор комментариев остановился на «Походных записках артиллериста, с 1812 по 1816 год, артиллерии полковника И. Р.» (Радожицкого). Отзыв Н. В. Гоголя на эту книгу был помещен в «Современнике» (1836, № 1). Однако навряд ли можно на этом основании утверждать, что Пушкин в своей библиографической записи обозначил именно эту книгу и что он ошибочно написал «Ар.» вместо «И. Р.». Совершенно очевидно, что ничего общего между записью Пушкина и «Походными записками артиллериста» нет.

¹ См. автограф: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Пушкин. Оп. 1, № 341.

² «Неизданный Пушкин». Собр. А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук. М.—П., ГИЗ, 1923, стр. 209. Так же напечатано в старом академическом издании: *Пушкин. Соч.*, т. IX, Л., Изд. АН СССР, 1925, стр. 986—987. Эта же ошибка повторена в сб.:

«Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935, стр. 284, 285.

Мордовъ 1711 +
St. Roz. +
Pymme. B. A. (D. u.)
Kamundep. +
Pymme. Baz. +
Kobranie P. xtuax
Mep. H. K.
o Myras. -
Charku,
P. Myrpa
o Bar. Kuant.
l' Abbi. Chepes
Ant. d. te.
o terraine. encod. de Saint.
o Nassobuiptr.
o Hist. Kuzgans.
Ac. catonous de
o T. A. Kавина
o Pymme. Ap. Sp.
o MS.

Рис. 5. Автограф А. С. Пушкина. «Опыты библиографические», 1836.

Пушкин имел в виду другую книгу—«Жизнь Артемия Араратского», которая по своему содержанию примыкает к литературе путешествий и экземпляр которой находился в личной библиотеке поэта³. Запись свидетельствует о том, что книга Араратского привлекла внимание Пушкина, по всей вероятности, в связи с общим интересом поэта к Кавказу и литературе путешествий.

Книга Араратского была известна А. С. Грибоедову. Она упоминается в его путевых записках периода русско-персидской, русско-турецкой войны, когда Грибоедов вторично посетил Армению в качестве русского дипломатического деятеля⁴.

«Жизнь Артемия Араратского» явилась первой книгой, которая знакомила русских читателей с армянской действительностью конца XVIII века. Книга эта достойна специального внимания как литературный памятник, как один из интересных памятников в истории русско-армянских культурных связей начала XIX века.

Книга Араратского была издана в 1813 году в Петербурге⁵. В 1821 году после появления русского издания в Галле увидел свет немецкий перевод книги Араратского с введением Иоганна Генриха Буссе: «К некоторым познаниям географии, истории, религии и литературы армян»⁶. Спустя год в Лондоне был издан английский перевод⁷. Во второй по-

³ «Библиотека Пушкина. Новые материалы». Исследование Л. Модзалевского. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 996. (Книга Араратского значится под номером 1166).

⁴ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III, под ред. Н. К. Пиксанова. Пгг., 1917, стр. 84.

⁵ «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршпат близ горы Арарат, и приключения, случившиеся с ним от младенчества до совершенных лет; удаление его от своего отечества в Грузию; оттуда в Россию, потом в Персию и, наконец, возвращение обратно в Россию чрез Каспийское море, с описанием многих любопытных предметов, находившихся в его стороне и прочих местах Персии, с приложением шести гравированных эстампов, изображающих виды городов персидских. Писанные и переведенные им самим с армянского на российский», 2 ч. СПб., 1813. (В дальнейшем: Араратский).

⁶ „Artemius von Wagarschapat am Gebirge Ararat“, Halle, 1821.

⁷ „Memoirs of the life of Artemi of Wagarschapat“, London, 1822.

ловине XIX века появились отрывки на грузинском языке⁸ и армянский перевод со значительными сокращениями⁹. Таким образом, книга Артемия Араратского была издана в течение века на пяти языках: русском, немецком, английском, грузинском, армянском¹⁰.

Личность Араратского привлекала внимание многих исследователей. Одни относились к нему с чрезмерным доверием, другие совершенно отвергали его книгу, считая автора авантюристом. Нужно разграничить и рассматривать в отдельности два самостоятельных вопроса: личность Араратского и характер его книги.

Достоверными сведениями о личности Араратского пока что мы не располагаем. Архивные поиски не дали нам дополнительных данных. Как бы ни относиться к книге Араратского, несмотря на все ее особенности, во всяком случае, она может и должна служить некоторым подспорьем для составления биографии автора. Кроме того, кое-что дают нам и печатные источники.

Артемий Аствацатурович (Богданович) Хачикянц (Араратский) родился 20 апреля 1774 года в селении Вагаршапат. Отец его Аствацатур, «небогатый, но добрый человек», был «мастером каменного дела», приехал и обосновался в Вагаршапате из области Муш. Он умер, когда Артемию было четыре месяца. Кроме него остались на попечении матери пятилетний брат и сестра Гирикнас (Эрикнас) трех лет. Вся

⁸ «Иверия», 1885, № 9, стр. 68—81; № 10, стр. 53—71; № 11, стр. 53—69. Перевод З. Аржеванндзе.

⁹ «Жизнь Артемия Араратского из Вагаршапата» (на арм. яз.). Перевод с русского П. П. (Перча Прошяна), Тифлис. 1892.

¹⁰ Совершенно иного характера были записки Данибегова, изданные в Москве на русском языке в 1815 году. Весною 1795 года Данибегов грузинским царем Ираклием II был отправлен в Индию для выполнения царского поручения. В Мадрасе жил армянский купец, присылавший ежегодно богатые дары грузинскому царю. Ираклий в знак благодарности пожаловал ему деревню в Лори и грамоту по этому поводу пожелал послать со специальным человеком, который и оказался Данибеговым. Приехав в Мадрас, он не застал армянского купца в живых, который умер за год до приезда Данибегова. Последний вручил царскую грамоту сыну армянина и вернулся в Грузию. После возвращения Данибегов издал свой путевой дневник на грузинском языке, а русский перевод был напечатан в 1815 г.

забота содержания семьи легла тяжелым бременем на мать. Она была богомольной и доброй женщиной, единственное желание которой состояло в том, чтобы сын выучился грамоте. Но это было не так легко. Автор подробно рассказывает, ценой каких тяжелых страданий ему удалось научиться читать и писать у монастырского переплетчика. В деревне, состоящей из 700 домов, грамотных было лишь десять человек (главным образом духовные лица), в числе их и автор. Много страниц Араратский посвящает описанию бедственного положения своей семьи, зависти и жестокости «богатых сограждан», их притеснениям и преследованиям, бессердечно старшин.

Когда Артемию было 12 лет, он уже свободно читал церковные книги. Его успехи вызывали зависть и злобу богачей, потому что он был сыном «самой бедной вдовы». Много претерпел автор от хозяев деревни. В девятилетнем возрасте он поступил в монастырь, что было не так уж легко. Ему приходится прислуживать у разных духовных лиц: то у архимандрита Карапета в Арапкире, где находится монастырь, то у протопопа Гавриила в родном селе, то у архиепископа Сагака. Это дает любопытному мальчику возможность близко наблюдать жизнь духовенства. Наконец, 15 июля 1795 года Араратский выехал из Вагаршапата с тифлисскими армянскими купцами, как он пишет, «выехал навсегда».

В первой части завершается описание жизни в Вагаршапате. Во второй части, которая начинается с описания Тифлиса, рассказывается о скитаниях и приключениях автора. Араратский мечтает попасть в Россию. Он еще в Вагаршапате платит купцу тридцать рублей из своих сбережений с условием, что он за эти деньги поможет ему добраться до России. В караване купца он переносит страшные мучения. Не раз он оказывается на краю гибели. Полуголодный, в лохмотьях он едва добирается до Кизляра. Здесь он в первый раз встречается с русским человеком, который его спасает. Во второй части книги Араратский появляется то в роли торговца хлебом, то садовника, то работника, который рубит дрова и носит воду, то он сторож гостиного двора, то нанимается «выбивать сорочинское пшено», то пристраивается на житье при церкви, и, наконец, он попадает на служение к армянину «С.»—майору русской армии в войсках В. А. Зубова. Здесь ожидают его новые испытания. Майор «С.» оказался веселым человеком; он гуляка и хвастун, болтун и обманщик.

который не выполняет свои щедрые обещания. Наконец, Араратский избавляется от него и поступает на службу в качестве камердинера к «одному российскому майору «Б.», человеку очень доброму, который был в отдельном небольшом корпусе графа Апраксина». Он только выкарабкался из одной беды, теперь попадает в новую. Опять ему грозит гибель, он чуть не погибает во время бури по пути из Дербента в Астрахань. После многих приключений, перенесенных страшных испытаний, наконец, 17 августа 1797 года Араратский, как говорит он, «водворил себя на жительство в С.-Петербурге».

Первым из исследователей, обратившим внимание на личность Артемия Араратского, был А. Д. Ерицов, который на одном из заседаний V Археологического съезда в Тифлисе, 16 ноября 1881 года, выступил со специальным докладом о книге Араратского. Предыдущее сообщение было посвящено описанию Тифлиса по Гильденштедту, записки которого появились в результате его путешествия по Кавказу, предпринятому им в 1770—1773 годах. В этой связи А. Д. Ерицов останавливается на характеристике книги Араратского, указывая на то обстоятельство, что в ней описывается Тифлис конца XVIII века, через несколько дней после нашествия Ага Магомета Хана. Текст доклада Ерицова, к сожалению, не был опубликован в трудах съезда, где лишь в хронике заседаний излагается краткое содержание его выступлений: «Ага Магомет Хан вступил в Тифлис 11 сентября 1795 года и предал город разорению и пламени. Тифлис горел восемь дней. Ага Магомет Хан имел пребывание во дворце на Куры, там, где находится теперь Экзархский дом, который принадлежал последним грузинским царям. Остатки этого дворца видны еще и в настоящее время со стороны Куры. Вступив в Тифлис и разорив его окончательно, Ага Магомет Хан через восемь дней поспешил удалиться из города, так как оставаться в нем не было возможности, потому, во-первых, что он горел со всех сторон, не осталось почти ни одного здания целым, а с другой стороны, Тифлису угрожало другое, более важное бедствие—чума, потому что среди улиц Тифлиса лежали трупы убитых жителей и подвергались гниению. Жить в Тифлисе не было возможности. Жители Тифлиса бежали в горы и в городе не оставалось почти никого. В это-то время посетил Тифлис Артемий Араратский, тогда молодой человек, лет 20. Человек неграмотный, знающий почти одно только чтение на армянском

языке, он был очевидцем ужасного положения в городе и описал это подробно в своем путешествии по Закавказскому краю, которое носит оригинальное название: «Жизнь Артемия Араратского». Эта книга издана в 2-х частях на русском языке, в начале настоящего столетия, в Петербурге, и составляет большую библиографическую редкость, так что вряд ли она известна кому из г. г. присутствующих. А. А. Араратский бежал от этого ужасного положения края в Россию и впоследствии саморазвитием добился чинов и умер в чине действительного статского советника, оставив нам чрезвычайно любопытные записки о своей жизни. Описание Араратским Тифлиса имеет за собою то преимущество перед описанием Гюльденштадта, что он знал местный язык, нравы, знал город Тифлис довольно хорошо и так рельефно представил ужасное положение города, что всякий, кому пришлось читать описание Тифлиса, представлял себе живо картину нашествия варваров на Тифлис и ужасное состояние города в ту эпоху»¹¹.

Ерицов, будучи историком, обратился к книге Араратского, как к историческому источнику исключительного значения и как к мемуарам современника и очевидца событий конца XVIII столетия. В этой связи он заинтересовался и автором «любопытных записок о своей жизни», о котором, судя по опубликованным протоколам съезда, были у него собраны какие-то биографические данные. К сожалению, о рукописи Ерицова у нас сведений нет.

Спустя более десяти лет после выступления А. Д. Ерицова, в 1892 году, в Тифлисе увидел свет армянский перевод книги Араратского. Автор перевода был известный армянский романист Перч Прошян, который написал несколько страниц от себя. Кроме библиографических сведений, почерпнутых из русских источников, он особенно заинтересовался личностью Араратского. Восстановив краткую биографическую канву жизни автора, периода, нашедшего отражение в книге со дня рождения (1774) до его обоснования в Петербурге (1797), Прошян вопрошает: «Куда же делся после этого (т. е. после 1797 г.—К. Г.) Араратский, какой образ жизни он вел, мы ничего не знаем, об этом он молчит». Переводчик, очевидно воодушевленный находкой забытого произведения вагаршапатского уроженца, который так долго и близко жил от родного

¹¹ «Труды V Археологического съезда в Тифлисе (1881)». Изданы под редакцией гр. Уваровой, М., 1887, стр. VII.

села Просяна¹², оказался слишком доверчивым. Он, например, поверил, что книга Араратского была написана первоначально на армянском языке и, ссылаясь на глухое упоминание в библиографическом указателе Миансарова, искренне сожалеет об утере армянского автографа. В критической литературе было высказано сомнение в том, что армянский текст книги навряд ли вообще когда-либо существовал и что свои мемуары автор скорее всего писал сразу на русском языке, значительно позже, в петербургский период своей жизни. Такое предположение не лишено основания, но, очевидно, какие-то первоначальные черновые записи существовали, иначе трудно представить, что автор мог сохранить в памяти мельчайшие подробности, точные даты многих событий своей жизни¹³.

Просян, ссылаясь на выступление А. Д. Ерицова на V археологическом съезде в Тифлисе, говорит о том, что Араратян достиг чина «действительного статского советника», что он «пользовался любовью и уважением министров и высокопоставленных лиц, что он был дорогим гостем салонов и своим природным легким остроумием и талантом веселил и доставлял всем удивление». Просян рассказывает о письмах армянского католика Нерсеса 1815—1816 годов, в которых он с почтением обращался к Артемию Араратскому. Наконец, Просян ссылается на «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», где перепечатана из французских газет полемика Араратского—в 1818 году—с известным парижским профессором-арменистом Шаганом Джрпетяном¹⁴. Из этого же печатного источника сообщается

¹² Как можно судить по запискам Араратского, он даже бывал в Аштараке, а Просян был большим патриотом Аштарака, что особенно ярко сказалось в его стихотворном обращении к своим землякам, помещенном в начале его романа «Ссс и Вартитер».

¹³ При существовании армянского текста трудно представить, чтобы не хватило у такого человека, как Араратский, предприимчивости в его издании. По всей вероятности, немецкое и английское издание книги увидели свет не без участия автора. Куда легче и проще было осуществление армянского издания. Если это по некоторым мотивам трудно было ему сделать в России, то он мог успешно заняться им в Париже, где он бывал и где у него была возможность издать свою книгу на армянском языке.

¹⁴ «Собр. актов», ч. III, стр. 288—294.

факт, что во время пребывания в Париже Араратский рисовал и печатал усыпальницу с текстом армянского киликийского царя Левона VI Лусиняна в Келестинском соборе в Париже.

О пребывании Араратского в Париже упоминается и в брошюре Аракела Араратяна, изданной на армянском языке в Тифлисе в 1850 году. Брошюра посвящена деятельности священника Иоанна Воскерчянца Вагаршапатского, учителя Араратского, о котором в своих мемуарах автор отзывается с любовью и уважением. В ней говорится о том, что Арутюн Араратян, который был учеником Иоанна Воскерчянца, уехал в Петербург. Здесь же находим сведения об английском издании «Хроники» Воскерчянца, осуществленном Араратским в Париже при помощи Клапрота. Последний пользовался для английского издания русского переводом, выполненным Араратским с армянского оригинала.

К этим сведениям можно добавить еще один факт, который не упоминается ни у Ерицова, ни у Прошяна, но который свидетельствует о кипучей деятельности Араратского в России. В августе 1823 года было основано в Москве «Общество любителей древности при армянском учебном заведении гг. Лазаревых», которое имело предметом занятий «изыскание достославных событий о древней Армении». В числе действительных членов общества находим и губернского секретаря Артемия Араратского¹⁵.

Были ли у Араратского другие труды, кроме этих двух томов его жизнеописания? Вопрос этот интересовал и Прошяна. Он приводил слухи о существовании третьего тома, посвященного петербургскому периоду жизни Араратского, но эту версию он считает маловероятной. Время смерти автора Прошян определяет между 1825—1835 годами. В его предисловии к армянскому изданию приводятся устные рассказы об Араратском. Здесь говорится о его близких и дальних родственниках, о близости его к Лазаревым. По семейным преданиям, Араратский в старческие годы посетил Эчмиадзин, а оттуда отправился в Муш, на родину отца. Известно, достиг ли он Муша, но, по рассказам, он умер в пустыне Лим, где якобы и находится его могила.

Многое в биографии Араратского остается неясным, в

¹⁵ Там же, стр. 62—68.

частности петербургский период его жизни и события, связанные с его пребыванием за границей. Некоторые сведения об этом содержатся в послесловии к немецкому изданию его книги, автором которого, по всей вероятности, был Генрих Буссе¹⁶. Там говорится о том, что Араратский много лет жил в Париже, выполняя торговые поручения своих соотечественников. Во французской столице он познакомился с Сен-Мартеном, который упоминает в своем труде об оказанной Араратским помощи известному исследователю китайского языка Юлиусу фон Клапроту, при переводах с персидского. Затем сообщается о том, что Араратский стяжал себе капитал и сейчас (в 1821 году) намерен отправиться через Константинополь в Иерусалим и якобы он обещал поведать миру о дальнейших событиях своей жизни.

В 1894 году, т. е. через два года после издания армянского перевода книги Араратского, в Баку на армянском языке появился обширный критический очерк под заглавием: «Подлог Артемия Араратского раскрыл А. Е. С.». Он преследовал цель доказать, что: а) книга Араратского представляет собой не что иное, как «ряд чистых легенд»; б) автор ее не писал на армянском языке, а писал по-русски, в Петербурге; в) хотя и автор скрывает подлинную картину своей жизни, но все же видно, кем он был в действительности. А. Е. С., шаг за шагом следуя за автором, пытается уличить его в выдумках, «разоблачить» его. Какого же характера эти «разоблачения»? Автор очерка с исключительной педантичностью

¹⁶ Буссе жил в Петербурге с 1785 года по 1819 год. Сначала он работал в Академии наук унтер-библиотекарем и адъюнктом, а с 1801 года был пастором в церкви св. Екатерины на Васильевском острове. В 1819 году Буссе покинул Россию и поселился в Галле, где в 1821 году и было осуществлено немецкое издание книги Араратского. Вполне допустимо, что Араратский был лично знаком с Буссе и сообщаемые им сведения могут быть достоверными. Составленный им обширный очерк «К некоторым познаниям географии, истории, религии и литературы армян», послужившим введением к немецкому изданию книги Араратского, возможно, был написан не без участия самого автора. В предисловии переводчик говорит о своем интересе к вопросу о положении инородцев в России, о том, как ему пришлось заняться обильными изысканиями и что предполагаемое небольшое введение выросло в обширную статью, и, наконец, о том, что свою работу он посвящает тем, которых он помнит постоянно и которые находятся в далеком забываемом Санкт-Петербурге.

ищет и фиксирует в рассказах Араратского неточности и ошибки в хронологии. Он обвиняет его даже в плагиате. Вот этот «благородномыслящий Арутюн,—пишет А. Е. С.,—получив писания Воскерчянца, в 1813 году издает свою «жизнь» на русском языке, бессовестно включая туда целые главы чужого произведения, как рассказы, услышанные от матери». Сам же автор критического очерка приводит сведения о «Записках Воскерчянца», написанных в 1811 году, пишет по поводу событий из истории нашествия Ираклия в Армению. Но самое важное то, что Воскерчянец писал свои записки «по просьбе своего ученика Арутюна Аствацатряна Вагаршапатского», т. е. Араратского, который при составлении своего жизнеописания, по всей вероятности, пользовался и «краткими примечаниями» Воскерчянца, написанными также по просьбе Араратского. Позже, в Париже, при содействии Клапрота Араратский добился издания «Хроники» Воскерчянца на английском языке.

Казалось, если б у Араратского было желание скрыть источник отдельных частей своей книги, то он никак не мог быть заинтересованным в обнародовании записок своего учителя. Да и Воскерчянец, проживший до 72-летнего возраста (умер в 1834 году), с чувством глубокой признательности говорит об Араратском. Странное объяснение факта издания Араратским «Хроники» Воскерчянца находим у А. Е. С. Араратский это делает якобы для того, чтобы придать известную силу отдельным сомнительным отрывкам своей книги.

При объективном отношении к очерку об Араратском не трудно обнаружить явную тенденциозность автора. Этого, к сожалению, не заметил Н. Я. Марр, который, доверившись целиком А. Е. С., писал: «Автор выписанной в заглавии монографии, пожелавший скрыть себя под инициалами А. Е. С., весьма убедительно доказывает, что армянский текст не может и в будущем быть напечатанным, так как его не существовало никогда. Труд Артемия Араратского, по исследованию А. Е. С.: 1) не есть перевод мемуаров, писавшихся изо дня в день, как уверяет сам автор: по-армянски Арт. Ар. никогда ничего не писал, 2) не есть автобиографическое сочинение, составленное Арт. Араратским по памяти, как можно было допустить, и 3) не относится вовсе к историческим памятникам, насколько в последних мы ищем достоверных сведений об описываемой эпохе; у Артемия Араратского действительная жизнь, с которою он имеет притязание знакомить нас,

совсем не отражается или, что еще хуже, фальсифицируется, заменяется или затемняется измышлениями автора».

Н. Я. Марр еще в большей степени, чем А. Е. С., сгустил краски, не принял во внимание ни точку зрения А. Д. Ерицова, ни вступительную статью П. Прошяна, ни, наконец, отзывы в армянской периодической печати. Он писал: «Артемий Араратский обморочил читающую публику, выдав за свои, будто изо дня в день писавшиеся мемуары, составленный им впервые на русском языке сентиментальный роман, материалы для которого он черпал главным образом из своей фантазии... Любопытно, как автор-фантазер в своем сентиментально-дидактическом романе действующих лиц разбил на две группы—злых и добрых. Злыми оказываются лезгинны, Сафар-бек, грузинский царь Ираклий, вагаршапатцы, вагаршапатский священник, армянин—тифлисский купец, армянин—майор русской службы. К категории добрых отнесены: бабушка героя, мать героя, осел (sic!) семейный и сам герой, он же автор... Последние страницы исследователь посвящает выяснению личности Артемия Араратского: Артемий, с особенной старательностью скрывал правду о себе, и прошлое его оказывается весьма подозрительным. С помощью невольных обмолвок самого Артемия А. Е. С. выясняет, что наш самозванный герой до появления в России занимался на Кавказе темными делами, ведя бродяжническую жизнь в знакомстве с различными мародерами в смутную эпоху нашествия Ага Махмед Хана на Тифлис. Впоследствии, выучившись кое-чему в Москве, Артемий поступил на службу и достиг чина губернского секретаря; но до этого он успел несколько раз переменить свою фамилию: на Кавказе он звался Хачилянцом, в Астрахани Ивановым, в Москве этот авантюрист присвоил себе чужую фамилию—Богданова-Араратского»¹⁷.

А. Е. С. в своем стремлении окончательно «разоблачить» Араратского доходит до того, что ставит под сомнение даже и то: родился ли он в самом деле в Вагаршапате и высказывает предположение, что Араратский скорее всего был выходцем из Муша. Тщетное старание. Автор книги ясно говорит, что отец его приехал из Муша. Да и какой смысл имел

¹⁷ Н. Я. Марр. А. Е. С. подлог Артемия Араратского раскрыл. «Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества», т. IX, СПб., 1895, стр. 311—313.

скрывать место своего рождения? Для А. Е. С., относившегося с чрезмерной подозрительностью и недоверием к Араратскому, каждая строка его «жизнеописания» приобретает особое звучание. Оказывается, по А. Е. С., «стремление скрыть свое происхождение связано со стремлением скрыть свои занятия»¹⁸.

Первое, что бросается в глаза при чтении очерка А. Е. С., — это раздражительный тон автора. Создается впечатление, как будто Араратский является его личным врагом. Причину негодующего тона легко понять, если знать, что под загадочными буквами А. Е. С. скрывался Аристакеос епископ Седракия. Принадлежность автора к духовенству не могла не сказаться на характере критического очерка. У него было достаточное основание негодовать: значительное место в первой части книги Араратского занимает описание жизни и быта армянского духовенства. Здесь образы представителей этого сословия, за редкими исключениями показаны как отрицательные типы. Это большею частью жестокие и невежественные люди, эксплуатирующие простой народ. К примеру, управляющий деревней, духовное лицо из Аштарака по имени Калуст. Автор характеризует его как «человека жестокосердного, которого душа исполнена была злости и ненавидения»¹⁹. И помощник управляющего Калуста, который собирал от населения монастырские повинности, «был человеком жестоким». Старший протопоп Гавриил «был из числа тех же людей, кои не имеют никакой чувствительности, кроме жестокосердия»²⁰.

Образ архимандрита Карапета Араратский рисует в юмористических тонах. Он человек добрый, но «только любил изобильно и повкуснее наполнять себя пищею». Подробно описывается в книге обжорливость этого человека, имеющего высокий духовный сан. Сначала автор говорит вообще о склонности арапкирцев к острым блюдам: «У них не бывает ни одного почти блюда без дикого перца... ни один народ не может вкушать такой сильной или лучше сказать палящей горечи и в таком большом количестве, как Арапкерцы. Карапет говорил тем же наречием, имел вкус к перцу и ку-

¹⁸ «Подлог Артемия Араратского раскрыл А. Е. С.» (на арм. яз.), Баку, 1894, стр. 43. Далее: А. Е. С.

¹⁹ *Араратский*, ч. I, стр. 62.

²⁰ Там же, стр. 80.

шанья его в изобилии оным были приправляемы. Я удивлялся, как такие явствы не съедали его внутренности, когда от одного к ним прикосновения слезала у меня с губ кожа, а запах поражал обоняние»²¹. Даже многие из духовных лиц, по свидетельству Араратского, смеялись над обжорливостью Карапета.

После всего этого можно себе представить, почему с таким раздражением реагировал на книгу Араратского епископ Седракян. Однако это не помешало ему высказать и ряд справедливых суждений. Критические его замечания, относящиеся к фактической основе книги, в большинстве случаев были верными, если считать ее историческим сочинением и искать в ней правдивое жизнеописание автора. Он убедительно показывает путаницу в хронологии, неправдоподобие отдельных эпизодов. По этому поводу Н. Я. Марр остроумно замечал: «Всюду божия милость осияет самохвального автора и охраняет его от гибели. Но если божьей милости обязан Артемий своим спасением, когда, например, около Тегера осенью в Амбердской речке сшибло его водою и понесло, то исключительно воображению Артемия обязаны мы самым приключением, так как нельзя себе даже представить, каким образом осенью, т. е. в самое скудное по обилию воды время года, этой реченкою, и в обыкновенное-то время едва заметною, мог быть увлечен кто-либо, если бы даже он того захотел»²².

Но допустим, что все это верно, что книга Араратского полна выдумок и измышлений, но разве этим исчерпывается все содержание книги и лишь ими определяется характер и ее значение? А. Седракян и вслед за ним Н. Я. Марр в своих оценках допускают существенную ошибку, рассматривая книгу Араратского как чисто историческое сочинение. К ней не следует предъявлять требования как к исторической хронике. Книга Араратского написана в форме автобиографических записок. Автор задался целью описать, как говорит он, «главные обстоятельства» своей жизни. В кратком предисловии читаем: «Я записывал все со мною встретившиеся приключения и, дополняя по времени, собрал и составил из них полную жизни моей историю». Однако, как бы предвидя, что многое в его книге покажется читателям неправдоподобным.

²¹ Там же, стр. 78, 79.

²² Н. Марр. Указ. ст., стр. 312.

вымыслом, он предупреждает их и специально подчеркивает документальный характер сообщаемых фактов: «Издавая сие,—пишет Араратский,—я долгом поставляю предварить читателей, что в книге жизни моей не найдут они никаких риторических украшений, хотя и есть некоторые места, в которых можно бы было распространиться в них. Я писал просто только то, что со мною действительно было, не прибавляя ни одного слова лишнего, которого не было сказано, а старался еще всеми мерами скрыть многое». Последнее признание автора важно и в этом случае ему можно верить.

Несмотря на порою даже карикатурные зарисовки образов отдельных духовных лиц, Араратский ни в какой степени не принадлежал к числу неверующих. Более того, как явствует из концепции его книги, по своей идеологии он был человеком религиозного мирозерцания. Что это так, особенно наглядно видно по характеру рассказа матери, который является как бы вставной новеллой и выполняет известную идейную функцию. Рассказ этот в значительной степени является плодом творческой фантазии автора, составлен по образцам армянской агиографической литературы. Жизнь матери Араратского, как она рассказана в книге, представляет собою подражание жизни армянских христианских великомучениц Рипсимэ и Гаянэ, из истории Агафангела, с той лишь разницей, что если в традиционной религиозно-нравоучительной литературе героини погибают, то у Араратского после невероятных мучений и страданий она остается жить. По этому поводу критик Араратского, Аристакеc Седракян, иронически замечает, что мать автора не погибает, потому что она нужна, она еще должна родить «одного мудрого и знатного человека», т. е. самого Араратского. По мнению Седракяна, смысл всех приключений этой злосчастной женщины, будущей матери Араратского, тяжелых ее испытаний, заключается в том, чтобы вывести деву из всех этих злоключений, сделать ее образцом благодетельства и христианского долготерпения, чтобы потом «чудом она родила сына»—«мудрого и знатного человека» Артемия Араратского²³.

Это, конечно, остроумно, но далеко не вскрывает идейную основу новеллы. На протяжении пятидесяти страниц автор подробно рассказывает о жизни матери, показывает ее преданность христианскому вероучению, ее непреклонную волю,

²³ А. Е. С., стр. 33, 49.

ее способность со смирением и терпением переносить все страдания. В рассказе матери не случайно встречаются такие готовые формулы, заимствованные из трафаретов армянской религиозно-нравоучительной литературы, как: «Не страшись смерти, но паче радуйся, если должно будет принять ее за веру»²⁴. Одиннадцатилетняя девочка произносит следующую тираду в ответ на предложение Сафар-бека стать женою его сына, стать богатой и знатной госпожой: «Не желаю ни богатства его, ни славы, но желаю остаться верною господу богу моему и умереть за него»²⁵. Далее она говорит о тленности всех земных наслаждений и о благах вечной жизни. Такой же вставной новеллой, как и повесть о жизни матери, является рассказ о красавице Манушак, о жене сына Хнусского армянского священника, «на месте убийства» которой появляется ночью свет и «приятный, доселе неизвестным им (магометанам) ароматный запах»²⁶.

Не только эти вставные новеллы, в которых описание вполне возможных реальных событий сочетается с вымыслом автора, проникнуты христианским учением о долготерпении и смирении, но и вся книга Араратского пестрит рассуждениями религиозно-нравоучительного характера. Мироззрение автора особенно ярко и наглядно сказалось в заключительной части первой книги, где подводится как бы некоторый итог пройденного жизненного пути. Учитель наставляет своего ученика, который стал уже совершеннолетним и они, в силу обстоятельств, должны расстаться. «Ты испытал более зла,—говорит учитель,—нежели сколько видел себя среди добра.—Ты испытал на самом себе, и самые жестокие страдания дали тебе познать, что человек, к несчастью, бывает исполнен более злобы, зависти, ненависти и всех пороков, губительных для подобного ему человека и унижающих его пред всеми дышущими тварями. Сколько не силен человек в произведении зла, имея способность изобретать к тому многие средства, как тварь одаренная разумною душою; но он менее бы опасен был, если бы, подобно прочим животным, не умел скрывать своих намерений и чувствований, что хочет произвести зло, под личиною доброй воли и благорасположения. Таким образом, неблагодарный человек своему соз-

²⁴ *Араратский*, ч. 1, стр. 22.

²⁵ Там же, стр. 31.

²⁶ Там же, стр. 166—173.

Рис. 7. Взятие русскими войсками Ахалцихе. Гравюра Машкова. 1828.

дателю, сотворившему его с свободною волею по образу и по подобию своему, употребляет во зло и то и другое». Учитель дает юноше и практические житейские советы, которые, по его мнению, должны обеспечить будущее благополучие своего воспитанника. «Благоразумный человек,—говорит он,—всякий новый случай, всякое предназначение, рассматривает прежде с самой худшей стороны; предполагает более неприятные следствия, рассуждает о средствах, и, так сказать, запасается наперед мужеством переносить все огорчительное. Таким образом, он менее ошибается в надеждах своих; действует правильнее; огорчается тем менее, чего ожидал прежде, и с большею удобностью преодолевает то, что наперед обдумал и к чему готовился». Учитель советует юноше не быть вспыльчивым, строптивым. «Запальчивость,—говорит учитель,—подобно огню, который, истребляя подверженное ему, исчезает после и само... будь подобен воде, которая все на себе носит, все в себя принимает и угашает пламя»²⁷. По части общественного поведения он наставляет ученика быть твердым в вере, покорным государю и властям.

Все это достаточно полно и ярко рисует облик Араратского, как человека умеренного, либерального мирозозерца, но ценность его книги заключается не в этих и подобных сентенциях, а в том, что в его жизнеописании нашли отражение важнейшие исторические события эпохи и народная жизнь.

Автор сравнительно более скуп, когда он говорит о жизни крестьянской массы, ее бесправного, угнетенного состояния. Тем не менее, ввиду отсутствия другого литературного памятника, в котором современник и очевидец этих событий, обстоятельно и подробно рассказал бы нам о жизни того времени, книга Араратского приобретает исключительный интерес.

Общее правоучительное направление книги не мешает автору насытить свои описания фактическими сведениями, что, по-видимому, было связано с его желанием придать событиям правдоподобный характер. Но он увлекается подробностями в такой степени, что создается впечатление, что он хочет щегольнуть своими познаниями или удивить читателя экзотическими картинами жизни и быта незнакомой страны. Это нередко приводит его к сгущению красок, излишнему

²⁷ Там же, стр. 263—270.

многословию в описании деталей, к преувеличениям и гиперболизации.

В первой части книги сообщается: «Женщина родильница, по нашему обычаю, прежде шести недель не может ходить со двора днем, кроме вечера, когда скроется солнце; и никто во все то время не будет есть из ее рук или приготовленной ею пищи»²⁸. Ничего похожего в традиционном быту армян нам неизвестно. Женщина родильница в армянской семье пользуется исключительным вниманием и заботой окружающих.

Арагатский говорит о чудодейственной силе рыбы «кармирахайт» (форель). «Меня лечили прилежно: глаза мои поправились скоро; на руки прикладывали пластырь и пальцы совсем зажили, кроме одного.—Для испытания оному причины, приложили на него мясо рыбы Кармирахайт, которая, будучи в пище превкусная, имеет в наружных средствах такое действие, что без всякого нагноения и почти без боли, съедает мясо, так, что обнажит кости и жилы»²⁹. Аристаке Седракян справедливо указывал на такой невероятный факт.

Арагатский рассказывает о своем посещении старинного монастыря, в котором двести лет тому назад «до 500 душ мужей и жен изжарили лезгинцы». Приехав на это место, автор говорит, что он нашел «все стены сей церкви окровавленными»³⁰, и здесь же он сам добавляет, что это массовое убийство случилось двести лет тому назад... Неправдоподобным представляется нам и описание встречи его с русскими раскольниками—во второй части книги. «Приехав на первую перемену лошадей,—рассказывает Арагатский,—в одной раскольнической деревне со мною приключилось то же, что в Науре. Когда мужики мазали колеса, я имел неосторожность на вопрос их сказать им, что я армянин: они, опустив ось, все бросились ниц на землю»³¹. Совершенно непонятно и невероятно поведение русских раскольников. Если это и могло случиться, то совершенно по иной причине. Арагатский, как камердинер русского офицера, носил куртку алого цвета, шаровары из синего тонкого сукна, коротенькие сапоги с серебряными шпорами и маленькую каску с пером. Такая

²⁸ Там же, стр. 47.

²⁹ Там же, стр. 86.

³⁰ Там же, стр. 245.

³¹ Там же, ч. II, стр. 257.

нарядная одежда могла производить в глухой русской деревне известное впечатление на крестьян. Они могли принять его за важного начальника. Только так можно было бы объяснить поведение раскольников. Вообще же этот эпизод в передаче Араратского представляется нам совершенно фантастичным. И в описании отдельных подробностей автор часто увлекается, допускает такие вольности, которые граничат с небыльницей.

В книге Араратского в описании традиционного быта армянской деревни лишь в отдельных случаях имеют место ошибки и неточности, что явилось, по всей вероятности, результатом его стремлений сделать книгу занимательной, удивить читателя необычайностью, экзотичностью. Автор не плохо знает народный быт, и некоторые его зарисовки для своего времени были свежими и новыми, в особенности для русского читателя, которому неоткуда было черпать сведения о жизни далекой, незнакомой страны. Автор рассказывает, как в деревне Плур «девушки старались выглядывать из под своих покрывал», чтобы он их заметил, так как спутники его, «прославляя его ученость... выдумали разгласить» о намерении Араратского жениться. Но взгляды дев никак не смущали его, по собственному признанию, он «думал лишь как бы только поужинать и попраздновать получше на счет священника»³². Вообще следует отметить, что Араратский не лишен чувства юмора.

В книге Араратского читатель мог найти описание армянских свадебных обрядов, крестьянского жилища, положения женщины, религиозных праздников, быта духовенства и т. д. Особо ценными являются рассказы о сельской школе того времени: «Азбуку учат у нас,—пишет Араратский,—на доске из дерева грецких орехов, на которой учитель пишет буквы тушью. За учение платы нет, а по праздникам родители дарят того человека чем могут. Сверх того ученик делает у него в доме все, как крепостной работник. Вообще учителя поступают с своими учениками самовластно и часто наказывают их самым тиранским и бесчеловечным образом»³³. Здесь же дается описание так называемой «фалахи», этого страшного инструмента пытки. О «фалахе» Араратский пишет: «Это обыкновенное у нас наказание, которое производится боль-

³² Там же, ч. I, стр. 155.

³³ Там же, стр. 60, 61.

шею частью так жестоко, что наказываемый лишится и голосу и памяти. Оно называется фалаха и делается таким образом: на длинную палку привязывается по середине веревка обеими концами и составляет петлю, в которую, вложив ноги того, кого хотят наказывать, завернут палку так круто, что никак уже ногами пошевелить не можно и что причиняет также жесткую боль, палку держа двое поднявши почти в грудь; между тем наказываемый лежит на полу или на земле навзничь, а третий сечет ноги»³⁴. Побой и истязания были обычными явлениями и в монастырской школе, где пришлось учиться и Араратскому. Протопоп Гавриил наказывал и мучил учеников своих без милосердия. «Кроме жестоких побоев, каких добрый хозяин не сделает никогда и скотине, запирали в курятник, или в конюшню, сутки на двое без пищи»³⁵.

Эти варварские методы воспитания господствовали в армянской сельской школе вплоть до конца XIX века. Яркое описание о жестоких наставниках, об истязаниях учеников оставили нам Раффи, Патканян и Туманян, которые изображали армянскую действительность второй половины XIX века.

В книге Араратского имеются и такие детали армянского народного быта: «По нашему обычаю траур означает так: мужчина растегивает ворот рубашки и грудь держит обнаженною, а женщина имеет распущенные волосы и покрывает голову черным платком». Или: «Расход свадебный несколько был наверстан тем, что всякий гость, пирующий на свадьбе, дает для жениха несколько денег». До сих пор еще можно наблюдать в армянской деревне этот обычай, когда кто-нибудь из почтенных гостей, с нарядной тарелкой в руке, торжественно провозглашая имена даривших денег и драгоценных подарков, приглашает граждан участвовать в сборе средств для новобрачных.

Араратский особенно подробно говорит о положении женщины, которая по старинному армянскому обычаю в течение долгого времени после замужества «не может говорить в доме ни с кем, кроме своего мужа и девушек. Она объясняется одними только знаками, и тотчас отворачивается, когда на нее мужчина или женщина смотрит, садится за стол с

³⁴ Там же, стр. 90, 91.

³⁵ Там же, стр. 80.

одним только мужем и не бывает за общим». Араратский пишет об этом не без горького чувства и пытается идти наперекор общепринятым нормам. Он, поговорив с матерью, с ее согласия предлагает своему старшему брату позволить своей жене изъясняться дома свободно «языком, а не руками и ногами». Он даже «изъявляет усердие учить ее грамоте»³⁶, что для того времени было фактом необычным, противоречащим традиционному представлению о назначении женщины в семье и общественном быту. В конце XVIII века о женских школах в Армении не имели никакого понятия и Араратский, очевидно, не без влияния русского просвещения, хотя он и рассказывает о событиях времени его юности, защищал право армянской женщины на образование.

В книге Араратского население армянской деревни показано не как единая, безличная толпа. С одной стороны, картины темной, безрадостной жизни крестьянской массы, стонущей под игом тройной эксплуатации: персидских сатрапов, духовенства и кулачества, с другой, — «зависть и жестокость» богачей, управляющих, старшин и десятников. В этом случае, несомненно, сказалось социальное происхождение автора, гнетущая обстановка его детства, перенесенные им бесконечные обиды, побои, мучения и страдания.

Автор — выходец из бедной семьи. Он подробно описывает тяжелую жизнь матери, несчастной одинокой женщины. Одним из значительных мотивов первой части книги явилась тема зависти к нему богачей, причину которой автор видит в своих успехах по пути к образованию³⁷. У автора слишком развито сословное чувство. В рассказе о своем детстве он всюду подчеркивает социальное неравенство. Уже в самом начале повествования, говоря о своей любви к сказкам, Араратский указывает на кичливость детей богачей, и говорит о том, как он «во всей силе чувствовал», что он сирота и что его мать «беспомощная и бедная вдова». У Араратского нет обобщений, социальные противоречия в его книге нашли слабое отражение, но тем не менее чувство обиды и горечи за перенесенные в детстве и в годы юности мучения, заставляет его часто выходить за рамки вопросов личной судьбы и обращаться к картинам народной жизни. Он говорит о «злб-

³⁶ Там же, стр. 11, 152.

³⁷ Там же, ч. II, стр. 106.

ной зависти старшин», о «зависти и жестокости богатых сограждан». Мать Араратского называет богачей «извергами»³⁸.

В первой части книги нашло отражение угнетенное и бедственное положение крестьянской массы. Деревня Вагаршапат принадлежала монастырю и многое зависело от управляющего монаха. «Подати платят у нас женатый четыре, а холостой два рубля,—пишет Араратский.—Узнав, что я за провоз Баязитца достал рубль денег, тотчас донесли управляющему селением монаху, что меня, как пришедшего в совершенный возраст, надобно положить в оклад, и как я стал уже наживать деньги, то назначили с меня брать не по два, но как с женатого по четыре рубля.—Монах очень был доволен таким представлением, и немедленно приказал с меня и брата моего взыскать восемь рублей.—Я отдал все что имел, то есть, один только рубль, а за остальные по повелению управляющего начали меня мучить, предполагая, может быть, что капли крови моей не обратятся ли в деньги. Брат мой, видя такие злодейства, решился поскорее продать из домашних вещей даже самые необходимые, чтобы удовлетворить жадности монаха и зависти старшины и таким образом освободили меня от истязаний»³⁹.

О полном произволе свидетельствует описанная Араратским другая картина: «Узнав, кто идет с деньгами (из крестьян.—К. Г.) прикажут десятнику его остановить, и под предлогом, что будто бы корова или другая скотина его вошла в их поле и потравила пшено, потребуют заплатить за убыток; и таким образом поступали они со многими бедными людьми»⁴⁰. В книге Араратского мы найдем описание типичной сцены того времени, так хорошо характеризующей жизнь армянской деревни конца XVIII столетия: «В сие время наступила жатва и обработка хлебов. Нас согнали всех на работы, которую бедные должны были исправлять, как обыкновенно водится, и день и ночь, то на монастырском поле, то на поле какого-нибудь старшины» (курсив наш.—К. Г.)⁴¹.

Араратский показывает конкретных представителей духовенства, сельских властей, угнетателей и притеснителей

³⁸ Там же, ч. I, стр. 3, 8, 9, 64.

³⁹ Там же, стр. 174, 175.

⁴⁰ Там же, стр. 75.

⁴¹ Там же, стр. 183.

простого народа. Однако А. Седракян, автор критического очерка об Араратском, выражает сомнение в правдоподобности описаний физических истязаний, которыми была так богата жизнь автора. Артемия бьют очень часто, нещадно и бьют по самым различным поводам. Жизнь его в Вагаршапате проходит почти в постоянных побоях. По приезде в Тифлис Артемия бьют перепуганные слухами о приближении Ага Магомет Хана пьяные горожане, приняв его за перса по его одежде. Бьют в грузинской деревне крестьяне, с которыми он объясняться не в состоянии из-за незнания языка. Он подвергается, наконец, часто изблениям от армянского купца и от офицера, у которого служил, и т. д. Во всех случаях вполне правдоподобно такое жестокое обхождение с бедным и нищим человеком, которому трудно было защищаться. Побоям и истязаниям со стороны старшин и десятников подвергается и мать Араратского. Седракян вообще считает, что в книге Араратского жестокости нарочито преувеличены и многое по этой части выдумано. Он готов защищать Сафар-бека, отрицая возможность его бесчеловечных поступков. Он готов отрицать царящий всюду тогда в армянской области произвол лишь для того, чтобы «разоблачить» Араратского⁴². Седракян договаривается до того, что якобы «по законам и обычаям магометанских народов нельзя бить женщин»⁴³. У автора очерка об Араратском встречаются странные рассуждения. Якобы для них представляли ценность лишь трофеи и пленные, что «им не нужно было человеческой крови и нечего было им убивать стариков»⁴⁴. Все это показывает, насколько тенденциозна была критика Седракяна, который воспринял книгу Араратского прежде всего как оскорбление армянского духовенства.

Всего этого не заметили критики Араратского. Если б в его мемуарах не было бы ничего достойного внимания, кроме цитированных нами отрывков, в которых находим свидетельство современника и очевидца жизни армянского населения Араратской долины во второй половине XVIII века, то и этого было достаточно, чтобы отказаться от нигилистического, поверхностного отношения к книге Араратского. В ней находим еще один весьма важный для понимания народ-

⁴² См.: А. Е. С., стр. 28, 29.

⁴³ Там же, стр. 34.

⁴⁴ Там же, стр. 20.

ной жизни того времени эпизод, показывающий, как назревало чувство гнева и протеста. Мы имеем в виду образ меркулапского священника, «прозванного Мзрах, что значит копые, с которым он всегда ездил». Мзрах был воинственным и смелым человеком. Занимался он разбоем, но не был обычным разбойником. Вот что пишет о нем Араратский: «Мзрах действительно занимался иногда грабежами; но с тою только от других разницею, что будучи человек несказанно горячего, запальчивого и в некотором смысле мстительного нрава, он посредством разбоя мстил богатым за бедных и, отнимая от первых, сколько удавалось, помогал последним так, как будто бы отдавали им принадлежащую часть, богатыми присвоенную (курсив наш.—К. Г.)... Встречаясь иногда на дороге с бедным человеком, он провожал его до безопасного места и если узнавал от него, в чем самые крайние нужды, то помогал, как позволял случай и возможность. Сам же из добычи своей не пользовался почти ничем и ничего не имел у себя лишнего; но все раздавал другим, только бы попался ему какой несчастной»⁴⁵. В образе Мзраха, по всей вероятности списанного с натуры, мы видим, в сущности, выразителя народного гнева; он мстит за слезы и страдания бедных. Он напоминает популярного и горячо любимого народами Кавказа легендарного героя эпического сказа о Кёр-Оглы.

Любопытно, что рассказ о меркулапском священнике не по вкусу пришелся епископу Седракяну и дал повод для длинных язвительных рассуждений, где досталось не только Араратскому, но и «священнику-разбойнику» за «недостойное» его сану занятие. По поводу этого эпизода Седракян пишет: «Читателю остается принять одно из двух: или то, что знакомство с разбойником-священником и получение от него подарков относится к числу обычных выдумок автора, или же, что он еще в юности до поездки в Россию занимался воровством и проводил время в сообществе разбойников»⁴⁶. Подозрение в авантюристических наклонностях Араратского не лишено основания, но Седракян настолько сердит и раздражен, что в полемическом азарте готов все принести в жертву, лишь бы доказать (лживость» и «мошеничество» автора. При таком подходе критик, естественно, не в состоянии был относиться объективно и заметить все то ценное, что,

⁴⁵ Араратский, ч. I, стр. 100—101.

⁴⁶ А. Е. С., стр. 107.

несомненно, при всех особенностях личности автора, заключено в самой книге.

Повторяем, книгу Араратского следует рассматривать не как историческую хронику, хотя в ней и нашли отражение важнейшие события жизни Закавказья в конце XVIII столетия, и не как дневник, куда изо дня в день добросовестно вносились записи чисто фактического характера, хотя и написана она в форме автобиографических записок, а как произведение, которое находится на грани с беллетристикой. «Жизнь Артемия Араратского» по своему жанру ближе к литературным памятникам. Автор пытался использовать традиции модных для того времени занимательных книжек, с приключенческими, а порою и авантюристическими элементами. В рассказе о своей жизни Араратский часто прибегает к шаблонам, создает искусственные ситуации вопреки логике реальных фактов, для большей драматизации и усиления эффекта он устраивает внезапные встречи «по щучьему велению, по моему хотению». Читатель ждет, что вот-вот оборвется достопамятная жизнь героя, но невероятный случай спасает его от смерти, и это происходит так часто, что становится невозможным верить автору.

Несмотря на существенные недостатки и противоречия, о которых было сказано выше, в книге Араратского мы находим и такие страницы, которые свидетельствуют, что ее автор обладал даром рассказчика, умением сделать свое повествование красочным и занимательным. Ограничимся лишь одним отрывком, в котором Араратский рассказывает о своем морском путешествии из Баку до Астрахани, на «24 пушечном фрегате», вместе с майором русской армии, у которого он служил камердинером: «На 6-й или 7-й день нашего плаванья сделалась буря с громом, я лежал почти без памяти на корме в углу. Волны беспрестанно меня обливали, но я весьма мало сие чувствовал. На последок один человек подошел ко мне и, поднимая меня, сказал: встань, друг, и молись богу, мы погибаем; ежели еще четверть часа продолжится буря, фрегат или разобьется о камни, или потонет. Несмотря на всю мою слабость и получувственное состояние, слова сии сделали на меня сильное впечатление и будто разбудили мои силы. Встав, я увидел первый еще раз неизбежную смерть в толиках ее ужасах. Время было почти около 4 или 5 часа по полудни, но представляло уже весьма темные сумерки. Фрегат

наш то стоял на высокой горе, то повергался в бездну, и часто сильными порывами ужасной бури склонялся на бок так, что мачты касались воды. Каждое мгновение мы ожидали, что фрегат или покроется висящими над ним горами, или погрузится в бездну. Еще до меня пробовали бросать якорь, но, опустив канат слишком на 40 сажень, не достали дна, и фрегат пущен был на волю божию. Матросы и весь экипаж совершенно отчаялись. Все прощались друг с другом, исповедывались и всякой предварительно искал средства к спасению...». Изображая эту страшную картину, когда грозит неминуемая смерть, автор спешит добавить: «В таковых случаях испытует всемогущий бог веру рабов своих». Араратскому и на этот раз не суждено было погибнуть: «Не прошло часа, как буря совершенно утихла, тучи рассеялись, воздух очистился... Ветер сделался вскоре сильный; фрегат наш летел быстрее птицы, рассекая пенящиеся волны, и посредством шума их казалось, давал радостный голос, что он оканчивает опасное с нами плавание... Пред рассветом начали пробовать воду и по вкусу ее заключили, что мы уже не далеко от пресной воды; потом, только что начало рассветать,—какая радость!.. увидели в воздухе летающих птичек, потом белую воду и наконец усмотрели в подзорную трубку остров, это был один из тех островов, на которых устроены астраханские рыбные ловли»⁴⁷.

В отдельных случаях автор проявляет способность весьма кратко и вместе с тем выразительно обрисовать жизненный путь своего героя. «В караване нашем, пришедшем в Тифлис из Тавриза,—рассказывает он,—был один купец, имевший от роду около 70 лет. Женья в Тифлисе, жил с женою, по тамошнему обыкновению, не более месяца, и будучи недоволен умеренным состоянием, отправился шататься по разным странам; был даже в Египте и всюду искал набогатиться. Возвратясь в Тифлис, слишком чрез сорок лет, отыскал свою жену, которую оставил молодую, а нашел старухою. Она столько была справедлива к самой себе, что при первом шаге отреклась от него, выгнала от себя с бесчестьем, и не пожелала от него ни богатства, ни устаревшей его любви. Труды его, почти полвека продолжавшиеся, кончились тем, что он лишился всего и измученный, покрытый ранами, найден мною брошенным на мельнице. Он еще был жив и,

⁴⁷ *Араратский*, ч. II, стр. 231—236.

узнав меня, просил доставить ему какой-нибудь пищи. Но я не мог подать ему никакой помощи, и думаю, что он в тот же день умер»⁴⁸.

Независимо от того, выдуман ли этот рассказ или является правдивым воспроизведением реальных событий, в любом случае автору нельзя отказать в мастерстве рассказчика. Жизнь купца, жаждущего богатства, покинутого всеми в конце жизни, его мучительная голодная смерть встают перед глазами читателя во всей реальности, с ярко характеризующими сторонами его бесцельного, пустого существования. Не менее выразителен образ жены, гордо отвергавшей и богатство его, и «устаревшую его любовь». Араратский и здесь, как и в других местах, преследовал дидактические цели. По мысли его, рассказ о купце должен убедить читателя о вреде жадности, в том, что может ожидать человека, недовольного своим «умеренным состоянием».

Араратский, видимо, пользовался и печатными источниками. За два года до появления жизнеописания Араратского в Москве вышла книга под заглавием: «Жизнь знаменитого астраханца, или странные приключения Улибара, сына одного богатого мурзы, извлеченные из его записок». Автор ее, так же, как и Араратский, «любил записывать все свои приключения», так же, как и Араратский, с самых детских лет почувствовал склонность к наукам. Особенно наглядно видна возможная зависимость Араратского от предисловия к «Жизни знаменитого астраханца...», в котором автор, не пожелавший обнародовать свое имя, писал: «Люди, приобывшие к обыкновенным в жизни человеческой обстоятельствам, станут, может быть, удивляться и не верить моим приключениям; но я предуведомлю их, что все, представленные в сей книге происшествия, в самом деле случились почти так, как они в ней описаны. В рассуждении же особ, упоминаемых мною, не нашел я за нужное объявить настоящие их имена, так же и собственное мое»⁴⁹.

«Знаменитый астраханец» так же, как и Араратский, после многих превратностей судьбы благополучно прибывает в Петербург. И в той, и в другой книге много нравоучительных сентенций об умеренной счастливой жизни, о добродете-

⁴⁸ Там же, стр. 54, 55.

⁴⁹ «Жизнь знаменитого астраханца...». Две части. В Москве. У книгопродавца Готье. 1811, ч. I, стр. 6, 7.

лях и пороках, о пользе знаний, «презрение к тщетным и суетным предметам» и т. д.

«Жизнь знаменитого астраханца...» по своему сюжету мало напоминает книгу Араратского, тем не менее в манере повествования имеются черты, которые сближают эти два произведения, написанные в форме автобиографических записок.

Вслед за выступлением А. Ерицяна, после выхода армянского перевода, в журнале «Тараз» («Мода») появилась информационная заметка, в которой автор не только хвалил язык перевода, но и отмечал значение книги Араратского как «вспомогательного исторического источника», где читатель найдет «достаточные сведения об армянской жизни». Заметка была посвящена главным образом переводчику П. Прошяну, и рецензент ограничился лишь беглыми замечаниями⁵⁰. Более значительной и подробной оказалась рецензия, помещенная в общественно-литературном журнале «Мурч» («Молот»), в которой автор отметил исключительное значение книги Араратского, «проливающей свет на семейную, сельскую, духовную и политическую жизнь ереванского ханства (ныне части ереванской губернии) и грузинского царства того времени. При помощи этой книги мы становимся почти очевидцами положения Закавказья до русского владычества так, что ни один историк не мог бы так рельефно показать эту навсегда прошедшую жизнь». Рецензент отмечал в книге Араратского и наличие острых социальных мотивов. «Что из себя представляли права личности,—писал он,—даже с точки зрения ограждения ее безопасности от всякой эксплуатации и затрагивающего ее честь произвола со стороны богачей, органов власти, для этого надобно читать «Жизнь Араратского», написанную простым языком, без украшений и даже с некоторым юмором»⁵¹.

В записках Араратского нашло яркое отражение характерное, особенно для конца XVIII века, массовое тяготение армян к России.

Весьма показательно, как Араратский выучился русскому языку почти без посторонней помощи. Рассказывая о своей полуголодной жизни у майора С., Араратский пишет: «Вся моя беда происходила от того только, что я не разумел еще

⁵⁰ «Тараз», Тифлис, 1892, стр. 189, 190.

⁵¹ «Мурч», Тифлис, 1892, № 7—8, стр. 1156—1164.

российского языка»⁵². Он не мог общаться в русской среде ни с кем, кроме армянина майора, который причинял ему так много обид и страданий. Араратский «понимал уже по-русски многое, что говорят, и частью мог отвечать»⁵³. Помогла, конечно, ему живая среда и насущная необходимость как-то объясняться с окружающими. Он не довольствуется практическим знанием разговорного языка, его интересуют книги на русском языке, которые должны открыть перед ним широкую дорогу, он это чувствует и у него появляется страстное желание овладеть незнакомым, трудным языком, давнишней мечтой его было «выучиться русской грамоте»⁵⁴. В Астрахани Араратский, заплатив 20 копеек, покупает в лавке «ту книжку, по которой должно учиться русской грамоте». «Я настолько обрадовался моей покупке,—пишет он,—что не помнил самого себя, и думал, что я все уже имею. Пришел домой, я просил очень убедительно людей нашего хозяина, чтобы меня учить, и обещал за то им платить из моих порционных денег. Они охотно на сие согласились и я, сделавши по моей должности то, что от меня требовалось, сидел за азбукою беспрестанно и никуда не выходил со двора. Учившие меня удивлялись моему прилежанию, и тем более, что я по моему состоянию платил им очень щедро: одному давал деньги, а другому покупал вино, словом, не щадил ничего»⁵⁵. Так впервые Араратский знакомится с русской азбукой. Легко представить его учителей, «людей хозяина», и ту помощь, какую они были в состоянии оказать ему в изучении русского языка. Только незаурядные природные способности Араратского и жажда знаний обеспечили успех. Молодой армянин, впервые увидевший русские книги, имея от роду 23 года, спустя сравнительно немного времени, с энтузиазмом и смело взялся за создание книги о своей жизни, преодолев все стоявшие на этом пути трудности.

В предисловии Араратский писал: «Прося покорно читателей простить мне по чужеземству все нескладные и неправильные изречения, в которых случиться могут и противоречия, и уповаю, что они извинят меня и в самых грамматических ошибках, коих без сомнения на всякой странице найдет-

⁵² *Араратский*, ч. II, стр. 120.

⁵³ Там же, стр. 148, 220.

⁵⁴ Там же, стр. 241.

⁵⁵ Там же, стр. 239, 240.

ся множество». Допустимо предположение, что в Петербурге ему помогали подготовленные люди, освободившие текст от явных ошибок. То, что Араратский плохо знал русский язык и при подготовке книги к печати, подтверждается его собственным признанием: «Издание сей книги могло быть и прежде годом, но по незнанию моему российскому языку и недостатками, оставалось без действий»⁵⁶.

Артемий Араратский был человеком, несомненно, одаренным. Он прошел суровую школу жизни. Один лишь тот факт, что сын простого каменщика из села Вагаршапат, в условиях бурных событий на Кавказе конца XVIII века, ценою тяжелых испытаний, с изумительным упорством преодолевающая невероятные трудности, достигает своей цели, добирается до России и, мало того, изучает русский язык и овладевает им в такой степени, в сравнительно небольшой срок, что пишет книгу о своей жизни и издает ее в Петербурге, — лишь один этот факт должен заставить относиться к личности Араратского и к его книге с должным вниманием.

⁵⁶ Там же, ч. I, стр. 11.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Рис. 8. Переселение армян из Персии в российские пределы. Гравюра Машкова, 1832 (деталь).

I. ВОЗРОЖДЕНИЕ КРУПНЫХ ОЧАГОВ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В МОСКВЕ. ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ШКОЛЫ АРМЕНОВЕДЕНИЯ

В начале XIX века в жизни народов Кавказа произошли важные события, повлиявшие и на дальнейшую судьбу Армении. Манифестом от 18 января 1801 года Грузия была присоединена к России, которая с этого времени прочно утвердила свое влияние в Закавказье. Постепенно были присоединены к России и азербайджанские области со значительным армянским населением. В 1804 году в состав Российской империи вошло Гянджинское ханство, а в 1805 году перешли на сторону России Шушинское, Ширванское, Нухинское, Бакинское и Кубинское ханства. Новые территории были закреплены за Россией по Гюлистанскому договору, заключенному с Персией 12 октября 1813 года.

В этот период укреплялись и русско-армянские политические и военные связи. Особенно ярко сказалось участие армян в Отечественной войне 1812—1814 гг., когда многие сыны армянского народа сражались на стороне России против армии Наполеона. В этой кампании только из генералов армян отличились: известный своими военными заслугами генерал-лейтенант Валерий Григорьевич Мадатов¹,

¹ Мадатов Валернан (Ростом) Григорьевич (1782—1829). Принимал активное участие в военных действиях на Кавказе. Под его командованием одержан ряд побед в войне против Турции и Персии. В «Военной энциклопедии» говорится о Мадатове как о генерале «Суворовской школы», отмечаются «блестящая храбрость и выдающиеся качества лихого кавказского офицера». В своих воспоминаниях Ван-Гален говорит о Мадатове: «Только видевшие его в пылу сражений могут знать, до какой степени простиралась его неустрашимость; в его спокойной отваге, в его

генерал-майор Давид Артемьевич Дельянов, генерал-майор Абамелик I, генерал-майор Абамелик II², генерал-майор Меликов³. Многие офицеры армяне пали на поле битвы.

15 сентября 1813 года Александр I объявил благодарность армянскому народу за его заслуги перед Россией. В этом документе, между прочим, говорилось: «.. Усердие всего армянского народа в Грузии и всех сословий, оный составляющих, заслуги их и подвиги налагают на нас приятную обязанность засвидетельствовать перед целым светом справедливую нашу признательность и благоволение. Да сохранится сие свидетельство в честь и славу их в память потомков...»⁴.

После успешного завершения русской армией Арзрумского похода, по Туркманчайскому договору 10 февраля 1829 года, к России перешли хаства Эриванское и Нахичеванское, а также Ордубатская область. В результате войны с Турцией, последовавшей после русско-персидской войны по Адрианопольскому договору 1 сентября 1829 года, Россия получила Ахалцихский пашалык. В освобожденных русскими войсками областях находилось многочисленное армянское население. После войны переселились в Россию из Западной Армении более полумиллиона армян.

События второй половины 20-х годов XIX века имели и другое значение: теперь перед русскими людьми открывалась возможность непосредственного общения с армянским наро-

мгновенной решимости было какое-то вдохновение». Хомяков, другой современник Мадатова, говорит о нем: «Верность взгляда никогда ему не изменяла. Ясность его соображений часто удивляла даже тех, которым она уже была знакома... Солдаты его любили и в него верили...». («Военная энциклопедия», т. 15, СПб., 1912, стр. 202—204).

² «Собр. актов», ч. III, стр. 307.

³ «История лейб-гвардии Кирасирского его величества полка, составл. поручиком того же полка А. Туган-Мирза Барановским», СПб., 1872, стр. 385. См. биографические сведения о нем в «Заметках и воспоминаниях» племянника П. М. Меликова, М. Меликова, художника-живописца, близко знавшего М. Ю. Лермонтова. «Русская Старина», 1896, июнь, стр. 643—674. См. также «Известия о жизни Павла Монсеевича Меликова», М., 1852; Речь А. В. Зиновьева, учителя Лермонтова, «произнесенная перед чтением посмертной воли» П. М. Меликова. «Москвитянин», 1848, ч. VI, стр. 49—53.

⁴ «Собр. актов», ч. II, стр. 306, 307.

дом, более близкого ознакомления с его жизнью и древней культурой.

В годы Арзрумского похода русской армии побывали в Армении А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Д. В. Давыдов, А. Н. Муравьев. Впечатления от армянской земли оставили след в их творчестве⁵.

В русской периодической печати 20—30-х годов появились очерки, письма, воспоминания непосредственных участников Арзрумского похода русской армии⁶.

В 20-х годах XIX века усиливается в Армении интерес к русскому языку и русской культуре. Первый опыт создания русско-армянского словаря принадлежал Артемию Аламдаряну⁷.

Через полвека после издания книги Гр. Халдаряна в 1838 году в Москве вышел в двух томах новый армяно-русский словарь, «составленный по лексикону, изданному в Венеции и умноженный вновь введенными словами» Александром Худобашевым⁸.

Во введении к своему словарю А. Худобашев говорил о причинах, побудивших его предпринять свой труд: «От точного уразумения сего (армянского.—К. Г.) языка будут зависеть многочисленные отношения, на коих должно довершиться их (армян) счастье и упрочиться неразрывная связь между великодушною Россиею и всегда признательною к ней Армениею. К судьбам языка сего народа присовокупилось еще в последние времена особенное внимание европейского просвещения, занимающегося восточною ученностью. Оно открыло в его преданиях драгоценные памятники и свидетельства давних веков, озаряющие ныне новым светом следы успехов ума человеческого... На российском языке никогда еще не было полного словаря армянского, между тем как таковые с иноязычными предложениями давно уже известны в Европе и указали путь ко многим ученым изысканиям».

⁵ См.: К. Н. Григорьян. Армения в русской литературе и живописи XVIII—первая пол. XIX в. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1962, стр. 25—49.

⁶ См. там же, стр. 50—60.

⁷ «Краткий российско-армянский словарь, сочиненный армянским священником Артемием Аламдоровым», М., 1821.

⁸ В основу своего труда Худобашев положил принципы венецианского издания полного словаря армянского языка, составленного Арутюном Авгеряном, т. I, Венеция, 1749, т. II, 1769.

В первой четверти XIX века возникли на территории России такие крупные очаги армянской культуры и литературы, как Лазаревский институт восточных языков в Москве и Нерсисянская школа в Тифлисе, сыгравшие весьма положительную роль в дальнейшем укреплении и развитии культурных и литературных связей с Россией. Именно в этот период создаются предпосылки для возрождения армянской литературы.

В 1814 году Лазаревы обратились с ходатайством и проектом Устава будущего учебного заведения, которое первоначально основатели намеревались назвать «Армянскою Лазаревых академиею». Но проект этот был найден «недостаточным, просимое же название—не приличным». Спустя несколько месяцев был представлен новый проект, в котором «предполагалось уже назвать сие заведение Армянскою Лазарева гимназиею». И этот проект был отвергнут, как «неполный и несообразный с целью»⁹. Наконец, в 1815 году открылось в Москве «Армянское г. Лазаревых учебное заведение для образования юношества», официально переименованное 26 декабря 1827 года, при активном содействии патриарха Армении Ефрема¹⁰ в «Лазаревский институт», с подчинением его министерству народного просвещения.

В саду института на памятнике Ивана Лазарева высечены стихи А. Мерзлякова:

От древия племени Армении рожденный
Россией-матерью благой усыновленный,
Гайканы! Ваших он сирот не позабыл!
Рассадник сей души признательной творенье:
Даруя чадам здесь покой и просвещение,
Отчизне той и сей он долг свой заплатил.

В 1837 году институт был приравнен в правах к казенным и частным учебным заведениям 2-го разряда¹¹. Он ставил перед собой широкие задачи. В уставе «Лазаревского института высших наук и восточных языков» (1826 года)

⁹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, № 2, л. 4—6. Материалы по истории возникновения Лазаревского института. Подробнее см. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 28, № 44939 (1817—1830 гг.).

¹⁰ См. его письмо (перевод с арм.) на имя Александра I. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 23, № 44939, л. 189—190.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, № 3.

сказано: «Доставить армянам, обитающим под покровительством России, удобность к образованию детей в высших науках, служащих приготовлением на службу государственную в особенности же приспособить юношество к классическому изучению армянского и других восточных языков...»¹².

В уставе 1828 года с еще большей наглядностью раскрываются основные цели, преследуемые институтом: «а) Теоретическое и практическое изучение восточных языков и приготовление в оных переводчиков, необходимых по сношениям империи с азиатскими правительствами. б) Восточный сей институт, как центральное заведение будет служить для всех прочих армянских училищ в России рассадником в доставлении учителей, в коих они повсеместно крайне нуждаются, а длясловия армянского исповедания приготовить пастырей»¹³.

Лазаревский институт был официальным учебным заведением, которое готовило чиновников военной и гражданской службы. Специальное внимание уделялось подготовке кадров переводчиков и драгоманов. Они использовались «в особых целях» при «Восточных миссиях»¹⁴.

В уставе института 1826 года указано: «В сию гимназию, сколько позволят ее способы, принимаются также дети других без различия нации¹⁵, и дети армян чужеземных»¹⁶. В Лазаревский институт принимались преимущественно дети имущих классов. В 1843 году, по «высочайшему повелению», ввиду недостатка чиновников и переводчиков, было предписано некоторое число «молодых людей из закавказских уроженцев» направить в ряд учебных заведений, в число их и в Лазаревский институт. На основании существовавшего положения, в июне 1844 года главноуправляющим Закавказским краем из Тифлиса были направлены: Александр Черкезов, Александр Везиров, Манучар Аргутинский-Долгоруков,

¹² Там же, оп. 28, № 44939, л. 218.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 28, № 44939, л. 366.

¹⁴ См. отчеты Лазаревского института за 1838—1841 гг. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 157, № 4.

¹⁵ В гимназии при Лазаревском институте недолго, в 1829 г., учился И. С. Тургенев. См. *Тихонравов*. И. С. Тургенев в Моск. Унив. «Вестник Европы», 1894, март, стр. 710—711.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 28, № 44939, л. 219.

Николай Ахвердов и Луарсаб Мелик-Бегляров. Все они были князьями, за исключением Николая Ахвердова, который был «из граждан». Этот документ показывает, как производился отбор будущих воспитанников Лазаревского института. Конечно, бывали единичные случаи, когда в институт попадали дети «простых» людей.

Вслед за Лазаревским институтом было организовано архиепископом Иоаннесом первое армянское училище в Тифлисе. Оно просуществовало недолго, и, несколько позже, в 1824 году, при деятельном участии епархиального архиепископа Нерсеса, возникло новое учебное заведение, известное впоследствии под наименованием школы Нерсисян. Туда прибыли из Парижа ученый арменист Шаган Чирбет (Джрпетян) и из Москвы—преподаватель Лазаревского института Артемий Аламдарян.

В Лазаревском институте впервые в России была создана серьезная база для научных занятий по армянской филологии. Из стен Лазаревского института вышел ряд деятелей армянской литературы.

При Лазаревском институте имелась типография, которая печатала на 12 восточных и европейских языках. С самого начала организации институт ставил перед собой задачу создания условий, способствующих «развитию наук между армянами», обитающими в России. Проходит немного времени, и Лазаревский институт становится центром русской арменистики¹⁷.

Начало русской школы арменоведения связано с деятельностью Лазаревского института. В числе первых выпускников были братья Яков и Давид Арзановы, отлично окончившие полный курс учения в 1821 году. Позже они также успешно окончили Московский университет.

В 1824 году Давид Арзанов напечатал небольшую статью под заглавием: «Замечания об Армении и армянах», содержащую весьма краткие, общие сведения об Армении и древнеармянской литературе¹⁸. Через два года братья Арзановы издали на русском языке «Опыт начертания истории царства

¹⁷ О Лазаревском институте см. «Очерк пятидесятилетней деятельности Лазаревского института восточных языков, в связи с краткою историею водворения армян в России, 1865; Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. Исторический очерк с приложениями», М., 1891.

¹⁸ «Вестник Европы», 1824, № 12, стр. 241—247.

армянского»¹⁹. После окончания университета Арзановы уехали в Кизляр и там, приблизительно в конце 20-х годов, учредили частный армянский пансион. Однако дело шло плохо, и они переехали в Тифлис, где открыли типографию со шрифтами: русским, латинским, армянским, грузинским и арабским. Кандидат Я. Арзанов в письме к министру народного просвещения С. С. Уварову от 18 ноября 1837 года жаловался на то, что печатание книг на местных языках встречает серьезное препятствие, главным образом из-за отсутствия цензора, владеющего кавказскими языками.

В начале 1838 года братья Арзановы ходатайствовали перед Главным управлением печати о разрешении издать в Тифлисе на армянском и грузинском языках политический и литературный журнал под названием «Восточная пчелка». Программа журнала и ходатайство Арзановых сохранились в бумагах Главного управления по делам печати²⁰.

С Лазаревским институтом связано издание книг известного в свое время литератора Сергея Николаевича Глинки — автора двухтомного «Обозрения истории армянского народа» (1832—1833) и «Описания переселения армян аддербиджанских в пределы России». (1831). Книжки Глинки являются первыми историческими работами об Армении, написанными русским исследователем. Он же принимал деятельное участие в составлении трехтомного издания «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (1833—1838). После выхода второго тома «Обозрения...» С. Глинки на страницах журнала «Библиотека для чтения» появилась резкая рецензия, посвященная разбору исторического опыта Глинки. Автором ее был О. И. Сенковский. Она начиналась насмешками и нескрываемой иронией: «Мы скажем несколько слов об «Истории армянского народа» С. Н. Глинки. Мы не долго будем оставаться в Армении, где, впрочем, и делать нечего... Нужно быть сердитым и кровожадным, как тигр, чтобы запустить острые критические зубы в такое невинное творение, как «История армянского народа», которая преспокойно лежит перед нами». «Историю» Глинки рецензент считал несерьезной, поверхностной; он

¹⁹ Я. и Д. Арзановы. Опыт начертания истории царства армянского Древняя история, украшенная двадцатью шестью гравированными картинами. Иждивением сочинителей, М., тип. Селиванского, 1827.

²⁰ См. ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 3, ед. хр. № 148116.

обвинял автора в добродушии, чрезмерной доверчивости и выражал сомнение по поводу достоверности источников, на которые опирался Глинка, и, наконец, сожалел, что вместо всего этого автор «Обозрения...» не перевел «превосходное сочинение г. Сен-Мартена», французского армениста²¹.

С. Глинке же принадлежат две повести в стихах, «почерпнутых из древних армянских летописей»²².

Основание русской школы арменоведения связано с именами двух воспитанников Лазаревского института, впоследствии двух крупных ученых-филологов: Н. О. Эмина (1815—1890) и К. П. Патканова (1833—1889).

Н. О. Эмин был прислан в Москву для получения специального образования из далекой Индии, из Калькутты. Будучи еще слушателем института, он перевел на армянский язык стихи Гете, Державина. Ему же принадлежат первые армянские переводы из Пушкина. В 1834 году Эмин, по окончании курса института, поступил на филологический факультет Московского университета, где он слушал лекции Шевырева, Погодина, Надеждина. Окончив университет, Эмин стал преподавателем, затем в течение 20-ти лет, с 1840 по 1860 годы, был инспектором Лазаревского института восточных языков. После окончания курса в университете начинается напряженная научная деятельность Эмина. Он занялся переводом и изданием памятников древнеармянской письменности, в первую очередь текстов Мовсеса Хоренаци и Павстоса Бюзанда, и написал ряд исследований, посвященных научному толкованию этих памятников.

Эмин занимался эпосом, армянской мифологией, археологией, духовной литературой. Он впервые перевел на русский язык сборник древнеармянских духовных песен и гимнов—«Шаракан». Общую оценку значения ученых трудов Эмина дал профессор Г. А. Халатянц. «Деятельность этого ученого,—писал он,—была с глубокой любовью и редкой энергией сосредоточена в продолжении полвека на изучении старины армянской, на разъяснении истории и древностей Армении, не без связи вообще с историей Передней Азии. Он окинул пытливым оком прошлые судьбы этого народа, кос-

²¹ «Библиотека для чтения», 1834, т. VII, стр. 32—34.

²² См. С. Г. Арешян. Сергей Глинка и армянская культура (на арм. яз.). «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1944, № 6—7, стр. 72—77.

нулся целого ряда важнейших вопросов в области религии, поэзии, культуры, до него очень поверхностно, чтобы не сказать совершенно не затронутых. Он ввел в научный интерес к предмету, многое разъяснил, о многом сделал остроумные догадки, важность многих предугадал, во всем проявил беспристрастие глубокого ученого... Благодаря этому, Эмин явился главой новой школы русских арменистов, положив прочное основание арменологии в России. И заслуги эти были по достоинству оценены представителями науки и приобрели Эмину почетную известность, как в России, так и за границей...»²³. Основные труды Эмина изданы на русском языке в трех выпусках²⁴.

В 1863 году К. Патканов защитил магистерскую диссертацию на тему: «Опыт истории династии Сасанидов», а в 1864 году—докторскую: «Исследование состава армянского языка». Патканов был первым из армянских ученых, избранным членом-корреспондентом Российской академии наук (1885 г.)²⁵.

Лазаревский институт и в последующие десятилетия дал новые кадры исследователей-историков армянской культуры.

До присоединения Восточной Армении к России, вслед за общими обзорами и очерками по Кавказу, довольно робко, но все же проникали в русскую печать отрывочные сведения по истории культуры и литературы Армении. В ознакомлении русского общества с памятниками древнеармянской письменности значительную роль сыграл Лазаревский институт. Особо следует отметить издание институтом многих фундаментальных трудов по истории языка и письменности армянского народа.

В результате событий конца 20-х годов прошлого века, благодаря победе русской армии, значительной части армянского народа удалось сбросить с себя иго завоевателей и

²³ «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, стр. 598.

²⁴ Издание «Этнографического фонда имени Н. О. Эмина». При Лазаревском институте восточных языков, М., 1893—1897.

²⁵ Хронологический список трудов К. Патканова приложен к биографии ученого: *К. П. Патканов*. Биографический очерк с портретом, СПб., 1890.

теснее связать свою судьбу с освободительным движением русского народа.

Присоединение Восточной Армении к России (1828) было одним из важных поворотных пунктов в истории армянского народа. Не только большая его часть, в течение многих веков стонавшая под гнетом деспотического режима отсталых восточных государств, была спасена от неминуемой гибели, но и в результате присоединения создались объективные благоприятные условия для культурного возрождения армянского народа. Ав. Исаакян, в 1946 году, в своей речи при открытии II съезда писателей Армении, обращаясь к событиям начала XIX века, когда «Россия пришла на Кавказ», говорил: «Несмотря на преследование царизма, нашему народу было обеспечено сохранение его жизни и имущества. Он подпал под здоровое, благотворное влияние великой культуры и литературы русского народа. Укрепились и углубились дружеские связи армянского народа с великим русским народом»²⁶ Трудно переоценить значение этого поворотного пункта в истории Армении.

II. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ М. А. ГАМАЗОВА. ЕГО РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРСИДСКОЙ И АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ. МЕСТО ГАМАЗОВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В начале XIX века особенно ощущалась в России острая нужда в хорошо владеющих языками людей, которых можно было бы использовать в дипломатических сношениях с восточными государствами. Одна из главных задач, поставленных правительством перед Лазаревским институтом, заключалась в подготовке переводчиков, необходимых «по сношениям империи с азиатскими правительствами».

Более квалифицированные кадры готовились в учебном отделении министерства иностранных дел. В этом специальном заведении учился М. А. Гамазов, ставший впоследствии дипломатическим деятелем.

Не лишены интереса и литературные опыты Гамазова. Его имя занимает свое скромное место как в истории русско-

²⁶ «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1946, № 9—10, стр. 119.

армянских литературных связей, так и в истории русского востоковедения.

Будучи выходцем из родовитой армянской семьи, получив русское образование, Гамазов в молодости мечтал стать поэтом. В год смерти Пушкина он напечатал свое первое стихотворение на страницах журнала «Сын отечества». В 50—60-е годы Гамазов был постоянным участником литературных кружков. Теперь он пробует свои силы в области прозы, печатаясь в литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», в «Отечественных записках»; он один из первых переводит на русский язык «Бурю» Шекспира. Гамазов был близко знаком с Н. А. Некрасовым, И. И. Панаевым, А. А. Краевским, с известным украинским писателем Г. Ф. Квиткой-Основьяненко¹.

Гамазов армянским языком владел плохо². Получил он русское образование, и русский язык был для него родным. Русскую литературу он очень любил. Когда по службе ему приходилось надолго покидать Россию, то он ощущал острую потребность в русских книгах. В одном из писем Гамазов говорит: «Скучно без русской литературы»³, и просит прислать русские книги и журналы.

Матвей Авелевич Гамазов родился в 1811 году. Отец его, грузинский дворянин Авел Аракелович, происходил из древнеармянского рода Сааруни, откуда и взял он свой литературный псевдоним. В семейном архиве хранится копия документа, подписанного грузинской царицей Дарией, в котором говорится: «Древнее предание совершенно удостове-

¹ В письме к родным из Одессы (от 12 сентября 1839 г.) Гамазов писал: «В Харькове между прочим сделал я знакомство *короткое* с знаменитым ныне писателем нашим на малороссийском языке, г. Квиткою, братом бывшего губернатора Квитки». Рукописн. отд. Инст. русск. лит. (Пушк. дом) АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 13, л. 1. В дальнейшем—Архив М. А. Гамазова.

² В сентябре 1840 года Гамазов пишет к родным из Константинополя: «Мой ангел папилька уже который раз пишет ко мне по-армянски; меня мучает теперь и преследует мысль, как бы и мне ему отвечать на родном диалекте. Нерес тоже в последнем письме своем требует непременно, чтобы я учился и выучился по-армянски. Иншаллах!... Я очень дружен с патриархом и с многими духовными, из коих с преосвященным Ованнесом, которому рекомендовал меня Маркозов, мы просто друзья...».

³ Архив М. А. Гамазова, л. 14.

ряет, что род вышеупомянутого протоиерея Аракела, отца протоиерея Мелхиседека и братьев его, начало свое имеет от армянского рода Сагаруни. В роде сем известен славный вельможа Давид Сагаруни, который в лето от Рождества Христова 601-е персидскою властью определен был главнокомандующим в Великой Армении и потом в 632-м году греческим императором Ираклием определен был наместником в той же Великой Армении, как о том древнеармянские и грузинские истории повествуют.

Подлинник подписала Всея Грузии Царица Дария Дадянова. Писано 1804 года мая 2-го дня»⁴.

Отец М. А. Гамазова—Авел Аракелович еще в годы молодости переехал из Грузии в Петербург, где и женился на девице из армянского рода Лалаевых (на Екатерине Матвеевне Лалаевой)⁵. От этого брака и родился сын их Матвей. Матвей Гамазов обучался в Петербургском главном инженерном училище, которое помещалось в Михайловском замке. Когда ему было 17 лет, будучи учеником старших классов училища, он аккуратно переписал свои произведения в переплетенную тетрадь и назвал «Собрание сочинений в стихах и прозе и переводов Матвея Гамазова с литографированною картиною его же работы. 1829»⁶. Тетрадь открывалась обращением к своим родителям: «Плоды сии сорваны с молодого деревца и потому плоды его может быть иногда не вкусны; но я надеюсь, что дерево сие вырастет со временем и, принося плоды гораздо вкуснейшие и приятнейшие, будет в состоянии занимать уголок, хоть самый темный и отдаленный в цветущем и более и более украшающемся вертограде русской поэзии».

В тетрадь юного Гамазова вошли переводы из Томаса Мура («Кашемирская долина»), Попа («Весна»), Гердера («Умиравший лебедь») и других авторов. В стихотворном переводе «Кашемирской долины» Томаса Мура Гамазов прибавил от себя целую главу. Кроме этих переводов, в тетрадь включены и оригинальные произведения, среди которых—басни, лирические стихотворения и прозаические опыты. Стихотворение—«Глас патриота» явилось откликом «на

⁴ Там же, оп. 1, № 34 и 35.

⁵ Сохранилась автобиография А. А. Гамазова на русском языке—черновая рукопись на 95 листах большого формата. Там же, оп. 1, № 31.

⁶ Там же, оп. 1, № 8.

войну 1827 г. с турками», в котором юный автор призывал к самоотверженной борьбе за отчизну:

О Росс восстань! Тебе пришлось
Предать отчизне вновь себя.
Оставим дом и мать родную,
Забудем все, жену, детей,
Пойдем, умрем за Русь святую;
Да сгинет враг, падет злодей...

Восторженные строки посвятил Гамазов поэту-партизану Денису Давыдову:

Восстаньте русски партизаны,
Возьмите вы копьё, булат,
Идите в брань,—падут тираны
И сим вселенную изумят.
Среди российского народа,
Давыдов! Ты явись опять,
Тебе мила была свобода.
Скажи же! Кто, как ты восстать
Решится дружно на ужасных?
Рубить врагов, рубить, разить,
Прогнать деспотов самовластных...⁷

Отдельные поэтические фразы: «падут тираны», «тебе мила была свобода», «прогнать деспотов самовластных» являются не только доказательством близкого знакомства Гамазова с политической лирикой 20-х годов, но и очевидного влияния русской романтической поэзии той эпохи.

Это влияние в еще большей степени обнаруживается в «Элегии» Гамазова, в которой автор сетует на то, что «умчались годы» юности, годы «покоя, любви», что «мечты бегут», настали «дни печальные» и т. д.⁸

Гамазов пробует свои силы в пейзажной лирике, но и здесь не удается ему выйти за пределы подражательных виршей, где он пользуется готовыми образцами русской романтической поэзии 20-х годов:

⁷ Там же, оп. 1, № 8, стр. 37, 38.

⁸ Там же, стр. 26, 27.

Когда уж солнце к милой роше,
Спускаясь медленно горит,
И с приближеньем темной ночи
Уж лик его от нас сокрыт.
Когда средь неба голубого
Катится медленно луна
В кристаллах озера большого
Трепещет и дрожит она,
То вдруг иль в тучи завернется
И робко из-за них глядит;
Или за рещей остается
И рошу тускло озарит⁹.

Впоследствии Гамазов полюбил жанр посланий, ранний образец которых находим в его юношеской тетради, написанной в форме акростиха и посвященный «сестрице»:

Катись, катись ручей прозрачный,
Ах будь всегда, как ныне чист,
Ты орошаешь берег злачный,
И лик твой ясен и сребрист;—
Чего же боле, друг мой милый,
Как днешь, ты век пленяй собой,
А боле чистою душой¹⁰.

Гамазов часто скучал по дому, по родным, что нашло отражение в его юношеских стихотворениях. В «Песне» он свою судьбу сравнивает с беззаботным соловьем, который «сладко в роше распеваает» и блаженствует «с подругой своей». Он живет вдали от родителей и мечтает о том счастливом времени, когда вновь увидит их¹¹.

В 1829 году Гамазов был переведен в офицерские классы Главного инженерного училища, а в 1831 году, как пишет он, «служебный ветер перенес» его из Петербурга на Кавказ. В качестве саперного офицера он попадает в Тифлис. Здесь он встречает своего товарища по училищу Ольшевского и товарища «по красносельским лагерям» юнкера Романа Александровича Багратиона. Последний знакомит Гамазова со своим дядей Романом Ивановичем, братом знаменитого участни-

⁹ Там же, стр. 78, 79.

¹⁰ Там же, стр. 46.

¹¹ Там же, стр. 74, 75.

ка бородинского сражения. Гамазов часто посещает дом Р. И. Багратиона, где постепенно из офицеров и местной интеллигенции образуется кружок. «Княгиня Багратион,—как пишет Гамазов,—была отличной музыкантшей, устраивала квартеты, за которыми нередко следовали танцы; за танцами непременно ужин с кахетинским...» Гамазов был инициатором представления силами любителей комедии Грибоедова «Горе от ума» в Тифлисе, в 1832 году¹². Сам Гамазов играл роль Фамусова. Организаторы спектакля встретили большие трудности с подбором исполнителей женских ролей. «Приходилось иногда,—пишет Гамазов, в своих воспоминаниях,—буквально на коленях упрашивать местных княгинь и княжен выступить на подмостки с их грузинским акцентом и непривычкою к подобному делу... Предрассудки той эпохи, а главное того края, женская ревность, городские толки, влияния родных, глядевших на наши актерские затеи с азиатской точки зрения, то и дело вырывали из рядов наших одну хорошенкую княгиню за другой»¹³.

Интерес к театру и, в частности к «Горе от ума», возник у Гамазова еще в Петербурге, когда он был воспитанником

¹² В архиве Гамазова сохранился список комедии «Горе от ума». На титульном листе имеется надпись: «Переписана в 1834 году артиллерийским поручиком Пушкиным в местечке Смеле Киевской губернии и подарена им мне, М. Гамазов». На 3 л.—надпись более позднего происхождения, по-видимому, конца 70-х годов: «Р. С. Поправки красными чернилами сделаны 7 февраля 1877 года по рукописи, найденной княгиней Анной Алексеевной Багратион между книгами покойного ее мужа князя Петра Романовича Багратиона, генерал-губернатора Остзейского края, скончавшегося в Петербурге. Подчеркнутые красными чернилами слова написаны в подлиннике рукой самого Александра Сергеевича во время чтения комедии несколькими лицами, принявшими на себя по одной или по две роли в Тифлисе, в доме отца князя Багратиона, генерал-лейтенанта князя Романа Ивановича, должно быть, в 1828 году, в том самом доме, в котором, как передавала мне, вручая рукопись, княгиня Анна Алексеевна со слов ее покойного мужа, Александр Сергеевич сделал предложение княгине Нине Александровне Чавчавадзе. Отчеркнутые по полям строки—для пропуска в печати «Матвей Гамазов». (Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 38). О первых постановках «Горе от ума» Грибоедова см. *Р. В. Зарьян*. Борьба за русскую драматургию в армянском театре (на арм. яз.). Ереван, Айпетрат, 1954.

¹³ «Вестник Европы», 1875, № 7, стр. 326.

инженерного училища. Бывал он в те годы на квартире известного тогда комического актера В. И. Рязанцева, с которым он жил в одном доме (Бимберга) на Кабинетной улице. Беседы с Рязанцевым занимали Гамазова, по его собственному признанию, гораздо более, чем учебная программа инженерного училища. В 1829 году он переписал для себя текст комедии Грибоедова, а через год знал ее наизусть.

Гамазов сообщает весьма ценные сведения и о первой постановке «Горе от ума» на Кавказе. В «Тифлиских ведомостях» в 1832 году под псевдонимом «Пустынный горетубанский» Д. Зубарев сообщает о первой постановке «Горе от ума» в Эривани, в 1827 году, в присутствии автора¹⁴.

Гамазов называет себя в своих воспоминаниях «двадцатилетним офицериком». Ему приходилось по службе стоять на карауле то на Татарской площади, то у Метехского замка. Иногда по ходатайству высокопоставленных друзей его освобождали от караульной службы, чтобы он имел возможность принять участие в шумных репетициях и в веселых вечерах в просторных залах княгини Багратион. С восторгом вспоминает Гамазов жизнь в Тифлисе, которую он сравнил с «фейверками при солнечном освещении», какие он «видывал в Персии».

Из Тифлиса вскоре Гамазов был отправлен в Новые Закаталы на строительство крепости. Служил в саперном батальоне. Принимал участие в боевых операциях. В 1835 году он оставил службу, приехал в Петербург и поступил в учебное отделение министерства иностранных дел и посвятил себя изучению восточных языков.

По окончании курса Гамазов был отправлен в Константинополь, в русское посольство в качестве переводчика. В 1842 году он был назначен драгоманом в Александрию, а в 1854 году консулом в Гилани. После крымской кампании некоторое время Гамазов исполнял должность консула в Персии. В конце 50-х годов он был посредником министер-

¹⁴ Подробнее об этом см. В. А. Парсамян, А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, Изд. АН Арм. ССР (на арм. языке), 1947, стр. 68—70. В. А. Парсамян впервые в печати обратил внимание на список «Горя от ума», хранящийся в архиве великого армянского революционера-демократа М. Налбандяна. См. подробнее: С. К. Даронян. Список «Горя от ума» в Ереванском музее, «Русская литература», 1972, № 4.

ства иностранных дел в английской комиссии, прибывшей в Петербург для составления пограничной карты Персии и Турции. В 1872 году Гамазов был назначен управляющим учебным отделом восточных языков при министерстве иностранных дел, каковую должность он исполнял до конца жизни¹⁵.

Биография Гамазова, хотя и богата некоторыми внешними событиями (он много путешествовал, много видел), но в конечном счете жизнь его была ровной, безмятежной. В старости Гамазов задумал составить описание пройденного им жизненного пути. По этому поводу он писал: «Не знаю, удастся ли мне написать собственное жизнеописание; но жизнь моя протекла без значительных гроз и волнений, посреди плоских берегов обыденности (хотя и широко была помечена отблесками восточного солнца), а потому не представляет драматического интереса... Только талант Гоголя мог сделать занимательным описание жизни «Старосветских помещиков»¹⁶.

М. А. Гамазов был типичным чиновником, который медленно, но верно подымался по служебной лестнице, и в данном случае нас интересует не его служебная деятельность. Дело в том, что он всю жизнь, а жил он долго—82 года, продолжал писать стихи, которые не лишены известного литературного интереса.

После юношеских опытов, через десять лет, когда Гамазов был воспитанником учебного отделения министерства иностранных дел, он попытался выступить и в печати. В 1837 году на страницах журнала «Сын отечества» Гамазов поместил, под псевдонимом Сааруни, стихотворение «Тоска» (с персидского), написанное еще в 1831 году в Тифлисе:

Тоска моя, единственный мой друг!
Ты, ты одна со мною неразлучна;
О, без тебя, я в жизни одинок;
Скитался бы, как легкая пылинка,

¹⁵ Помимо русских печатных источников, мы пользовались некрологом из армянской газеты «Ардзаганк»—«Эхо» (№ 64, от 6 июня 1893 г.) и рукописными материалами из архива Гамазовых.

¹⁶ Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 3.

Которой на земле приюта нет,
Она летит, колеблется в эфире,
И наконец в атомы распадается;
Но ты со мной, мой друг, моя тоска;
Тебя я здесь лелею, как дитяню,
Ты мной живешь, тебя питаю я:
Друг другу мы необходимы в мире.
Меня страшит последний жизни час,
Не потому, чтоб смерти я боялся;
Но потому, что разлучусь с тобой,
Моя тоска, мой друг стократно милый.
Где ты найдешь тогда себе приют?
Ты, сирота, стучаться будешь в двери;
Но не поймет тебя никто, никто;
Тебя никто, мой друг, к себе не примет
И с сердцем всяк сиротку оттолкнет¹⁷.

Это было первым и единственным выступлением Гамазова в печати в качестве поэта. В конце 30-х годов в литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» были напечатаны два рассказа Гамазова («Башмачок», «Большие и маленькие»)¹⁸.

Гамазов усиленно занимался литературой. В это время он сближается с молодым Некрасовым. Русский поэт впервые встретился с Ив. Ив. Панаевым у Гамазова, который был в родственных отношениях с Панаевыми. Матери их были двоюродные сестры. Гамазов же познакомился с Некрасовым у своего товарища по инженерному училищу, в доме отставного майора Фермора¹⁹.

В альбоме М. А. Гамазова находится один из первых, дошедших до нас автографов раннего Н. А. Некрасова,

¹⁷ «Сын отечества», 1837, ч. СІХХІV, стр. 429, 430.

¹⁸ «Русский инвалид», 1838, № 37, стр. 721—727; 1839, № 9, стр. 181—192. Они подписаны: «М. А. Г.-в». Принадлежность этих двух рассказов Гамазову подтверждается их автографами. Архив М. А. Гамазова (оп. 1, № 9); там же, № 13: «Реестр моих статей» 1. Башмачок. 2. Переход через Кавказские горы. 3. Расск. Тар. Ив. 4. Больш. и маленькие. 5. Буря. Шекспира. 6. Армянская свадьба. 7. Карнавал в Пере. 8. Свадьба Султанши Ажие. 9. Медир. 10. Сказка про Ходжи Номак Агу. 11. Рамазан. 12. Принцовой острова». Реестр. составлен в 1841 году.

¹⁹ М. Гамазов. К воспоминаниям А. Я. Головачевой. «Исторический вестник», 1899, № 4, стр. 255, 266.

стихотворение «Поэзия» (4 марта 1838 г. СПб.)²⁰; рисунок И. К. Айвазовского²¹ и записи разных лиц на армянском, русском, французском, персидском, арабском и других языках.

Карандашные исправления на рукописях Гамазова (рассказы «Башмачок», «Большие и маленькие») вполне возможно, что принадлежат Н. А. Некрасову, если принять во внимание близкое знакомство Гамазова в эти годы с русским поэтом.

Гамазов принял участие в «Иллюстрированном альманахе», изданном Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым в 1848 году. Здесь была напечатана народная египетская сказка «Три хашаша» Гамазова под псевдонимом Сааруни. В 50-е годы Гамазов сотрудничал в некрасовском «Современнике»²².

Гамазов, отлично владевший не только восточными, но и западноевропейскими языками, выступал в русской печати и в качестве переводчика. Он—один из первых перевел с английского на русский язык трагедию Шекспира «Буря»²³.

После 30—40-х годов Гамазов больше не выступал в печати со стихами и рассказами. Когда ему было около 60-ти лет, он решил все свои стихи собрать в одну тетрадь. В предисловии он писал: «Задался я такую мыслью не потому, чтобы придавал какую-нибудь цену, в смысле литературном, произведениям моей юродивой музы, с детских лет до старости мурлыкающей себе под нос всякую ахиною; а потому, что вирши эти будут напоминать мне различные эпохи и события моей страннической жизни...»²⁴.

В 50-х годах на страницах журнала «Современник» уже как дипломатический деятель Гамазов напечатал свои путе-

²⁰ Архив М. А. Гамазова, оп. № 1, № 43, л. 20.

²¹ Там же, л. 21.

²² По гонорарным ведомостям «Современника» С. А. Рейсер установил, что в 1860 году, в числе лиц, которым бесплатно редакцией посылался «Современник», был и М. А. Гамазов. Этот факт свидетельствует о том, что и в 60-е годы связь Гамазова с Некрасовым не была прервана («Литературное наследство», № 53/54, М., 1949, стр. 230).

²³ «Пантеон», 1840, кн. III, стр. 1—38. В том же году вышел отдельным изданием перевод Н. Сатина.

²⁴ Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 3.

вые впечатления²⁵, а позже, в 80-х годах, в «Русском архиве»—свои воспоминания²⁶.

Спустя много лет, уже в глубокой старости, когда Гамазову было около восьмидесяти лет, он вновь появляется с восточными стихами, публикует «Переводы с персидского, турецкого и арабского. Подражание восточным поэтам. Вариации на восточные темы»²⁷. В этот цикл вошли избранные восточные стихи автора, написанные в течение большого промежутка времени—с 1831 по 1890 годы. Приведем одно из них:

Из Хафиза

И ночь темна, и бури рев... Пучина так страшна,
И мечется на нас, готовая залить, свирепая волна...
Куда понять береговым, под легкой ношей их,
Что терпим мы от непогоды и шквалов грозových.

Помещение восточных стихотворений Гамазова в строго научном, специальном органе, объясняется, по-видимому, личным близким знакомством с редактором «Записок», с известным ученым-ориенталистом бароном В. Г. Розеном.

Большинство оригинальных стихотворений и переводов Гамазова не были напечатаны. Он проявлял большой интерес к поэзии Хафиза, Саади, Фирдоуси, Омар Хайяма. Он свободно переводил на русский язык стихи не только с персидского, но и турецкого, арабского. В его бумагах сохрани-

²⁵ М. А. Гамазов. О Турции и Персии. Из записок путешественника. «Современник», 1856, № 7, стр. 1—43, № 8, стр. 83—126. Свои записки Гамазов вел во время путешествия посреднической комиссии по турецко-персидской границе с января 1849 по октябрь 1852 года. Небольшое извлечение из них было помещено в «Современнике» в 1850 г. («Смесь», № IX, стр. 21). Из примечаний редакции «Современника» (1856, № 7, стр. 1).

²⁶ М. А. Гамазов. Драгоман, его значение и воспитание. Из записок старого дипломата. «Русский архив», 1886, кн. III. В этом же журнале были напечатаны: Турецкий документ из эпохи греческого восстания (1822). В переводе с подлинника с предисловием М. А. Гамазова (1886, кн. II); Описание кавказских событий (1775—1784). Сочинение Джебдет-паши. Перевод с турецкого с предисловием и примечаниями М. А. Гамазова (1888, кн. I).

²⁷ «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», СПб., т. V, 1890, стр. 85—98, 271—281.

лись следы его постоянной, упорной работы над переводами. Порою он подражал восточным поэтам, писал «вариации на восточные темы». Среди них встречаются стихотворения типа четверостиший, «рубаят» Омара Хайяма:

Что такое смерть...

Смерть есть рука; у ней и пальцев пять;
Коль власть свою она над кем захочет взять,
Два на уши кладет, другие два на веки,
Одни же на уста: умолкни, мол, навеки!²⁸

В бумагах Гамазова находим и прекрасные образцы широко популярных на Востоке басен Ходжи Насреддина в русских переработках:

Сосед и осел

«Не можешь ли мне осла одолжить?»
Сказал Ходжа соседу.
«Мне надо съездить в город, кое-что купить
Я возвращу тебе его к обеду».
Сосед в ответ: «Ходжа, любезный мой,
Служить тебе я рад бы всей душой,
Да дома нет осла! Он в работе, в поле».
Но тут осел в конюшне зарычал.
«А это кто ревет?» Ходжа вскричал.
«Так ты не веришь мне! Ослу ты веришь боле!»²⁹

²⁸ Архив М. А. Гамазова, оп. 1, стр. 70. Здесь же Гамазов дает точный и буквальный перевод: транскрипцию звучания персидского оригинала.

Эджэль дэст-ист пэндж энгушт дарэд
Смерть рука есть пять пальцев имеет.
Че ххахэд эз кеспи камн бэр-арэд
Когда захочет над кем волю взять,
Ду бэргешм нэхэд ду низ бэр гуш,
Два глаза кладет два также на уши,
Йски ра бэр лэб нэхэд я никс ххамуш
Одни на уста кладет, т. е. молчи.

²⁹ Там же, оп. 1, № 1.

С ы р

С кувшинами однажды за водой
Пришли ребята к водоему.
И видят—там сидит Ходжа седой...
«Что рано так, Ходжа, ты выбрался из дому?
Чего уселся тут?»—«А вот, друзья!
Какая-то свинья
Стащила сыр мой; я и уповаю,
Что вот когда она себя изволит угостить,
Так после сыра-то захочется ей пить,
Придет сюда; а я не прозеваю,
Воришку-то возьму, да и поймаю!»

К восточным басням Гамазов делал примечания, разъясняющие читателю незнакомые слова и выражения. Так, например, к басне «Иншелла» объясняется значение самого слова «Иншелла»: «Коли богу угодно»... Эту фразу мусульмане признают перед каждым начинанием, перед выражением желания, надежды, согласия, обещания и т. д.»³⁰.

Для русской периодической печати конца 30-х годов интерес к экзотике Востока был характерным явлением. Однако источники восточных мотивов Гамазова были иными: они связаны с его восточным происхождением, с его увлечением восточными языками и, наконец, с длительным пребыванием на Востоке.

Еще в 1833 году Гамазов написал стихотворение «К Саади»:

...Твои восточные напевы
Отозвались в душе моей...
В них слышен голос розы-девы
И сам влюбленный соловей.
.....
Тебе не надо алкорана.
—О, правоверный мусульман,
—Листок единый Гюллистана
Есть всемогущий талисман³¹.
Кто мог любить, певец Ирана,

³⁰ Там же.

³¹ «Гюллистан, собственно, значит цветник. Так прозвал Саади лучшее собрание своих произведений в прозе и стихах. Другое названо им Бустан—сад» (прим. М. А. Гамазова).

Как ты любил! Твой Соловей
Так страстно в чаще Гюлистана
Поет красавице своей...

Позже, через много лет, в 1870 году, переписывая эти стихи в свою тетрадь, Гамазов сделал к ним следующую приписку: «Не воображал, сочиняя эти стихи, что буду когда-нибудь в Ширазе, но в 1850 году и именно в мае, когда Шираз был наполнен запахом цветущих роз и пеньем бесчисленного множества соловьев, я был там и посетил как могилу Хафиза, в Хафизийе, так и могилу Саади, в Саадийее³², на ней сохраняются все произведения поэта, в которых мусульмане загадывают о будущем, и принимают повавшийся под палец стих за предвещание»³³.

Интерес Гамазова к восточной поэзии не был в его литературных опытах случайным эпизодом. Он знал и любил Восток, где он провел более двенадцати лет своей жизни. Он долго жил в Турции, Персии. Много путешествовал, в качестве дипломата; бывал в Каире, Александрии, Мосуле, Багдаде, Басре, Диарбекире. Его скитальческая жизнь нашла отражение и в его стихах. То он в нагорном Курдистане, то он попадает в Александрию, Грецию, то у истоков Тигра и Евфрата, то он

Опять в Средиземном море...
Циклады, Крит, Митле и Тенедос,
И Байроном воспетый Абидос,
Бегут, мелькают в нашем кругозоре...
Вот Мармара и вновь я на Босфоре!
Привет тебе заветный, милый край!
Привет тебе, Стамбул..

Кроме восточных стихов, в архиве Гамазова сохранилось большое количество стихотворений, главным образом автобиографического характера. Стихи эти писал он не для печати, а лишь только для узкого круга родных и друзей. Позже, в 1886—1887 годах, Гамазов задумал из своих стихов создать нечто цельное, вроде поэмы о своей жизни—«Грезы

³² «Названия загородных садов Шираза, где находятся гробницы знаменитых поэтов» (прим. М. А. Гамазова).

³³ Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 7.

минувших дней»³⁴. Около трех с половиной лет Гамазов провел в молодости на Кавказе. Вел он беззаботную, веселую жизнь в Пятигорске и Ставрополе. Она отразилась в его стихах, написанных большей частью в духанах и трактирах³⁵. Воспоминания о Кавказе, в особенности о веселой жизни в Тифлисе, сохранились на всю жизнь. Столице Грузии посвящено стихотворение « В поход»:

Прощаюсь с вами, пери Гюрджистана!
Меня от вас звезда моя зовет!
—Уж беспокойный грохот барабана
Скликает строй! Иду, иду в поход!
Куда идем? и что же ожидает
Меня в скалах кавказских диких гор?..
. Руководим
Своей звездой, быть может, до Кубани
Я не дойду, и полечу в заветные края,
Где ждут меня родные с нетерпением!
И в милом их кругу останусь, может я,
Чтобы любовь их и их уединением
Я насладиться мог вполне. Тогда прости,
Златая Грузия! И ты, приют веселый
Тифлиссские сады! Вам без меня цвести!
Янтарный виноград, что кистью там тяжелый
С лозы опускается и манит глаз и вкус!
Прощай и ты, мой тут³⁶, высокий и ветвистый!
Быть может, до тебя уж я не доберусь
Или укроюсь в сени твоей тенистой!
Как часто крупный дождь в листья твои стучал,
А я, постлав ковер с веселыми друзьями,
И с трубкою в руке, в той сени возлежал!
Прощай, прощай, Кура, с крутыми берегами,
И вы, поющие колеса! Не слышать
Уж более мне песни вашей страстной!

³⁴ Сохранились только начальные строфы.

³⁵ Стихи, написанные в ставропольском трактире. «Вчера мы с вами танцевали...», «К незнакомке», «Лезгинка», «К Николозу», «Брат! Ты помнишь Скандер-бека...» и др. Под последним стихотворением приписка: «Я съел куропатку и пил сантуринское вино» (Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 3).

³⁶ Тутовое дерево, шелковица.

И сю, в час ночной, не буду услаждать
И нежить чувств своих, когда на тверди ясной
Блестит луна, дрожа в ночных струях!
Все тихо, лишь река ворчит под берегами...

.
И вам, грузиночки, откланяюсь я!
Прощай, Вардисахар, Майко и Кетевана³⁷.
Без блеска ваших глаз померкнет жизнь моя,
Как меркнет день в тенях вечернего тумана!
Прощай, прощай, Тифлис!..

.
Но если буду я судьбою занесен
К тебе опять, моя кавказская Медина³⁸,
Из милых мне украинских сторон...
Прошу тебя, Тифлис, прими меня, как сына!

Так писал Гамазов в 1833 году. После долгих скитаний по странам Востока, спустя двадцать пять лет, в 1857—1858 годах он вновь посетил столицу Грузии.

С тех пор, промчалось много, много лет!
И вот опять к тебе пришел я смело!
Тифлис! От всей души тебе привет,
Гамарджоба, калако сахварело!³⁹
В тот раз, Тифлис, к тебе я приходил
Из царства льдов и северных сияний...
Но полный свежих юношеских сил,
Огня, надежд и радужных мечтаний.
Теперь являюсь я из южных стран,
Где круглый год благоухают розы,
Но изнемогший от житейских ран,
Утративший всю мощь, весь пыл, все грезы...

Теперь и Тифлис был другой; город немного изменился и Гамазов там не нашел всего того, что когда-то так его пленяло.

³⁷ Грузинские женские имена.

³⁸ «Медина—по-арабски, собственно, значит город; в обширном смысле столица, но только, по преимуществу двойничный, священный для мусульман город Мекки» (прим. М. А. Гамазова. Архив Гамазова, оп. 1, № 3).

³⁹ Здравствуй, любимый город! (по-груз.)

Куда девался живчик-балагур
 Остряк бичо⁴⁰, бесенок быстроглазый!
 Где тимплипито⁴¹, зурна, чонгур!⁴²
 Где хазарпеши⁴³, тунги⁴⁴ и абазы!⁴⁵
 Где все твои окрестные сады?
 Где Сололаки, Чугурети, Куки!⁴⁶
 Там каменных домов стоят ряды,
 Там тамаша⁴⁷ сменилось царством скуки!
 Твою лезгинку заменил балет!
 И опера сменила сазандара!⁴⁸
 И кахетинского, как будто тоже нет
 Уж не Кура ль теперь поит амкара!⁴⁸
 Исчез куда-то мой тулумбаши!⁵⁰
 И не с кем опорожнить мне стакана...

И на старости лет Гамазов вновь и вновь возвращался к воспоминаниям о веселой жизни в Тифлисе. В 1887 году, когда ему было уже семьдесят шесть лет, он пишет стихотворение «Давнишняя»:

Я помню дней минувших сновиденья;
 В моей душе их след неизгладим...

 То снятся мне Эльбрусские вершины,
 Гремящий Терек, Казбек, Дарьял.
 И Алазани злачные равнины,
 И Закатал угрюмые теснины,
 И Белоконь, где так я страдал
 И сам Тифлис с грядой зубчатых скал.
 Когда Тифлис алмазной звездой
 В калейдоскопе грез моих сверкал,

⁴⁰ Мальчик.

⁴¹ Восточный музыкальный инструмент.

⁴² Восточные музыкальные инструменты.

⁴³ Серебрянная чаша с ручкой.

⁴⁴ Мера жидкости, кувшин глиняный.

⁴⁵ Серебрянная монета, достоинством 20 копеек.

⁴⁶ Названия районов города Тифлиса.

⁴⁷ Веселье.

⁴⁸ Певец, играющий на восточном музыкальном инструменте «сазе».

⁴⁹ Цеховой.

⁵⁰ Старшина во время попойки, тамада.

Мой дух, еще не стянутый уздою,
Свое вино не разбавлял водою...
И пенился мой жизненный бокал...

Могу ли я забыть грузинские напевы,
Вино Кахетии и вас, красотки девы,
Куру и Авлабар, и Куки, и Навтлуг⁵¹,
И бани серные, Метеху⁵², Сололаки⁵³,
Лезгинку резвую и чадры, и лачаки⁵⁴,
Кулу⁵⁵ и Хазарнеш и Дардиманов⁵⁶ круг!..

Особый цикл стихов Гамазова составляют его дружеские послания. Он был в близких отношениях и дружил с семьями Панаевых, Лалаевых, Шервашидзе, Шаншиевых, Будаговых, Султан-Шах. Особенно дружен был он с Семеном Григорьевичем Султан-Шахом, чиновником из Инспекторского департамента гражданского ведомства, которому он посвятил дружеское послание:

Видал я в Турции Султана,
Я Шаха в Персии видал,
И в первом видел я болвана,
В другом болванства идеал.
Ни в том, ни в этом нету толку;
Я их обоих бы кнутком;
А там поставил бы рядком,
Как чучел, на показ, на полку.
Нет! Не султан ты и не шах!
Ты лучше их! Ты Султан-Шах!
Служить друзьям твоя отрада... и т. д.

В свою очередь С. Г. Султан-Шах оставил на память Гамазову в его альбоме запись на армянском языке: «Как радуга еще лучше и прекраснее кажется нам издали, так и истинный друг больше познается на расстоянии. Мы более чувствуем горе от потери любимого предмета, чем удоволь-

⁵¹ Название районов города Тифлиса.

⁵² Крепость в Тифлисе.

⁵³ Название района города Тифлиса.

⁵⁴ Разноцветные головные платки (женские).

⁵⁵ Узкогорлый кувшин для питья вина.

⁵⁶ Беззаботный кутила.

ствия от его присутствия. Только глазами и не сердцем любим был тот, который удаляясь от глаз, исчезает из сердца. 28 июня 1839 г. С.-Петербург, С. Султан-Шах»⁵⁷.

Один из друзей Гамазова, в мае 1878 года, по поводу приезда персидского шаха—Наср-Эддина написал шуточное послание под заглавием: «Сетования пожилого драгомана по случаю вторичного прибытия в Россию шаха Наср-Эддина». В этом дружеском стихотворении дается облик Гамазова как русского дипломатического деятеля:

За что злой рок опять меня казнит?
Я мнил, почив на лаврах, наслаждаться;
Ан тут, на грех, юродивый шнит
Задумал вновь по белу свету шляться⁵⁸.
Ему легко, а мне не до забав...
Взяла б нелегкая усатого Эзопа!
Сидел бы дома, жрал бы там свой пилав—
Так, нет, поди ж! Нужна ему Европа.
Ужасно лестно, нечего сказать,
С ним разводить вседневно тары-бары,
А через год в «журнале» прочитать,
Что мол. Гамазов, человек уж старый!
Далась мне Азия! Покою с нею нет!
То письма разбирай, то мчись на встречу шаха...
И это в 60 (да с хвостиком уж) лет...
Ох!—тяжела ты шапка Мономаха!!!⁵⁹

Гамазов, судя по рукописям его стихотворений, хотя не писал, но читал на армянском и грузинском языках. Некоторые из корреспондентов писали ему на армянском языке⁶⁰.

⁵⁷ Семен Султан-Шах—воспитанник Московского Лазаревского института восточных языков. После его окончания поступил в Московский университет. Написал он и напечатал в 1831 и 1832 годах «Армянские прописи в древнем и новом вкусе». См. «Собр. актов» ч. III, стр. 219—220.

⁵⁸ Наср-Эддин (1831—1895)—старший сын Мухамеда-шаха. Любил путешествовать. Побывал в Европе, дважды в России.

⁵⁹ Автор этого стихотворения, по всей вероятности, И. И. Ореус, с которым Гамазов находился в дружеских отношениях. В черновике своего ответа Гамазов называл автора послания «поэтом драгоценным» и в стихах выражал свою благодарность за «Насреддиниаду» (Архив М. А. Гамазова, оп. 1, № 6).

⁶⁰ Рукописный отдел Гос. публ. библ. в Ленинграде. Письма к М. А. Гамазову.

В 1840 году из Константинополя, будучи уже переводчиком русского посольства, Гамазов пишет очерк «Армянская свадьба в Константинополе», в виде письма к редактору «Отечественных записок»⁶¹. В этом очерке Гамазов рассказал о том, как он присутствовал на свадьбе своего турецкого учителя Ходжи Ованеса, где он был кнгахайром (посаженым отцом). Здесь он дал несколько зарисовок бытовых, обрядовых картин, из которых легко сделать вывод, насколько плохо знал автор армянский быт. Несколько лучше он знал Тифлис. Гамазов часто возвращался к тифлисским воспоминаниям. В 1875 году он писал: «Там (речь идет о Тифлисе 30-х годов прошлого века.—К. Г.) безраздельно царила песня сазандара (музыкант)⁶², звенел его чонгур (балалайка), пищала зурна (рожок), трещала даира (бубны), да под хлопанье ладошей порхала лезгинка... вот и все! Имело и это для меня свою прелесть»⁶³.

Гамазов продолжал писать стихи до глубокой старости. За несколько лет до смерти, в письме, написанном в стихотворной форме своему старому кавказскому другу И. З. Питуеву, Гамазов, жалуясь на бессмысленность и суету жизни, заканчивал свое послание словами:

...Давно бы мне пора на отдых, на лежанку,
Порвать и бросить сеть общественных связей,
Знать лишь одну свою родимую армянку,
А с ней кружок родных, да пары две друзей⁶⁴.

⁶¹ «Отечественные записки», 1840, т. X, стр. 49—59.

⁶² Переводы (отдельных слов в скобках) М. А. Гамазова.

⁶³ «Вестник Европы», 1875, № 7, стр. 324.

⁶⁴ Архив М. А. Гамазова, ф. 68, оп. 1, № 2. После его смерти, в начале 1910-х годов бароном Федором Романовичем Остен-Сакеном были подготовлены к печати четыре тома сочинений М. А. Гамазова. В бумагах С. Н. Лалаевой сохранились расписка и письмо Остен-Сакена, где упоминается содержание первых трех томов. Остен-Сакен просит Лалаеву весь этот материал передать в Рукописное отделение СПб. публичной библиотеки, но, несмотря на тщательные поиски, этих материалов там не оказалось. В этом же письме есть упоминание о том, что у Александра Платоновича Барсукова хранится «совершенно изготовленная к печати биография отца Матвея Авелевича». Черновик биографии Авеля Аракеловича хранится в Архиве Гамазовых.

Гамазов умер в Петербурге 7 мая 1893 года и погребен на армянском смоленском кладбище.

М. А. Гамазов оставил серьезный след в истории русского востоковедения. Академик И. Ю. Крачковский писал о нем: «Преимущественно его энергии обязана осуществлением прекрасная серия каталогов восточных рукописей Отделения⁶⁵, среди которых арабские занимают едва ли не первое место. Постоянный участник литературных кружков и салонов, особенно в середине века, он на всю жизнь, с 30-х до 90-х годов, сохранил идеалы востоковедного романтизма, завещанные первой половиной века»⁶⁶.

С юных лет до старости Гамазов увлекался стихами. В молодости мечтал стать поэтом, занять «уголок», как писал он сам «хоть самый темный и отдаленный в цветущем вертограде русской поэзии». В зрелые годы Гамазов уже не придавал серьезного значения своим стихотворным опытам. Подавляющее большинство их лишено общественного значения, что сознавал и сам автор. В них сказалось стремление автора, выходца из армянской среды, стать непосредственным участником русского литературного движения.

III. ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА. НЕКРАСОВ И АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Развитие армянской литературы шло своими путями, и естественно, что в периодизации истории новой армянской литературы многое не совпадает с русским историко-литературным процессом ни хронологически, ни по историческим корням и традициям. Хронологические рамки «пушкино-лермонтовского периода» армянской поэзии иные, чем русской. Прежде чем вступить в новую фазу своего развития, армян-

В архиве М. А. Гамазова хранится большое количество его писем (около 300) к родным, большей частью из-за границы. Кроме того, сохранилась большая переписка М. А. Гамазова с академиками Дорном, Розеном, Броссе, а также с Г. Эзовым, Н. О. Эмином и др.

⁶⁵ Учебного отделения министерства иностранных дел.

⁶⁶ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики, стр. 112, 113.

ской поэзии нужно было решить аналогичную колоссальную задачу, выполненную русским XVIII веком, Державиным, Карамзиным и Жуковским. Нужно было преодолеть серьезные препятствия, стоявшие на ее пути по созданию литературного языка. Этот процесс начался с Абовяна, основоположника новой армянской литературы. Его дело продолжили М. Налбандян и С. Назарян. Немаловажна была роль Р. Патканяна и С. Шахазиза в подготовке почвы для возрождения армянской поэзии. И, наконец, решающим, во многом подводившим итоги, явился этап, завершающий развитие армянской поэзии дореволюционного периода, характернейшими представителями которого были И. Иоаннисиан и Ов. Туманян, А. Исаакян и В. Терьян.

Армянским поэтам пришлось тогда решать многие задачи, которые в русской литературе в первые десятилетия XIX века были так блестяще разрешены Пушкиным.

Однако для того, чтобы по-настоящему использовать творчески освоить достижения русской литературы, самой армянской литературе следовало пройти определенный исторический путь своего развития. Этим объясняется и то обстоятельство, что Пушкин и Лермонтов в широком плане прозвучали в условиях армянской действительности только с 80-х годов XIX века.

В 1902 году Ю. А. Веселовский обратился к армянским писателям с письмом, в котором просил ответить на вопрос: как они относятся к русской литературе и в какой степени она оказала влияние на их творческое развитие? Многие из крупнейших представителей новой армянской литературы охотно отозвались на это письмо¹. Наиболее значительное влияние на развитие армянской поэзии оказали Пушкин, Лермонтов и Некрасов. В процессе освоения армянскими писателями богатого художественного наследия русской поэзии рядом с Пушкиным всегда неизменно выступал Лермонтов. Армянские поэты воспринимали эти два имени в едином звучании.

Историю освоения достижений русской поэзии в Армении можно делить на три этапа. В начальном периоде, относящемся к 40-м годам, армянский читатель впервые в перево-

¹ См.: Юрий Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, М., 1909.

дах знакомится с отдельными образцами творчества русских авторов². В 50—60-е годы, в связи с общим подъемом общественной жизни, процесс приобщения армянского народа к достижениям русской культуры приобретает более активный и действенный характер. И, наконец, в 80—90-е годы наступает третий этап, связанный с начальным периодом расцвета новой армянской лирики.

Во второй половине прошлого века развивают свою деятельность крупнейшие армянские учебные заведения на территории России: Лазаревский институт восточных языков в Москве и школа Нерсисян в Тифлисе, которые становятся очагами армянской литературы. В эти же годы не менее важную роль играют армянские студенты—воспитанники Московского, Петербургского и Юрьевского (Дерптского) университетов. Они становятся посредниками культуры, пропагандистами русской литературы в Армении. Начинается процесс активного освоения достижений русской культуры. Появляются первые армянские переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Белинского.

Интерес к творчеству Пушкина в армянской общественной жизни возник еще при жизни поэта. Первым переводчиком его на армянский язык был известный ученый арменист Н. О. Эмин. Будучи еще воспитанником Лазаревского института восточных языков, он проявил незаурядные литературные способности. В краткой записке к третьему тому «Собрания актов...» (1838) сохранились следующие сведения: «Никита Эмин перевел с русского на армянский язык в стихах: «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник»—сочинения А. С. Пушкина. Переводы сии вскоре будут изданы и тогда певец «Фонтана» и «Пленника» будет известен в разных странах Азии, населенных армянами»³. Несмотря на обещание, эти первые переводы, к сожалению, не были опубликованы.

Ученики Н. Эмина по Лазаревскому институту, впоследствии выдающиеся армянские поэты—Рафаел Патканян, Смбат Шахазиз, Геворг Додохан первым знакомством с луч-

² Автор не касается западной ветви армянской литературы, а также армянской прозы в целом. Его преимущественно интересуют отдельные проблемы изучения новой армянской поэзии в тесной связи с русским историко-литературным процессом.

³ «Собр. актов», ч. III, стр. 220.

шими произведениями русской поэзии были обязаны прежде всего своему учителю. Н. Эмин часто во время лекций любил читать Пушкина и Лермонтова, прививал вкус и любовь к русской поэзии⁴.

Судя по всему, в 30—40-х годах среди определенного круга преподавателей и слушателей Лазаревского института интерес к русской поэзии и, в частности к Пушкину и Лермонтову, значительно возрос. Не случайным является тот факт, что автор первого печатного сборника переводов из русской поэзии Ованес Амазаспян был также воспитанником Лазаревского института. Он в 1843 году в Москве издал сборник переводов из русской поэзии⁵.

В сборник Амазаспяна вошли переводы: из Жуковского—«Деревенский сторож», «Тленность», «Воскресное утро», «Норманский обычай»; «Утренняя звезда» и «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу»⁶; из Пушкина—«Русалка», «Земля и море», «Не дай мне, бог, сойти с ума...», «И путник усталый на бога роптал...», «С тобою древле, о всеильный...», «Пророк», «Похоронная песня», «Соловей», «Туча», «Кавказ»; из Лермонтова—«Ангел» и «Сосна»; из Баратынского—«Звезда»; из Гнедича—«Описание Петербургской ночи...».

В сборнике центральное место заняли Пушкин и Жуковский. В выборе текстов, несомненно, сказались общественно-литературные взгляды и эстетические вкусы Амазаспяна. Это особенно наглядно можно видеть в выборе образцов лирики Пушкина. Из десяти помещенных в сборнике его стихотворений два из «Подражания Корану» («С тобою древле, о всеильный...» и «И путник усталый на бога роптал...») одно

⁴ Р. Патканян. Воспоминания о проф. Н. Эмине. В кн.: «Соч. Н. О. Эмина» (на арм. яз.), М., 1898, стр. 210.

⁵ «Переводы в прозе и в стихах с русского на армянский язык из Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича». Иждивением грузинского дворянина Никиты Мурачова. М. В типографии Лазаревых института восточных языков, 1843. Сборник Амазаспяна является библиографической редкостью. Экземпляр с дарственной надписью (на арм. яз.) Екиму Лазаревичу Лазареву «от воспитанника академии Ованеса Амазаспяна. 1843, апреля 23, Москва» хранится в Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁶ Все переводы из Жуковского—в прозе, за исключением последних двух стихотворений и отдельных отрывков из «Деревенского сторожа» и песни Торильды из «Норманского обычая».

из «Песен Западных славян» («Похоронная песня»), «Не дай мне, бог сойти с ума...» и «Пророк».

Из ранней лирики Пушкина в сборник Амазаспяна вошли «Русалка» и «Земля и море», из восточных мотивов— «Соловей и роза», из кавказского цикла—«Кавказ», из пейзажных стихов—«Туча».

Как можно судить по составу сборника, в той части, которая была посвящена Пушкину, Амазаспян, по-видимому, ставил перед собою задачу дать армянскому читателю представление о широте и разнообразии лирических мотивов русского поэта.

Лермонтов в сборнике Амазаспяна представлен всего двумя стихотворениями («Ангел» и «Сосна» из Гейне). Они ни в какой степени не могли, несмотря на бесспорные достоинства переводов, дать армянскому читателю хотя бы отдаленное представление о поэзии Лермонтова.

Особенности сборника Амазаспяна определяются еще и тем, что в нем переводы были даны на господствовавшем тогда в армянской литературе древнем языке—грабаре. Это, несомненно, ограничивало круг читателей, и несмотря на то, что отдельные переводы не лишены поэтических достоинств, сборник не мог получить широкого резонанса.

Но как бы критически теперь не относиться к опыту Амазаспяна, несмотря на все недостатки, некоторые из которых были обусловлены эпохой, следует признать исключительное значение этого первого сборника, по которому в начале 1840-х годов армянский читатель получил возможность познакомиться с отдельными образцами русской поэзии⁷.

В 50-е годы в армянской литературе возрастает интерес к русской поэзии. В начале 50-х годов Микаэл Налбандян переводит «Черкесскую песню» из поэмы Пушкина «Кавказский пленник», стихотворения Лермонтова «Пророк», «Ветка Палестины» и «Спор». Особый интерес представляет стихотворение Налбандяна «Поэт»⁸, написанное на мотивы двух

⁷ О дальнейшей судьбе Амазаспяна мало что известно. Он упоминается в вступительной статье М. Миансаряна (на арм. яз.)—«Армянская лира» (М., 1868). Отмечая его сборник, Миансарян пишет: «Переводчик был первым среди своих товарищей по Лазаревскому институту. Ныне он живет в Астрахани, находится на государственной службе».

⁸ Все эти переводы были опубликованы лишь после смерти Налбандяна.

пушкинских стихотворений: «Поэт» и «Поэту». Подражая Пушкину, он развивает тему независимости и неподкупности. Что бы ни ожидало поэта на его трудном, тернистом пути, он призван служить «священной правде».

В пропаганде Пушкина и Лермонтова известную роль сыграл и издававшийся в Москве прогрессивный армянский журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»). На его страницах появился первый перевод «Демона» Лермонтова. Здесь же были помещены вольные переводы двух лирических стихотворений Пушкина: «Я пережил свои желанья...» и «Я вас любил»⁹. Автору переводов—Г. Бархударяну не удалось преодолеть те исключительные трудности, с которыми встретится каждый, кто поставит перед собою задачу воссоздания на другом языке неповторимых образцов пушкинской лирики.

В 1858 году на страницах издававшейся в Тифлисе еженедельной газеты «Мегу Айастани» («Пчела Армении») был напечатан вольный перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» без указания имени Пушкина и с изменением заглавия: «Рыбка и рыбак»¹⁰. Переводчик Ованес Багдасарянц с незначительными пропусками пересказал в прозе содержание сказки, придерживаясь текста русского оригинала.

Если при первом армянском переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» не было указано имя Пушкина, то при втором переводе, появившемся на страницах той же газеты через пять лет, в 1863 году, не было даже отмечено, что она является переводом¹¹. Второй перевод был стихотворным, но плохими стихами и на тифлисском диалекте. И в этом, как и в первом, случае имел место простой пересказ с существенными отклонениями от оригинала.

Автор анонимного перевода, начиная с заглавия, отважился на собственную интерпретацию темы пушкинской сказки и внес немало отсебятины. Сказку он озаглавил «Жена рыбака». И это не случайно. Переводчик решил, что во всем виновата злая и жадная старуха, и он дополнил текст сказки характеристикой жены рыбака. Она, «хотя и стара, но беспокійна и хлопотлива», терзает мужа постоянными жалобами и укорами. Старику нет покоя от сварливой жены. В

⁹ «Юсисапайл», 1860, № 5, стр. 432, 433.

¹⁰ «Мегу Айастани», 1858, 19 апреля, № 16, стр. 127, 128.

¹¹ Там же, 1863, 11 мая, № 13, стр. 135, 136.

текст сказки вводится переводчиком и сентенции, вроде: «Жить с дурной и глупой женой ведь хуже, чем быть в аду». Последний раз, когда рыбак идет к золотой рыбке, он жалуется на свою злую старуху:

Ох, золотая рыбка, не говори,
В какую я попал страшную беду.
Придет ли тот счастливый день,
Когда избавлюсь от злой жены?..

Все эти мотивы отсутствуют в тексте пушкинской сказки, и они являются «украшениями» переводчика. Однако он не только прибавил, но и опустил в своем переводе некоторые детали оригинала.

У Пушкина весьма интересную и важную функцию выполняет пейзаж в сказке. Когда старуха побранила рыбака и в первый раз он пошел к золотой рыбке, тогда «море слегка разыгралось»; при второй встрече старика с рыбкой—«помутилось синее море»; в третий раз было «не спокойно синее море»; в четвертый раз «почернело синее море», и, наконец, в пятый, в последний раз, когда старик пошел на берег и стал звать золотую рыбку, то на море «вздулись сердитые волны» и бушевала «черная буря».

Характерно и глубоко знаменательно это символическое нарастание гнева «синего моря». Эти замечательные пейзажные зарисовки, имеющие свое строго определенное место в идейном и художественном построении сказки, исчезли и в первом, и во втором армянских переводах. Лишь спустя более двадцати лет, в 1884 году, появился третий по счету перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», принадлежавший Газаросу Агаяну. Новый стихотворный перевод, хотя и вольный, но близкий по духу, по простоте и ясности языка к пушкинскому тексту, стал вскоре одним из любимейших произведений армянских читателей¹².

Кроме Лазаревского института немаловажную роль в

¹² Г. Агаян. Золотая рыбка. Вольный перевод (на арм. яз.), Тифлис, 1884. В том же году в Тифлисе был издан четвертый перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», принадлежащий Рафаелу Паткянину, но во многом уступающий переводу Агаяна. К числу удачных относятся переводы Атабека Хнкояна «Сказки о попе и о работнике его Балде» (1908) и «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» (1911).

укреплении армяно-русских культурных связей сыграл Московский университет. Начиная с 30—40-х годов наблюдается стремление армянской молодежи получить образование в крупных культурных центрах России. В эти годы появляются в Москве и Петербурге армянские студенты, которые выполняют своеобразную роль культурных посредников. Обогащаясь достижениями русской литературы, они приобретенные ими знания распространяют и пропагандируют в армянской среде.

В 1861—1862 годах только в Московском университете обучалось (на всех факультетах) 46 армян¹³. Среди них многие оставили значительный след в литературе. Отметим прежде всего сотрудников журнала «Юсисапайл»: Арутюн Амаспюр, Ованес Берберян (перевел «Бедную Лизу» Карамзина), Анания Султан-Шах (один из зачинателей армянской реалистической драматургии), Микаэл Миансарян (составитель сборника «Армянская лира»), Габриэл Тер-Ованисян (автор повести «Тер-Саргис», отмеченной М. Налбандяном, как произведение критического реализма, примыкающее к гоголевскому направлению русской литературы).

Шестидесятые годы дали ряд армянских литераторов, которые пробовали свои силы кто в поэзии, кто в прозе, кто в области драматургии. Многие занимались переводами, значение которых в этот период развития армянской литературы было чрезвычайно важно.

Лучшие силы объединились вокруг журнала «Юсисапайл», где печатались Манук Садатян, известный своим переводом поэмы Лермонтова «Демон»; друг М. Налбандяна М. Будагян, который перевел с венгерского «Песню солдата» Петефи¹⁴; Геворг Бархударян, автор значительного количества переводов и лирических стихотворений, из которых пользовалось популярностью «В синем небе сверкают звезды»; Вартан Султаниян, автор стихотворения «Горсть земли»¹⁵;

¹³ См. А. Аршаруни. Студенты-армяне Московского университета в 50—60-х годах XIX века (на арм. яз.), «Известия АН Арм. ССР», 1954, № 9, стр. 51—69.

¹⁴ «Армянская лира». Сост. М. М. Миансарян, СПб., 1868, стр. 252, 253.

¹⁵ Там же, стр. 498.

X Р. Джалалаян, автор стихотворения «Ветка розы» (подражание Лермонтову); О. Кучубекян и др.

Другим важным армянским культурным гнездом в эти годы был Дерптский (Юрьевский) университет, где в 30—40-ые годы учились Х. Абовян и С. Назарян. А в начале 50-х годов здесь оказалась значительная группа армянских студентов. Среди них: Геворг Додохян, Рафаел Паткаян, Керовбэ Паткаян, Геворг Миримаян, Ваан Аскарян, Геворг Акимян и др. Выходцем из Дерптской среды был Х. Авагян из Новой Нахичевани, воспитанник Лазаревского института, затем слушатель военно-медицинской Академии, Казанского и Дерптского университетов. Умер в молодые годы от туберкулеза (в Тифлисе, в 1862 г.). Авагяну принадлежат несколько переводов, в том числе латинской студенческой песни¹⁶.

После сборника Ов. Амазаспьяна, где впервые появились переводы отдельных образцов лирики Лермонтова, более серьезной попыткой популяризировать творчество русского поэта среди армянских читателей явилась публикация перевода поэмы «Демон» на страницах журнала «Юсисапайл»¹⁷. Автор перевода, Манук Садатян, был так же, как и Амазаспьян, воспитанником Лазаревского института.

Садатян горячо любил Лермонтова, обладал, безусловно, поэтическим даром, прекрасно владел как армянским, так и русским языками. Это обеспечило высокое художественное достоинство его перевода. Перевод Садатяна имел важное значение в двух аспектах. Во-первых, он обладал несомненными художественными достоинствами, не искажал подлинного текста поэмы Лермонтова и впервые давал возможность армянскому читателю на родном языке ознакомиться с одним из значительных творений не только Лермонтова, но и всей русской поэзии. Второе, не менее важное значение перевода Садатяна заключалось в том, что язык его для своего времени, когда еще только складывалась новая армянская поэзия, был свежим, оригинальным, отличался ясностью и простотой. Перевод «Демона» оказал благотворное влияние на развитие языка новой армянской литературы. Садатян умер

¹⁶ Там же, стр. 355, 356, 361—363.

¹⁷ «Юсисапайл», 1864, № 1, стр. 53, 54; № 2, стр. 114—128, № 3, стр. 186—192. Переводу предпослана небольшая статья С. Назаряна.

рано и это было большой потерей для возражающейся поэзии Армении¹⁸.

Из этого же круга армянских литераторов 50—60-х годов был Микаэл Миансарян, который в 1868 году издал в Петербурге упомянутый сборник «Армянская лира». В этом сборнике из русской поэзии были помещены «Демон» (два отрывка в пер. М. Садатяна), «Пророк» (в пер. Ст. Назаряна), «Ангел» и «Сосна» Лермонтова (в пер. О. Амазаспяна), а также «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» Жуковского (в пер. О. Амазаспяна).

Основное содержание сборника Миансаряна составили лучшие произведения армянской поэзии—стихотворения Тагнадяна, Аламдаряна, Налбандяна, Патканяна, Шахазиза, Пешикташляна, Алишана и др. В нем были представлены образцы армянских народных песен. Переводы русских стихов попали в сборник в виде исключения. Тем не менее, характерно, что здесь не находим ни одного стихотворения Пушкина, и четыре из пяти помещенных в сборнике произведений русской поэзии принадлежат Лермонтову. Может быть, это было вызвано ограниченными возможностями в смысле наличия переводов. Однако, думается, что известную роль сыграли личные вкусы и симпатии составителя.

В «Армянской лире» было помещено стихотворение «Ветка розы» Джалалаяна, являвшееся подражанием Лермонтову, в котором автор развивал пандухтскую (скитальческую) тему: роскошная роза, которая была некогда украшением родных полей, ныне занесенная злым роком в чужие края, вянет и погибает. И в этом случае наблюдается характерное для армянской поэзии шестидесятых годов сознательное подражание, когда автор, вдохновляясь русским оригиналом, стремится развивать определенную тему, определенный мотив, подчинив его условиям и нуждам армянской действительности. Такие стихи, как «Ветка розы» Джалалаяна, первоначально напечатанная в журнале «Юсисапайл», вполне отвечали потребностям своего времени, отражая одну из характернейших черт исторического существования армянского народа: жизнь на чужбине и тоску по родной земле.

Сборник М. Миансаряна занимает видное место в истории

¹⁸ «Армянская лира», стр. 440. С. Шахазиз посвятил стихотворение памяти Садатяна. См. *Смбат Шахазиз*. Соч. (на арм. яз.). Ереван, Госиздат, 1947, стр. 114, 115.

армянской литературы. В нем нашли отражение характерные черты периода становления новой армянской поэзии, когда возрастает интерес к русской литературе, когда усиливается в Армении процесс активного освоения ее достижений.

В 1850—1860-е годы, наряду с Пушкиным и Лермонтовым, на развитие армянской лирики значительное влияние оказала «муза мести и печали» Некрасова.

Виднейший представитель армянской поэзии этой эпохи, Рафаел Патканян, с самого начала вступления на литературное поприще избрал путь поэта-гражданина, поэта-воина. Стихотворение Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» становится его творческой программой. Противопоставление «незлобивого поэта» поэту иного типа, поэту-обличителю, который проходит «тернистый путь с своей карающей лирой», который «враждебным словом отрицания» выступает против лжи и пошлости жизни, служа лишь добру и правде, который «любит, ненавидя» и значение благородной деятельности которого люди поймут лишь после его гибели,—вся эта идейная концепция почти целиком сохранена в стихотворении Патканяна «Два поэта». Эпиграфом к нему взяты слова Некрасова:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства!..

В стихотворении Патканяна поэту «со сладкозвучной лирой и чувствительной душой», достигшему всеобщего признания и вкушившему всю сладость славы, противопоставляется горькая судьба другого поэта, не знающего покоя и счастья, поэта, беспощадно бичующего людские пороки, с открытым челом гордо и уверенно проходящего по миру, поэта, о «благородной любви» которого люди узнают лишь после его смерти.

В своих сатирических стихотворениях Патканян обличал армянских богачей, наживших большие деньги и состояние темными путями и преступлениями, людей черствых и равнодушных к голосу правды и справедливости, живущих в узком мирке своих эгоистических интересов. В стихотворении «Прекрасный человек» Патканян с иронией и презрением рисует образ подобных стяжателей, их пустое и пошрое существование:

Занят делом своим неустанно,
 Отдалиться от нас ты сумел,
 И, блудя интересы кармана,
 Ты далек от общественных дел,
 Ты привычек и жизни спокойной
 Ни за что не изменишь. И что ж?
 Человек ты, бесспорно, достойный—
 Но скажи,—для чего ты живешь?...
 Ты богатства добился, и даже.
 Говорят, потерял деньгам счет,
 И твой дом, рысаки, экипажи
 Восхищают прохожий народ.
 Но догадки ни в ком неприличной
 О богатстве твоём не найдешь!..
 Человек ты, бесспорно отличный,—
 Но скажи, для чего ты живешь?..
 На страданья других безучастно
 Ты зриаешь, о них не скорбя,
 И нуждой угнетаем, несчастный
 Умолять стал бы тщетно тебя.
 Вопли бедных к тебе—труд напрасный:
 Ты жалеешь для нищего грош!..
 Человек ты, бесспорно, прекрасный,—
 Но скажи, для чего ты живешь?..¹⁹

(Перевод А. Шитова)

Идейную близость Патканяна к сатирической музе Некрасова еще более наглядно можно видеть в другом стихотворении армянского поэта, в котором он показывает всю фальшь и лицемерие буржуазной нравственности. В 1856 году Патканян создает сатирический портрет в стихах «Безвредный человек», над которым стоят известные строки русского поэта:

Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла...

Патканян разоблачает гнилую и пошлую мораль армянских «ага», торговцев и промышленников, типичных буржуа,

¹⁹ «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, стр. 717.

для которых все—пустой звук, кроме интересов собственного кармана:

Безвредный человек

(Подражание)

Следуя всегда правилам мира,
Я никому не сделал в жизни зла (вреда).

Однажды разбил слуга зеркало,
Которое стоило мне более тысячи:
Не сказал я ему недостойных слов,
А заставил служить шесть лет так, даром.
Этот случай был бы хорошим назиданием,
Если б дожил он до седьмого года.

Следуя всегда правилам мира,
Я никому не сделал в жизни зла.

Однажды мой сын тайком от меня,
Вытащил из кассы несколько рублей.
Я накрыл на месте и поймал его,
Связал ему руки и представил суду.
Не долго прошло—от страха отравился—
Вот как потерял я надежду свою.

Следуя всегда правилам мира,
Я никому не сделал в жизни зла.
Шушан моя с сердцем полюбила Ована.
Родители Ована были бедняки.

Дочь свою я отдал слепому богачу,
Не знающего счета своим деньгам,
Но несчастна была Шушан с рожденья
Полгода спустя, в могилу сошла...

Следуя всегда правилам мира,
Я никому не сделал в жизни зла.

(Подстрочный перевод)

Последняя строфа по содержанию почти совпадает с текстом стихотворения Некрасова «Нравственный человек».

Особенно отчетливо ощущается благотворное влияние Пушкина и Лермонтова, а затем и русской революционно-демократической литературы на развитие армянской поэзии начиная с творчества одного из ярких представителей армянской гражданской лирики шестидесятых годов Смбата Ша-

хазиза, который всегда подчеркивал свои симпатии к русской культуре. В 1902 году он писал: «Из русских поэтов наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, Пушкин и Лермонтов!.. Пушкиным я всегда увлекался, прежде всего,— как разносторонним и правдивым поэтом-художником, творчество которого представляет собою для отзывчивого читателя как бы прекрасный, цветущий сад, блестящий райской красотой... Посмотрите, как он описывает разнообразную природу, как он умеет воспевать любовь, сколько изящества и богатства красок в его лучших произведениях!.. Что касается Лермонтова, то его произведения (например, «Герой нашего времени») всегда наводили меня на много дум, действовали на меня своим внутренним содержанием, давали известные мотивы и темы для разработки...»²⁰.

Эти восторженные признания говорят о том, какое важное место занимали Пушкин и Лермонтов в творческом развитии Шахазиза.

В 1860 году в Москве был издан первый сборник стихотворений Шахазиза под заглавием «Часы досуга». Здесь были помещены стихи, написанные под непосредственным воздействием Пушкина.

В первом сборнике армянского поэта многие стихи написаны в форме послания к друзьям, другие—в форме песен, в подзаголовке даже указывалось в отдельных случаях на какой мотив. Так, например, стихотворение «Посещение»—на мотив пушкинской «Черной шали», «Песню»—на мотив «Кубка янтарного» Пушкина и т. д.

По поводу истории создания «Песни умирающего патриота» Шахазиз говорит: «Случайно прочитанное мною стихотворение Добролюбова «Милый друг, я умираю» внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти так же, но далее носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян. Эту вещь, как и некоторые другие произведения русских авторов, я пробовал сначала перевести полностью, как можно ближе к подлиннику, но затем невольно поддавался каждый раз желанию развить ту же тему по-своему, вполне самостоятельно, и вследствие этого отказывался от мысли о точном, близком переводе...»

²⁰ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 12, 13.

Таким образом, иногда Шахазиз сознательно подражал, развивая отдельные темы, мотивам русской поэзии. «В моих «Часах досуга»—пишет он Ю. Веселовскому,—я уже пробовал, как умел, подражать Пушкину,—перевел его стихотворение «Кубок янтарный», сделал в некоторых случаях отдельные его стихи эпиграфами и к моим собственным вещам, написанным под его влиянием»²¹. Шахазиз во второй части своего признания допустил некоторую неточность. Трудно назвать его «Песню» переводом пушкинского стихотворения «Кубок янтарный». На самом деле Шахазиз написал в подражание Пушкину национальную застольную песню, в которой воспеваются «армянский народ», «девы и сыны Армении», и, наконец, «кавказское кахетинское вино»²². Все это было характерно для некоторых кавказских переводчиков Пушкина. Так, например, у Соломона Размадзе в грузинском переводе отрывка из гл. VII «Евгения Онегина»:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве—

Москва заменена Тифлисом. Еще показательнее стихотворение Вахтаंगा Орбелиани, являющееся подражением «Зимнему вечеру», где наряду с точной передачей отдельных строк оригинала, как, например: «Наша избушка, увы, ветха и темна...», грузинский поэт вносит новые мотивы, придавая стихотворению местный колорит, максимально приближая его к грузинской действительности:

Давай, разведем огонь в камине,
Изжарим шашлык на вертеле...
.
Послушай меня, опрокинем стакан
Исчезнут разом тогда заботы и тоска,
Пусть там завывает себе буря,
Мы весело проведем время у огня...

Вместо песни о синице и девице у Орбелиани появляется

²¹ Там же, стр. 13.

²² «Песня» Шахазиза впоследствии вошла в «Армянскую лиру» М. Миансаряна как застольная армянская песня.

ся национально-патриотическая тема о «славных временах грузинских мечей»²³.

И в первом, и во втором случаях имеет место стремление придать пушкинским стихам национальное звучание, приспособить, приблизить их к местным условиям. В «Поэте» Шахазиза, наряду с прямым заимствованием, вносится автором много собственных дум и размышлений. Начало стихотворения напоминает первые строки пушкинского «Поэта»:

Поэт, оставайся вдали от рукоплескавшей толпы,
Когда горюшь огнем вдохновенья
(Когда ты весь охвачен вдохновеньем)

Ты—служитель высшей святыни, и т. д.

Затем уже следуют собственные мысли армянского автора о гражданском долге поэта, о том, что он должен любить свой народ, должен бескорыстно и смело служить правде, он должен разрушить «святыню» богачей и покарать зло. «Поэт» не является исключением. Другое стихотворение Шахазиза «Памяти Степаноса Назарянца» начинается незначительной перефразировкой первой строки пушкинского «Памятника»:

Ты памятник воздвиг себе нерукотворный...

В 1872 году на страницах журнала «Айкакан ашхар» («Армянский мир», «Армянская страна») было напечатано без подписи стихотворение «Памятник. Подражание Пушкину». Автор его, по всей вероятности, редактор-издатель журнала архимандрит Хорен Степанэ, сохранив целиком отдельные фразы русского оригинала, приспособил пушкинский текст своему замыслу. Вторая строфа «подражания» Степанэ звучит так:

Услышит о моей славе мать моя, святая Армения,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
Долго не перестанет любить меня армянский народ
За то, что я умел пробуждать добрые чувства,
Что мыслями благородными я принес пользу
И взывал всегда к спасению падших...²⁴

²³ См. К. Дондуа. Пушкин в грузинской литературе. В сб. «Пушкин в мировой литературе», Л., ГИЗ, 1926, стр. 206, 207, 211, 212.

²⁴ «Айкакан ашхар», Шуша—Елисаветполь, 1872, № 1—2, стр. 25, 26.

«Подражания» Степанэ является примером грубого и примитивного использования текста пушкинского образца.

Второй сборник Шахазиза, изданный в 1865 году, ознаменовал новый этап в творческом развитии автора. Здесь впервые была опубликована поэма «Скорбь Левона», названная не без влияния пушкинского «Евгения Онегина» «романом в стихах».

Лучшими своими произведениями Шахазиз обязан шестидесятым годам, когда он близко стоял к революционно-демократическим кругам. «Скорбь Левона», как и большинство его лирических стихотворений, в числе их—также значительные, как «Сон», «Песня умирающего патриота», «Не люби меня», «Детство», написаны в 1864 году.

Биограф армянского поэта Ер. Шахазиз справедливо указывает, что в его гражданских песнях чувствуется влияние русской передовой общественной мысли 50—60-х годов, журнала «Современник» и ближайших его руководителей: Некрасова, Чернышевского, Добролюбова²⁵. Об этом свидетельствует и сам Шахазиз: «я принадлежал к числу тех молодых людей,—писал он,—которые всего усерднее следили тогда за русскими журналами, например за «Современником» и затрагивавшимися в них вопросами...»²⁶.

Стихотворение Н. А. Добролюбова «Милый друг, я умираю...» внушило Шахазизу идею одного из лучших его произведений «Песнь умирающего патриота», в котором армянский поэт говорит:

Благородный друг, я умираю,

Но спокоен я душой...

.

Горячей, неизменной любовью

Полюбил я родину.

И ты иди той же дорогой...²⁷

(Подстрочный перевод)

Шахазиз отказывается от «сладкозвучной лиры», отвергает теорию «чистого искусства» и выступает поборником «идейной поэзии», призванной служить общественному ус-

²⁵ Смбат Шахазиз. Соч. (на арм. яз.), Ереван, 1947, стр. 220.

²⁶ Ю. Веселовский. Указ. соч., стр. 14.

²⁷ Смбат Шахазиз. Соч., стр. 102.

вершенствованию, интересам народа. Шахазиз, вслед за Некрасовым, требует от поэта быть «прежде всего гражданином»²⁸.

Переводы отдельных стихотворений Некрасова в 80—90-е годы стали чаще появляться на страницах армянской периодической печати. В начале XX века потребность в целой антологии, по которой армянский читатель мог бы составить хотя бы некоторое представление о достижениях русской поэзии, стало особо осязаемым. За выполнение этой важной и трудной задачи взялся Александр Цатурян. Он еще с конца 80-х годов начал печатать на страницах журналов «Татрон» («Театр») и «Мурч» («Молот») переводы из русских поэтов. Наконец, в 1905—1906 годах ему удалось издать в Москве первые два выпуска (предполагалось четыре) антологии русской поэзии. Некрасов был помещен во втором выпуске. У Цатуряна и в выборе и в самом выполнении переводов наблюдается стремление приблизить поэзию Некрасова к армянской действительности. Достигнуть этого было нетрудно, так как многие патриотические мотивы—думы о страданиях народа, воспевание тружеников земли, тема о крестьянской доле и свободе отчизны—всегда находили в Армении живой отклик и сочувствие²⁹.

Из всех произведений Некрасова наибольший отзвук в армянской поэзии получили переведенные Цатуряном два программных стихотворения русского поэта: «Блажен незлобивый поэт...» и «Муза». Представление о высоком гражданском долге поэта перед своим народом и родиной, мотивы активной, беспощадной борьбы с «царством мрака», где «горечи полное море», где поправа правда, все эти мотивы сближают Цатуряна с Некрасовым. Певец у армянского поэта, презирая «молнии и громы врагов», спокойно и уверенно идет вперед. Он не приемлет мира:

²⁸ Эти настроения особенно ярко сказались в стихотворении 1864 года «Поэт, материалист, гражданин». Там же, стр. 80—90.

²⁹ См. С. Арешян, Некрасов и армянская литература. Научный бюллетень Ленинград. гос. ун-та, 1947, № 16—17; К. Н. Григорян, Некрасов и армянская поэзия. Некрасовский сборник, I, М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 117—132; Г. Н. Овнан, Некрасов и армянская поэзия (на арм. яз.), Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1956; Сб. «Некрасов и литература народов СССР», изд. Ереванск. гос. ун-та, 1972.

Где чувств не зают, где царствует злато,
Где мысли свободной положен запрет,
И подлость живет на просторе...

Цатурян призывает «сражаться со злом до могилы». У армянского поэта много печали, и основа ее—народное горе:

Не я пою. То звук чужой печали:
То страждет брат, на помощь он зовет.
Вы слышите—рыдания прозвучали...
То плачет мой истерзанный народ...³⁰
(Перевод Е. Полонской)

Для Цатуряна поэт—«боец за великое счастье людей»; его общественное назначение—своим звонким, мужественным голосом «бить тревогу», поднять дух народа, призывать его к борьбе, чтобы навсегда сбросить цепи неволи.

В 80—90-х годах тема о назначении поэта глубоко волновала И. Иоаннисиана. В раннем стихотворении 1883 года «Две дороги» уже выражена мысль о том, что место певца там, где «гоненья», где «слез родник печальный льется и нет защиты для рабов»³¹. Через несколько лет, возвращаясь к этой же теме, Иоаннисиан более ясно и решительно формулирует свое поэтическое кредо:

Забудь же любви песнопенья,
Свободу, певец, воспевай,
В кровавое выйди сраженье,
И ядом перо напитай.
Настрой свою новую лиру,
Встань против рабства и лжи,
И язвы позорные миру
Без страха в лицо укажи...³²
(Перевод М. Павловой)

Любовь и признательность армянских поэтов к Некрасову, к его «музе мести и печали» хорошо выражены в одном из стихотворений Иоаннисиана 1887 года:

³⁰ Александр Цатурян. Избранное. Пер. Е. Полонской, под редакцией М. Лозинского, Ереван, Госиздат, 1940, стр. 22.

³¹ Иоаннес Иоаннисиан. Избранное. Пер. с армянского. М., Гослитиздат, 1949, стр. 18, 19.

³² Там же, стр. 22, 23.

...Еще настанет время,
И вековая тьма исчезнет пред зарей.
Чтоб чувствовать и знать, придет другое племя,—
Потомство светлое свободы золотой,
И над твоим челом, и властным и открытым,
Тогда совется лавр, венчая славой труд.
И над твоим стихом, когда-то ядовитым,
Жемчужную слезу святой любви прольют³³.

(Перевод И. Поступальского)

**IV. РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ 60-х ГОДОВ
XIX ВЕКА И АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.
ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СТ. НАЗАРЯНА. ЖУРНАЛ «ЮСИСАПАЙЛ» И ЕГО РОЛЬ В
ВОЗРОЖДЕНИИ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. М. НАЛБАНДЯН
И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ 60-х ГОДОВ. ЗНАЧЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛБАНДЯНА**

Присоединение закавказских областей к России закончилось в первой половине XIX века. Началось экономическое освоение края, длившееся очень долго, вплоть до конца XIX века. Вслед за манифестом 19 февраля 1861 года царизм проводит крестьянскую реформу и в Закавказье, в результате которой еще более ухудшается положение трудового крестьянства. Усиливается процесс расслоения в армянской деревне.

Армянский народ в условиях царской России переживал тяжелый период национального угнетения. Но еще более страшным было положение в Западной Армении, где султанская Турция проводила в отношении армян политику насилия и террора.

Вместе с ростом революционного самосознания народных масс России растет и ширится армянское освободительное движение, вдохновляемое в 40-х годах просветителем и демократом Хачатуром Абовяном. В 60-е годы во главе этого движения становится единомышленник и соратник Герцена и Чернышевского, революционер-демократ Микаэл Налбандян.

«В 1860-х годах в России крестьянские революционные

³³ Там же, стр. 38.

восстания,—пишет М. Г. Нерсисян,—оказали огромное влияние на освободительное движение армянского народа. Установились тесные связи между русским и армянским революционно-демократическими течениями. Значительное влияние имела также освободительная борьба балканских народов и, в частности, болгарского народа. Известную роль сыграли итальянские освободительные движения 1850—1860 гг.»¹.

В 60-е годы XIX века, составившие новый этап в развитии русско-армянских культурных связей, крепнут идейные связи с Россией, и армянское народно-демократическое движение становится неотъемлемой частью общероссийской освободительной борьбы.

Формирование новой армянской литературы относится к 50—60-м годам прошлого века. За несколько десятилетий после гибели Абовяна (1848) появляется целая плеяда поэтов и беллетристов, которые, продолжая дело основоположника новой армянской литературы, развивают и обогащают литературный язык.

Степанос Назарян был первым ученым из армян в России в области филологии. Вслед за основоположником новой армянской литературы Хачатуром Абовяном он окончил в 1840 году курс историко-филологического факультета Дерптского университета, со степенью кандидата философских наук. В 1842 году Назарян, по рекомендации академиков-востоковедов Френа и Броссе, был назначен адъюнктом Казанского университета по армянскому языку. Первое русское специальное исследование по истории древнеармянской письменности принадлежит перу Назаряна. В 1844 году он издал в Казани книгу под заглавием: «Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XIII столетия»². Своё исследование автор посвятил «Патриотам гайканского народа». В 1848 году Назарян защитил магистерскую диссертацию на тему: «Обозрение истории гайканской письменности в новейшие времена»³, а в 1849 году за исследование о бессмертном

¹ М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850—1870 гг. (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1955, стр. 280, 281.

² Первоначально напечатано в «Ученых записках Казанского университета» (1844, кн. I. Отд. изд.—Казань, 1844).

³ Первоначально напечатано в «Ученых записках Казанского университета» (1846, кн. II. Отд. изд.—Казань, 1846).

творении знаменитого поэта Фирдоуси—«Шах-Намэ»⁴—был удостоен степени доктора по армяно-персидской филологии. После защиты докторской диссертации Назарян переехал в Москву и стал преподавателем Лазаревского института восточных языков.

Назарян является одним из крупнейших армянских публицистов, деятелей передовой общественной мысли, который оказал громадную услугу своему народу в возрождении и развитии новой армянской литературы.

В начале февраля 1845 года Назарян, будучи адъюнктом университета, задумал издать журнал на армянском языке. В официальном письме на имя попечителя Казанского учебного округа он просил ходатайствовать перед министром народного просвещения о дозволении основать «Гайканский журнал в России, который бы на чистом популярном языке распространял полезные сведения в армянском народе». К письму была приложена программа предполагаемого издания, в котором Назарян говорил об «ужасном духовном оцепенении армян в России», о «пагубном равнодушии к народному языку, литературе, истории», и, наконец, высказывал свое желание создать печатный орган, который «мог бы слить в единое нравственное тело, одушевленное общей волею, общими мыслями разбросанных по всем частям мира сынов Гайка»⁵.

Через два месяца после возбуждения ходатайства об издании журнала, министр народного просвещения С. С. Уваров сообщал попечителю Казанского учебного округа о решении Главного управления цензуры, которое гласило: «Находя затруднение цензирования сего издания, так как язык, на котором по предположению будет издаваться, неизвестен никому из чиновников университета, кроме самого издателя, признал нужным повременить сим изданием до других благоприятнейших обстоятельств»⁶.

Таким образом, первая попытка Назаряна в создании

⁴ «Ученые записки Казанского университета», 1849, кн. III. В журнале «Современник» (1851, № 12) была опубликована (без подписи) рецензия на докторскую диссертацию С. Назаряна. См. С. Даронян. Журнал «Современник» о Фирдоуси, «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.

⁵ ЦГИАЛ. Дело об издании армянского журнала в Казани, ф. 772, оп. 4, ед. хр. 148947, лл. 2, 4, 5.

⁶ Там же, л. 7.

печатного органа передовой армянской мысли в России не увенчалась успехом.

После этой неудачи Назарян не потерял надежды. Через десять с лишним лет, в начале 1856 года, воодушевленный общим подъемом русской общественной жизни предреформенной поры, он вновь возбуждает вопрос о разрешении ему основать армянский периодический печатный орган в России, теперь уже в Москве. В это время Назарян состоял профессором в Лазаревском институте восточных языков.

В бумагах Главного управления по делам печати сохранилось дело «По прошению ст. сов. Назарьянца о дозволении ему издавать в Москве журнал на армянском языке, под заглавием «Юсисапайл» («Северное сияние»)»⁷.

В своем письме на имя министра народного просвещения А. С. Норова, от 18 марта 1856 года Назарян писал: «Потребность литературного посредника для передачи плодов современного просвещения, повсеместно чувствуется армянами в России и отсутствие в настоящую пору всякого периодического издания на армянском языке, с каждым днем делает более ощутительной эту справедливую потребность... Сочувствуя своей нации в благородных вопросах ее жизни, желая по мере сил содействовать духовно-нравственному образованию моих соплеменников... предполагаю издавать на родном языке армян журнал...»⁸.

К письму была приложена подробная программа издания.

Еще в 1846 году в конце своей магистерской диссертации Назарян, говоря о необходимых условиях возрождения новой армянской литературы, горячо защищал права живого, народного языка, в противовес староармянскому, церковному языку (грабару). Он тогда писал: «Язык и литература возникнут тотчас, когда армянские литераторы начнут писать для живого, настоящего, для всех и каждого»⁹.

Намечая программу нового журнала, Назарян решительно заявил, что он будет издаваться на «современном гайканском языке».

⁷ Там же, ф. 772, оп. 6, ед. хр. 151170.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ Ст. Назарьянц. Обзорение истории гайканской письменности в новейшие времена, Казань, 1846, стр. 155.

В программе журнала «Северное сияние», автограф которой сохранился в цензурном деле, Назарян излагал цели и задачи предполагаемого издания: «В человеколюбивый, к нуждам и потребностям народа снисходительно-внимательный век наш, гордая наука, опускаясь с своего возвышенного седалища, языком, понятным и для непосвященных и ее таинства, уделяет богатство своих приобретений всем классам человеческого общества. В наш век, наука не имеет более таких заповеданных сокровенностей, она без зависти и опасения открывает свой живительный источник всем и каждому, кто с жаждою знания приближается к ней»¹⁰.

В своей программе Назарян говорил о демократизации языка, литературы. Он горячо и последовательно защищал идею доступности плодов науки и просвещения народу. Другой задачей журнала, по мысли Назаряна, должно было явиться распространение и пропаганда достижений русской культуры среди широких слоев армянского народа. Журнал должен был всячески способствовать тому, чтобы «вести армян в круг русского просвещения и цивилизации». В программе были намечены отделы: общее землеведение, всеобщая история, естествознание, литература и художества. В последний отдел «войдут лучшие мысли и лучшие чувства в изящных формах,—говорилось в записке Назаряна—как поэтических, так и прозаических; отборные отрывки из древнеармянской, русской и европейской литературы...»¹¹. В этом же отделе предполагалась публикация критических разборов новых армянских изданий.

В новом армянском журнале редактор-издатель предполагал систематически давать «соответственный разбор (выбор) из лучших журналов, издаваемых в России»¹². Нужно полагать, что Назарян при этом имел в виду в первую очередь «Отечественные записки» и «Библиотеку для чтения».

В самом начале организации издания успешному ходу дела препятствовало отсутствие подходящей кандидатуры цензора. В своем письме на имя А. С. Норова, от 28 апреля 1856 года, Назарян просил возложить цензирование журнала

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, д. хр. 151170, л. 2.

¹¹ Там же, л. 5.

¹² Ю. Веселовский. Шестидесятые годы и армянский журнал в Москве. В кн.: Ю. Веселовский. Литературные очерки, т. II, М., 1910, стр. 136.

на «армениста Суреньянца», который «изъявил готовность принять на себя эту обязанность безвозмездно»¹³.

26 апреля помощник попечителя Московского учебного округа сообщил Норову, что Московский цензурный комитет не нашел возможным рассматривать вопрос об издании в Москве армянского журнала, так как при комитете «не находится цензора для армянского языка». Одновременно сообщалось, что Комитет не может возложить цензурование журнала на «губернского секретаря Егора Суреньянца», так как он лицо не официальное и не может знать «все те правила и постановления цензуры, которые могут быть сообщены только лицу официально облеченному званием цензора»¹⁴.

Несмотря на эту неблагоприятную ситуацию, дело медленно, но продвигалось. Через два с половиной месяца, после ответа Московского цензурного комитета, А. С. Норов обратился с официальным письмом к Главнотначальствующему Лазаревским институтом, графу А. Ф. Орлову с просьбой высказать свое мнение по вопросу, «в какой степени профессор Назарьянц заслуживает доверия по способностям своим и образу мыслей». Орлов отвечал Норову, что Назарьянц и по своим способностям, и по образу мыслей «заслуживает доверия». И что с его стороны «означенный журнал не встречает препятствия», но одновременно высказал мнение, что не худо было бы предварительно узнать мнение кавказского наместника. Только через полгода, в декабре 1856 года «наместник кавказский», генерал-адъютант кн. Барятинский ответил, что и с его стороны «нет никакого препятствия». Но оказалось, что нужно еще узнать мнение III отделения. 8 февраля 1857 года генерал-адъютант кн. Долгоруков сообщил министру народного просвещения, что со стороны III отделения также «препятствия не встречается»¹⁵.

И вот, наконец, в марте 1857 года было получено долгожданное разрешение. Александр II на представлении А. С. Норова собственноручно написал: «Согласен, если преподаватель, на которого предполагается возложить цензуру, личною своею заслуживает доверия правительства»¹⁶.

После всего этого долго тянулось дело о назначении

¹³ ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 6, ед. хр. 151170. л. 5.

¹⁴ Там же, лл. 7—19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 20.

цензора. Назарян вынужден был снова обратиться к А. С. Норову с просьбой ускорить и эту процедуру. 21 апреля 1857 года цензором журнала был утвержден адъюнкт С. Петербургского университета, преподаватель армянского языка— Н. Бероев¹⁷.

В 1857 году на страницах издававшейся в Москве еженедельной газеты «Молва», была напечатана статья Налбандяна под заглавием «О новом журнале на армянском языке (письмо к редактору)»¹⁸.

Теперь трудно установить, каким путем статья Налбандяна попала в редакцию «Молвы». Во всяком случае издатель охотно поместил ее на страницах журнала, снабдив от себя пояснением. В этом пояснении редактор С. Шпилевский¹⁹ писал:

«Душевно благодарим г. Налбандянца за сообщенное им известие о предпринимаемом с будущего года доктором восточной словесности, С. Назарянцом, журнале на народном армянском (гайканском) языке. Мы, отстаивающие русскую народность, не можем не радоваться успехам развития какой бы то ни было народности. Да здравствует каждая народность!—было сказано в «Молве» (№ 5),—потому что только при признании всякой народности уничтожается

¹⁷ Там же, л. 36.

Некоторые материалы из истории «Юсисапайла», а также программа будущего журнала, в отрывках или полностью были опубликованы: К. Н. Григорьян. Царская цензура и передовая армянская печать, «Ученые записки Ленингр. гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 67, 1948, стр. 172—183; С. Г. Арешян. Армянская печать и царская цензура. Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957, стр. 169—173, 438—443 и др.; С. Казарян. Из истории «Юсисапайла», «Известия АН Арм. ССР», 1948, № 11, стр. 75—90; С. К. Даронян. К истории создания журнала «Юсисапайл», «Литературная Армения», 1962, № 3, стр. 88—90.

¹⁸ «Молва». «Литературная газета», 1857, 5 октября, № 26, стр. 311—313.

¹⁹ Шпилевский Сергей Михайлович (1833—1907). Впоследствии профессор, доктор государственного права. Много занимался изучением истории и этнографии Казанской области. Автор книги «Древние города и другие татарско-булгарские памятники в Казанской губернии» (1877). Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 274, оп. 1, № 398. Архив М. И. Семевского «Знакомые». Книга автографов, IV, л. 47.

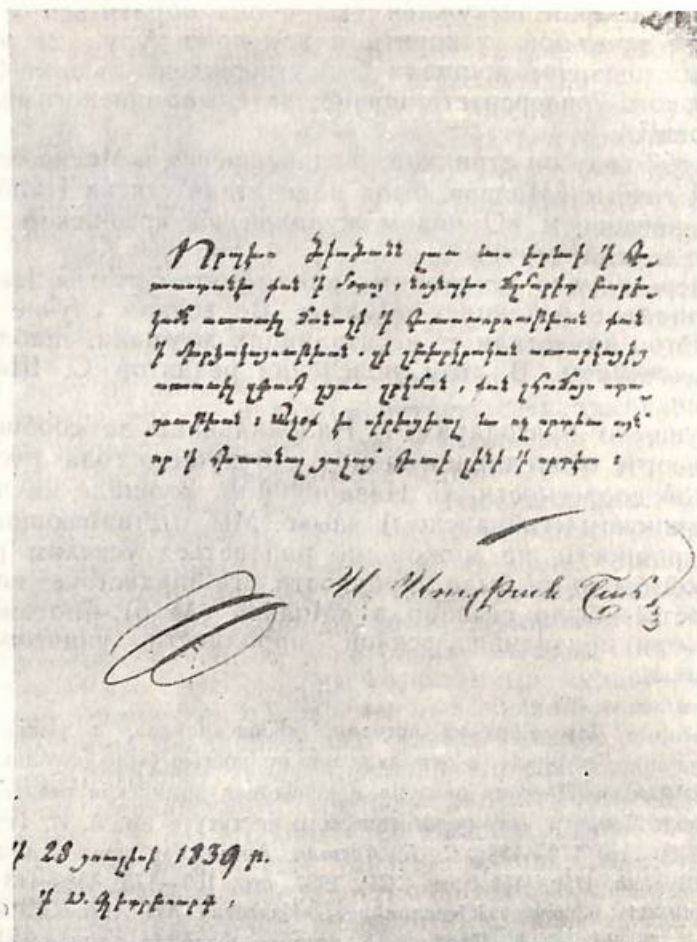

Рис. 10. Запись С. Г. Султан-Шаха в альбоме М. А. Гамазова, 1839. характер ограниченности и исключительности одной, отдельно взятой какой-нибудь народности. Поэтому, повторяем, мы не можем не радоваться появлению журнала, имеющему целью быть органом народного языка, не получившего еще права гражданства в литературном мире, между тем как миллионы говорят на этом языке, как родном, а читать могут только на языке книжном, мертвом и поэтому не для

каждого из них вполне понятном. Теперь народному языку армян предстоит развиваться путем литературным, а литература армянская не будет уже более заключена в тесные рамки языка мертвого и не развивающегося как живой организм. Наконец, этот журнал надо приветствовать как важнейший источник знакомства армян с последними результатами науки, до которых она достигла, благодаря трудам народов, опередивших армян на пути науки. Из программы журнала мы видим, что преимущественное внимание редакции его будет обращено на знакомство армян с Россией и историей ее,—это необходимо, потому что несколько армянских журналов издается и в Западной Европе, и в Константинополе, а новый журнал, издающийся в Москве не может быть только эхом Западной Европы. Мы думаем, что не мало придется и на долю России сказать нового и полезного армянам, чего они не услышат от Западной Европы. Знакомство восточных народов с Россией, самое географическое положение которой уже условливает влияние ее на народы восточные,—необходимо. И кто знает, может быть, России суждено быть главнейшей посредницей в просвещении восточных народов силою науки и христианства! И нам, кажется, что «Северное Сияние» может в этом деле иметь немаловажное значение.

*Редактор*²⁰.

Одной из главных задач организаторами журнала выдвигалась борьба за новый язык литературы, за «живой, употребительный язык», который, «сохраняя первобытное свое основание и корень, ясно и изящно говорил бы с народом по правилам современного живого армянизма». При этом «чуждые слова и выражения, пришедшие к армянам и искажающие чисто армянское слово, будут заменяться национальными из сокровищниц древнегайканского».

Журнал «Юсисапайл», первая январская книга которого вышла в марте 1858 года, сыграла неоценимую роль в истории развития армянской передовой общественной мысли, в возрождении и демократизации литературы.

Расцвет «Северного сияния» связан с тем временем,

²⁰ «Молва», 1857, № 26, стр. 313. См.: К. Н. Григорьян. Неизвестная статья М. Налбандяна, напечатанная в газете «Молва», «Известия АН Арм. ССР», 1954, стр. 79—83; М. Налбандян. Соч. в двух томах, т. 1, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1968, стр. 469—470.

когда на его страницах печатались статьи и памфлеты М. Налбандяна. Он смело выступил против «черной кучки обскурантов», которые преграждали путь к просвещению, решительно осуждая «служителей лжи», которые «окутывали густым туманом» народное сознание.

На гонения мракобесов Налбандян ответил памфлетом «Две строки», в котором он развивал идеи насильственного свержения тирании и завоевания народом свободы. Он говорил, что «старые умы никогда не согласятся мирно уступить место новым идеям», что «новому придется с боем водружать свое знамя на развалинах старины». «Прошли те времена,—писал Налбандян,—когда люди воодушевлялись отвлеченными и мистическими вещами: безжалостный реальный мир с железным посохом в руке требует справедливой дани. Человечество связано с земным шаром. Опыт научил его только на земле находить источники своего счастья и своих бедствий. Прошли и безвозвратно минули те мрачные дни, когда люди чувствовали себя счастливыми, прикладываясь к полам какого-нибудь лица с черным клобуком, либо к его руке, зачастую опоганенной блудом и стяжательством»²¹.

В «Двух строках» Налбандян провозглашал «свободу и равенство прав человека», «порабощенного гнетом тиранов». Там же изложил он основные положения своей политической программы: «Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа», подразумевая под словом «народ» угнетенные массы армянского крестьянства, «злосчастного, жалкого, нищего, голого и голодного армянина, угнетаемого не только чужими варварами, но и своими богачами...

...Защищать нещадно попираемые права этого армянина—вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И, чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами до селе свободу»²².

Налбандян тесно и непосредственно был связан с идей-

²¹ М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. Вступит. статья и общая редакция А. Б. Хачатуряна. М., Госполитиздат, 1954, стр. 370. В дальн. сокращенно: М. Налбандян. Избр. произведения.

²² Там же, стр. 371.

ным движением России конца 50-х—начала 60-х годов. Он мечтал, по образцу герценовского «Колокола» основать свободный орган армянской революционной мысли.

В 1859 году Налбандян выехал за границу на лечение и провел там несколько месяцев. В ноябре 1860 года по поручению Нахичеванского общества он отправился в Индию, чтобы получить наследство по завещанию одного из калькуттских купцов. Эта поездка была довольно длительной. На пути туда и обратно Налбандян побывал во многих крупных центрах Западной Европы. Около двух месяцев провел он в Лондоне, где близко познакомился с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Сохранилось весьма ценное свидетельство Н. А. Тучковой-Огаревой о встречах Налбандяна с деятелями «Колокола». «В бытность Бакунина в Лондоне,—пишет она,—между приезжими из России помню одного армянина по имени Налбандов. Он был лет тридцати, некрасивый, неловкий, застенчивый, но добрый, неглупый, полный сочувствия ко всему хорошему... Когда он приехал в первый раз к Александру Ивановичу, он едва мог говорить от замешательства. Однако потом, обрадованный радушным приемом Герцена, бывал очень часто у нас. Бакунин им окончательно завладел: каждый день ходил с ним по Лондону и настоял, чтоб Налбандов сделал свою фотографическую карточку»²³.

Трудно теперь восстановить содержание этих бесед, но можно сказать определенно, что русские революционеры верно угадали и достойно оценили личность Налбандяна как соратника в тяжелой борьбе с царским самодержавием. Герцен писал 11 апреля 1862 года И. С. Тургеневу: «...Записку эту тебе доставит благороднейший и добрейший доктор меди<цины> и армянин—Налбандов,—прими его мило. Он вполне заслуживает...»²⁴. 24 июня (6 июля) 1862 года Герцен и Огарев писали Н. А. Серно-Соловьевичу: «N(Налбандян.—К. Г.)—золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости...» (рукой Н. П. Огарева.—К. Г.). Далее рукой А. И. Герцена: «Кажется, речь о нашем здешнем восточном приятеле. Поклонитесь ему—это преблагороднейший человек—скажите ему, что мы помним и любим

²³ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, М., Гослитиздат, 1959, стр. 189, 190.

²⁴ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. I, М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 216.

его»²⁵. Так же тепло и с чувством глубокого уважения к личности Налбандяна писал М. И. Бакунин своей жене Н. С. Бакуниной: «Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек—весь душа и весь преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза»²⁶.

Налбандян был человеком высоких моральных качеств, преданный делу народно-освободительной борьбы. Он вошел в круг деятелей международного революционного движения. Горячо сочувствовал борьбе гарибальдийцев, завязал близкие идейные и дружеские связи с Герценом и Огаревым. Налбандян стал вдохновителем вооруженного выступления турецких армян, так называемого Зейтунского восстания (1862), явившегося крупнейшим политическим событием в армянской действительности 60-х годов прошлого столетия.

Во время второй поездки за границу Налбандян в Париже и Лондоне работал над своей знаменитой брошюрой «Земледелие как верный путь» (1862). Она с начала и до конца проникнута идеями национально-освободительной борьбы.

В центре русской общественной жизни той эпохи стоял крестьянский вопрос. Чернышевский и его соратники смело и последовательно защищали интересы широких крестьянских масс и требовали освобождения крестьян с землею. Чернышевский, враг крепостничества, был идеологом крестьянской революции. Он умел проводить, как говорил Ленин, «через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»²⁷. Налбандян был также идеологом широких масс крестьянства. Он также встал на путь активной революционной борьбы. Социально-политические воззрения Налбандяна и его общественная деятельность обуславливались историческими

²⁵ Там же, стр. 243.

М. Лемке при первой публикации материалов процесса («Былое», 1906, № 1) не знал, кто скрывается под буквой N. Расшифровать помогали ему Е. Шахазиз и Н. Г. Адонц. М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 72; См. также К. Григорьян. Кто расшифровал имя Налбандяна в письме Герцена к Серно-Соловьевичу? Газ. «Коммунист», Ереван, 2 марта, 1966 г.

²⁶ Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 124.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

судьбами армянского народа, который должен был вести борьбу как против своих внутренних угнетателей, эксплуататорских классов, так и против внешних поработителей—султанской Турции и русского самодержавия. Вот почему у Налбандяна идея крестьянской революции сливалась с идеей национально-освободительного движения.

Во всех важнейших, коренных вопросах общественной борьбы Налбандян был единомышленником и соратником русских революционных демократов, которые, в свою очередь, не могли не сочувствовать освободительной борьбе «малых» народов. И чем дальше, тем больше крепла не только идейная, но и непосредственная организационная связь Налбандяна с русскими революционерами. Он относился с глубоким уважением к личности Герцена и всем сердцем сочувствовал деятельности «лондонских пропагандистов», но в идейном отношении более близок был к Чернышевскому, звавшему к активной революционной борьбе.

Герцен в «Колоколе», Чернышевский и Добролюбов в «Современнике» развивали и пропагандировали свои взгляды на национальный вопрос. Они выступали в защиту равноправия нации, за право каждого народа на независимое свободное существование.

Налбандян, вслед за русскими революционными демократами, национальную и социальную проблемы рассматривал как единую проблему революционного преобразования общества, говорил с гневом об алчности капиталистических держав, которые под видом распространения «цивилизации» огнем и мечом врывались в чужие страны, грабили и опустошали их, жестоко поработщали народы этих стран.

Выступая против угнетения и насилия, Налбандян выдвигал на первый план национальность как «собирательную личность», как организованную силу, способную обеспечить существование народа, защищать его права. По мысли Налбандяна, национальность не подлежит обвинению и всячески приемлема, если она «признает без различия все другие нации, признает за ними такие же права, какие получала она сама».

Налбандян тесно был связан с русскими революционерами-демократами 60-х годов не только по мировоззрению и

политической программе, но и по обстоятельствам жизни, по своей трагической судьбе²⁸.

За грабительской реформой 1861 года последовала широкая волна народного движения. Правительство ответило репрессиями. Стали всюду искать смуту и крамолу. По доносам агентов III отделения начались обыски и аресты лиц, подозреваемых в распространении запрещенной революционной литературы, в частности изданий русской вольной типографии в Лондоне. В дом Герцена проник провокатор, который донес в III отделение о том, что в начале июля приедет из Лондона некий П. А. Ветошников с нелегальной корреспонденцией — письмами Герцена, Огарева, Бакунина к своим единомышленникам в России. На границе Ветошникова задержали. Были захвачены и все письма. Последующие обыски у лиц, которым были адресованы эти письма, дали III отделению дополнительные материалы для привлечения к судебной ответственности Н. А. Серно-Соловьевича, М. Л. Налбандяна, Н. А. де Траверсе и других, в той или иной мере общавшихся с русским революционным кружком в Лондоне. Попали в руки III отделения и бумаги А. И. Нечипоренко, задержанного в Италии, среди которых были письма Герцена и Бакунина.

7 июля 1862 года был арестован Н. Г. Чернышевский. В тот же день полиция арестовала Н. А. Серно-Соловьевича и других, обвиняемых в сношениях с лондонскими изгнанниками.

Приказ об аресте Налбандяна последовал 7 июля, одновременно с приказом об аресте Чернышевского. Но в это время Налбандяна уже не было в Петербурге. После возвращения из-за границы он выехал в Нахичевань к родным. 10 июля он прибыл в Нахичевань, 11-го генерал-майор Дренякин телеграфировал екатеринославскому генерал-губернатору Риндину: «Второго июля выехал в Нахичевань к отцу тамошний житель Михаил Лазаревич Налбандов, сообщник лондонский. Захватите его с обыском и с бумагами при двух жандармах доставьте в Третье отделение. От Москвы с товарным поездом».

14 июля, после обыска на квартире в Нахичевани, Налбандян был арестован и в сопровождении жандармов отправ-

²⁸ См. подробнее: С. Даронян. Микаэл Налбандян и русские революционные демократы, М., «Худож. литература», 1967.

лен в Петербург. Комендант Петропавловской крепости инженер-генерал Сорокин 27 июля в своем рапорте доносил царю: «Нахичеванский житель Михаил Налбандов сего числа в С.-Петербургской крепости принят и заключен в доме Алексеевского рavelина в покой под № 8». На рапорте коменданта крепости помета: «Государь-император изволил читать. 29 июля»²⁹.

Из камеры № 8 Алексеевского рavelина 6 августа 1864 года Налбандяна перевели в камеру № 14, а в ноябре того же года в камеру № 17. Всего просидел он в крепости более тысячи дней.

Налбандян, по свидетельству современников, был человеком живого, беспокойного ума, неиссякаемой энергии и исключительной работоспособности. Он был интересным собеседником и искусным полемистом. В защите своих убеждений проявлял он упорство и принципиальную непримиримость. Теперь, когда была выработана программа действий, когда была налажена тесная связь с единомышленниками на Западе, когда Налбандян, полный сил и энергии, целиком отдался делу народно-освободительной борьбы, он был насильственно вырван из живой среды, изолирован и брошен в темные казематы крепости. Легко представить состояние такого человека без близких и друзей, в бездействии и одиночестве. Налбандян часто болел. В камере было сыро, болела грудь, душил кашель. Ему не хватало воздуха. В первое время прогулки не разрешались. Но уже 17 февраля Налбандян сообщил брату, что он вышел во двор крепости, где провел 20 минут, и тут же добавлял, что мог бы и больше побыть, но было ветрено, побоялся простуды и потому вернулся в камеру, чтобы дописать неоконченное письмо³⁰. На следующий день его снова вывели на прогулку, в сад Петропавловской крепости, где провел он 45 минут³¹.

Заключенные получали скудную, недоброкачественную пищу. 13 июня 1863 года Налбандян пишет жалобу на имя коменданта о том, что в пище и чае обнаружил насекомых. Такое питание могло бы привести больного Налбандяна к верной гибели, если б не разрешалось родственникам и

²⁹ Микаэл Налбандян. Полн. собр. соч. в четырех томах (на арм. яз.). т. 4, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1949, стр. 127.

³⁰ Там же, стр. 148.

³¹ Там же, стр. 155.

близким приносить продукты³². 22 ноября 1862 года брату Налбандяна отказывают в свидании по «обстоятельствам дела», считая это «невозможным». 9 декабря брат повторяет свою просьбу, но снова получает отказ. В первые месяцы пребывания в крепости Налбандяну свидание с близкими было запрещено. Было запрещено также писать по-армянски, можно было писать только по-русски и, кроме того, написанное предъявлять коменданту на просмотр. Переписка с братом хотя и была официально разрешена, но многие письма не доходили. Письма Налбандяна из крепости полны забот о родных. Не о себе он думает, а тревожится за родных и близких, пытается вселить в них бодрость. Единственной возможностью поддерживать связь с внешним миром были письма к брату. Содержание их не менее касалось и Анания Султан-Шаха, давнего и ближайшего друга. В письмах частые просьбы прислать нужные книги. Читал он много. В одиночной камере это было его единственным наслаждением. 2 марта 1863 года Налбандян писал брату: «Восемь месяцев день и ночь читаю, поневоле всякий глаз устанет. Между тем это единственное занятие, от чего никоим образом нельзя отказаться»³³. Весною и летом 1863 года усиленно работал над «Опытом радикальной реформы армянского языка». Несколько позже—над заметками «Гегель и его время». В конце года он написал статью, в которой подверг критике деятельность протестантских миссионеров в Западной Армении.

5 февраля 1864 года через коменданта крепости Налбандян обратился с просьбой разрешить ему заниматься переводами и составлением литературно-научных статей для журнала «Юсисапайл». Разрешение было получено, но

³² В бумагах коменданта Петропавловской крепости в 60-х годах инженер-генерала Алексея Федоровича Сорокина (1795—1868) сохранилась его тетрадь с записями получаемой и отправляемой политическими заключенными корреспонденции за 1862—1868 гг. В этой тетради, наряду с именами Н. Чернышевского и других, неоднократно упоминается имя «армянина Михаила Налбандова». Кроме писем, в записях Сорокина зафиксировано получение Налбандяном книг, табака и винограда. (Рукописный отдел Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Характеристику А. Ф. Сорокина см. в статье П. Щеголева «Чернышевский в рavelинне», «Звезда», 1924, № 3.

³³ *Микаэл Налбандян*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 175.

с обязательным условием представлять все написанное в III отделение. Когда же в конце февраля 1864 года была завершена «Критика» романа П. Прошяна «Сос и Вартитер», печатание ее было запрещено. Она была опубликована только в советское время³⁴.

Об идейной близости армянского революционера-демократа с Чернышевским свидетельствует также критическая статья Налбандяна «Гегель и его время (выписки и размышления)»³⁵.

Обширные цитаты из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения» позволяют утверждать, что Налбандян в крепости имел под рукою декабрьскую книжку «Современника» за 1858 год.

Налбандян выступает поборником свободы и прежде всего свободы мысли. «Существенное достоинство человека, — говорит он, — заключается в безграничной свободе его мысли; если и она будет подвергаться насилию того или иного авторитета или системы, тем или иным авторитетом или системой, тогда, собственно, в чем же прелесть человеческого достоинства?»³⁶. В казематах Петропавловской крепости Налбандян, естественно, мог предаваться этим горьким размышлениям. Его более всего занимал вопрос о путях «улучшения человеческой жизни». Не могли его удовлетворять отвлеченные бесплодные упражнения мысли. Он требовал от философии «конкретности и жизненности». «Философия должна отражать жизнь народа», — писал Налбандян³⁷. Его волновала судьба обездоленных голодных масс: «Человек лишен приюта, человек не имеет хлеба, человек раздет и разут, а природа требует своего. Найти простой и естественный путь, изыскать истинные человеческие, разумные сред-

³⁴ Известны два варианта статьи Налбандяна. Рукопись второго варианта была обнаружена в сенатском деле после революции (Архив внешней политики и революции, 1862, ч. 76. «О революционном духе народа в России и распространении по сему случаю возмутительных воззваний. О Михаиле Налбандове»). Подробно историю рукописи, анализ и сопоставление двух вариантов см. *Микаэл Налбандян. Критика «Сос и Вартитер»* (на арм. яз.). Ереван, Изд. Армянского филиала АН СССР, 1940, стр. 127—140.

³⁵ *М. Налбандян. Избр. произведения*, стр. 456—479.

³⁶ Там же, стр. 462.

³⁷ Там же, стр. 459.

ства,—писал он,—чтобы человек обрел себе приют, имел хлеб, прикрыл свою наготу, удовлетворил природные потребности,—в этом суть философии»³⁸.

Находясь в крестости, Налбандян, разумеется, не мог высказать и достаточно развивать свои взгляды, но все же ему удалось основную мысль статьи выразить с достаточной определенностью.

Следственная комиссия впервые вызвала Налбандяна на допрос 12 октября 1862 года. Главный вопрос касался, конечно же, сношений с «лондонскими пропагандистами». Налбандян, так же как и Чернышевский, решительно отрицал свою причастность к деятельности лондонского революционного кружка³⁹. «Я ни в каком случае не знаю,—говорил Налбандян на следствии,—ни их намерений, ни образа действия... Я никогда не состоял агентом русских изгнанников никакого назначения и никакого поручения от них я не имел»⁴⁰.

Налбандяна допрашивали дополнительно 16, 18, 23, 24 и 25 октября 1862 года. Следственная комиссия вызвала его в последний раз 13 декабря того же года. Налбандян держался на допросах с достоинством и мужественно. Он и на этот раз ответил, что не имеет ничего нового прибавить к прежним показаниям, что он не был агентом лондонских изгнанников, не служил распространению их пропаганды, не принимал никакого участия в их деятельности.

В Лондоне внимательно следили за процессом. Герцен, Огарев, Бакунин были глубоко озабочены судьбой своих друзей и единомышленников, в их числе и Налбандяна. В письме от 5 октября 1862 года Бакунин писал Тургеневу: «А что Налбандов,—ради бога, постарайся узнать о его участии». Указав на невиновность де Траверсе, Бакунин добавля-

³⁸ Там же, стр. 460.

³⁹ Вот, например, показания Н. Г. Чернышевского на допросах следственной комиссии 1 ноября 1862 года: «Ни с кем из лиц, распространяющих злоумышленную против правительства пропаганду, ни с кем из находящихся за границей русских изгнанников и ни с кем из их сообщников в России я не был ни в каких сношениях». «Дело Чернышевского». Сб. документов, Саратов, 1968, стр. 159.

⁴⁰ М. Налбандян. Неизданные произведения, под редакцией и комментариями А. Г. Иоаннисяна (на арм. яз.). Ереван—Москва, Госиздат Арм. ССР, 1935, стр. 75, 77.

ет: «Да и Налбандов невинен, да у него нет связей, а он слаб грудью, а крепость для грудных болезней нехороша. Узнай, что только возможно, и уведомя меня...»⁴¹.

Спустя несколько дней Бакунин снова обращается к Тургеневу: «Другая моя забота—Налбандов: говорят, что он был в Петропавловской крепости, а теперь пропал, никто не знает, куда. Узнай, Тургенев»⁴².

Лондонскому революционному кружку, конечно, прекрасно была известна деятельность Налбандяна. Но в создавшейся обстановке, когда III отделение добивалось того, чтобы поименно установить и жестоко расправиться со всеми теми, кто был тесно связан с русской вольной печатью за границей, и Герцен и Бакунин всячески подчеркивали невинность арестованных, непричастность их к революционной борьбе.

Налбандян был известен III отделению до ареста по доносам как «вольнодумец и опасный элемент», как «мятежник и возмутитель народа». Эти материалы были в распоряжении кн. Голицына, возглавлявшего следственную комиссию, и он, ссылаясь на захваченную переписку, доложил Александру II о попытках «лондонских изгнанников водворить свои сочинения на Кавказе». Об этом было немедленно сообщено наместнику Кавказа князю Орбеллиани для принятия срочных мер.

Документы, захваченные при обыске Налбандяна, были достаточны для обвинения его в связи с «лондонскими пропагандистами». Среди этих материалов имелось письмо Бакунина к нему от 6 мая 1862 года, в конце которого сообщалась инструкция—шифры для нелегальной переписки. Это был целый условный лексикон:

«Налбандян—Петр Ал-др. Цуриков

Я—Брыкалов

Жена—Мария Осиповна

Герцен—барон Тизенгаузен

Огарев—Костеров

Правительство—Дурнов

Государь—Гаврилов

⁴¹ Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 169, 170.

⁴² Там же, стр. 171.

К следующему письму от 10 мая была дана «прибавка» к зашифрованному словарию, а 18 мая Бакунин уже писал Налбандяну по условному шифру: «Здравствуй, почтеннейший мой Петр Александрович. Счастливы ли изволили доехать до Питера?.. Спасибо за фотографию... Вы бы порадовались, если бы видели, с какой радостью и барон Тизенгаузен и друг его Костеров приняли от меня ваши портреты...»⁴⁴.

В письме Бакунина Налбандяну предлагалось И. С. Тургеневу в нелегальной переписке именовать «Ларионом Андреевичем». Таким образом, стала известна следственным органам конспиративная кличка Тургенева. При обыске у де Траверсе попало в III отделение и письмо Бакунина к Тургеневу от 8 июня 1862 года. В распоряжении следственной комиссии оказалась и записка от 2 июня 1862 года И. С. Тургенева Налбандяну следующего содержания: «Любезный Налбандов, я еду завтра, только не в 7 часов утра а в 5 часов вечера. Если вы поедете утром, то знайте, что я в Петербурге остановлюсь в гостинице Клея, а в Берлине в Hôtel de S.-Petersbourg, а приехавши—тотчас дайте мне знать. Преданный Вам *Ив. Тургенев*»⁴⁵. Вообще роль Тургенева как посредника между «лондонскими пропагандистами» и их единомышленниками в России была значительной. 7 декабря 1862 года А. Ф. Голицын доложил Александру II о необходимости вызова из-за границы ряда лиц, в числе их и И. С. Тургенева. Это предложение было утверждено царем.

Тургенев в письмах в Россию всячески отгораживался от «лондонских изгнанников», а в письме к царю просил «велеть выслать допросные пункты» за границу. Просьба его была удовлетворена, но следственные органы ответы его нашли недостаточными и вызов его для явки в суд осенью 1862 года был повторен. Тургенев старался выиграть время, чтобы лучше сориентироваться, получить возможно полную и точную информацию из России. Трижды ему удалось отложить срок своей явки, и наконец, в начале января 1864 года, он явился в сенат на допрос. Дополнительные его показания

⁴³ Там же, стр. 78, 79.

⁴⁴ Там же, стр. 82, 83.

⁴⁵ *И. С. Тургенев*. Пол. собр. соч. и писем. Письма в тринадцати томах. т. 4, М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 391.

были признаны достаточными для полной его реабилитации. 28 января, по определению сената, ему был разрешен выезд за границу до окончания процесса.

Показания Тургенева отличались крайней сдержанностью; они были составлены так, что в них трудно было обнаружить сведения, которые могли бы служить основанием для политических обвинений, выдвинутых против Налбандяна. О встречах с ним в Париже Тургенев писал: «...Налбандов был мне известен, как знакомый Бакунина... Могу уверить (и г. Налбандов подтвердит мои слова)—что в наши весьма немногочисленные свиданья речь исключительно шла о семейных делах Бакунина и не касалась политики»⁴⁶. В показаниях Тургенева для следствия могло иметь значение его свидетельство о встречах Налбандяна в Париже с А. И. Нечипоренко, которого III отделение считало «агентом «Колокола»».

У П. А. Ветошникова вместе с нелегальной корреспонденцией были захвачены и 10 экземпляров брошюры Налбандяна «Земледелие как верный путь», изданной на армянском языке в Париже под псевдонимом «Симеон Маникян». В письме Бакунина она называлась условно «поваренной книгой». Брошюра была передана следственной комиссией для заключения чиновнику Аскарханову. После просмотра Аскарханов установил, что брошюра содержит «суждения вовсе не о поварском искусстве, а о существующих правительствах и между прочим о России в возмутительном духе»⁴⁷.

В ней автор разоблачал крепостнический характер реформы 1861 года. Он требовал освобождения русских крестьян с землей. Освобождение миллионов «без земли и без пристанища—что это за свобода?» Раньше крестьянин

⁴⁶ Там же, т. V, стр. 397.

⁴⁷ Революционная брошюра Налбандяна не могла проникнуть в Россию легальным путем. Лондонские друзья присылали ее то под видом «брошюры на тарабарском языке», то «поваренной книги». В письме М. А. Бакунина к Налбандяну сохранились интересные сведения о способах нелегальной переброски литературы через границу. Он рассказывает, как горцы, пользуясь правом возить с гор дрова на все русские посты, т. е. на протяжении всей линии, примыкающей к Черному морю, не раз возили между дровами и лондонские запрещенные издания. *Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 80.*

платил подати, теперь должен платить за землю. «Какое утешение крестьянину,—писал автор,—от этой перемены названия, раз положение осталось без изменения». Более того, по словам Налбандяна, теперь крестьянин попал еще и «в руки правительственных чиновников, т. е. из огня да в полымя». В брошюре говорилось о сопротивлении, о крестьянских восстаниях. Характеризуя создавшееся в России «лихорадочное и напряженное положение», Налбандян писал: «Если заблаговременно не проявить благоразумие и не объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей и таким образом не распутать гордиев узел, то крепостной сам разрешит дело, разрубив этот узел топором».

Слова эти почти полностью совпадают с призывом автора известного письма «Русского человека», написанного если не Чернышевским, то, несомненно, кем-то из его ближайших друзей. В этом письме, напечатанном в «Колоколе» 1 марта 1860 года, автор, обращаясь к Герцену и к его друзьям, говорил: «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь!».

Революционная брошюра «Земледелие как верный путь» отразила заветные думы народных масс о земле и свободе: «Миллионы составляют простой народ, а он и есть носитель как нравственной, так и материальной силы нации». Автора волновала судьба этих миллионов, и в своей работе он ставил основную экономическую проблему «о человеке и хлебе», проблему, которая, по его мнению, рано или поздно должна получить и получит разрешение «хотя бы и с ужасными бурями».

В «Колоколе» за 1861 год (№ 102, от 1 июля) была напечатана статья Н. П. Огарева «Что нужно народу?», послужившая впоследствии основой программы тайной революционной организации «Земля и воля». Статья была написана, по утверждению М. К. Лемке, «не без советов и указаний Н. А. Серно-Соловьевича, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова, М. Л. Налбандяна и других». Общность основной идеи «Земледелия» и статьи Огарева очевидна. Она объясняется тем, что Налбандян в Лондоне имел возможность не только общаться с Герценом и Огаревым, но и ознакомиться с имеющимися в распоряжении редакции «Колокола» материалами, которые частично были использованы им в своей книге. В

«Земледелению» утверждается, что земля принадлежит народу, и только народу, «что без земли народу жить нельзя». В основе статьи Огарева также лежит тезис: «Земля никому другому не принадлежит, как народу», «без земли народу жить нельзя, да без земли нельзя и его оставить, потому что она его собственная, кровная».

Следственной комиссии не было известно, что автором революционной брошюры является сам Налбандян. Его обвиняли лишь в распространении нелегальной литературы, в том что он знал о «преступных замыслах лондонских беглецов».

В начале 1863 года дело поступило в сенат. 20 февраля 1863 года в Новой Нахичевани был произведен «повальный обыск», допрошено более ста представителей различных сословий. Петербургские друзья предпринимали безуспешные попытки освобождения его из крепости до окончания процесса.

В 1865 году Налбандяну нелегально удалось послать записку А. Султан-Шаху, в которой он писал: «Это мое письмо будет тебе доставлено не обычным путем. В этом сыром каземате я останусь самое меньшее еще 6—8 месяцев; варварское правительство не знает, какие средства применить для подавления свободного слова и уничтожения наших идей...»⁴⁸.

В течение 1863—1864 годов сенат дважды вызывал Налбандяна на допрос, но он по-прежнему настаивал на своих письменных показаниях. И, наконец, 27 апреля 1865 года на открытом заседании сената был объявлен приговор по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами». В отношении Налбандяна сенат определил состав преступления и приговор. Обвинив «кандидата С.-Петербургского университета Михаила Налбандова в знании о преступных замыслах лондонских пропагандистов, в содействии им к распространению в России запрещенных их лондонских изданий, в стремлении распространять на юге России, между армянами, противоправительственное движение», сенат постановил Михаила Налбандова «оставить в сильном подозрении и затем, как личность неблагонадежную, предоставить»

⁴⁸ М. Налбандян. Избр. произведения, стр. 665.

министру внутренних дел выслать в один из отдаленных городов России под строгий надзор полиции»⁴⁹.

13 мая 1865 года Налбандяна направили из крепости в петербургскую жандармерию. До ссылки, ввиду болезни, ему было разрешено несколько месяцев под строгим надзором полиции оставаться в Петербурге. Он жил на Биржевой линии, в доме Меняева. В конце ноября в последней стадии туберкулеза он прибыл на место ссылки—в г. Камышин, где и умер 31 марта (12 апреля) 1866 года.

После смерти Налбандяна цензурные органы строго следили за тем, чтобы его произведения не распространялись в России. Долгое время не разрешалось даже упоминать в печати имя армянского революционера.

В 1883 году в «Донско-Азовском календаре» были помещены некролог и портрет Налбандяна, допущенные к печати К. П. Паткановым. В эти годы Керовбэ Патканов, будучи профессором С.-Петербургского университета, вынужден был заниматься также цензурованием армянских книг в Петербурге. «Донско-Азовский календарь» был им пропущен, но впоследствии книжка была задержана из-за портрета Налбандяна. По этому поводу С.-Петербургский цензурный комитет потребовал у К. Патканова объяснения. В ответ он писал на имя председателя цензурного комитета:

«Почетный гражданин Иван Тер-Абрамян, издатель «Донско-Азовского календаря», заявил неудовольствие за запрещение портрета писателя Налбандова и обратился письменно к Вашему превосходительству с просьбой о его разрешении.

⁴⁹ В гибели Налбандяна Герцен обвинял Бакунина. 1 сентября 1863 года, когда Налбандян находился в Петропавловской крепости, Герцен писал Бакунину: «Болтовней ты погубил не одного Налбандяна...». (А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. 1, стр. 371).

Об этом же говорит Н. А. Тучкова-Огарева в своих «Воспоминаниях»: «Он (Налбандян.—К. Г.) погиб от неосторожности Бакунина, который расхвалил его в письме кому-то из своих родных в России. Письма Бакунина, конечно, вскрывались на почте. Было дано знать на границу и Налбандов заплатился за дружбу с Бакуниным. Мы никогда не слышали более об участии этого вполне хорошего и достойного человека. Грустно признаться, что не один Налбандов пострадал от неосторожности Бакунина. Последний в письмах имел какую-то чисто детскую невольную невольность на язык» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания, стр. 190).

На запрос по этому поводу С.-Петербургского цензурного комитета честь имею заявить, что о Налбандове мне известно следующее.

Он одно время помешал в армянском журнале «Северное сияние», издававшемся в Москве, статьи и стихотворения, снискавшие ему некоторую известность в армянской публике. Затем, уличенный в распространении в России заграничных русских изданий, он был посажен в крепость и по долгом в ней пребывании за болезнью отправлен оттуда в одну из внутренних губерний, где и умер.

Официальных сведений как о проступке его, так и о суде над ним, я не встречал.

В допущенном мною в календаре некрологе Налбандова ничего не говорится о его агитаторской деятельности.

К. Патканов.

1 ноября 1883»⁵⁰.

Ответ К. П. Патканова, очевидно, в какой-то степени удовлетворил цензурные органы и на этом дело было прекращено.

В 1906 году в Ростове-на-Дону был издан второй том сочинений Налбандяна на армянском языке. Через шесть лет, в апреле 1912 г., было возбуждено следствие, и в бумагах II отделения канцелярии Главного управления по делам печати сохранились материалы «о наложении ареста на армянскую брошюру Сочинения М. Налбандяна»⁵¹. На обороте титульного листа армянского издания стояла надпись: «Дозволено цензурою. С.-Петербург, 5-го ноября 1903 года». Следственными органами было обращено внимание на слишком большое несоответствие даты цензурного разрешения с годом выпуска книги. Но при проверке выяснилось, что действительно рукопись книги на армянском языке была дозволена к печати цензором Драгомирецким.

Особое внимание цензуры привлекла помещенная во втором томе армянского издания сочинений Налбандяна известная брошюра «Земледелие как верный путь», напеча-

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, № 4 (1883 г.), л. 125.

⁵¹ Там же, Дело II отделения канцелярии Главного управления по делам печати «О наложении ареста на армянскую брошюру Сочинения М. Налбандяна, т. II. Началось 21 апреля 1912 г. Решено 9-го декабря 1912 г.». Ф. 777, оп. 17, ед. хр. № 656.

танная в свое время за границей и в силу ее революционного характера запрещенная в России.

Так как сочинения Налбандяна были изданы на армянском языке, было предложено цензору Гр. Чарыхову предварительно строго пересмотреть все издания и представить подробную рецензию. Сохранилась в деле обширная записка Чарыхова, в которой цензор довольно точно излагал содержание работы Налбандяна «Земледелие как верный путь».

«Налбандян утверждает,—писал Чарыхов,—что никакие «свободы равенства» не могут обеспечить нации, если она на бумаге, все это лишь пустые звуки... Может ли человек быть свободен, если нищета заставляет его быть рабом другого, чтобы добывать себе пропитание?.. Какое может быть равенство, если у одного 100 000 кв. десятин земли, а у другого ни пяди... Земля—достояние нации, а потому ни правительство не имеет права ее продавать или раздавать, ни те (т. е. землевладельцы.—К. Г.)—приобретать, получать... Следовательно, продолжает автор, правительство—вор, а приобретший—его сообщник...

«Свободы, равенства и братства нет на земле, и о них остались лишь одни воспоминания на золотых монетах...»

После изложения содержания труда Налбандяна цензор Черыхов предлагал привлечь к судебной ответственности виновника напечатания сборника.

«На этом произведении Налбандяна,—писал в заключение цензор,—отразились влияния представителей экономических учений XIX века, философов-социалистов, с большей частью которых он поддерживал личное знакомство... Налбандян, как последователь Бакунина, Герцена и Чернышевского, с которыми находился в переписке, увлекался крайними взглядами Прудона... Ввиду крайних взглядов, высказываемых автором в вопросах: о собственности, землевладении и политике и вообще социалистического направления, в статье Налбандяна о «земледелии», местами доходящие до революционности, я полагал бы возбудить судебное следствие против виновных напечатания этого сборника»⁵².

После окончания предварительного следствия исполняющего должность начальника Главного управления по делам печати гр. Татищев в секретном донесении от 12 ноября 1912 года на имя товарища министра внутренних дел И. М.

⁵² Там же, лл. 7—10.

Золотарева писал, что инспектор В. Канский «6-го сего ноября наложил на означенное издание арест, возбудив, ввиду смерти автора книги и отсутствия обозначения на ней фамилии издателя, судебное преследование против содержателя типографии «Донская речь», и других лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу»⁵³.

Было предложено Виктилмаеру, владельцу типографии «Донская речь», где была напечатана книга Налбандяна, во что бы то ни стало найти рукопись, но он после семидневных поисков заявил, что «в кладовой типографии упомянутой рукописи не оказалось» и приводил в свое оправдание пожар в типографии в 1908 году, во время которого сгорел весь архив вместе с книгами⁵⁴.

Ростовский инспектор по делам печати В. Канский в донесении в Главное управление по делам печати от 2 октября 1912 г. повторял высказывания цензора Чарыхова о работе «Земледелие как верный путь». По поводу памфлета «Несколько строк» он писал о том, что автор его проявляет «социалистические тенденции», что он «свободу и права армян готов добывать с оружием в руках, обвиняет армянское духовенство в страшных грехах, громит его ретроградство и безразличие к судьбам народа», «превозносит свободу и оплакивает былую славу», и, наконец, «намечает план самоосвобождения народа»⁵⁵.

24 ноября 1912 года арест, наложенный на второй том сочинений Налбандяна, был отменен Новочеркасской судебной палатой⁵⁶.

⁵³ Там же, л. 21. 8 октября 1912 г. Канский сообщал в Главное управление по делам печати, что он «раздобыл экземпляр книги и приступил к переводу тех частей, в которых находятся места, подлежащие к инкриминированию» (л. 19). К делу приложен текст русского перевода брошюры Налбандяна «Земледелие как верный путь», лл. 24—51.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 17, ед. хр. № 556, л. 5.

⁵⁵ Там же, лл. 16, 17.

⁵⁶ Там же, л. 22. В Центральном Историческом архиве находится также «Дело III отделения канцелярии Главного управления по делам печати—О брошюре на армянском языке «Микаел Налбандян». Сочинения Тадеоса Авдалбекяна, изд. Хачатура Авдалбекяна, Тифлис. 1913. Нач. 17 апреля 1913 г. Решено 30 окт. 1916 г. Брошюра Авдалбекяна была издана в количестве 600 экземпляров, в которой излагались социально-политические взгляды Налбандяна. 6 апреля 1913 г. Тифлисский цензурный

Русское самодержавие видело в Налбандяне своего непримиримого врага, вот почему оно так жестоко расправилось с ним. Но не так легко было убить великое дело, за которое отдал жизнь один из лучших, благороднейших сынов армянского народа. Деятельность его дала свои плоды на последующих этапах народно-освободительного движения в Армении.

Аветик Исаакян в своей речи к восьмидесятилетию со дня смерти Налбандяна говорил: «Память о нем всегда будет жить в наших сердцах и воодушевлять грядущие поколения.

Налбандян появился как пророк, вооруженный факелом в одной руке и мечом в другой. В течение почти целого столетия он освещал наш путь, указывал нам путь развития, прогресса, призывал к борьбе с тиранией, с рабскими порядками и с рабским мышлением во имя родины во имя политической и экономической свободы армянского народа, во имя свободы и братства»⁵⁷.

Все надежды Налбандян возлагал на молодое поколение. Свою программную работу «Земледелие как верный путь» он посвятил армянской молодежи.

Налбандян верил в народ, в его неиссякаемую творческую энергию. Он знал, что это—великая движущая сила истории. Знал, что завтра придут его последователи, «готовые пожертвовать ради истины своей жизнью». Он верил, что придет «заря будущего», когда «на хмуром армянском горизонте» взойдет, наконец, «солнце просвещения», солнце свободы.

В 1954 году общественность нашей страны широко отметила 125-летие со дня рождения Налбандяна. К знаменательной дате прислал свои теплые слова и Михаил Шолохов. Он писал: «Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна... Армянин по национальности, он был моим земляком, и в день 125-летия со дня его рождения я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

комитет в донесении на имя Тифлисской судебной палаты предлагал «наложить арест на все издание, уничтожить его и привлечь автора к уголовной ответственности» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, ед. хр. № 90).

⁵⁷ Аветик Исаакян. Избранные произведения. Авторизованные переводы с армянского. М., Гослитиздат, 1952, стр. 334.

«Свобода!»—восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнь, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»
(Перевод В. Звягинцевой)

В 1840—1860-е годы, а затем в последующие десятилетия, когда армянская литература вступила в новую фазу своего развития, когда складывался язык литературы, русская культура, богатейший опыт русских писателей служили важнейшим стимулом общего процесса культурного возрождения армянского народа. Особо значительным был вклад русской революционно-демократической литературы в воспитании целой плеяды армянских писателей и общественных деятелей.

У. БЕЛИНСКИЙ В АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 1859 году, когда увидел свет первый том первого полного собрания сочинений В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбов напечатал в «Современнике» восторженную рецензию, в которой писал: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением. До сих пор его влияние ясно чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного, благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан, непосредственно или посредством, Белинскому...»¹.

Многим Белинскому обязана и армянская литература. Наше представление об армянском литературном движении 30—40-х годов и связях этого движения с русской литературой за последние годы обогатилось благодаря новым исследованиям. Выявленные факты дают основание предполагать, что некоторые из армянских студентов могли непо-

¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, М.—Л., Гослитиздат, 1962, т. IV, стр. 471.

средственно общаться с молодым Белинским. Так, например, в Московском университете учился Сергей Аветович Тигранов, который одновременно с Белинским в 1828 году поступил на словесное отделение². В 1832—1835 году Тигранов был преподавателем в Лазаревском институте. В начале 30-х годов он написал и опубликовал на армянском языке обширную статью «Об истории и теории драмы», явившуюся обстоятельным вступлением к армянскому изданию трагедии Расина «Гофолия».

Статья Тигранова была первым армянским театроведческим исследованием, в котором молодой автор (тогда ему было 20—22 года) дал обзор исторического развития драмы с древнейших времен до начала XIX века (Эсхил, Софокл, Эврипид, Аристофан, Шекспир, Лопе де Вега, Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Лессинг, Гете, Шиллер). Тигранов говорит также о развитии русской драматургии, останавливаясь на характеристике Тредиаковского, Ломоносова, Княжнина, Хераскова, Майкова, Сумарокова и завершает свой обзор Озеровым.

На забытое имя Тигранова, как одного из интереснейших деятелей армянского литературного движения 30-х годов, впервые обратил внимание А. Аршаруни в рецензии на книгу Р. Оганнисяна, дополнив ее новыми фактическими сведениями и высказав ряд интересных предположений³. Р. В. Зарьян дал обстоятельный анализ статьи «Об истории и теории драмы», суммировав все известные сведения об авторе, и пришел к выводу, что Тигранов в своей статье развивал те же идеи, что и молодой Белинский в «Литературных мечтаниях»⁴. Статья Тигранова была написана в 1832 году, а увидела свет через два года, то есть одновременно с пер-

² Имя Сергея Тигранова числится в списке своекоштных студентов и слушателей Имп. Московского университета словесного отделения 1832 г. См. в приложениях к статье М. Полякова «Студенческие годы Белинского». «Литературное наследство», № 56.

³ А. Аршаруни. Русская литература в оценке армянской общественной мысли. «Дружба народов», 1950, № 4, стр. 203—207. О С. Тигранове см. подробнее: А. Аршаруни. Московский университет и армянская передовая интеллигенция (на арм. яз.). Ереван, Айпетрат, 1955, стр. 30—42.

⁴ Р. Зарьян. Борьба за русскую драматургию в армянском театре (на арм. яз.). Ереван, Айпетрат, 1955, стр. 57—74.

вым значительным литературным выступлением Белинского.

Таким образом, уже в 30-е годы наметились определенные точки соприкосновения между возрождавшейся армянской литературой и русским литературным движением.

Воздействие идей Белинского на процесс развития новой армянской литературы усиливается и становится особенно ощутимым в 50—60-е годы.

Еще в молодости Налбандян знакомится с сочинениями Белинского⁵, которые помогают ему выработать свои литературно-критические принципы, способствуя формированию его революционного мировоззрения.

В эту эпоху для армянской передовой журналистики особую остроту приобретает вопрос о жанрах литературно-критических статей и рецензий. Она, естественно, должна была обратиться к богатейшему опыту русской литературы, к статьям Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Щедрин в характеристике русской журналистики 40-х годов, подразумевая прежде всего выступления Белинского, писал: «Тогдашние рецензии были своего рода руководящие статьи, имевшие предметом не столько разбираемую книгу, сколько высказ по ее поводу совершенно самостоятельных мыслей... в них всегда что-нибудь «проводилось»⁶. Блестящими образцами подобного рода литературно-критических выступлений в условиях 60-х годов явились статьи и рецензии Чернышевского и Добролюбова.

Налбандян перенял и развил замечательные традиции, созданные русской революционно-демократической журналистикой. Его обширная статья о романе П. Прошяна «Сос и Вартитер» — не обычная рецензия и по своей природе близка к тому своеобразному критическому жанру, создателем которого был Белинский. Хотя она и была написана в условиях тюремного режима, в Петропавловской крепости, тем не менее автор использовал все возможности, чтобы высказать свои общественные убеждения, свои идеалы.

В статье Налбандяна затрагиваются существенные стороны народного быта, патриархальные нравы старой армянской деревни. В ней читатель находит массу сведений, касающихся истории, экономики, этнографии, естественных наук.

⁵ Л. Манвелян. История армянской литературы (на арм. яз.), изд. 2-е, Тифлис, 1913, стр. 28.

⁶ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIII, Л., Гослитиздат, 1936, стр. 397.

Она показывает широкую образованность автора, его богатую эрудицию.

Литературно-эстетические взгляды Налбандяна определялись его революционно-демократическим мировоззрением, его материализмом, его горячим сочувствием и любовью к народу, глубоким пониманием его действительных нужд и интересов. Он так же, как и русские революционные демократы, рассматривал явления литературы с точки зрения их значения в общественной борьбе, в деле пробуждения и развития народного самосознания.

Литература, по мысли Налбандяна, должна служить выражением народной жизни, народных идеалов. Она является незаменимым источником для изучения народного быта. «В оригинальной национальной литературе,—пишет Налбандян,—то есть в ее художественных произведениях, отражаются дух, быт и нравы народа и столько тонких и глубоких явлений, что история для изображения их немощна и нуждается в помощи поэзии».

Исторический взгляд у Налбандяна сочетался с глубоким чувством современности. В анализе литературного явления для него было важно выяснить, какое же оно имеет значение для современности, для насущных задач борьбы передовых сил общества. Не случайно предметом своей критической статьи Налбандян избрал роман Прошяна. Не только потому, что он был опубликован недавно и пользовался большим успехом у читателей, но и потому, что он позволил автору затронуть ряд глубоко волновавших его вопросов.

«Сос и Вартитер» после романа Абовяна «Раны Армении» был вторым значительным произведением новой национальной армянской прозы. Автор, следуя за Абовяном, дал широкую картину народной жизни.

Приступая к анализу «Сос и Вартитер», Налбандян видел свою задачу, как можно судить об этом по содержанию и характеру его статьи, в выяснении вопросов, стоявших в центре внимания и русской революционно-демократической критики. Они сводились к следующим основным моментам: а) степень полноты и глубины жизненной правды, нашедшей отражение в литературном произведении; б) в какой степени важны занимавшие автора факты и явления и в) в какой мере автор проникает в их сущность.

Исходя из этих основных задач, Налбандян приступает к подробному анализу романа Прошяна. Он рассматривает

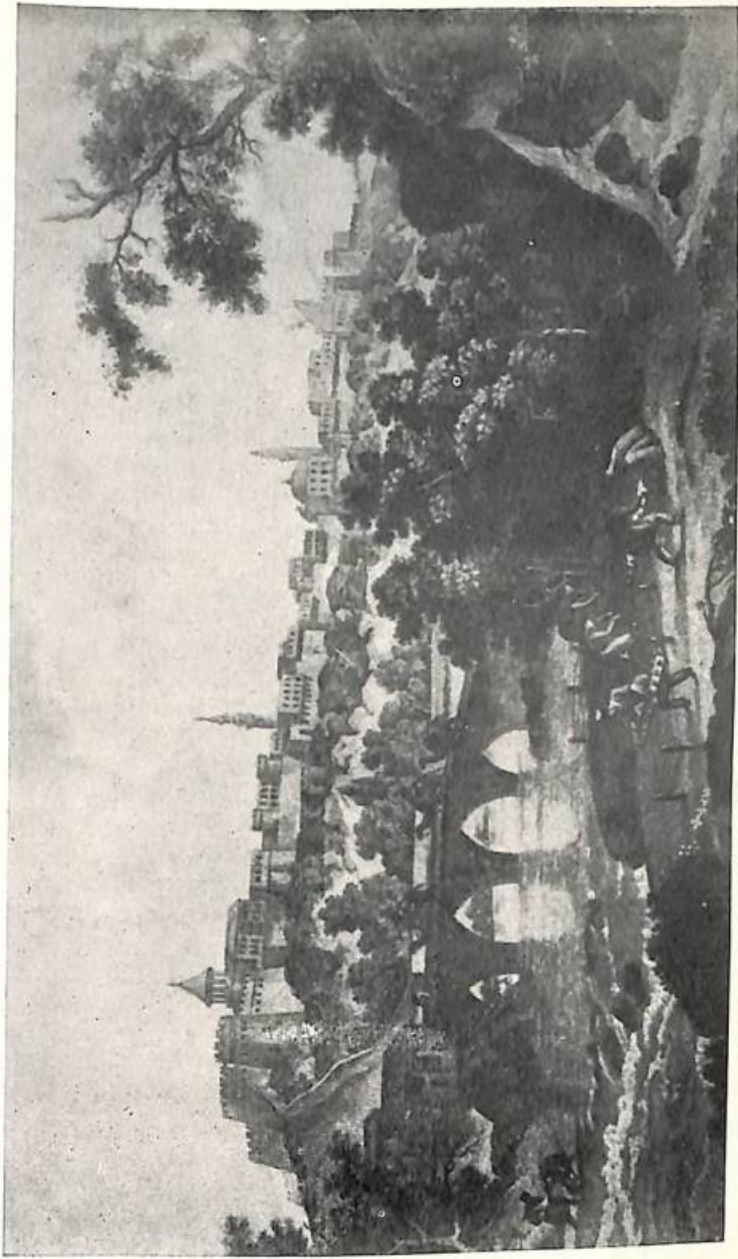

Рис. 9. Вид города Еревана. Гравюра Петрова по рис. Г. С. Сергеева. 1796.

«Сос и Вартитер» не как любовный роман, а как про изведение, глубоко отражающее народную жизнь. Трагедия любви является как бы стержневой линией сюжета, связывающим элементом повествования. В центре же внимания автора — народная жизнь в ее различных проявлениях. Пытаясь определить жанр романа «Сос и Вартитер», Налбандян сравнивает его с пейзажем, где художника должны занимать не детали, не частности, а общее, целое. В романе Прошяна он видит описание армянской деревни как единого общественного организма, где «естественно и непринужденно выступает жизнь общества, его духовные силы, его нравственные и общественные понятия».

Налбандян приветствует обращение автора к национальным преданиям и армянским народным песням. Однако он считает нужным разъяснить, что не следует слепо преклоняться перед всем тем, что по традиции поется и рассказывается в народе. Старинные предания, по мнению критика, заслуживают внимания и следует их «вытащить из-под спуда и вековой пыли» тогда, когда они, выражая «дух всей нации», продолжают жить и развиваться в сознании народа.

В критическом разборе романа «Сос и Вартитер» сказано правильное понимание Налбандяном и национального вопроса при изучении историко-культурных проблем. «Тот, кто отличает нации по их религиям, — писал он, — не сумеет ответить на вопрос или объяснить естественную и психологическую причину того, что тюрк (азербайджанец) получает наслаждение от жалобных и унылых песен армянина, так же, как и армянин от песен тюрка, но оба они безразличны к симфонии Бетховена, для них обоих Дон Жуан Моцарта является «гласом вопиющего в пустыне». Оба в тысячу раз предпочитают спеть «Жаль тебя, бедный армянский народ» или «Крунк»⁷ и песни Кероглы, Кярама и Ашуга Кариба. Вопрос не в том, что лучше, что хуже. Вопрос в наличии подобного явления. Но если такой человек обратит внимание на природу, одинаковое развитие обеих наций, судьбу

⁷ «Крунк—журавль» — название популярной армянской народной песни.

⁸ «Кёр-Оглы», «Кярам» (вернее «Асли и Кярам». — К. Г.) и «Ашуг-Кариб» — названия широко распространенных на Кавказе народных музыкальных драм.

обеих, полную угнетения и эксплуатации, тогда для него станет очевидным, что армяне и турки (азербайджанцы), будучи связаны одинаковыми узами, несомненно, недалеко ушли друг от друга по своей психологии. Пусть говорят, что хотят, но душа человека отражает внешнюю природу»⁹.

Здесь слова Налбандяна о Бетховене и Моцарте не следует понимать в смысле противопоставления европейской музыкальной культуры народным мелодиям Востока, а в смысле наличия социально-психологической общей основы, обуславливающей сходность восприятия разных народов. Когда Налбандян говорит об общей исторической судьбе «полной угнетения и эксплуатации», он разумеется, имеет в виду трудовые массы. Глубокий материалистический смысл заключается в словах Налбандяна о том, что «душа» человека отражает «внешнюю природу». Разгадку сложных психологических явлений он искал в «внешней природе», т. е. в самой жизни.

Налбандян горячо и беззаветно любил свою родину, свой народ. В то же время было чуждо ему то, что называл Добролюбов «неразумной любовью к себе и к своему». Его патриотизм был «проявлением любви человека к человечеству» и «не уживался с неприязнью к отдельным народам».

Неоспоримыми достоинствами романа Налбандян считал «неприкрашенные, совершенно естественные» картины народного быта, «простые, в то же время великолепные описания природы». Под их непосредственным впечатлением язык Налбандяна приобретает черты поэтической речи, характерные также для литературно-критических статей Белинского. Подчеркивая естественность повествования, восхищаясь искренностью чувства и красотой живописных картин, Налбандян писал о «превосходном произведении» Прошяна: «Своей простотой оно напоминает те чудесные природные источники, воды которых без помощи человеческих рук, без мраморных фонтанов, без римского водопровода бегут по склонам горы и, встречая на своем пути каждую травку, каждый лист, венчают их бриллиантовыми каплями; не замыкаясь ни в какие границы, они текут туда, куда

⁹ М. Налбандян, Избр. произведения, стр. 547, 548.

тянет их закон природы, для того чтобы разлить повсюду свежесть, прохладу и плодородие»¹⁰.

Отметив достоинства романа Прошьяна, автор статьи не закрывает глаза и на его слабые стороны, ему существенные недостатки. Два важных момента усматривает Налбандян в творческом процессе. В первом случае, когда художник непосредственно обращается к волнующим его фактам действительности, добросовестно и с любовью их описывает. В этой части автор романа «Сос и Вартитер» удовлетворял требования критика. По его мнению, Прошьян, безусловно, обладает и нужной наблюдательностью, и глубоким знанием описываемых жизненных явлений. Но, кроме этих непосредственных описаний, автору ведь часто приходится обращаться к предметам, к сложным ситуациям, когда писатель должен силой воображения, силой психологической правды создавать, творить так, чтобы читатель верил ему, не сомневался, что все это происходило именно так, а не иначе. В этом отношении многие страницы Прошьяна казались Налбандяну наивными, неестественными, неправдоподобными.

Сила и своеобразие статей и рецензий Белинского заключаются в гармоничном сочетании анализа содержания произведения с анализом формы, социальной критики с эстетической. Белинский всегда стремится проникать в лабораторию писателя, раскрыть «тайну его индивидуальности», осветить сложные моменты творческого процесса.

Налбандян также не ограничивается социальной критикой. Суждения его охватывают не только вопросы, касающиеся содержания описываемых Прошьяном народных характеров «обладающих поразительной реальностью», Налбандян в то же время отмечает, что автор иногда ставит главных действующих лиц в ложное положение. Это относится прежде всего к образу Вартитер. Налбандян не считает правдоподобными переживания одиннадцатилетней героини: «Все действия Вартитер, душевные переживания, страсть и любовь, сознательное самопожертвование, разумные суждения, а порой и женское лукавство—все это находится в поразительном противоречии с ее возрастом»¹¹. Неестественными представляются Налбандяну и те резкие, внезапные перемены, которые происходят в поведении других лиц.

¹⁰ Там же, стр. 486.

¹¹ Там же, стр. 488.

Автор описывает действие героев и ничего не говорит о причинах, побудивших действовать именно так, а не иначе. Так, например, совершенно непонятно читателю, почему Аршавир, который ранее клялся в верности и дружбе Сосу, вдруг становится коварным и вероломным.

Все эти неоправданные психологические моменты в поведении героев романа, очевидно, были вызваны желанием автора осложнить сюжет, внести в произведение больше элементов драматизма. В этой связи Налбандян отмечает некоторую наивность и бедность приемов в обрисовке отдельных характеров. Наиболее сложной творческой задачей в создании романа, отражающего множество различных фактов и явлений действительности, становится проблема композиционной цельности, единства и неразрывности художественных элементов. «...Именно здесь должны быть сведены концы всех нитей романа,— писал Налбандян о завязке.— с большой естественностью соединены, собраны и сосредоточены, как лучи солнца, проходящие через увеличительное стекло, чтобы сразу все засветилось».

Композиционная нечеткость романа Прошяна вызвана недостаточной целеустремленностью автора. Порою не ощущается его ясно осознанное отношение к описываемым явлениям. В идейном построении «Сос и Вартитер» наиболее слабые стороны, по мнению Налбандяна, вытекают из того, что автор активно не борется с царящими в армянской деревне темнотой и невежеством. Более того, он как бы оправдывает отсталость крестьянской массы. Фатализму,— пишет Налбандян,—отводится широкий простор: «Одинаковый жребий выходит Сосу и Вартитер, которым не было суждено исполнение их желаний. Конечно, можно сказать, что это случайность; мы согласились бы с этим, если бы автор этим жребием не предугадал готовящуюся разразиться над их головами бурю». Автор этим как бы predetermined трагическую развязку любовной драмы. Налбандян прекрасно понимал, что Прошян, как бытописатель своей страны, желая не изменять жизненной правде, мог показать и картины, где проявилась живучесть и устойчивость таких отсталых явлений, как суеверие, предрассудки. Они были типичными в жизни армянской деревни. Но все дело в том, что автор сам оказался в плену этих предрассудков, когда он, как бы обращаясь к изнывающему в страданиях Сосу, мечтающему о счастье с любимой Вартитер, говорит: «...Бед-

ный парень, зря изводишь себя, думай, о чем хочешь, но только не об этом, бог создал ее не для тебя... свершится то, чему суждено, предопределение ничем не стереть; даже сто лет тому назад умерший может ожить, все может превратиться в развалины, но книга судеб останется неизменной...».

В этих словах нашли отражение широко бытующие в патриархальной армянской деревне веками укоренившиеся в народном сознании отсталые предрассудки, вера в судьбу, вера в существование злых духов, в темные силы, которым приписывалась власть над всеми людскими делами. Суеверие и предрассудки «действуют на бедный и наивный народ,—говорит Налбандян,—как гашиш на организм». Все это затхлое, отжившее, по мнению Налбандяна, тянет общество назад, является серьезным препятствием на пути просвещения. Писатель не должен защищать эти остатки фаталистического мирозерцания темной крестьянской массы. Он не должен давать место выражениям, которые «льют воду на тернии и шипы темных времен, выросшие на почве невежества».

Для Налбандяна литература—очаг культуры, источник света и знаний. Ее высшее назначение—служение народному идеалу. Вслед за русскими революционными демократами Налбандян подчеркивал активную функцию литературы, ее общественно-воспитательное значение. Она призвана воспитать народ в духе непримиримости к своему угнетенному состоянию, пробуждая в нем, по выражению Добролюбова, «сознание своего человеческого права на жизнь и счастье». Она должна вызвать к жизни те неисчерпаемые великие творческие силы, которые таятся в народе. Она должна помочь народу сбросить с себя груз средневекового мрака, «ржавчину» веков. Писатель обязан распространять в обществе здоровые и правильные понятия, передовые идеи, объявляя беспощадную борьбу отсталости, невежеству, суевериям, религиозным предрассудкам. «Объяснять чудесное законами природы,—писал Налбандян,—рассеивать средневековый туман, открывать народу глаза, внушить ему больше веры в себя, в свое человеческое достоинство, в свою жизнедеятельность—вот в чем вопрос»¹².

В последующих произведениях Прошяна нашли отраже-

¹² Там же, стр. 496.

ние стихийный ропот крестьянства, растущее чувство протеста. В романе же «Сос и Вартитер» слабо были показаны социальные противоречия. Пользуясь случаем, когда один из героев романа, нищий крестьянин Вайкун, ночью в одиночестве горько жалуется на свою судьбу за то, что у него, «у бедного человека, взяли больше того, что следует», и что «хозяева» деревни «сами едят, разоряют бедняков», Налбандян спешит прибавить: «Грустно делается, как вспомнишь, что угнетенный земледелец или крестьянин вынужден молчать и протестовать против своих угнетателей только в ночные часы, в одиночестве, когда никто не слышит его протеста...»¹³. Налбандян готов приветствовать в романе малейшие проявления критического отношения к действительности. Он отмечает как явление положительное слабо очерченный автором образ Аршама, как «представителя нового времени», в котором критик видит «животворное влияние скептицизма»¹⁴. Однако Налбандян не скрывает своего огорчения по поводу того, что здоровое, критическое начало слабо проявлялось в романе Прошяна.

В разборе «Сос и Вартитер» Налбандян упоминает «Мертвые души» Гоголя¹⁵. Он мечтал о появлении «армянского Гоголя», который с такой глубиной и силой мог бы вскрыть темные стороны и пороки современного ему армянского общества, который с такой же беспощадностью бичевал бы все низкое, пошлое, уродливое, выражая «живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей» (Добролюбов).

Налбандян был соратником и союзником русских революционных демократов и в литературной борьбе. Он положил начало армянской литературной критике, создал основу для победы творческих принципов реализма и народности.

В конце 1850-х—начале 1860-х годов, в атмосфере общего подъема общественного движения в России, в армянской литературе возникает новое реалистическое течение. К этому времени относится начальный период формирования армянской реалистической драматургии. В статьях А. Инд-

¹³ Там же, стр. 538.

¹⁴ Там же, стр. 540.

¹⁵ Там же, стр. 484.

жикяна¹⁶ и В. Терзибашяна¹⁷ рассматривается вопрос о значении Белинского в становлении реализма в армянской драматургии. Зачинателем пропаганды новых принципов в развитии армянского театра и драматургии явился Налбандян, который в 1859 г. выступил с критикой устарелых, обветшалых норм старого театра, с его псевдоклассицизмом, ложным пафосом, романтизацией исторического прошлого. Налбандян взял под защиту первые шаги армянского реалистического театра. По примеру московских студентов в Тифлисе группа любителей сцены во главе с молодым драматургом Микаэлом Патканяном борется за реалистическую драматургию. Сознательно следуя заветам Белинского, М. Патканян популяризирует взгляды русского критика на театр и драматургию. В конце 1859—начале 1860 года в Тифлисе любительской труппой была осуществлена постановка комедий М. Патканяна, в связи с чем на страницах газеты «Мегу Айастан» («Пчела Армении») разгорелась ожесточенная полемика между автором комедии М. Патканяном и его критиком Акопом Кареняном. Ответы М. Патканяна показывают, что он был прекрасно знаком с содержанием только что вышедшего тогда первого тома полного собрания сочинений Белинского. Защищая свои реалистические позиции, молодой автор опирался на эстетический авторитет Белинского. В своем ответе критику М. Патканян излагал мысли Белинского о значении драматургии и театра из статей «Литературные мечтания» и «Мое мнение об игре г. Каратыгина», приводит цитаты о высоком назначении критики из статьи «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя», передает в вольном изложении содержание «Журнальной заметки»¹⁸.

Таким образом, первые ссылки (в армянской печати) на Белинского относятся к началу 1860-х годов. При этом не следует забывать, что после революционных событий

¹⁶ А. Инджикян. Белинский в армянской литературе (на арм. яз.). «Советакан граканутион ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1948, № 6, стр. 113—125.

¹⁷ В. Терзибашян. В. Г. Белинский и армянский театральный реализм 60-х годов (на арм. яз.). Там же, стр. 126—137.

¹⁸ Все эти статьи были помещены в первых двух томах Полн. собр. соч. Белинского: т. I, М., 1859, стр. 5—132, 488—504, 505—518; т. II, стр. 17—154.

1848 года в России наступила новая полоса реакции, не только были запрещены сочинения Белинского, но имя его нельзя было упоминать в печати. Н. Г. Чернышевский вынужден был в первых трех «Очерках гоголевского периода развития русской литературы» зашифровать имя Белинского.

Первый армянский перевод из сочинений Белинского появился в 1861 году на страницах издававшегося в Тифлисе журнала «Крунк айоц ашхари» («Журавль мира армян») в виде двух отрывков напечатанной в 1841 г. статьи «Стихотворения М. Лермонтова»¹⁹. В марте 1862 года в этом же журнале был опубликован перевод отрывка из рецензии Белинского «Горе от ума. Сочинение А. С. Грибоедова»²⁰.

«Крунк айоц ашхари» был консервативным органом и появление Белинского на его страницах могло быть случайностью. Здесь, по-видимому, сыграл роль сам переводчик Барсег Атаманян, о котором, к сожалению, сохранилось мало сведений. Помещенные в журнале переводные отрывки были взяты не из одной, а из двух разных рецензий Белинского. Это дает право думать, что переводчик руководствовался определенной целью, что выбор его не являлся случайным. Как можно судить из характера этих отрывков, Атаманян поставил перед собой задачу ознакомить армянского читателя преимущественно с эстетическими воззрениями Белинского. Все три отрывка, объединенные общим заглавием «О поэзии», относятся к теоретическим высказываниям критика²¹.

Теоретические положения Белинского, его высказывания

¹⁹ «Крунк айоц ашхари», Тифлис, 1861, ноябрь, стр. 819—830; 1861, декабрь, стр. 921—926.

²⁰ Там же, 1862, март, стр. 192—199. Отрывок этот ошибочно считался продолжением первых двух отрывков из рецензии на стихотворение Лермонтова (см. *Русет Оганнисян*. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью, Ереван, Айпетрат, 1952, стр. 241; *А. Инджикян*. Указ. соч., стр. 115).

²¹ Б. Атаманян не точно воспроизводит тексты Белинского. Некоторые места он дает в вольном изложении, сокращает стихотворные цитаты и вообще иллюстрации к теоретическим суждениям, оставляя лишь общие выводы.

в области эстетики были настоящим откровением для молодой армянской критической мысли.

В 80—90-е годы, в период бурного роста новой армянской литературы, ощущается необходимость возвращения к Белинскому.

В 1883 году Ованес Назарян издал в Тифлисе «Избранные отрывки (на арм. яз.)—хрестоматию для армянских школ»²². В ней была представлена, кроме армянской, западноевропейская и русская литература. Наряду с армянскими авторами, в хрестоматию вошли отрывки из произведений Шекспира, Гете, Шиллера, Лессинга, Мольера, Кальдерона, Гюго, Ламартина, Золя, Петефи и др. Из русских писателей: Ломоносов, Крылов, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, С. Аксаков, Григорович. «Избранные отрывки» О. Назаряна выдержали несколько изданий и были одной из распространенных и любимых книг армянского юношества. О. Назарян, кроме «Армянской лиры» Мнансаряна (1868), использовал опыт подобного типа французских²³ и русских изданий. В частности, он заимствовал много отрывков из хрестоматии Галахова²⁴.

Во втором издании хрестоматии О. Назаряна был помещен отрывок «О поэзии»—из статьи Белинского о стихотворениях Лермонтова. Этот же отрывок в свое время был напечатан в журнале «Крунк айоц ашхари».

Однако мысли Белинского навряд ли могли тогда получить широкое звучание, так как «Крунком» пользовался сравнительно ограниченный круг читателей. Теперь, спустя двадцать восемь лет, Назарян вновь обращается к статье Белинского, выбирает отрывок о поэзии, вновь переводит

В конце третьего отрывка переводчиком указано, что «продолжение будет». Однако третий отрывок был последним в журнале. По неизвестным причинам редакция прекратила печатание в журнале переводов из Белинского.

²² Она так же, как и «Русская хрестоматия» А. Д. Галахова (1881), состоит из двух частей: I. Проза, II Поэзия.

²³ Назарян ссылается на „*Nowelles Lecons de litterature francais* S. Tricot.

²⁴ «Русская хрестоматия». Составил А. Галахов, изд. 18-е без перемен, в двух томах, СПб., 1881.

его и помещает в свою хрестоматию, сделав его достоянием юных армянских читателей²⁵.

Белинский свою эстетическую теорию строил не на основе мертвых, отвлеченных суждений, а на непосредственном поэтическом восприятии явлений литературы и искусства, с проникновенным пониманием их сущности. Это придает его статьям особую силу воздействия. Они пробуждают в читателе интерес к литературе, развивают в нем эстетический вкус, заставляют полюбить поэзию, наконец понять, какое важное место занимает поэзия, в самом широком смысле этого слова, в жизни человека.

Все это особенно существенно, когда речь идет о нравственном воспитании молодого поколения. А ведь «Избранные отрывки» Назаряна были адресованы прежде всего армянскому юношеству. Однако в 80-е годы не одними юными читателями ограничивалась сфера влияния Белинского. Он оказал самое прямое и непосредственное воздействие и на развитие армянской литературы. Это влияние стало особенно ощутимым именно в 80—90-е годы, когда на литературную арену вступила целая плеяда поэтов и прозаиков, творчество которых окончательно укрепило в армянской литературе позиции реализма и народности.

В начале 1881 года на страницах газеты «Мегу Айастанни» («Пчела Армении») была напечатана критическая статья под псевдонимом Айкуни²⁶ по поводу романа Раффи «Хент». В этом романе автор выступает сторонником русской ориентации, защитником демократических традиций, непримиримым врагом церковников. И не удивительно, что критик из реакционно-клерикальных кругов с гневом обрушился на армянского писателя²⁷. Айкуни с еще большим ожесточением выступил против Раффи, когда появился его роман «Кайцер» («Искры»)²⁸. Спустя некоторое время на страницах газеты

²⁵ См. «Избранные отрывки» (хрестоматия для армянских школ), ч. I, изд. 2-е, Тифлис, 1889, стр. 322—332. Этот же отрывок напечатан в третьем издании (Тифлис, 1892, стр. 356, 371). В конце текста приводятся краткие биографические сведения о Белинском (стр. 371).

²⁶ Под этим псевдонимом писал О. Гегамян (впоследствии священник).

²⁷ «Мегу Айастанни», 1881, № 183.

²⁸ Там же, №№ 31, 37, 39.

«Мшак» («Труженник») в ряде номеров был напечатан подробный ответ Раффи²⁹. После этого снова выступил Айкуни с новыми претензиями³⁰. Так завязалась ожесточенная полемика, которая продолжалась почти целый год.

Социальная подоплека этой полемики с достаточной полнотой вскрыта в статье Арташеса Кариняна³¹. Он показал противоположность взглядов и общественных позиций Раффи и его критика.

Айкуни в критике Раффи перекликался с реакционной русской журналистикой. Он пытался искусственно сблизить Раффи с Чернышевским, чтобы привлечь внимание царских властей на «крамольную» деятельность армянского романиста. Айкуни, намекая на трагическую судьбу Чернышевского, с нескрываемым восторгом цитировал статью В. П. Буренина, в которой автор обливал грязью русских революционных демократов.

Таково было политическое содержание этой полемики. Не менее важна ее литературная сторона. Раффи, защищаясь от своего назойливого, невежественного критика, обращается к авторитету Белинского. В своем ответе армянский романист писал: «В заключение считаю нужным заявить, что в общих суждениях в некоторых местах я следовал взглядам Белинского»³². Раффи сознательно шел за Белинским. Целиком солидаризируясь с его мыслями о высоком назначении критики, он писал: «Для того чтобы быть хорошим критиком, нужно обладать особым талантом. У просвещенных народов часто бывают сотни писателей, но один или два хороших критика. В русской литературе, которая нам более знакома, до сегодняшнего дня, как критики, известны лишь две личности: Белинский и Добролюбов, но поэтов и писателей сравнительно больше имели русские. По этой причине было бы совершенно ошибочно думать, что писать критику дело каждого более или менее развитого человека. Наряду с талантом у критика должны быть соединены такие способности, такие условия, которые не каждому человеку даны. Помимо того, что критик должен обладать

²⁹ «Мшак», 1883, № 141—146, 148—150.

³⁰ «Мегу Айастан», 1883, № 104—109, 112, 113, 115, 117.

³¹ Арт. Каринян. Раффи и его реакционный критик (на арм. яз.). «Известия АН Арм. ССР», 1954, № 6, стр. 39—50.

³² «Мшак», 1883, № 150, стр. 2.

достаточными разносторонними навыками, он должен иметь и такие умственные, душевные качества, которые дарует человеку сама природа и которые невозможно приобрести посредством книг или знаний. Он должен обладать глубоким и благородным чувством, которое должно быть источником его беспристрастия, которое не позволит критику стать жертвой страстей. Он должен иметь благовоспитанный, развитый вкус для понимания, для познания прекрасного. В нем должна быть пламенная любовь к творческому труду (к искусству) и он нисколько не должен предвзято относиться к книге, которую избрал предметом критики. И, самое главное, он должен обладать наблюдательностью, верностью и широтой взглядов, чтобы всесторонне изучать предмет суждения, чтобы его замечания не оказались узкими и односторонними. Обязанность, которую критик берет на себя,— обязанность высокая и тяжелая. Ни от кого не требуется столько любви к правде, к справедливости как от критика. Его роль—роль судьи...»³³. Этот отрывок не является переводом, Раффи лишь излагает мысли Белинского, дает свое толкование, свое понимание высокой роли критика, общественного значения его деятельности³⁴.

Особо важное значение приобретает критика в те ответственные периоды, когда литература переживает процесс бурного роста, когда в атмосфере ожесточенной борьбы нарождается новое. Такой процесс переживала армянская литература в 80—90-х годах прошлого столетия.

Армянским писателям нередко приходилось брать на себя и роль критика. Они вынуждены были выступать в печати с защитой своих творческих принципов, разъяснением идейного содержания произведения.

Спустя почти два десятилетия в аналогичное с Раффи положение попал один из виднейших представителей армянской реалистической прозы Мурацан. В 1901 году в издававшемся А. Тарханяном в Тифлисе журнале «Татрон» («Тетратр») он напечатал свою историческую драму «Рузан»³⁵. Poleмика, которая возникла вокруг этой драмы между либеральным публицистом и литератором Лео и Мурацаном, расширила представления армянского читателя о критической

³³ Там же, 1883, № 141, стр. 1.

³⁴ Ср. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 123, 124.

³⁵ «Татрон», 1901, № 1, стр. 3—62.

деятельности Белинского. Основой для полемики послужило обвинение, выдвинутое критиком против армянского романиста и заключающееся в том, что якобы автор драмы «Рузан» недостаточно осведомлен в исторической эпохе и что он искажил историческую правду. Для Мурацана, стоявшего на последовательно-реалистических позициях, это обвинение было весьма серьезным, и он вынужден был выступить в защиту своих творческих принципов. Основная мысль Мурацана заключалась в том, что автор исторической драмы, оставаясь верным духу времени, правдивым в отношении описываемых событий, в то же время должен быть не рабом истории, пассивным описателем, а свободным творцом—художником. При этом Мурацан, для подтверждения верности своих мыслей, обращается к авторитету Белинского: «Говоря о критике Шевырева по поводу одной из исторических драм Кукольника³⁶, напечатанной в «Московском наблюдателе», и приводя следующие слова Шевырева: «Кажется, история сама чертит путь драматике, сама дает главные события и характеры, сама располагает действия»,—Белинский восклицает: «Что это такое? Не обманывают ли меня глаза?... Как! так сама история дает художнику план драматического создания, а ему, художнику, остается только «не искажать ее, быть верным ей, отгадывать кое-что, утаенное временем и летописью?»... Как? Так, стало быть, я пишу историческую драму, он пишет, вы пишете, они³⁷ пишут—и все мы, как ни много нас, напишем поневоле одно и то же? Где же свобода художника? Что же его вдохновение, его творчество?.. Признаюсь, чудный рецепт писать драмы! Удивляюсь, как после этой статьи г. Шевырева не явилось несколько дюжины исторических драм!...»³⁸. «Затем,—продолжает Мурацан,—издеваясь над длинными возражениями критика (Шевырева) по этому поводу, Белинский прибавляет: «Мы со своей стороны всегда думали, что поэт не может и не должен быть рабом истории³⁹, так же как

³⁶ Речь идет о драме Кукольника «Князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйский».

³⁷ Подчеркнуто Белинским.

³⁸ О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, стр. 131—132).

³⁹ Подчеркнуто Мурацаном.

он не может и не должен быть рабом действительной жизни⁴⁰, потому что в том и другом случае он был бы *списчиком, копистом, а не творцом*⁴¹. Далее Мурацан продолжает цитировать из статьи Белинского, где русский критик подробно излагает свои суждения об исторической драме, говорит о задачах исторического романиста, драматурга. Мысли Белинского подкрепляют выдвинутое в начале ответа Мурацана положение о том, что исторический писатель должен обладать прежде всего «поэтическим вдохновением, яркой фантазией, творческой силой и вместе с тем способностью проникать в глубину человеческой души». Мурацан обвиняет своего критика в том, что он выдвигает по отношению к художественному произведению, к исторической драме требования, которые было бы уместно предъявлять к историческому сочинению. «Я не писал историю,—говорит Мурацан,—а драму, которая, конечно, не история, а художественное произведение»⁴².

В 1898 году вся передовая общественность России отмечала пятидесятую годовщину со дня смерти Белинского. Откликнулась на эту дату и армянская печать. Либеральная журналистика ограничилась большей частью краткими биографическими сведениями и обзорами основных литературно-критических работ Белинского, предавая забвению значение деятельности великого русского мыслителя в пробуждении народного самосознания и его влияние на революционно-освободительное движение.

Исключение составляет статья «Белинский» в газете «Нор-Дар» («Новый век»), подписанная псевдонимом «Гош». Больше половины статьи было посвящено характеристике драмы Белинского «Дмитрий Калинин», как произведения, пропитанного антикрепостническим духом⁴³.

Обширная статья была помещена в журнале «Мурч» («Молот»)⁴⁴. Она была написана, как об этом указано в примечаниях, на основе русских источников: сочинений Белин-

⁴⁰ Фраза «так же как он не может и не должен быть рабом действительной жизни» пропущена Мурацаном, по-видимому, случайно.

⁴¹ «Мурч», 1901, № 7, стр. 258.

⁴² Там же, стр. 256, 257.

⁴³ «Нор-Дар», 1898, 27 мая, № 90.

⁴⁴ «Мурч», 1893, № 6, стр. 801—812; № 7—8, стр. 1073—1093; № 9, стр. 1228—1238.

ского (в четырех томах), Тургенева (т. X), Гончарова (т. VIII), «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, книги А. Н. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» (2 т.) и др.

В конце статьи автор подчеркивал значение Белинского и в развитии армянской литературы: «Не только русские,— писал автор,— но и мы (армяне) премного обязаны ему»⁴⁵.

В передовой статье в либеральной газете «Мшак» («Труженик»), принадлежащей Ал. Калантару, отмечалась неуывадаемая сила сочинений Белинского, которые «никогда не устареют и будут всегда занимать почетное место в русской литературе».

В той же газете была помещена статья О. Спендиаряна, эпиграфом к которой были поставлены слова Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

О. Спендиарян приводит известные слова Добролюбова о значении Белинского и заключает: «Если б Добролюбов жил долго, то он, несомненно, заметил бы и в современной жизни и литературе влияние проповедуемых Белинским бессмертных принципов». Хотя Спендиарян и признает, что для глубокого понимания Белинского необходимо иметь в виду и те общественные условия, в которых протекала «многострадальная жизнь и деятельность этого великого человека», тем не менее, он нисколько не останавливается на характеристике эпохи 40-х годов, ограничившись лишь изложением кратких биографических сведений⁴⁶. Автор говорил о том, что Белинский своей деятельностью составил целую эпоху о «внутренней нравственной силе», которая таится в его статьях. «Прошло целых полвека после смерти гениального писателя,— писал Спендиарян.— Исчезли из жизни его современники и вместе с ними умолкли голоса вражды, язык зависти и зла»⁴⁷. От всемогущей и уничтожающей силы времени осталось неприкосновенным достойное бессмертия имя:

⁴⁵ Там же, 1898, № 9, стр. 1238.

⁴⁶ «Мшак», 1898, № 88.

⁴⁷ Автор имеет в виду идейных врагов Белинского.

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...»⁴⁸

Заключив свою статью словами Некрасова, автор подчеркнул несомненное влияние Белинского и на развитие передовой армянской общественной мысли.

Можно с уверенностью утверждать, что ни один из теоретиков искусства, литературных критиков не имел такого сильного влияния на Ов. Туманяна, как Белинский. В будущем, когда выявятся дополнительные материалы, окажется возможным проследить сложный процесс формирования мировоззрения и литературно-эстетических взглядов Туманяна и определить место Белинского в этом процессе. И теперь, когда нам известно уже многое, имеется достаточно оснований для того, чтобы установить факт постоянного обращения армянского писателя на разных этапах его идейно-творческого развития к Белинскому, как к бесспорному авторитету.

Впервые Туманян познакомился с сочинениями Белинского, по-видимому, в конце 80-х годов, когда он еще учился в школе Нерсисян. В 1953 году в армянской печати появились сведения о записной книжке Туманяна за 1891 год. В ней не только встречаются имена Белинского и Добролюбова, но и содержатся беглые заметки по поводу отдельных теоретических положений Белинского, выписки из сочинений русского критика⁴⁹. Они позволяют думать, что в начале 90-х годов армянский поэт занялся изучением Белинского. Туманян записывает мысли Белинского о содержании в произведениях поэзии: «Содержание есть мирозерцание поэта»⁵⁰, «Поэту принадлежит форма, а содержание—истории и действительности его народа»⁵¹, и, наконец, «Поэзия, полная содержанием, всегда развивается, идет вперед; поэзия, чуждая всякого содержания, всегда стоит на одном месте, поет одно и то же, одним и тем же голосом. Вначале она может

⁴⁸ «Мшак», 1898, № 88.

⁴⁹ Н. Туманян, Страница из литературного наследия Туманяна, «Гран-кан терт» («Литературная газета»), 28 февраля 1953 г.

⁵⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 552.

⁵¹ Там же, стр. 558.

Рис. 12. Ав. Исаакян у памятника Лермонтову. Пятигорск, 1950.

возбуждать фурор; но когда к ней привыкнут, ее уже не читают, а только безусловно хвалят...»⁵².

Эти мысли не могли не волновать Туманяна, который в начале 90-х годов вступил в новую стадию творческих исканий, был поглощен идеей создания произведений из народной жизни и его глубоко волновал вопрос о соотношении между содержанием и поэтической формой.

Туманяна заинтересовало также определение Белинским вдохновения как источника поэтического творчества, как «состояние духовного ясновидения».

В 1896 году Туманян, после того как им был осуществлен перевод «Мцыри», намеревался переводить статьи Белинского о Лермонтове⁵³.

Летом 1904 году, в самом расцвете творческих сил, Туманян снова возвратился к изучению Белинского. В письме к Ф. Вартазаряну он с восторгом говорил о статьях русского критика и отмечал близкие, родственные черты в жизни различных народов⁵⁴.

В 1904 году литератор и публицист Ф. Вартазарян, работая над очерком о творчестве Туманяна, в письмах к поэту делился своими мыслями и просил его высказать по ряду вопросов свое мнение. Отвечая критику, Туманян писал: «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно правильно: он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. У этой скорби и печали различные источники, но все они проистекают из одного и возвращаются к одному— это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство. Если это так, это действительно великое дело. Белинский говорит: величие поэта— в его народности. Поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа...»⁵⁵.

В 1909 году некто Р. Драмлян, обнаружив в сказках Туманяна родственные черты с народными мотивами, обвинил армянского поэта в плагиате. Тогда Туманян вынужден был терпеливо разъяснять невежественному критику, что «сказки сочиняют не люди литературы, а их заимствуют у

⁵² Там же, стр. 561.

⁵³ *Ов. Туманян*. Собр. соч. (на арм. яз.), т. V. Письма, 1885—1922. Ереван, Айпетрат, 1945, стр. 282.

⁵⁴ «Гракан терт», 28 февраля 1953 г.

⁵⁵ *Ов. Туманян*. Избр. произв., Ереван, Айпетрат, 1950, стр. 434.

народа и рассказывают, что и вся мудрость заключается в том, чтобы знать, что изменить, что выбросить, что сохранить, каким языком и стилем рассказать, чтобы получалось и красиво, и в то же время не потерялось непосредственное обаяние и благоухание народного образа»⁵⁶.

Спустя несколько лет после выступления Дрампяна, с аналогичными обвинениями по адресу Туманяна выступил другой критик. Отвечая своим критикам и разъясняя вновь свою точку зрения на проблему соотношения литературы и фольклора, Туманян обратился к Белинскому. Он напомнил читателям о полемике, разгоревшейся в 20-х годах прошлого века в русской периодической печати в связи с появлением сказочной поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Он напомнил, как тогда критика в лице Каченовского выступила с обвинениями по адресу Пушкина, видя в его поэме недопустимое использование русского сказочного элемента, «пародирование» русских сказочных мотивов. Вслед за изложением содержания всей этой литературной полемики, Туманян говорит, что потом все это выяснилось и справедливость восторжествовала, и пушкинская сказочная поэма заняла свое достойное место. «Однако,—пишет Туманян,—для этого нужно было, чтобы появился Белинский, чтобы каждому указал свое место»⁵⁷.

Таким образом, на протяжении почти всей своей деятельности Туманян неоднократно обращался к Белинскому. Его сочинения были в числе любимых книг армянского поэта, к которым он часто обращался, где он искал ответ на многие волнующие его вопросы. Статьи Белинского находили живой отклик в сознании Туманяна, будили его мысль, помогали в выработке правильного взгляда на русскую литературу, в освоении ее богатств, направляли его творчество по пути реализма и народности. Литературно-эстетические воззрения армянского поэта сложились под непосредственным влиянием Белинского.

Белинский, а вслед за ним Чернышевский и Добролюбов, занимают особо важное место в духовном развитии не только армянских писателей, но и политических деятелей.

Революционно-демократическое мировоззрение Налбан-

⁵⁶ «Туманян-критик» (на арм. яз.), Ереван, Айпетрат, 1939, стр. 125.

⁵⁷ Там же, стр. 265.

дня формировалось под влиянием передовой русской общественной мысли, под влиянием Белинского, Герцена, Чернышевского. Выдающийся деятель Коммунистической партии, верный ученик и соратник Ленина—С. Г. Шаумян, в юные годы, когда он учился в Тифлисском реальном училище и впервые читал статьи Белинского, писал о силе воздействия поэзии на человека, об ее огромной роли в нравственном воспитании человека⁵⁸.

В 1902 году, в речи, посвященной сорокалетию юбилею литературно-педагогической деятельности Агаяна, Шаумян говорил о месте и значении Белинского в освободительном движении, как Белинский и его друзья «наносили удары по крепостническим порядкам и внедряли идеи свободы»⁵⁹.

В статье, посвященной памяти Сурена Спандаряна, Шаумян в числе его «духовных отцов» первыми упоминает имена Белинского и Чернышевского⁶⁰. Он борется против псевдо-марксистов, против всех тех, кто спекулирует марксизмом, борется за чистоту революционной теории. «И нужно ударить по ним, преследовать их не только потому,—говорит Шаумян,—что они спекулируют этим великим учением, пачкают его, но и во имя чистоты литературных нравов вообще, во имя священных литературных заветов Белинского, Чернышевского. Литература—это храм, куда можно входить лишь с чистой совестью и благородными устремлениями. Когда же люди подходят к этому храму с мелкими, тщеславными вождениями, с корыстными целями и обманными намерениями,—это величайшее преступление, совершаемое против народа»⁶¹.

Для армянского революционера Белинский и Чернышевский были высокими образцами благородного и самоотверженного служения народу.

На протяжении XIX и начала XX века роль Белинского в развитии армянской литературы и общественной мысли была значительна. Его произведения, проникая в армянскую печать, способствовали распространению революционно-

⁵⁸ Степан Шаумян. О литературе (на арм. яз.). Ереван, Айпетрат, 1947, стр. 184, 185.

⁵⁹ Там же, стр. 145.

⁶⁰ Там же, стр. 156.

⁶¹ Там же, стр. 130.

демократических идей. Многим обязана великому русскому критику армянская литература и эстетическая мысль. Для лучших ее представителей сочинения Белинского были сокровищницей идей гуманизма и народности. Передовые писатели Армении видели в Белинском своего союзника в борьбе с реакцией.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ ИДЕИНЫХ СВЯЗЕЙ. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. АРМЯНО-СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ. ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИИ

1

В конце XIX—начале XX века крепнут связи освободительной борьбы армянского народа с общероссийским революционным движением.

Характеризуя процесс втягивания русским капитализмом Кавказа «в мировое товарное обращение», В. И. Ленин писал: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея...»¹.

С развитием промышленности рос и рабочий класс Закавказья. Усилился процесс обнищания деревни и пролетаризации крестьянских масс. Росли крупные пролетарские центры: Баку, Батум, Тифлис. Богатели промышленники, а положение рабочего класса было крайне тяжелым: нищенская зарплата, длительный рабочий день, отсутствие трудового законодательства, произвол фабрикантов и заводчиков. Широко применялась эксплуатация женского и детского труда.

В деревне царил нищета: на каждом шагу давали себя чувствовать пережитки феодально-крепостнических отношений. Лучшие земли были в руках помещиков. По данным 1886 го-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 3, стр. 594, 595.

да 72 процента земли принадлежали в Армении помещикам и лишь 28 процентов—крестьянам. Значительно ухудшали положение деревенской массы косвенные налоги на предметы первой необходимости: соль, керосин, спички. В закавказской деревне долго господствовали отсталые формы обработки земли и примитивные орудия труда. Крестьянская масса влачила полуголодное существование.

В конце 90-х годов после грозной волны стачечного движения, прокатившейся по всей Российской империи, начинается новое наступление реакции. Были закрыты армянские учебные заведения, конфискованы земли, принадлежавшие церковно-приходским школам. В 1900 году правительством была запрещена деятельность Кавказского армянского издательского товарищества. Усилилось гонение на армянские журналы и газеты, свирепствовала цензура. Начались обыски, аресты и ссылки передовых деятелей армянской литературы.

Реакционные мероприятия царских властей, гонения и репрессии способствовали развитию народного самосознания и росту революционного движения. Наступление правительства на жизненные интересы широких масс вызвало целую волну недовольства и протестов.

С 1902 года в Армении возникают социал-демократические группы, объединившиеся потом в «Союз армянских демократов», который в своем манифесте заявлял о полной солидарности с Российской социал-демократической рабочей партией и выражал готовность «бороться вместе с нею за интересы русского пролетариата вообще и армянского—в частности».

Рабочий класс Армении накануне революции 1905 года составлял, по сравнению с населением, небольшой процент. Основная часть его была сконцентрирована в алавердских и кафанских медных рудниках. Однако нужно принять во внимание, что большое количество армянских рабочих было занято в главных промышленных центрах Закавказья: Баку, Тифлисе, Батуме. Первая забастовка в Армении была организована в 1903 году рабочими алавердских рудников.

Перед революционной бурей 1905 года усилилось в Армении и крестьянское движение. В 1902 году в селении Ахпат, где из десяти тысяч десятин земли девять с половиной принадлежало помещикам и кулакам, вспыхнуло восстание

крестьян. Это послужило примером. Крестьянские волнения возникали по всей Армении².

В годы первой русской революции национальный вопрос на Кавказе принял особую остроту. Перепуганное царское правительство не останавливалось перед жесточайшими мерами для того, чтобы подавить революционные выступления рабочих и крестьян. Но вместе с тем оно прекрасно понимало, что одними репрессиями невозможно остановить растущую активность масс. Тогда самодержавие решило при помощи провокаторов натравливать народы России друг на друга, чтобы расколоть силы революции.

Царские чиновники делали все для того, чтобы разжечь межнациональную рознь. Таким путем они пытались упрочить пошатнувшиеся под напором революционного движения основы самодержавия.

Весть об армяно-тюркских столкновениях произвела тяжелое впечатление на Максима Горького. Ему было больно слышать о том, как мирные народы поддались провокации и подняли меч друг против друга. Он писал: «Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринном и армянином, как детски весело и просто они шутили, пели и смеялись, и как трудно было поверить, что эти простые славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе»³.

В начале 900-х годов вслед за ленинской «Искрой» возникают армянские социал-демократические революционные издания. В эти годы Ст. Шаумян и С. Спандарян закладывают основы армянской марксистской литературной критики⁴.

Под влиянием революционных событий 1905—1907 годов армянская литература обогатилась новыми темами. Эти события явились мощным стимулом для развития гражданской лирики и возникновения пролетарской поэзии.

² См. Д. Е. Габриэлян. Революция 1905—1907 гг. в Армении. В кн.: «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». М., Госполитиздат, 1949, стр. 441—460.

³ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIII, М., Гослитиздат, 1953, стр. 337.

⁴ См. Арт. Воскерчян. Литературные взгляды Ст. Шаумяна (на арм. яз.). Ереван, Айпетрат, 1947.

Все виднейшие деятели армянской литературы откликнулись на революционные события новыми произведениями. В них ярко сказалась тесная идейная связь с прогрессивной русской литературой, в первую очередь с М. Горьким, родоначальником литературы социалистического реализма⁵.

В начале XX века в борьбе с реакционными течениями формируется в Армении пролетарская литература. В первых рядах деятелей армянской поэзии этого бурного периода стоит Акоп Акопян, основоположник армянской пролетарской поэзии, творчество которого было насыщено идеями социалистической революции. Он первый воспел армянский рабочий класс, его борьбу, его героизм.

Сборники стихотворений Акопяна «Песни труда» (1906), «Революционные песни» (1907) с наибольшей полнотой отражают настроения и чаяния армянского пролетариата. Его герой—бунтарь, боец, зовущий к активной борьбе с врагами трудового народа. И в годы реакции Акопян до конца остался верен делу революции, делу борьбы пролетариата.

В эти же годы выступила своими песнями труда и борьбы талантливая поэтесса Шушаник Кургиян.

В армянской прозе революционные события нашли яркое отражение в рассказах Мовсеса Арази и Мадата Петросяна.

В изображении жизни деревни в произведениях Вртанеса Папазяна, Арутюна Джугуряна, Аршака Шахназаряна, Джавахечи запечатлены сдвиги, которые произошли в сознании армянского крестьянства, нарастающий ропот и гнев против поработителей народа.

Представители реакционно-националистического и консервативно-клерикального крыла армянской литературы и общественной мысли пытались умалить значение революции 1905 года. В борьбе с ними росла и крепла марксистская критика и пролетарская литература.

1905 год явился важным рубежом: революционные события эпохи оказали сильное влияние на развитие общественного самосознания армянского народа. Начался новый, предсоветский этап в развитии армянской литературы.

⁵ См. *Гурген Ованн*. Горький и арм. культура (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1951; сб. «Горький и Армения». Составители К. В. Айвазян, С. Т. Ахумян. Редактор С. К. Дароян. Ереван, «Митк», 1968.

В конце XIX века русско-армянские литературные связи развиваются с особой интенсивностью. В 80—90-х годах наблюдается в Армении всевозрастающий интерес к русской литературе. Переводятся на армянский язык «Бедная Лиза» Карамзина, «Горе от ума» Грибоедова, «Капитанская дочка» «Гробовщик», «Каменный гость», «Полтава», «Братья разбойники» Пушкина, «Герой нашего времени» и «Маскарад» Лермонтова, «Ревизор» и «Тарас Бульба» Гоголя, «Рудин», «Песнь торжествующей любви», «Стихотворения в прозе» Тургенева, стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, «Сказки» Щедрина, «Записки из мертвого дома» Достоевского, «Крейцера соната», «Детство и отрочество», «Кавказский пленник» Толстого, рассказы Гаршина и Короленко⁶. Популяризации произведений русских писателей в Армении способствовали юбилейные даты: пятьдесят лет со дня смерти Белинского (1898) и столетие со дня рождения Пушкина (1899). В связи с пушкинским юбилеем были изданы отдельными книжками в армянских переводах избранные стихотворения и биография русского поэта.

В этот период, в свою очередь, и Россия начинает проявлять больше интереса к Армении, к ее литературе. В 80—90-е годы прошлого века она впервые знакомится с достижениями новой армянской литературы. Первыми пропагандистами произведений армянских авторов XIX века в России были Е. С. Некрасова и Ю. А. Веселовский⁷. Они с неутомимой энергией, преодолевая большие трудности, служили важному делу сближения и взаимопознания двух народов.

Более серьезной и значительной попыткой ознакомления русского общества с литературным творчеством армянского народа явился сборник «Поэзия Армении», изданный в Москве, под редакцией В. Я. Брюсова⁸. Велико было и общественно-политическое значение Брюсовского сборника. Он создавался в годы первой мировой войны, когда «армянский вопрос» вновь приобрел особую остроту, когда Турция, при

⁶ См. *Русет Оганнисян*. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью, Ереван, Айпетрат, 1952.

⁷ См. *С. Г. Арешян*. Юрий Веселовский и армянская литература, «Известия АН Арм. ССР», 1944, № 3—4, стр. 75—108; *А. М. Давтян*. Юрий Веселовский и армянская литература, Ереван, «Айастан», 1970.

⁸ См. *К. Н. Григорьян*. В. Я. Брюсов и армянская поэзия, М., Изд-во восточной литературы, 1962.

содействии кайзеровской Германии и молчаливом попустительстве Англии, разработала программу уничтожения западных армян. Началась резня, во время которой погибло более миллиона мирного армянского населения.

В эти страшные дни судьба Армении взволновала многих честных людей и передовых мыслителей мира. В Париже, на манифестации, состоявшейся 9-апреля 1916 года в большом зале Сорбонны, организованной обществом «Франко-иностранный сближения» взволнованную речь произнес Анатолий Франс. Он говорил: «Франция сразу познала причину мучений Армении. Франция поняла, что вековая, неравная борьба между турком и армянином была борьбой деспотизма, борьбой варвара против справедливости и свободы. И когда мы увидели эту несчастную жертву Турции с обращенным к нам взором, полным надежды, мы поняли, наконец, что это умирает наша сестра на Востоке, которая умирает только потому, что она наша сестра... Мы отдаем почести Армении не только за ее вечные страдания, но и за ту стойкость, с которой она их переносит. Мы, возносим ей хвалу за ее непреодолимую любовь к нашей цивилизации...» Свою речь Анатолий Франс заключил следующими словами: «Армения умирает, но она возродится. Немного крови, что у нее осталось, драгоценная кровь, из которой родится героическое потомство. Народ, который не хочет умереть, не умрет никогда!»⁹

К трагической судьбе армянского народа были обращены мысли и чувства лучших людей русской передовой интеллигенции, во главе которой стоял М. Горький.

В эти годы В. Брюсов, с большим увлечением работая над антологией «Поэзия Армении», восхищался литературой народа, с поэтическими богатствами которого лишь недавно познакомился и возмущался равнодушным отношением к судьбе Западной Армении: «Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации,—писал тогда Брюсов,—чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия «многострадального народа». Мы вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и

⁹ «Армянский вестник», М., 1916, № 14, стр. 18.

на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества»¹⁰.

В конце XIX начале XX вв. литературные связи Армении через Россию все более развиваются и расширяются, охватывая также прибалтийские страны.

В 1906 году Ваан Терьян пишет свою «Эстонскую песню», принадлежащую к числу лучших созданий армянского поэта.

В этот же период великий поэт латышского народа Ян Райнис со словом сочувствия и горячей симпатией обратился к армянскому народу. В 1899 году он пишет статью, посвященную Армении, — «Несчастнейший народ, несчастнейшая страна». Райнис переводит на латышский язык образцы армянской поэзии. Он выступает в печати и с публичными лекциями на темы армянской литературы¹¹.

Преимущественно через русскую печать происходит идейное общение между армянским и славянскими народами, в частности с болгарскими и сербами, национально-освободительная борьба которых находит в Армении горячее сочувствие, «С начала XIX столетия, — пишет М. Г. Нерсисян, — в Османской (Оттоманской) империи поднялась новая волна национально-освободительного движения. Против владычества султанской Турции снова восстали греческий, болгарский, сербский, албанский, румынский и другие народы, стоявшие под ярмом турецкого деспотизма. В 1804 году началась национально-освободительная борьба сербского народа, а в 1821 году вспыхнуло вооруженное восстание греков, в 1860-х годах освободительное движение развернулось в Черногории и на Крите, в 1875—1877 гг. — в Боснии, Герцоговине и Болгарии».

Эти широкие народные движения против турецкого деспотизма нашли отклик и горячую поддержку в передовых

¹⁰ «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова. М., Изд. Московского армянского комитета. 1916, стр. 6.

¹¹ См. К. Н. Григорьян, Ян Райнис об армянской литературе. «Известия АН Латвийской ССР», 1954, № 9 (86), стр. 63—72. *Его же*. Ян Райнис (на арм. яз.). Ереван, «Айастан», 1965.

демократически настроенных кругах того времени. Они нашли глубокое сочувствие и в России. Герцен, Чернышевский, Добролюбов приветствовали борьбу угнетенных народов против турецких поработителей. «Одним из звеньев,—пишет М. Г. Нерсисян, в общей цепи национально-освободительных движений XIX века, направленных против султанской тирании, явилась освободительная борьба, развернувшаяся в 1850—1870 гг. в Западной Армении. Как и другие, изнывавшие под турецким игом народы, армянский народ также вел героическую борьбу против своих угнетателей и притеснителей¹².

Армянские писатели охотно обращались к тем страницам славянского творчества, в которых были запечатлены картины жестоких битв с врагами родины и в которых воспевались подвиги народных героев. Патриотические мотивы сербской и болгарской литературы не могли не волновать армянского читателя. Он находил в этих произведениях много близкого, родственного, созвучного с его заветными думами об отчизне.

В 1880—1890-е годы в Петербурге армянскими студенческими кружками были изданы, в виде отдельных брошюр, произведения болгарских и сербских авторов: Любена Каравелова, Джуры Якшича, биография и политическая программа Васила Левского¹³.

В условиях политической реакции 80-х начала 90-х годов прошлого века, в «эпоху безвременья и сумерек», царская цензура проявляла особую суровость в отношении армянской печати. Строго было предписано цензурным органам не

¹² М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. 1850—1870 гг. (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1955, стр. 370, 371.

¹³ См. К. Н. Григорьян. Из истории армяно-болгарских и армяно-сербских литературных связей, «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», М., 1957, № 22, стр. 31—37; *Его же*. Из историята на Арменско-Българските общественно-литературни връзки от втората половина на XIX век, «Език и литература», София, 1967, кн. 6, стр. 5—14; *Его же*. Из историята на Герменско-словенските друштвенок-пънжевини веза друге половине XIX и почетка XX виека, «Стваране», Титоград, 1968, Бро 2—3, стр. 357—265; К. А. Джингозян. Из историята на армяно-болгарските литературни връзки XIX века (на арм. яз.), Ереван, Изд. АН Арм. ССР 1966.

дозволять пропускать все, что касалось армянского вопроса в Турции; все, где говорилось о былой славе Армении, о героическом прошлом армянского народа, в борьбе за свободу и национальную независимость; все, где имели место элементы критики существующего политического строя и бюрократической системы русского самодержавия. Были запрещены цензурой многие произведения Микаэла Налбандяна, Рафаэла Патканяна, Раффи, Александра Цатуряна, Вартанеса Папазяна¹⁴. Несмотря на цензурный террор, армянские писатели, прибегая к разным приемам и ухищрениям, находили способ распространения и пропаганды идеи национально-освободительной борьбы. Одной из излюбленных форм (ею широко пользовались и русские авторы, в особенности в эпоху шестидесятых годов) были переводы, когда автор выбирал для перевода такое произведение, которое по общности мотивов могло вызвать соответствующую реакцию у читателя.

Начиная с 80-х годов XIX века армяно-славянские идейные связи развивались с особой интенсивностью. Славянская тема проникает в армянскую литературу через русскую печать. В этом смысле русская литература служила посредницей, цементирующим началом в развитии и укреплении идейных связей Армении со славянскими народами. Мужественная борьба сербов и болгар против турецкого рабства, их светлые порывы к свободе в сердцах лучших сынов армянского народа всегда находили живой отклик и горячее сочувствие.

2

Один из выдающихся армянских поэтов конца XIX—начала XX века Александр Цатурян, которому принадлежит значительное количество переводов из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Плещеева, Кольцова, Тургенева и других русских авторов, говорил: «Влияние русской литературы на армянскую (на литературу русских армян, конечно) по моему велико, и трудно указать из наших писателей такого, который так или иначе не подпал бы под это влияние. На одних оно отразилось сильнее, ярче, других оно коснулось

¹⁴ См. С. Г. Арешян. Армянская печать и царская цензура, Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1957.

Рис. 11. Обложка армянского издания рассказа Л. Каравелова «Атаман болгарских разбойников».

не так сильно, не так заметно, но никто из них, думаю, не миновал этого влияния»¹⁵.

Другой из видных представителей новой армянской поэзии Смба́т Шахазиз писал: «Что касается общего вопроса о русском влиянии в армянской литературе, то подобное влияние представляется мне совершенно *естественным и неизбежным фактом*, так как все истинно талантливое, сильное и оригинальное, что создает один народ, конечно, не может не находить отзвука у другого, живущего с ним в постоянном тесном общении»¹⁶.

Так думал и Туманян. В слове, обращенном к В. Я. Брюсову, он говорил: «С любовью и благоговением мы чтим имена великих гениев русского народа—Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева. Под влиянием русской литературы воспитывались многие наши писатели и интеллигенты»¹⁷.

Большинство деятелей армянской литературы и общественной мысли (в пределах России) получало высшее образование в русских культурных центрах, общественно-литературные взгляды их формировались под сильным влиянием передовых идей русской литературы, наконец, на что справедливо в свое время указывал И. Иоаннисиан, значительная часть армянской интеллигенции знакомилась с произведениями западноевропейской литературы, достижениями общественной, философской и научной мысли с помощью русских переводов.

Налбандян, Патканян, Сундукян, Иоаннисиан, Терьян учились в Московском и Петербургском университетах. Молодость Агаяна прошла в Москве, в годы, когда идеи русской революционной демократии получили широкое распространение, когда властителями дум передовой молодежи были Чернышевский и Добролюбов. В Москве почти всю жизнь жили Шахазиз и Цатурян. Там же были изданы первые сборники Шахазиза, Иоаннисиана, Туманяна, Цатуряна, первый том стихотворений Терьяна.

Предпосылки, причины зарождения литературного явле-

¹⁵ Юрий Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 28.

¹⁶ Там же, стр. 15.

¹⁷ Ов. Туманян. Собр. соч. (на арм. яз.), т. 4, Ереван, Айпетрат, 1951, стр. 332.

ния, разумеется, лежат в конкретных исторических условиях развития данной национальной литературы. Фактором влияния невозможно объяснять закономерности литературного движения. Они обусловлены своеобразием пройденного народом исторического пути. Но изучение процесса взаимообогащения различных национальных литератур расширяет рамки историко-литературного исследования.

С развитием межнациональных отношений все более интенсивным становится процесс взаимообмена духовными ценностями. «С конца XVIII века вследствие сильных успехов культуры,—писал А. Н. Пыпин в 1893 году, в связи с выходом в свет первого тома сборника «Армянские беллетристы»¹⁸,—самые народы очень сблизилась сравнительно с прежним: чрезвычайное развитие путешествий, культурных и политических связей ознакомило народы между собою как никогда прежде; изучение литературы приводилось желанием ближе узнать народ, интересный, например, по политическим отношениям, или дополнить то, что знали из путешест-

¹⁸ Рецензия, по-видимому, явилась откликом на просьбу почетного академика Алексея Николаевича Веселовского (отца Ю. А. Веселовского) «замолвить словечко» по поводу издания сборника «Армянские беллетристы». Вот что он писал в 1893 году редактору «Вестника Европы» А. Н. Пыпину: «Уважаемый Александр Николаевич, давно не беседовали мы с Вами на письме, и я рад, что повод к нашему сегодняшнему разговору дан литературным дебютом второго поколения небезызвестной Вам семьи Веселовских. В редакции «Вестника Европы» Вы найдете направленную для Вас туда (из опасения перемены Вашего адреса) книгу, составившуюся из трудов 20 с лишком молодых людей и девушек, под редакцию моего сына и его товарища М. Берберяна «Армянские беллетристы». Это—уголок совсем у нас неведомый, сын с живым интересом отнесся к нему, собрал всю эту гурьбу молодежи, много перевел сам и написал несколько этюдов о главных романистах (перед этим в «Артисте» был ряд его статей об армянском театре, и в особенности о напоминающем Островского Сундукьянце). Тут собраны образцы всякого рода повестей, этнографических, исторических с оттенком юмора, и, наоборот (как у Раффи), с полемической тенденцией, характеризующего современное армянское движение. Замолвите в «В. Евр.» словечко за это предприятие, которое во всяком случае уже тем полезно, что знакомит друг с другом две народности, совершенно чуждые, почти враждебные, а между тем все же связанные одною и тою же судьбою...» (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукописный отдел. Фонд А. Н. Пыпина).

вий,—а с другой стороны, в изучаемых литературах оказывалось иногда столь оригинальное содержание, что оно производило само по себе сильное впечатление».

Бурный подъем армянской литературы в конце XIX века, причины его, своеобразие этого периода литературного развития А. Н. Пыпин рассматривает в тесной зависимости с пройденным армянским народом историческим путем: «В судьбе новейшей армянской литературы,—писал он,—сказываются типические черты возникновения литературы у народа, некогда самостоятельного и славного, затем потерпевшего политическое падение и вместе с тем упадок просвещения; некогда была у него обширная литература, удовлетворявшая своему времени, потом забытая и, наконец, совсем далекая от данного положения народа и его нравственных и умственных потребностей. Конечно, весьма разнородные причины вызывали в народе застывшую жизнь,—отчасти причины внешние, как напр., упадок тех государств, которых иго лежало на народе, вследствие чего зарождалась мысль о возможном освобождении, и затем сначала слабые, потом все более сильные отражения умственной жизни соседних народов, более свободных и просвещенных. История рассеяла известную долю армян по разным местам Европы и одна из этих колоний, венецианские мхитаристы, оказали существенную услугу просвещению своего народа... В какой же форме возникает новая литература и какими идеями руководится ее содержание? Эти формы—обычные формы европейской литературы, повесть, роман, драма, лирическое стихотворение и т. д.; содержание, очевидно, внушено более или менее глупыми влияниями европейского образования, которые совпадали с побуждениями просвещенного патриотизма—ненависть к рабству, достоинство человеческой личности, искание просвещения и т. д. Заимствование было неизбежно, потому что собственная почва не давала для новой литературы никаких данных; это заимствование было так же естественно, как это было, напр., в новейших славянских литературах, где подобным образом появились вдруг все формы европейской литературы, или как это было в нашей литературе прошлого и начала нынешнего столетия».

А. Н. Пыпин, указывая на эти внешние обстоятельства, постоянно подчеркивает первостепенное значение национальной почвы, то, что такие типичные представители армянской литературы XIX века, как Абовян и Раффи—выход-

цы непосредственно «из народной среды», что источником питавшим их творчество, является «народная жизнь» («бедствия армянского народа») ¹⁹.

В литературной биографии Абовяна Пыпин видел подтверждение своих мыслей об условиях, характеризующих процесс образования новой армянской литературы: «Появление нового содержания, почерпаемого из более богатых литератур; разрыв с консервативным застоём, который боится нового движения; создание нового литературного языка на народной основе—все это сначала только силами немногих деятелей, которые, однако, завоевывают себе успех именно потому, что их дело отвечает в сущности глубокому национальному инстинкту, ищущему освобождения и развития народных сил в деле просвещения» ²⁰.

Таким образом, процесс значительного усиления литературного общения в конце XIX века вызван глубокими социально-политическими сдвигами в жизни народов России и связанным с этим растущим стремлением воспринять и усвоить все то лучшее, что имеется в другой соседней, более богатой и развитой литературе.

Эта же проблема глубоко волновала М. Горького. В письмах к писателям периода 1911—1915 годов он ставил перед литературоведением задачу изучения литературных связей, проблему влияния, проблему взаимодействий и взаимоотношения между отдельными литературами. «Наши предисловия строятся вне этих соображений,—писал М. Горький,—каждый автор является у нас каким-то случайным холмом среди равнины и совершенно нельзя понять, какие влияния образовали этот холм, какое влияние оказывает она на окружающее его и насколько расширяется горизонт с его высоты... XIX век достаточно насыщен фактом идеологических и формальных связей в области духовной жизни и эти связи необходимо ценить очень высоко, может быть они являются началом того великого единства, последствия которого хотя и трудно представить себе, но во всяком случае они будут благостны» ²¹.

¹⁹ «Вестник Европы», 1893, сентябрь, стр. 385, 386.

²⁰ Там же, стр. 391.

²¹ С. Балухатый. О литературных взглядах М. Горького по его письмам 1911—1915 гг. к писателям. В сб. «М. Горький. Материалы и исследо-

В изучении международных, в частности русско-армянских литературных связей, одним из наиболее сложных и острых вопросов является проблема влияния. В этой связи нельзя не коснуться работ Ю. А. Веселовского. Бесспорны его заслуги в пропаганде достижений новой армянской литературы в России²². Он был одним из первых русских литераторов, который отдал много сил опровержению распространённых в русском обществе неверных, тенденциозных, порою обывательских мнений об армянах, исходя из благородного принципа взаимного уважения нации. Заслуга его заключается и в том, что он своей многолетней неутомимой деятельностью способствовал делу сближения двух народов «на почве общих идеалов, для совместной работы, для совместной борьбы»²³.

Признавая заслуги Ю. А. Веселовского, нельзя не сказать о другом. По своим литературным воззрениям, он был последователем культурно-исторической школы. Не без влияния отца, Алексея Веселовского, он увлекался теорией литературных влияний и заимствований и иногда, при освещении отдельных фактов новой армянской литературы, пытался применять приемы сравнительного литературоведения. Так, например, одним из характерных мотивов новой армянской поэзии, после Патканяна и Шахазиза, он считал «изображение скитаний поэта по тем или другим местностям, связанным с историческими воспоминаниями». Ю. Веселовский, на основе такого слишком общего определения, сближает произведение различных авторов, в которых, конечно, при подобном рассмотрении, отыскиваются какие-то сходные черты.

Другой характерный мотив новой армянской поэзии, по определению Ю. Веселовского, — «обращение к вдохновенному поэту-пророку и бойцу, который своими могучими, полными воодушевления, способными «жечь сердца» песнями, может пробудить в обществе бодрость и энергию, внушить человеку

вания». 1. Под редакцией В. А. Десницкого. Л., Изд. АН СССР, 1934, стр. 253.

²² К 100-летию со дня рождения Ю. А. Веселовского вышел сб. *Ю. А. Веселовский. Очерки армянской литературы, истории и культуры.* Составления, предисловие и примечания А. Давтян. Ереван, «Айастан», 1972.

²³ «Русская мысль», 1901, декабрь, стр. 117.

веру в себя и стремление к лучшему будущему...»²⁴. И на этой почве сближаются друг с другом Туманян и Цатурян, Иоаннисиан и Манвелян. Если идти по такому пути, вероятно мало кто из армянских поэтов осанется вне этих сопоставлений.

Веселовский искал заимствования там, где для этого не было достаточных оснований. Например, он очень часто и много говорил в своих статьях о влиянии Надсона на армянскую поэзию. Надсон писал о Христе, Туманян написал «Христос в пустыне»; Цатурян—«Любите друг друга» и «Пасхальные размышления», Иоаннисиан—стихотворение «Молитва». Даже там, где вполне очевидно имело место влияние гражданской лирики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Ю. Веселовский искал влияние Надсона. По его мнению, даже поэзия Дуряна, оказывается, имеет «много общих черт с Надсоном».

В анализе поэтических текстов Веселовский увлекался отыскиванием чисто внешних признаков, сходных выражений и слов. Так, всюду, где он находил «гуманное, братское отношение ко всем страдающим, обездоленным», там он видел влияние Надсона²⁵. Но эти традиционные мотивы едва ли можно считать исключительным достоянием поэзии Надсона.

Стихи Надсона, написанные с большой искренностью, завоевали симпатию лучших людей своего времени. В восьмидесятых годах он пользовался большой популярностью в передовых слоях русского общества. Надсон, несомненно, оказал некоторое влияние на армянских поэтов, в частности на Цатуряна и Иоаннисиана. Однако не следует преувеличивать это влияние и видеть его там, где или вовсе не было, или оно выражено слишком слабо²⁶.

²⁴ Ю. Веселовский. Очерки армянской жизни, Армавир, 1906, стр. 13, 14

²⁵ Там же, стр. 21—23. Ю. Веселовский. Армянская поэзия XIX века и ее происхождение. «Русская мысль», 1901, декабрь, стр. 120.

Веселовский, очевидно, переоценил значение фразы армянского писателя и историка Лео: «Эпоха надсоновской скорби сейчас же отозвалась в армянской поэзии, приняла форму страстного, даже непонятого увлечения». Ю. Веселовский. Надсон и армянские поэты. «Армянский вестник», 1917, № 6, стр. 6.

²⁶ Может быть, этими моментами была вызвана суровая оценка Н. Я. Марра: «Пока не вижу ни одного русского,—писал он в 1919 году,—

Для того чтобы понять, почему в армянской поэзии мотивы народной скорби и печали так сильны, нужно было глубже окунуться в армянскую жизнь, искать их истоки прежде всего в исторической судьбе армянского народа, в его национальных традициях.

В борьбе с ошибочной методологией буржуазного компартивизма нередко впадают в другую крайность, когда, оберегая национальную самобытность, отрицается факт воздействия иноземной литературы,—даже тогда, когда автор сам об этом заявляет. Это происходит от того, что в самом факторе влияния усматривается нечто унижительное, оскорбительное для престижа национальной литературы. При таком подходе получается обратный эффект: национальный автор выглядит обедненным, ограниченным, происходит размельчание достижений национальной литературы. Ведь совершенно очевидно, что ни одно значительное произведение литературы не вырастает на пустом месте. Более того, если это произведение действительно великое, то естественно, что оно вбирает в себя определенные элементы, достижения национальной культуры, литературы соседних народов, мировой литературы.

Автор иногда сам говорит о том, что писал свое произведение под влиянием того или иного автора, или произведения. «Я когда-то задумал и начал писать поэму,—пишет Шахазиз,—из новой армянской жизни, которая явилась бы отчасти подражанием «Евгению Онегину», в особенности—романтической завязке поэмы, истории Татьяны». Или: «Случайно прочитанное мною стихотворение Добролюбова «Милый, друг, я умираю...» внушило мне идею собственного стихотворения, которое у меня начинается почти так же, но далее носит уже другой характер, имеет непосредственное отношение к судьбе армян»²⁷.

Влияние здесь очевидно, но это отнюдь не означает, что поэма Шахазиза или его стихотворение лишены национальной почвы и национального своеобразия.

действительно знающего литературу Кавказа или интересующегося научно (не исключая и покойного Юрия Веселовского)». Бумаги акад. Н. Я. Марра. Неопубликованные черновые записи по поводу русского перевода романа Ширванзаде «Хаос». Кабинет Н. Я. Марра при Институте истории материальной культуры АН СССР, № 534.

²⁷ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 13—15.

Начинающий автор не сразу находит свой собственный путь. В становлении его индивидуальности большую роль играет опыт прошлого. Он пробует свои силы в разных направлениях. «Не смущайтесь и тогда,—говорил в 1916 году Туманян в слове, обращенном к молодым поэтам,—когда речь заходит о влияниях. Нет в мировой литературе ни одного поэта, избегнувшего в большей или меньшей мере влияния своих предшественников. Влияние—это лестница, по которой начинающий поэт взбирается к вершинам оригинальности»²⁸.

Нередки случаи, когда автор сознательно становится под знаменем определенного направления, определенных традиций, декларируя свою верность известным творческим принципам. Таковым было, например, отношение В. Я. Брюсова к новой французской поэзии в период формирования эстетики русского символизма.

Одни ищут влияния в совпадениях отдельных тем, мотивов, психологических ситуаций, порою слишком общих случайных совпадениях отдельных выражений и фраз. При изолированном рассмотрении такого рода фактов и подобные наблюдения могут быть полезными и в освещении процесса становления авторской индивидуальности. Другие в своих суждениях и выводах опираются на прямые высказывания поэта, где он определенно говорит о своих симпатиях и антипатиях. И этот момент, несомненно, весьма существен, когда речь идет о характере и степени литературного воздействия. Но и в этом случае должна быть проявлена известная осторожность. Так, например, Терьян преклонялся перед гением Л. Н. Толстого, говорил о своей любви к Достоевскому, тепло отзывался о творчестве Леонида Андреева. И, несомненно, все эти три автора в разной степени способствовали обогащению духовного мира Терьяна.

Но не редки случаи в истории межнациональных литературных взаимодействий, когда нет текстовых совпадений, прямых высказываний и в то же время совершенно очевиден факт органической близости, родства поэта с тем или иным автором. Именно такого свойства влияние Лермонтова на Терьяна, обусловленное общностью романтического мироощущения.

Близость между двумя авторами далеко не всегда

²⁸ Ов. Туманян. Избр. произведения в трех томах, т. 3, Ереван, «Айа-стан», 1969, стр. 304.

объясняется фактором влияния. Она может быть вызвана типологической общностью, родством характера мирозерцания.

О влияниях нужно говорить с большой осторожностью и тактом, чтобы не впасть в преувеличения, считаться со степенью и характером влияния. Здесь действуют общие закономерности социального порядка, моменты общности, вызванные историческими обстоятельствами, например, известное родство мотивов в патриотических песнях южных славян (болгар, сербов) и армян. Действуют и частные, личные моменты, обусловленные особенностями писательской индивидуальности автора, определенными типологическими признаками поэтического мирозерцания.

Многообразны и формы проявления самого факта воздействия литературного источника. Однако при всем многообразии следует четко разграничить, отделить друг от друга два совершенно различного типа явления. Одно дело, когда влияние настолько сильно, что исключает возможность самостоятельно мыслить и творить, когда автор лишь подражает образцу, когда влияние объемлет не только содержание, идеи, мотивы, но и выражающие их формы. Совершенно иного характера влияние, при котором чужая мысль, чужое творчество обогащает внутренний мир автора, когда чужое произведение является известным толчком для пробуждения и развития вполне самостоятельной и оригинальной мысли.

II. ИОАННИСИАН, ЦАТУРЯН, ТУМАНЯН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основные мотивы армянской поэзии 80—90-х годов прошлого века были вызваны к жизни исторической обстановкой, положением армянского народа в эпоху политической реакции, наступившей после убийства Александра II. Это было время, когда, по словам М. Горького, «тяжелые серые тучи реакции плыли над страной, гасли яркие звезды надежд, уныние и тоска давили юность»¹. Атмосфера политического террора особенно остро ощущалась в национальных окраинах России. Царское правительство, перепуганное широким распространением освободительных идей, прибегло к суровым

¹ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 23, М., Гослитиздат, 1953, стр. 353.

мерам, ограничивающим всякие возможности развития национальной культуры народов Кавказа.

Страшные события конца века, крушение надежд на скорое освобождение от турецкого ига, гонения и зверства полчищ султана заставили армянского писателя иными глазами взглянуть на действительность. Наивноромантические сны уступили место трезвому взгляду. Появилась насущная потребность в «горькой правде», в «едких истинах». Страданиями народа объясняется скорбный колорит армянской демократической поэзии 90-х годов.

Десятилетие годов прошлого века, несмотря на неблагоприятные общественные условия, были и периодом бурного развития армянской литературы. Армянская поэзия переживает невиданный расцвет. Периодическая печать все больше страниц предоставляет для стихов, выходят из печати первые сборники Иоаннисиана (1887), Туманяна (1890), Цатуряна (1891), Исаакяна (1898).

В эту эпоху значительно обогатилось содержание армянской литературы. Расширился и духовный мир писателя, расширилось и поле его наблюдений. Если ранее круг его интересов был ограничен преимущественно армянской патриархальной деревней, то теперь ему становится доступной жизнь больших культурных центров России и Европы. В литературу все более проникали городские темы, вскоре появляются и первые ростки пролетарской поэзии.

В то же время 1880—1890-е годы были периодом активного освоения достижений русской и западноевропейской литературы.

Если для второго этапа развития новой армянской поэзии, крупнейшими представителями которой явились Налбандян, Патканян и отчасти Шахазиз, интерес ограничивался рамками преимущественно гражданской лирики Пушкина и Лермонтова, что было вызвано насущными потребностями литературно-общественной борьбы 50—60-х годов, то уже для Цатуряна, Иоаннисиана, затем Туманяна, Исаакяна и Терьяна характерно более широкое творческое освоение достижений русской поэзии.

Иоаннисиану принадлежат переводы из лирики Пушкина, большая часть которых относится к началу 80-х годов, но были напечатаны в 1899 году, к столетию со дня рождения русского поэта.

Заслуга Иоаннисиана заключается в том, что он первый

после Ов. Амазаспяна подошел к задаче перевода образцов пушкинской лирики с должным чувством ответственности, но, к сожалению, не преодолел неизбежных трудностей. Средствами армянской поэтической речи он стремился по возможности точно воспроизводить русские оригиналы, но язык его переводов неровный, часто страдает прозаизмами².

Переводы другого выдающегося поэта конца XIX начала XX века — Александра Цатуряна явились новой попыткой на трудном пути ознакомления армянских читателей с лирикой Пушкина. Он больше, чем кто-либо из армянских поэтов прошлого, уделял внимание русской поэзии. В 1905 году Цатурян предпринял издание антологии переводов из русской поэзии в двух выпусках, первый из которых целиком был посвящен Пушкину и Лермонтову. В предисловии к первому выпуску «Русских поэтов» Цатурян справедливо отмечал, что армянский читатель с русской поэзией «знаком по единичным, случайным переводам» и что он поставил перед собою задачу по мере сил своими переводами дать возможность составить более или менее правильное и цельное представление о русской поэзии, в частности о лирике.

Пушкин представлен в сборнике Цатуряна следующими стихотворениями: «Ангел», «Я думал, сердце позабыло...», «Осеннее утро», «Анчар», «О дева-роза, я в оковах...», «Желание», «Кавказ», «Буря», «Возрождение», «Птичка», «Узник», «Цветок», «Пророк», «Соловей», «Желание славы», «Если жизнь тебя обманет...», «Романс», «Цветы последние милей...», «Талисман», «Телега жизни», «Русалка», «Пред испанкой благородной...», «Для берегов отчизны дальной», «Поэт», «Сапожник», «Туча», «Деревня», «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), отрывок из «Бахчисарайского фонтана»³.

В этом перечислении нетрудно видеть стремление Цатуряна дать как можно более широкое представление о пушкинской лирике. Здесь впервые были даны образцы гражданской

² В ученические годы в подражание «Онегину» Иоаннисян написал поэму. Она не была напечатана. Отрывок из нее опубликован по автографу, обнаруженному в бумагах поэта в сб.: «А. С. Пушкину, к столетию его трагической гибели». Институт истории и литературы Арм. ССР (на арм. яз.), Ереван, 1937, стр. 277—291.

³ Александр Цатурян. Русские поэты Пушкин и Лермонтов (на арм. яз.), вып. I, М., 1905, стр. 9—66.

лирики, и благодаря Цатуряну впервые на армянском языке прозвучали такие стихотворения, как «Деревня» и «К Чаадаеву». В сборнике Цатуряна не все переводы равноценны, но наиболее удавшимися следует считать: «Я думал, сердце позабыло...», «Желание», «Кавказ», «Талисман».

Некоторые стихотворения не нашли места в антологии Цатуряна, очевидно, не потому, что он их считал менее характерными для лирики Пушкина, а лишь потому, что они представляли для перевода исключительную трудность. К ним относятся прежде всего такие стихотворения, как «Погасло дневное светило...», «Ночной зефир», «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье», «Зимняя дорога», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Я вас любил...», «Бесы», «Пора, мой друг, пора...».

Как бы то ни было, Цатурян выполнил задачу огромной трудности, и он сделал очень много для популяризации в Армении лучших образцов русской поэзии. Цатурян, в творчестве которого с новой силой прозвучали гражданские мотивы, в значительной степени был воспитан русской литературой. «Что же касается влияния русской литературы,—и особенно русской поэзии на меня,—писал Цатурян в 1902 году,—то оно огромно». Цатурян преклонялся перед поэтическим гением Пушкина, но больше он любил Лермонтова, который казался ему более близким и по кругу тем, и по настроениям. «Из русских поэтов,—писал он,—особенно горячо любил я Лермонтова... Моя скромная лира всегда с благоговением и священным трепетом смотрела на этот величественно-грустный поэтический облик. Этот беспокойный, вечно томящийся дух, этот «одинокый ларус» на море житейском, вечно ищущий бури, «как будто в бурях есть покой», меня очаровывал, меня приводил в глубокое волнение...»⁴.

Если проследить историю переводов Пушкина на армянский язык, начиная с первых попыток до Цатуряна, то нужно прежде всего отметить, как возрастало чувство ответственности и как вырабатывалось более строгое отношение к точному воспроизведению русских образцов. В этом отношении некоторое исключение составляет сборник Амазаспьяна. Что же касается остальных армянских переводчиков до Иоаннисяна и Цатуряна, то в большинстве случаев, как правило, переводчики довольно свободно обращались с пушкинским

⁴ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 20.

текстом, в желании придать переводу национальный колорит они не стеснялись изменять, дополнять оригинал. Иначе относились к своей задаче Иоаннисян и Цатурян. Строго придерживаясь оригинала, они стремились сохранить в переводах не только особенности формы, но и добивались максимально точной передачи содержания. Задача эта нелегкая и с большей эффективностью, со значительно более лучшими результатами она была разрешена Ованесом Туманяном.

Интерес к русской поэзии возник у Туманяна рано. В одном из писем он подробно рассказал, какое важное место занимала русская литература в его сознании еще в годы юности, и перечислил многие любимые произведения. Будучи учеником, Туманян уже знал «Полтаву», «Цыганы», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Зимний вечер» Пушкина, а также «Песню про купца Калашникова» Лермонтова и его стихотворения «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучки небесные», «Выхожу один я на дорогу», «И скучно, и грустно», «...Все эти произведения,—писал Туманян,—еще в школьные годы, я настолько полюбил, что они должны были непременно повлиять на меня»⁵.

В числе трех любимых книг девятнадцатилетнего юноши Туманяна был, наряду с «Илиадой» Гомера и романом Абовяна «Раны Армени», томик сочинений Лермонтова.

Туманян в письме к Ю. А. Веселовскому признавал, что он начал свою литературную деятельность под влиянием русских поэтов⁶. Следы этого влияния заметны в ранней лирике Туманяна. Его стихотворение 1892 года «Не пой этой песни, мой друг...» по своей теме близко пушкинской элегии «Не пой, красавица, при мне...». Известное родство можно уловить и в стихотворении Туманяна «Ты своею дорогой иди, сестра...» (1902) с мотивом пушкинского стихотворения «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...».

И у Туманяна в развитии лирической темы тот же мотив противопоставления двух «миров». «Беспокойная душа» поэта, полная тоски, тревог, ожиданий, несбыточных мечтаний, непонятна другим. Обращаясь к деде, поэт говорит:

У тебя же, сестра, есть дорога своя.

Пусть тебе на ней будет легко и светло.

Так не радуйся мне, не люби ты меня,

⁵ Там же, стр. 21, 22.

⁶ Ов. Туманян. Собр. соч. (на арм. яз.), т. 5, Ереван, 1945, стр. 236.

Нас, неравных, ничто бы связать не могло,
Мне иные дороги даны, и по ним
Я скитаюсь в тоске, надрывается грудь.
Я тревожно и жадно ищу себе путь,
Беспокойной безумной душою томим...
(Перевод А. Щербакова)

В ранней поэме «Отвергнутый закон» (1890) образ юного героя, как и у Лермонтова в «Мцыри», противопоставлен образу монаха. В груди юноши горит «пламя жизни», он бурно протестует против бессмысленного одинокого существования. Он жалуется, что «дни его проходят печально» и, обращаясь к старику, подобно герою лермонтовской поэмы, говорит: «Я жить хочу, отец, верните жизнь мне». Юноша уходит из монастыря, и старик монах проклинает его⁷.

Туманян, как и его любимый поэт, не хочет мириться с тем, что человек—«лишь жертва тленья и могил». Молодого Туманяна тревожили те же мысли, что и Лермонтова:

Ужель и я, своими мечтами, надеждами,
Как звук, умру, исчезну бесследно?..
(«Раздумье», 1890)

Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?..
(«Измаил-Бей», 1832)

Близость Туманяна к Лермонтову заметна и в разработке традиционной темы пророка. У Лермонтова он в глазах людей читает «страницы злобы и порока». Он несет людям «любви и правды чистые ученья», но темная толпа отвергает его, бросая в него «бешено каменья». И пророк уходит от людей в пустыню, храня в душе «завет предвечного». Туманяновский пророк, тоже осмеянный и гонимый неблагоприятной толпой. Он является «заблудшему миру» «с печатью величья на челе, священным заветом истины, огненным словом на устах». Но толпа гонит его, в слепой злобе разбив его светильник. Проходит время, и перед грозной опасностью «жалкая тол-

⁷ Следы влияния лермонтовского «Мцыри» в сюжете ранней поэмы Туманяна «Отвергнутый закон» впервые были отмечены Ю. А. Веселовским («Русское влияние в современной армянской литературе», стр. 24).

па» с поздним раскаянием начинает понимать, что он был пророк.

С «Пророком» (1890) Туманяна по идейной концепции тесно связано другое его стихотворение «Христос в пустыне» (1892), где образ «спасителя» в «печальной, темной пустыне», одиноко сидящего на камне, углубленного в свои думы о людях и мире, напоминает известную картину И. И. Крамского.

В ранней лирике Туманян обращается и к теме избранника. Толпа легко судит, легко осуждает; ей не понять тех, кто живет с «высокой думой на челе». В стихотворении «Он утопился, и что ж—осужден...» (1890) поэт говорит, обращаясь к толпе: «Не вините поспешно его за малодушие. Вы ведь не знаете, что он носил в своей ожесточенной душе, какая боль вела его к могиле. Вот и другой; его ведут на казнь, но не спешите называть его злодеем. Кто знает, какая высокая дума была причиной его гибели. Разве вы знаете, сколько боли «веселый певец» скрывает в груди от насмешек холодных, жестоких людей?...»

Много родственного у Туманяна с Лермонтовым и в поэтической интерпретации темы «природа и люди». Лермонтов трагически переживал разлад между человеком и природой. Бессмысленной жестокости, кровавым преступлениям, тупой ненависти людей друг к другу русский поэт противопоставлял царящую в природе величественную тишину и гармонию:

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы—и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он—зачем?..

У Туманяна в стихотворении «Я вижу пред собой мир творца...» (1889) та же тема: в природе—покой, гармония, а у людей—раздоры, вражда, убийства. Армянский поэт рисует картину покоя в природе, «дальние горы в тумане», роскошные поля и леса, «тихую речку» с плодородными берегами, где вольно и спокойно живут звери, а «птицы

поют в небесах». Стихотворение Туманяна завершается размышлением, весьма близким лермонтовской думе:

Мысль одна тревогу будит:

Мир просторен и богат—

Отчего ж друг друга люди

убивают и теснят...

(Перевод С. Ботвинника)

С этой темой соприкасается другое стихотворение Туманяна «Жалкий человек...» (1891). В нем поэт говорит о человеке, который своими «жадными, грязными, обогранными в крови руками хочет ловить радость», но не видит, что все напрасно, и на краю могилы

Вдруг замечает, что нет возврата

Всему, что было дорого когда-то,

И исчезает сам—такой ничтожный,

Как дуновение, как прах дорожный.

(Перевод В. Татарниова)

В конце 90-х годов интерес к русской литературе на Кавказе еще более усилился, чему, несомненно, способствовал пушкинский юбилей. В 1899 году литературная общественность широко отмечала столетие со дня рождения Пушкина.

В юбилейном году в армянских переводах отдельной книжкой были изданы избранные стихотворения русского поэта.

В девяностые годы, при редком обращении Туманяна к переводу, он охотно переводит из Пушкина и Лермонтова. Из Пушкина: «Заклинание», «Романс». Из Лермонтова: «Желание», «Я не хочу, чтоб свет узнал...», «Ангел». Летом 1895 года Туманян переводит «Мцыри», изданный в 1896 году в Тифлисе отдельной книжкой. В год, когда отмечалось столетие со дня рождения Пушкина (1899), Туманян переводит «Утопленника» и «Песнь о вещем Олеге».

В 1909 году появился перевод Туманяна «Зимнего вечера». Выбор пушкинского стихотворения для перевода не был случайным.

В марте 1912 года в Петербурге, при встрече Туманяна с В. Г. Короленко, разговор зашел о Пушкине. Короленко спросил Туманяна о том, какое из произведений Пушкина произвело на него самое сильное впечатление и какое из них

он более всего любит. «Он думал,—рассказывает Туманян,— что я назову что-либо из крупных вещей Пушкина, и когда я сказал: «Зимний вечер», он был крайне удивлен».

По силе и верности выражения сложного и богатейшего тончайшими оттенками мира чувств и мыслей, по простоте и удивительной ясности языка, по музыкальности поэзия Пушкина—явление исключительное. Туманян восхищался стихотворением «Зимний вечер», как высоким образцом реалистической лирики. Он видел в нем черты подлинной народности.

Переводы Туманяна свидетельствуют о его строгом отношении к самой задаче поэтического воспроизведения. «Перевод подобен розе под стеклом,—писал Туманян.—Почти невозможно, чтобы переводчик дал благоухание, непосредственное обаяние подлинника. Однако всегда требуется, чтобы он оставался верен мысли подлинника и был понятен читателю. Это требование особенно усиливается, когда переводится такое произведение, каждое слово и предложение которого имеет свое твердое место и значение»⁸.

Сознавая всю сложность творческой задачи переводчика, Туманян в своей практике придерживался этих принципов. Он стремился переводить, не изменяя мысли подлинника, добывая такого совершенства, при котором перевод обладал бы благозвучием оригинала. В этом отношении переводы Туманяна из русской поэзии близки по своему общему характеру к стихотворениям Лермонтова: «Горные вершины спят во тьме ночной...» (из Гете) или «На севере диком...»—«Сосна» (из Гейне). В подобных случаях переводчик выступает прежде всего как поэт. Его волнует сама сложная творческая задача перевода стихотворения, в котором он нашел нечто очень близкое, вполне соответствующее своему поэтическому настроению и, проникаясь духом подлинника, воссоздает его на другом языке. Армянский текст «Зимнего вечера» Пушкина у Туманяна является шедевром именно такого типа поэтического перевода.

Туманяну удалось найти в родной речи такие слова и звуки, которые верно передают не только образную систему подлинника, но и легкость, изящество, мудрую простоту и музыкальность русского образца.

Переводы Туманяна получили высокую оценку еще при его жизни. «Пламенная душа Абовяна,—говорил Терьян в

⁸ *Ов. Туманян. Собр. соч., т. 4, стр. 69.*

апреле 1914 года в публичной лекции «Будущий день армянской литературы»,—семьдесят лет тому назад если и не ясно сознавала, то чувствовала, что приносят нам русские, и приветствовала проникновение их в глубь нашей страны. И не великий ли поэт наших дней тот (т. е. Туманян.—К. Г.), кто приносит нам наиболее типичные творения русского духа: Пушкина и былины, Лермонтова и народную сказку»⁹.

В переводах Туманян не придерживался формального подхода. Он допускал известные «вольности», не искажающие мысль подлинника. Так, например, в переводе стихотворения Кольцова «Раздумье селянина» Туманян нашел возможным строку «Сяду я за стол да подумаю» заменить другой: «Сяду у стены да подумаю», потому что обычное место размышлений и тяжелых дум бедного армянского селянина не у стола, а у стены своей землянки.

Такую замену Туманян допустил не только потому, что хотел свой перевод сделать понятным и близким широкому армянскому читателю, но и потому, что он не придерживался принципа внешне формальной точности. Он не ставил перед собою задачу передать русское стихотворение слово в слово, рабски подчиняясь оригиналу. Туманян заботился лишь о том, чтобы в переводе мысль стихотворения Кольцова была передана с максимальной ясностью и точностью.

Из всей русской поэзии Туманян выделял два особенно ему дорогих имени: Пушкина и Лермонтова. «Я нашел, что русские поэты,—писал Туманян в 1902 году,—главным образом Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне более родными и близкими, чем наши армянские поэты»¹⁰.

Сильное чувство любви и привязанности к Кавказу, поэтическое воспевание его природы и вольной жизни в горах, глубокий интерес к народной жизни явились теми основными моментами, которыми определялось отношение Туманяна к Пушкину и Лермонтову. О непосредственном воздействии русской поэзии на свое собственное творчество Туманян писал: «До получения вашего письма я не задумывался над вопросом о том, в какой степени я находился под влиянием русской словесности; получив его, я, серьезно подумав об

⁹ Ваан Терьян. Собр. соч. в трех томах (на арм. яз.), т. II. Ереван. Айпетрат, 1961, стр. 290.

¹⁰ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 22.

этом, стал искать у себя следы русского влияния не по внешней форме моих стихотворений,—так как я никогда сознательно не следовал и не подражал никакому поэту, а в моем духовном мире, литературных вкусах и взглядах»¹¹.

В 1914 году, в условиях войны, Туманян решил отметить в армянской печати 100-летие со дня рождения Лермонтова. В октябре он написал статью под заглавием «Великий приемный сын Кавказа», в которой с грустью отмечал: «Война помешала отпраздновать светлое событие, которое должно было вызвать ликование, волнение в миллионах сердец всех народов и племен России». В этой статье была дана общая характеристика творчества русского поэта, по которой легко понять, что было особенно близко и дорого Туманяну в поэзии Лермонтова. Его прежде всего привлекала гордая, свободолюбивая натура русского поэта: «Он родился с пламенной возвышенной душой, которая еще с детства искала новых путей в сумраке России прошлого столетия,—с душой, отвергавшей жизнь, закованную в чиновничий мундир.

И свершилась великая драма.

Да, самая ужасная из драм, драма великих душ. Лермонтов разделил судьбу своего великого предшественника Пушкина...».

Далее Туманян говорил о «странной любви» Лермонтова к отчизне, любви, которая «щедро звучала в его творениях», но тогда не могла быть понята и по достоинству оценена, потому что «жизненную арену занимали или ничтожества, или те, о которых он говорил, что «их подлые сердца облачены в мундиры». Враждебное поэту общество «голубых мундиров» изгнало его из своей среды. «Его преследовали тысячи глаз и рук... Ко всему этому прибавилось огромное горе. Лермонтов боготворил Пушкина и увидел его оклеветанным и сраженным пулей.

И тогда родилось и загромело по Руси полное огня и ненависти стихотворение «На смерть поэта». Поэт кинул в лицо царской России такие слова обличения и гнева, каких еще она не слышала. И это решило все.

Он должен был удалиться...».

Туманян выразил глубокое сочувствие к трагической судьбе великих русских поэтов. «Когда настанет время праздновать столетие со дня рождения Лермонтова,—писал

¹¹ Там же, стр. 21.

Туманян,—мы, кавказцы, отметим это не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является приемным сыном нашей общей матери—Кавказа, еще с детства мечтавшим о кавказском небе и о его синих горах...»¹².

Летом 1917 года Туманян посетил памятные места, связанные с последним периодом жизни Лермонтова. «Побывал в домике Лермонтова, на месте дуэли и там, где он любил гулять,—писал он из Пятигорска одному из своих друзей,—многое в его произведениях можно понять только здесь»¹³.

Туманян рассказывает, как однажды, возвращаясь с вечерней прогулки, он, проходя по аллее, обратил внимание на множество мелких белых камешков, блестящих в темноте. Армянский поэт вспомнил стихотворение Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

«Я только теперь понял,—писал Туманян,—почему Лермонтов говорит: «Сквозь туман кремнистый путь блестит...». В письме к другу Туманян делился мыслями о том, какая тесная связь существует между песнями поэта и природой окружающего его мира.

Близкими и понятными были Туманяну русские народные песни, вызывавшие в нем чувство глубокого уважения к великому народу и его поэтическому творчеству. Не менее привлекала Туманяна проникнутая народностью поэзия Некрасова. В кругу друзей, вместе с Агаяном, он любил читать стихи Некрасова, в которых русский поэт воспевал бескрайние равнины своей родины и поведал миру о горькой доле тружеников земли. С волнением Туманян повторял слова Некрасова:

...Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,

¹² Ованес Туманян. Избранные произведения в трех томах, т. 3, стр. 227—231.

¹³ Ов. Туманян. Собр. соч., т. 5, стр. 426.

Где бы русский мужик не стонал?..

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля¹⁴..

Не трудно понять, почему именно эти строки более всего нравились Тумаяну. Они были созвучны его народной музе и вполне соответствовали его собственным настроениям.

Вслед за Пушкиным, Лермонтовым, Кольцовым, Некрасовым творческое внимание Тумаяна было поглощено «тиганическим гением» Толстого. Наброски армянского поэта, явившиеся непосредственным откликом на смерть Толстого, свидетельствуют о том, что Тумаян хорошо знал произведения великого русского писателя, в котором он видел воплощение «громальной силы художественной литературы своего времени». По мысли Тумаяна, отличительным свойством творческого гения Толстого явилось его умение в одном произведении «заключать огромное пространство жизни», его изумительное мастерство охватить явление «сверху донизу», во всей его глубине. В многогранной, сложной личности Толстого более всего нравилось Тумаяну его «сильное тяготение к природе и к крестьянину-мужику», его сочувствие к униженным и оскорбленным, его негодующий голос против социального гнета, его бичующее слово и мучительное искание выхода из мрака жизни.

Кончина Толстого вызвала глубокие переживания у Тумаяна. «День его смерти,—говорил он,—стал днем скорби всего просвещенного человечества, днем печали не только для русской, но и всей мировой литературы; днем печали для всех угнетенных, которые в трудные минуты жизни привыкли слушать его могучий голос; днем скорби для всех добрых сердец, которые знали, что еще жив Толстой...»¹⁵.

Осенью 1910 года Тумаян выступил на страницах журнала «Аскер» («Колосья») с переводом рассказа Толстого «Старая лошадь», которому была предпослана статья, адре-

¹⁴ *Мушег Агаян*. Газарос Агаян и Ованес Тумаян, «Хорурдани гракнупюн» («Советская литература»), 1939, № 3—4 (38—39), стр. 14.

¹⁵ *Ованес Тумаян*. Избранные произведения в трех томах, т. 3, стр. 180—182.

сованная к юным читателям. В ней Туманян говорил о гуманизме великого писателя России, о том, что он «всю свою жизнь писал и проповедовал, чтобы люди не угнетали друг друга, не враждовали, не убивали, чтобы жили мирно и спокойно, как братья. Он писал и для больших и для маленьких, писал о том, что нужно любить и жалеть не только людей, но и животных, каждое живое существо»¹⁶.

Туманяна постоянно привлекали идейные сокровища передовой русской литературы, ее гуманизм, ее глубоко патриотический характер, ее великая сила пробуждать и развивать благородные гражданские чувства, сознание человеческого достоинства, веры в человека и в человечность.

Литературные симпатии Туманяна не ограничились рамками армянской и русской литературы.

Еще в ученические годы Туманяну посчастливилось видеть на сцене знаменитого армянского трагика Петроса Адамяна в роли Гамлета. Туманян был потрясен игрой актера и шекспировской трагедией. Последовавшая за спектаклем ночь, по его признанию, имела решающее значение в его литературной биографии. Он настолько полюбил образ Гамлета и творчество его создателя Шекспира, что принялся писать драмы, темы которых он черпал из исторического прошлого Армении. Однако взыскательный автор не был удовлетворен работой и уничтожил свои пьесы. В архиве писателя сохранились лишь черновые наброски, относящиеся к ранним драматургическим опытам. Позже Туманян уже не возвращался к драме, хотя мысль о работе над ней постоянно волновала его. Шекспир остался его любимым писателем, и «драма в поэзии» была любимой формой поэтического творчества.

Особый интерес к Шекспиру, признание огромного значения его наследия для будущего развития литературы вызвали специальную статью Туманяна, посвященную разбору нового армянского перевода «Гамлета». В этой статье Ованес Туманян дал обстоятельный анализ армянского текста. Сравнив перевод с русскими изданиями, он указал на плохой язык и смысловые искажения, допущенные в армянском переводе.

В 1900 году Туманян вновь возвращается к «Гамлету» в связи с появлением следующего перевода шекспировской

¹⁶ *Ов. Туманян. Собр. соч., т. 4, стр. 159.*

драмы. На этот раз автор рецензии не ограничился лишь разбором армянского текста, а высказал целый ряд общих, принципиальных суждений о проблеме художественного перевода, о сложности самой задачи воспроизведения поэтического текста на другом языке.

Образ Шекспира жил в сознании армянского писателя и в зрелые годы его литературной и общественной деятельности как символ победы разума и света, как мощный голос освобожденного от средневековых пут человечества. «Шекспир и Сервантес, Гамлет и Дон Кихот! Это они освободили человеческую мысль от... средневековой мистерии...», — писал Туманян, — вывели искусство и литературу за стены дворцов и монастырей в просторный и необъятный солнечный мир». Для Туманяна с его широкими демократическими взглядами было особенно важно отметить великое освободительное значение творчества Шекспира и Сервантеса, указать, что они «развенчали перед народами их властелинов и раскрыли перед ними человеческую душу»¹⁷.

В историко-литературных экскурсах и размышлениях о назначении литературы Туманян ставил основной вопрос о типе писателя. Он говорил о том, как литература постепенно освобождалась от опеки царей и меценатов, как она, наконец, стала выходить на широкий простор народной жизни. Он искренне сожалел, что Гете жил в Веймарском дворце, что Фирдоуси был певцом Махмуд-шаха, что Руставели воспевал царицу Тамару. «Я уже не говорю, — писал Туманян, — о Корнеле, Расине и других, которые вне дворца другой жизни и не понимали». Туманян противопоставлял им Беранже и Бернса, в песнях которых он видел яркое проявление реализма и народности. «Речь идет не о величине талантов, — разъяснял армянский поэт свою мысль, — а о духе, направлении, мировоззрении... В одном случае жизнь господствующей прослойки, в другом — жизнь народа. В одном случае в роли зрителей — народы, в другом — цари».

Туманяну больше по сердцу поэты, которые были с народом, «воспевали его горе, воодушевлялись его мечтами, выбирали своих героев из его среды». И тогда «вместо царской мантии появилась повседневная одежда простого человека, вместо дворцовой драпировки и парков раскинулась свобод-

¹⁷ *Ованес Туманян. Избранные произведения в трех томах, т. 3, стр. 261.*

ная природа, и вместо напыщенных трескучих фраз начал господствовать народный язык со своими живыми оттенками, строгим стилем и прозрачной ясностью»¹⁸.

Туманян с чувством уважения и благодарности произносил имена основателей армянской письменности Месропа Маштоца и Саака Партева, писателей Хоренаци и Нарекаци, Шнорали и Кучака, Саят-Нова и Абовяна, Налбандяна и Сундукяна, Агаяна и Прошяна, всех тех, кто своими творениями обогатил армянскую литературу.

Творчество Туманяна своими корнями уходит в национальную действительность, в многовековую историю армянского народа. В то же время мир идей и образцов великого поэта Армении обогащался не только достижениями армянской, но и русской и западноевропейской литературы. В числе дорогих Туманяну имен, освещавших его путь, были, наряду с армянскими авторами, Пушкин и Лермонтов, Данте и Шекспир, Гете и Байрон.

III. ИСААКЯН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аветик Исаакян прошел более чем полувековой путь творческого развития. Его литературная биография теснейшим образом связана с русским и западноевропейским литературным движением сложной переходной эпохи конца XIX начала XX веков.

Не менее сложной была жизненная судьба Исаакяна. «С внешней стороны,—писал он в автобиографической заметке,—жизнь моя была очень богатой и разнообразной—тюрьма, ссылка, вновь тюрьма, бегство, долголетняя эмиграция, но по существу, по внутреннему содержанию—вечное недовольство, вечная неудовлетворенность, вечная тоска—безответная любовь, болезни, тяжелые потери близких, общественные и национальные бедствия»¹.

Кроме того, Исаакян много путешествовал, побывал в чужих краях. В начале 90-х годов, после ухода из Эчмиадзинской академии, он едет за границу с целью продолжения образования. В Лейпцигском университете слушает лекции по

¹⁸ *Ов. Туманян. Собр. соч., т. 4, стр. 346.*

¹ *Ав. Исаакян. Два слова о моей жизни. «Литературная Грузия», 1957, № 6, стр. 111. Автобиографическая заметка написана в 1929 году, в связи с грузинским изданием поэмы Исаакяна «Абул Ала Маари».*

философии, истории, филологии, антропологии и этнографии, занимаясь самообразованием, близко знакомится с новейшими течениями западноевропейской философской и эстетической мысли.

В 1895 году Исаакян вернулся на родину, а в мае следующего года за деятельность, направленную против царизма, был арестован и после годичного тюремного заключения сослан в Одессу. Возвратившись из ссылки, он отправляется в Швейцарию, в Цюрихском университете посещает лекции по истории литературы и философии. В 1902 году—Исаакян в Армении. Через три-четыре года он снова в Европе, где пробыв недолго, возвращается на родину, совершает путешествие по России, Кавказу.

В декабре 1908 года Исаакян был вторично арестован по обвинению в антиправительственной деятельности. После шестимесячного заключения он был освобожден. Однако преследования со стороны царской охраны продолжались и в 1911 году он был вынужден эмигрировать за границу. Длительное время он жил во Франции, Германии. Путешествовал по Греции и Италии.

Странническая жизнь поэта богата внешними событиями, но она не менее богата внутренним содержанием, напряженной работой беспокойной мысли: «Я стал искать правду,—говорил он в своей речи в апреле 1937 года, через несколько месяцев после возвращения на родину,—искать спасение у великих философов, ученых, великих пророков, и в моем сердце... Чем я только не увлекался, какими только философскими, этическими, социологическими системами? Был толстовцем, ницшеанцем, в студенческие годы в Германии—социал-демократом. Отчаявшись, стал я анархистом, пессимистом. Увлекался Буддой. Воодушевлялся армянским воинствующим национализмом... восставал против капитализма, против общества, против всех и всего... И в конце концов, после долгого раздумья, размышлений пришел я снова к социализму, на этот путь спасения. И вот свободной волей, убеждением, сжигая все корабли, безвозвратно пришел я в этот мир (в Советскую Армению.—К. Г.), где свершается великое, грандиозное дело в национальном и общечеловеческом смысле»².

² *Аветик Исаакян*. Соч. в четырех томах (на арм. яз.), т. 4, Ереван, Айпетрат, 1959, стр. 390—391.

Эволюция творчества Исаакяна теснейшим образом связана с традициями как армянского, так и русского и общеевропейского романтизма.

Нельзя согласиться с концепцией историко-литературного развития, по которой романтизм вовсе исчезает после того, как реализм завоевывает гегемонию, становится господствующим направлением. Рядом с реализмом Туманяна продолжала еще звучать романтическая муза Иоаннисиана. И позже романтизм в значительной мере сохраняет свои позиции в творчестве Исаакяна и в еще большей степени в лирике Терьяна.

Судьба романтизма в Армении была иной, чем в России. Расцвет романтизма в Армении (как и в болгарской и сербской литературе), по своим хронологическим рамкам, не совпадает с русским и западноевропейским литературным процессом. Армянской романтической поэзии пришлось пройти аналогичный с русской поэзией путь не в первой трети, а во второй половине и в большей степени в конце XIX века.

Романтизм в начальной стадии становления новой армянской литературы развивался преимущественно в одном направлении: в идеализации и героизации исторического прошлого. Яркими произведениями этой переходной эпохи явились «Аварарийский соловей» Алишана и «Скорбь Левона» Шахазиза, а также гражданская поэзия Патканяна³.

Первый сборник Иоаннисиана появился в то время, когда ощущались потребность в интимной лирике, в задушевных любовных элегиях, в поэзии природы. Иоаннисиан стоит на рубеже. С одной стороны, он подготовил почву для дальнейшего развития романтической поэзии. С другой—не меньше значение его творчества в укреплении позиции народно-демократического, реалистического направления.

Далеко не случайно, что Исаакяна привлекало, главным образом, раннее творчество Горького, его романтическая проза. Он впервые услышал имя Горького в период одесской ссылки. «Однажды, в 1899 году,—рассказывает Исаакян,—когда я бродил среди шумной толпы огромного одесского порта, предо мной вдруг остановился оборванный нищий и, протянув руку, сказал:

³ См. подробнее: С. Н. Саринян. Армянский романтизм (на арм. яз.). Ереван, Изд. АН Арм. ССР, 1966.

—Помогите, ради Горького.

Я впервые услышал имя Горького и подумал: «Видимо— это новый святой».

Спрашиваю его: «А кто он?»

—Это первый человек, который пишет о нас, бедняках, правду.

В тот же день я купил два тома рассказов М. Горького и начал читать. Читал с увлечением и вновь перечитывал. Каждое слово находило горячий отклик в моей душе.

...Читая, я бродил вместе с героями Горького по просторам России—по Волге, Крыму, берегам Черного моря, Молдавии. Особенно привлекала меня Волга. В ее широких степях в течение веков находили приют свободолюбивые и непокорные люди, все те, кто восставал против гнета и насилия феодалов, помещиков и царей. Волга—древняя колыбель свободы, восстаний: там звучали могучие песни свободы, гремела весть о походах Стеньки Разина, Пугачева...».

Так ярко воспринял Исаакян произведения Горького в годы молодости. В «романтике протеста и возмущения» было много близкого и созвучного с собственными думами армянского поэта, и он навсегда полюбил книги буревестника революции, «овеянные светлым духом свободы»⁴.

Русская литература являлась для Исаакяна постоянным источником вдохновения, интерес к которой возник у него еще в годы юности. Позже, в период зрелости, он не раз возвращался к чтению произведений любимых русских авторов. Однако, когда Исаакян говорит о русской литературе, он всегда выделяет два великих имени: Пушкина и Лермонтова, оказавших значительное влияние на формирование его литературно-эстетических взглядов.

Пушкин был постоянным спутником Исаакяна. С детских лет произведения русского поэта волнуют его, доставляют высокое эстетическое наслаждение, помогают познать жизнь, вселяя уверенность в торжество справедливости и разума.

В своей речи к столетию со дня рождения Пушкина Исаакян говорил: «Мы чествуем Пушкина не только в эти торжественные дни. Его чарующий гений сопутствует нам, начиная с детских лет и кончая старостью. Он всегда, с нами, в наших сердцах.

⁴ Аветик Исаакян. Избранные произведения, стр. 325, 326.

В детстве его золотые сказки уносили нас в счастливые миры воображения.

В юношеские годы нас пленяла его прелестная любовная лирика. Наши мечты и наша грусть сливались с его мечтами и грустью, и мы вместе с его заветной тенью скитались по полям великого русского отечества, по берегам его могучих рек, грустили в его лесах в золотые дни осеннего листопада.

Свободолюбивый дух Пушкина окрылял нас, юношей. Смелые, вольнолюбивые песни вели в бой, звали к самопожертвованию... В зрелые годы нас покоряет его мудрость, глубокое знание жизни⁵.

Эти слова свидетельствуют о том, какое важное место занимал Пушкин в духовном развитии армянского поэта. Тем не менее, по своей натуре, по характеру мировосприятия Исаакяну более близок и дорог был Лермонтов.

Восторженные строки о безвременно погибшем поэте не являются случайным высказыванием. Почти полвека тому назад Исаакян, отвечая на анкету о степени влияния русских классиков на свое творчество, писал: «Я всегда любил русскую литературу... я не могу не признаться, что еще начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, точно Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого я часто вдохновлялся, а именно его лирическими стихотворениями, «Демоном», «Мцыри» и особенно «Песней про купца Калашникова»⁶.

Признание это важно не только для выяснения процесса формирования литературно-эстетических взглядов Исаакяна, но и для понимания особенностей его индивидуальности. Армянский поэт не нашел возможным указать где, в каких произведениях сказалось воздействие Лермонтова. Черты близости между Исаакяном и Лермонтовым следует искать не в совпадении отдельных образов, а прежде всего в духе их творчества, в характере поэтического мирозерцания.

В самой поэтической натуре Исаакяна есть такие черты, которые сближают его с Лермонтовым. «Я без слез не могу вспомнить имя Лермонтова,—говорит Исаакян,—который в двадцать пять лет стал мировым поэтом»⁷. Лермонтовской

⁵ Там же, стр. 321, 322.

⁶ Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 25.

⁷ Аветик Исаакян. Избранные произведения, стр. 6.

поэзии свойственны грустные думы, горсть разочарования, скептицизм, благородное негодование и ненависть к темному миру зла. И для Исаакяна весьма характерны тревожные думы, сомнения, отрицания, грустные порывы, скептицизм, мучительное искание путей выхода из мрака жизни.

Многие черты, роднящие Исаакяна с Лермонтовым, связаны с традициями романтизма, но не созерцательно-мечтательного, а активного, мятежного романтизма. Они оба не только верят в «жизнь иную», в «стремление свободной мечты в вышину», но и беспощадны в гневиом разоблачении «зла». И Лермонтову, и Исаакяну свойственны бурные порывы, благородное негодование, «мятежная тоска» и «духовная жажда».

Исаакян завоевал славу прежде всего лирикой, в такой сфере поэтического творчества, где индивидуальность автора приобретает исключительное значение. «Его лирические темы,—пишет С. В. Шервинский,—не отличаются новизной. Если при этом поэт умеет быть свежим и «единственным», если его розы и соловьи подлинно цветут и поют, кажущаяся слабость становится доказательством силы таланта. Тема оправдывает себя в пересечении с творческой личностью. При обычности темы все дело в единственности выражения, в тончайших поэтических обертонах»⁸.

Исаакян обращается к этим «вечным мотивам» не потому, что они традиционно-привычные и как таковые как будто лежат на поверхности, а только потому, что они являются его внутренними темами, они психологически выстраданы и органически свойственны его неповторимой индивидуальности. Нужно было обладать могучим дарованием, чтобы в поэтическую разработку этих «вечных тем» внести свое ярко индивидуальное, самобытное начало.

Любимый герой Исаакяна—чужой меж людей, «бедный странник». Он, отвергнутый любимой, сраженный изменой, покинутый всеми, желчный и мятежный, с тоской в груди, бредет по бесконечным дорогам жизни. Трагедия любви в элегиях Исаакяна переплетается с темой одиночества:

...Я—мертвец, и у дороги
Я лежу во мгле ночной.

⁸ С. В. Шервинский. Избранный Исаакян. В сб.: «Аветик Исаакян в русской критике. Статьи, высказывания, письма». Ереван, Айпетрат, 1961, стр. 74.

Незарытый, позабытый...
Море плачет надо мной...

1893

(Перевод А. Ахматовой)

В другом стихотворении рисуется поэтом картина пустынного берега, где он «с глубокой раной в груди» лежит заброшенный, одинокий, и снится ему, как плачет дева над ним⁹. Одиночество и заброшенность порождают в его душе жажду взаимности, искание верного друга. Мечты о гармоническом счастье приводят Исаакяна к теме близкой, родственной души. Поэтому хочется верить, что где-то в неведомом краю живет «другая душа», которая также страдает и тоскует:

Да, я знаю всегда—есть чужая страна,
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в нескондаемой тоске
По ее волосам золотым...
1905 (Перевод Ал. Блока)

Мотив родственной души, к которому, в различных вариациях возвращается Исаакян в ряде стихотворений¹⁰, сближают его с Гейне и Лермонтовым.

Если радость любви в стихотворениях Исаакяна изображается преимущественно в форме далеких воспоминаний, где с трудом улавливается грань между мечтой и действительностью, в виде сновидений и грез, как выражение идеального начала его поэзии, то трагедия любви находит в них более конкретные очертания, со сложными переплетениями и вариациями, как начало реальное, как тема действительности.

⁹ «У вод необъятных...» (1907). См. также: «Мне снилось: я, раненный в сердце, лежал...» (1901), «Я увидел во сне: колыхаясь, внясь...» (1907).

¹⁰ «Издали в тиши ночной...», (1895), «Когда из моей сердечной раны...» (1898), «Видит лань в воде...», (1899), «В долине, долине Сално боевой...», (1900), «В тоске я шел вдоль горного кряжа...», (1906), «У вод необъятных далекого моря...» (1907).

Противопоставление чистоты и возвышенности мира поэтической мечты «низким страстям», пошлой прозе жизни— характернейший мотив лирики Исаакяна:

В этом мире святого не жди, не зови.
Все у грубых страстей в подчиненье.
Бестелесной и чистой в нем нету любви—
Разве только в мечтах, в сновиденье...

1903

(Перевод Вс. Рождественского)

Именно в таком контрастном плане развивается тема любви в «Песнях греха и покаяния», где поэт в порыве отчаянья, ожесточения призывает дать волю страстям, предаваться наслаждениям, довольствоваться тем, что дает жизнь, «опьяняться песней, женщиной, вином», и с ненавистью отворачиваться от всего того, что сулит лишь горе и страданье.

В статье «О жизни и сочинениях Кольцова» Белинский говорит: «Грубая чувственность могла увлекать его, но ненадолго, и он умел отрешаться от нее не столько силою воли, сколько природным отвращением ко всему грубому и низкому»¹¹. Умел отрешаться от чувственности и Исаакян, которому по натуре были чужды грубость и пошлость. И после кратковременного порыва, он с отвращением отворачивался от низменных страстей. В «Песнях греха и покаяния» автор с болью сознает, что он напрасно растратил лучшие дни в омуте «низких страстей». В этой внутренней борьбе побеждают идеальные порывы и «Песни» завершаются картиной: в прозрачном озере, на уединенном острове есть древняя пещера, «священный уголок», куда порывается поэт, чтоб в скорбном покаянии очиститься от «грязи земной».

Тоска у поэта была вызвана сознанием невозможности найти такие жизненные формы, которые соответствовали бы его идеалам, его высоким представлениям о человеке и человечности. Жалкими казались поэту люди, не способные возвыситься над действительностью, люди, грубые и черствые, люди, нищие духом, живущие без мечты и идеалов в пошлом кругу мелких расчетов и низменных страстей.

Границы лирики Исаакяна значительно шире, чем могут они показаться с первого взгляда. Исаакян не только певец любви и печали. В его внутреннем мире интимные чувства тесно переплетаются с его общественными настроениями, его

¹¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 521.

думами о жизни. В его элегиях личные переживания все более наполняются значительным социальным содержанием. В них автор запечатлел не мгновенные настроения, а итог поэтических раздумий. В них целая концепция. В грубой, беспощадной жизни он не находит пищи, чтобы утолить свою «духовную жажду». Мир несправедлив и жесток, люди бездушные, злые, любимая обманула. Но жить без мечты невозможно. И поэт уходит в созданный им «мир иной». Он рисует картину тихого, мирного счастья в одинокой хижине, на пустынном берегу реки¹².

Исаакян не только певец отвергнутого чувства, любовной тоски и страданий. Все эти сложные настроения, постепенно возрастая, выходят из пределов личного чувства, личных переживаний, все более приобретая социальную окраску¹³. В любовных элегиях Исаакяна раскрываются черты его гуманистического мирозерцания. «Любовь его,—пишет Ст. Зорьян,—не ограничивается воспеванием любимой: благородное чувство личной любви делает поэта чутким к другим, постепенно он становится всечувствующим и вселюбящим. Как из местного и национального возвышается он до общечеловеческого, от своей матери ко всем матерям, также его любовь от любимой распространяется на все и ко всему; любовь не только к людям..., но и ко всему миру, к вечной природе...»¹⁴.

Исаакян особенно полюбил жанр, в котором поэтическое созерцание сочетается с раздумьем. Такого рода стихотворения армянского поэта сближают его с Гейне, Лермонтовым, Шевченко. «Мысль является у него чувством,—писал Н. А. Добролюбов о Гейне,—и чувство переходит в думу так неуловимо, что посредством анализа нет возможности передать это соединение»¹⁵. Эту же черту отмечал Добролюбов и в думах Шевченко, в которых всегда присутствует спокойная грусть.

В стихотворениях Исаакяна с развитой музыкальной интонацией сказались традиции армянской песни, специфического ее жанра, песен-раздумий, в которых протяжная мелодия служит психологической канвой, а своеобразный ритм как бы соответствует ритму грустных размышлений,

¹² «Был бы на Аразе у меня баштан...» (1902).

¹³ См., напр., стихотв. «Полюбил я—отняли любимую...» (1898).

¹⁴ Ст. Зорьян. Родной источник (к 65-летию Аветика Исаакяна).

«Гракан терт», 23 декабря 1940 г.

¹⁵ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. 2, М.—Л., Гослитиздат, 1962, стр. 489.

В. Терьян «стихийную непосредственность чувства» считал отличительным свойством песен Исаакяна. И действительно, идущие из глубины сердца искренние порывы придают им неотразимую эмоциональную силу. В то же время стихотворения Исаакяна обладают богатством содержания, глубиной мысли. Его лирика—преимущественно поэзия мысли и он—поэт действительности. Он любит размышлять, но эти размышления особого свойства, преобладает в них, пользуясь выражением самого Исаакяна, «мечтательное раздумье», в котором реальность как бы растворяется в поэтическом созерцании, когда теряется грань между мечтой и жизнью. «Вечер незаметно,—писал Исаакян в воспоминаниях о Терьяне,—превращается в ночь. В ущелье сонно шепчет родник. Тихо шелестит от озера свирель ветерка... Глубокая ночь... Все предметы потеряли свои формы, исчезли, стали нематериальными; реальный мир неощутимо, незаметно ушел в нереальность. Мы мечтаем, высоко возносясь в переливах грез, где освобождается запутанная мысль и напряженное раздумье находит успокоение...»¹⁶.

Исаакяна постоянно занимали «проклятые вопросы», волновавшие лучшие умы человечества. Он ищет смысла жизни, назначения человека, жаждет познать мир и его законы. Поэт не мог мириться с мыслью, что человек, «венец природы», которому дано постигнуть тайны мироздания, плоды творческой мысли которого живут века, тысячелетия, этот человек смертный, что жизнь его «лишь мерцание на миг, чтоб погаснуть навек»¹⁷. Зачем приходит человек в этот мир, для чего ему дана жизнь и зачем он уходит? Приходят и уходят целые народы, возникают и исчезают во мраке космоса целые миры, кто их творит и кто разрушает? В чем смысл этого вечного процесса?

Жизнь для Исаакяна—светлое сновидение:

Вся вселенная—сказка, полная чар, где нет
конца и начала где—нет.

Кто же сплел эту сказку, роскошный рассказ,
сплел с ней вместе созвездья, бесчисленность чудес?

1909

(Перевод В. Брюсова)

¹⁶ *Аветик Исаакян*. Соч. в четырех томах, т. 4, стр. 161.

¹⁷ «Знаю, спустя много веков...» (1899), «Каждое мгновение нашей жизни...» (1899), «Перед созидающей звездой...» (1904), «Жизнь—краткий сон...» (1917), «Природе задал я вопрос...» (1932).

Поэт не мог мириться с мыслью, что все в мире изменчиво, все мгновенно, все проходит («жизнь—короткий сон, народы—прохожий в пути караван»), что в мире «ничто не имеет прочного основания». В этот «вечный» мотив Исаакян вносит примирение, вызванное сознанием неизбежности:

Сорванную розу ветке не вернуть...

Мигом миновавшим снова не вздохнуть...

1904

(Перевод В. Брюсова)

Были такие тягостные минуты, когда Исаакян после возвышенных стремлений надежд и благородных порывов приходил к сознанию никчемности, пустоты и бессмысленности жизни¹⁸. Тогда появилась в его поэзии тема рока, образ «черного ворона»:

Над головой черный ворон все кружится¹⁹...

Надо мною темные тучи, черный ворон²⁰...

Образы «ворона», «коршуна» в поэтической системе Исаакяна, как и в армянских песнях, так и в поэтическом фольклоре других народов, выражают тревогу духа, связаны с народными представлениями о «злой судьбе». Ворон предвещает, «кличет беду». Таков символический смысл этого образа и в лирике армянского поэта.

Сознание неизбежности неумолимых законов бытия приводило иногда поэта к фаталистическому смирению:

Ты ранено, сердце, ты бьешься в груди

К чему? Разве можешь ты горю помочь?

Своими путями мир будет идти,

И ты не разгонишь нависшую ночь...

1903

(Перевод Вс. Рождественского)

Однако эти мрачные настроения, вызванные смятением, вскоре преодолеваются Исаакяном. Они сменяются гневным протестом. В нем побеждает бунтующее начало, активное боренье. Поэт призывает не к покорности судьбе, а к мужественному отражению ее ударов. Он проклинает мир рабства и угнетения, взывает к орлу, одиноко парящему над горами вершинами:

¹⁸ «Не очень грусти, и не слишком радуйся...» (1904).

¹⁹ «Грустный, с поникшей головой...» (1901).

²⁰ «Что там в тучах?...» (1902).

...Вонзайся же в грудь мне! От власти коварной
 Мне сердце спаси, унеси от земли,
 Его подними ты на трон светозарный,
 На звездный Масис²¹, что мерцает вдали!
 Бунтарское сердце мое схорони ты
 На грозной вершине, где грома раскат,
 На гордой вершине, туманом повитой,
 Над суетным миром, мой вольный собрат!
 1907 (Перевод В. Любина)

Человек не должен слепо покоряться темным силам жизни, он должен в борьбе ковать свою судьбу. Сила убеждений и крепость характера спасут его от унижений, от позорного падения.

Тема гордого одиночества проходит красной нитью через всю лирику Исаакяна дореволюционных лет: «Живу одиноким среди людей мне чужих...», «Не ищи напрасно сердечного друга, родился твой дух навек одиноким...»²².

В основе этой трагедии лежит мысль Исаакяна о том, что каждый человек природой создан одиноким, что он живет в замкнутом мире своих чувств и дум, что этот мир чужд и непонятен другому:

Кто ж чужого полюбит, волнуясь, скорбя,
 Даже близким его называя?
 А любить кого-нибудь больше себя,
 Словно друга—затея пустая.

Кто ж родное себе может чувствовать в нем,
 С ним своими делиться мечтами?
 И, друг другу чужды, уж давно мы живем
 Одиноким, как звезды над нами²³.
 1903 (Перевод Вс. Рождественского)

²¹ Масис—Арагат.

²² «Живу одиноким среди людей мне чужих...» (1894), «Подобно стае разъяренных волков...» (1904). Ср. у Лермонтова: «Живу как камень меж камней...» («На жизнь надеяться страшась...», 1830), «Один, покинув свет и чуждый для людей...» («Элегия», 1830).

²³ Ср. у Лермонтова:

Душою мы друг другу чужды,
 Да вряд ли есть родство души...
 («Я к вам пишу...», 1840)

С не меньшей силой выразилась в лирике Исаакяна «духовная жажда». В одном из стихотворений начала 900-х годов поэт, имея в виду грубых и черствых людей, погрязших в материальных расчетах, людей, которые «нагло осмеяли» благородные порывы и светлые мечты, предавшись низменным наслаждениям, обращается к ним со словами:

Говорю вам: духовный голод вас будет томить,
Суждено вам голодать у пышных столов,
С набитым желудком, как нищим бродить
В жажде возвышенных, огненных слов...
1903 (Перевод Вс. Рождественского)

С темой одиночества и «духовной жаждой» тесно связан у Исаакяна образ поэта-пророка, в создании которого известным стимулом явились традиции лермонтовской лирики.

У Лермонтова пророк в глазах людей читает «страницы злости и порока». Он провозглашает «любви и правды чистые ученья», но в него бросают «бешено камня». Толпа с презрением отворачивается от него. И бежит он от людей в пустыню, храня «завет предвечного». Ему «покорна тварь земная», ему внимают звезды.

И в стихотворениях Исаакяна пророк—гордый дух, одинокая, сильная личность. Толпа презирает его. Он живет вдали от людей, скитается по миру «с чистой душой», скорбной думой на челе. Под ним волнуются толпы, как океан. Он идет к ним, к людям «с светлой верой», «новыми заветами», чтоб проповедовать «огненным словом» и карать зло. Поэт-пророк—прорицатель будущего, «грядущих дней певец»²⁴.

Исаакян создает образ поэта-пророка, поэта-мученика, подвижника и глашатая истины, справедливости которого не понимает толпа и которого ведут на казнь. Он идет к своей гибели с высоко поднятой головой, с сознанием святости дела, за которое он должен принять терновый венец. Это—одинокий, не знающий страха, могучий, гордый дух.

В поэзии Пушкина достаточно ясно выражен мотив «гордого величия непонятого и оскорбленного художника»²⁵.

²⁴ «С венцом терновым на челе...» (1895), «Мечтой я на дальних бродил берегах...» (1897), «Я светлой верой был вооружен...» (1899), «Вселенский колокол» (1899), «Из бездны мрака голос мой звучит...» (1900).

²⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 347.

Эта же мысль еще с большей настойчивостью звучит у Лермонтова. Она характерна и для Исаакяна. Холодная, бездушная толпа не может понять «души прекрасные порывы», и поэт уходит в природу. Ей одной можно вверить свои высокие думы. Непokoйные, «буйные мечты» Исаакяна, его скорбь и гнев созвучны мятежной природе, и он часто обращается к картинам стихии на море, в горах, в безлюдной пустыне. Бушующая природа вызывает в нем новый прилив энергии, укрепляет волю к борьбе с «темным миром» горя и зла:

...Гроза на грозу громоздится в горах.
Грохочут грома, повторяясь стократ,
И молнии бешено блещут сквозь мрак.
Но горы не дрогнут—бесстрашно стоят.
Лишь там, в их грохочущей дикой борьбе,
Мятежное сердце,—там место тебе...
«В далеких горах Гималайских...».
1905 (Перевод В. Державина)

Близость Исаакяна к Лермонтову, по характеру поэтического мирозерцания, сказала и в идейной концепции поэмы «Абул Ала Маари».

Исаакяну было суждено жить и творить в иную эпоху, в иных исторических условиях, но Лермонтов оставался для него живым явлением, в «мятежной» поэзии которого он находил много созвучного с собственными думами.

Поэма «Абул Ала Маари» была написана после подавления первой русской революции (1909 г.). «Хотел я бежать с планеты, обогрени кровью,—писал Исаакян,—удалиться от времени, от пространства, от вселенной»²⁶.

Задуманная беседа с самим собою, размышления вслух, то, что обычно называют внутренним монологом, были излюбленной литературной формой Исаакяна.

В «Абул Ала Маари» автор прибегает к форме своеобразной исповеди. Содержание поэмы составляют размышления Абул Ала, его рассуждения и беседы с самим собою.

Разочарование и пессимизм Абул Ала достигли предела. Он более ни во что не верит. Теперь для него «закон», «справедливость»—лишь пустые звуки. Он прощается с прошлым навсегда, отвергая все, чем раньше дорожил. Возненавидел

²⁶ Аветик Исаакян. Соч. в четырех томах, т. 4, стр. 266.

родных, друзей, женщин, богатство, славу, Абул Ала бежит от пороков людей, от их, как говорит он, «ничтожных и злых дел», бежит от лицемерия, что «хуже всех зол». Герой поэмы уходит от жизни и людей в дикую пустыню. Там, в песчаных бескрайних просторах, он ищет исцеления, свободы:

В пустыню иди, ты, мой караван! в
безлюдный, и в дикий, и в знойный край!..
...Где гнезда ехиди, разобью свой шатер!
разобью свой шатер, где спит скорпион!
Вдали от людей будет в тысячу раз
безопасней, покойней, прекрасней мой сон!

(Перевод В. Брюсова)

Абул Ала беспощаден в своем обличении лжи и лицемерия, социальной несправедливости и гнета, всего строя жизни общества, где человек человеку волк, где горе побежденному и нет другой правды кроме грубой силы и власти денег, где осквернены и растоптаны светлые идеалы человечества:

Что осталось за нами, о мой караван, чтоб
вернуться назад, в край близких моих?
Покинули мы друзей и жену? богатство
и славу, семью и родных?
Людей и народ покинули мы? закон,
справедливость, отчизну, права?
Иди все вперед! покинули мы лишь оковы
и цепи, обман и слова!
1909

Абул Ала Исаакяна не просто скептик и индивидуалист, злой и жестокий человек по натуре. Ожесточение его против людей иного свойства. В этом сложном и противоречивом образе раскрывается трагедия одинокой, сильной личности. «Озлобленный ум,—говорит Белинский,—есть тоже признак высшей природы, потому что человек с озлобленным умом бывает недоволен не только людьми, но и самим собою. Такие личности, желая «многого», не удовлетворяются «ничем»²⁷.

Источник «злых мыслей», скорби и гнева героя поэмы следует искать в социальной действительности. Он возненавидел жизнь потому, что, по мысли поэта, она недостойна человека, его высокого назначения. Как же иначе можно понять то обстоятельство, что Исаакян, которому обязана ар-

²⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 354.

мянская поэзия своими лучшими патриотическими произведениями, в поэме «Абул Ала Маари» говорит страшные слова об отчизне. Он возненавидел даже отчизну, но возненавидел только потому, что видел там лицемерие, зло и несправедливость, горе и слезы, страдания бедняков, жестокость и деспотизм сильных, где «тиран беспощадный во славу свою в пирамиду слагает жертв черепа...».

Сильная сторона поэмы в беспощадной критике существующего порядка вещей, в протестующем, негодующем пафосе, в авторском остром восприятии социальной несправедливости, его глубокой симпатии к «бесправному пахарю», к «слабым», «бедным», к «угнетенным беднякам», к «скорбным строениям глухих деревень», «дремлющим в окаменелом быту». Слабая, уязвимая сторона идейной концепции поэмы заключается в том, что в ней нет сознания «необходимости бороться за переустройство этого страшного мира жестокой социальной дисгармонии»²⁸. И это происходит не от того, что он не хотел бы верить в эту возможность, он жаждет этого, он мечтает об этом; трагедия автора заключается именно в том, что он не видит реального выхода, реальных путей, и он в отчаянии, в ожесточении бежит от людей в пустыню.

Абул Ала бесконечно влюблен в жизнь, но он с горечью вынужден отвергать ее только потому, что уродливые отношения между людьми, народами, несправедливый социально-политический строй, деспотизм и лицемерие превратили сказку жизни в страшный кошмар, в мир слез и страданий, где люди в слепом безумье—

Вырывают с борьбой друг у друга куски,
друг друга толкают к могиле с борьбой.

В поэме Исаакяна затрагивается целый ряд социально-политических, философско-нравственных проблем. Она в своей идейной основе многосложна—и требовала соответствующего художественного разрешения, требовала такой формы, которая, при отсутствии острых сюжетных ситуаций (в поэме собственно нет ни действий, ни действующих лиц, ее фабула определяется содержанием размышлений Абул Ала), позволила бы автору добиться внутренней цельности и струк-

²⁸ П. Н. Берков. Две поэмы Аветика Исаакяна («Абул Ала Маари» и «Мгер из Сасуна»). В сб. «Аветик Исаакян в русской критике», стр. 154.

турной стройности. Такую организующую роль в поэме играет удачно найденный единый ритм, как бы отражающий неторопливый, размеренный шаг каравана:

И караван Абул Алы, как ручей, что,
журча, бежит средь песков,
В дремотной ночи неснешно шагал,
со звяканьем нежным больших бубенцов.
Размеренным шагом путь совершал ночной
караван, вясь как змея,
И звон сладкозвучный лился, затопляя
погруженные в сон немые поля.

Ритм поэмы отражает спокойное течение мысли, скорбного раздумия Абул Ала²⁹.

Характеризуя поэму Исаакяна, В. Я. Брюсов писал о том, что «вся она насыщена роскошью и негой Азии», что элементы Востока в ней «торжествуют свою победу»³⁰. Восточный колорит поэмы не экзотического свойства. Автор достигает этого колорита не при помощи чисто внешних признаков, при помощи употребления отдельных восточных специфических традиционных выражений и слов, как, например, «касыда» (жанр торжественной оды народов арабских стран, Средней Азии, Ирана, Азербайджана), «сура» (название глав Корана), «гюлистан» (цветник роз), «иблис» (сатана в мусульманской народной демонологии), «шемс» (древнее божество солнца), «шюкр» (слава, благославление), «салам» (привет). Связь поэмы «Абул Ала Маари», ее сюжета, жанра, стиля с древним Востоком глубокая и органическая. Она выразилась прежде всего в общем духе, в нравственно-фило-

²⁹ Перевод В. Я. Брюсова «Абул Ала Маари» останется одним из значительных памятников поэтического перевода. Не только содержание, глубина и оттенки мысли, но и строгая форма, единство образов и стилистическая целостность, внутренний ритм и звучание строк сохранены в русском тексте поэмы Исаакяна.

Когда увидел свет сборник «Поэзия Армении», где она впервые на русском языке была опубликована, в рецензии на это издание В. Язвицкий писал: «Вырывать цитаты из великолепного перевода В. Я. Брюсова мне не хочется, чтобы не рвать красивой художественной ткани. Перевод нужно прочесть от строки до строки» (*В. Язвицкий. Поэзия Армении, «Армянский вестник», 1917, № 12, стр. 7*).

³⁰ «Поэзия Армении», стр. 80.

софской проблематике поэмы. Картина спящего Багдада написана Исаакяном широкой свободной кистью вдохновенного художника. Элементы Востока здесь, действительно, «торжествуют свою победу». Перед взором читателя как бы оживает средневековый Восток с его негой и роскошью, ослепительным блеском его дворцов, со сказочной яркостью его красок. Он не только видит водометы, цветники роз, кристальные киоски, но и слышит шелест кипарисов, прохладный шум фонтанов, ощущает пьянящую атмосферу теплой, «бархатной» ночи.

Все главы поэмы начинаются с описания природы, и на каждый раз автор повторяет определенные элементы, создавая в пейзаже некий лейтмотив, вполне созвучный общему духу произведения. В соответствии с нарастающим гневом Абул Ала меняется и психологическая тональность пейзажа. Мрачную, в то же время величественную эпическую картину представляет описание смерчи, урагана в бескрайних песчаных просторах Аравийской пустыни:

Как гигантская птица, черная ночь широко
простерла крылья свои;
Огромные крылья нависли, покрыв караван, всю
пустыню, оазы, ручьи...
И, от дали до дали, сумраки туч разостлали
по небу, чернея, кайму;
Луна и созвездья утратили свет, и казалось, что
тьма окутала тьму.
Налетели сурово ветры, стена, словно кони,
сорвавшись с узды иль с цепей;
В урагане кружились, крутились в борьбе облака и
песок сожженных степей.

Несмотря на сложное переплетение идейных мотивов, острых социально-нравственных проблем, несмотря на многосложность структурных элементов, все части соотнесены и подчинены единству мысли. Это замкнутый в самом себе мир, в котором отстранение малейшей подробности приведет к разрушению идейной и художественной концепции произведения.

Поэма Исаакяна «Абул Ала Маари» принадлежит к числу выдающихся произведений не только армянской, но и

мировой литературы. Она переведена на многие западноевропейские и восточные языки³¹. Сравнительно недавно издан в Париже новый французский перевод³², отмеченный премией Французской академии³³.

Русский перевод поэмы вызвал полемику между известным ученым арабистом, академиком И. Ю. Крачковским и В. Я. Брюсовым³⁴.

В 1929 году известный грузинский поэт Тициан Табидзе перевел «Абул Ала Маари» и в этой связи обратился к автору с просьбой написать несколько строк к грузинскому изданию поэмы. В ответ на эту просьбу Исаакян прислал Табидзе две заметки, одна в виде автобиографической справки, другая по поводу грузинского издания поэмы³⁵. В конце второй заметки Исаакяном, между прочим, указывалось, что в свое время его вдохновили «Фарис» Мицкевича и «чудесное стихотворение» Бараташвили «Мерани» («Пегас»)³⁶. Этого было достаточно, как указывает Г. Канкава, чтобы некоторые из грузинских литераторов сделали поспешный вывод о «непосредственном воздействии, доминирующем влиянии» «Мерани» Бараташвили на поэму Исаакяна³⁷.

Когда это стало известно Исаакяну, он не без некоторого удивления писал Л. М. Меликсет-Беку: «Есть поэты, которых я очень любил и люблю: Байрон, Гейне, Мицкевич, Лермонтов и в числе их Бараташвили». Далее армянский поэт указывал на то, что в произведениях этих авторов он находит близкие, родственные своим настроениям мотивы, от-

³¹ Поэма Исаакяна переведена на немецкий, английский, французский, итальянский, испанский, японский, арабский, еврейский, грузинский и др.

³² *Avedik Issahakian. Abou-Lala-Mahari. Poème en sept chants. Traduit de l'arménien par Jean Minassian, Paris, 1952.*

³³ См. „Guide de prix Littéraires“, Paris, 1955, стр. 30.

³⁴ См. К. Н. Григорьян. Переписка академика И. Ю. Крачковского с В. Я. Брюсовым в связи с русским переводом поэмы Исаакяна «Абул Ала Маари». «Известия АН СССР», 1958, т. XVII, вып. 6, стр. 547—554.

³⁵ Грузинский перевод издавался дважды в виде отдельной книжки в 1931 и 1936 гг. с предисловием Т. Табидзе и заметками Исаакяна.

³⁶ «Я в особенности рад, что мне представляется случай сообщить,— писал Исаакян,— что мой старший брат Бараташвили вдохновлял меня. Его прекраснейший Мерани увлек меня. Караван Абул Ала идет по следам коня Бараташвили». «Литературная Грузия», 1957, № 6, стр. 111.

³⁷ Г. Канкава. Аветик Исаакян и грузинская литература. Тбилиси. Изд. АН Грузинской ССР, 1960, стр. 12.

мечая духовную близость Абул Ала к Чайльд Гарольду Байрона, Фарису Мицкевича и Мерани Бараташвили³⁸.

Творческая история «Абул Ала Маари» представляет специальный интерес для изучения все более усиливающегося процесса межнационального литературного общения. В поэме Исаакяна сказались традиции как западноевропейского романтизма (Байрон), так и романтизма славянских литератур (Мицкевич, Лермонтов).

И «Фариса» Мицкевича, и «Мерани» Бараташвили Исаакян читал в русских переводах³⁹. В этом, как и в целом ряде других случаев, русская литература выступала в роли посредницы в развитии идейных связей между кавказскими и славянскими народами.

«Абул Ала Маари» имеет некоторые черты внешнего сходства с «Фарисом» Мицкевича. В обоих произведениях использован арабский колорит, оба они называются «касыдой». Кроме того, улавливается между ними и общность отдельных мотивов. В стихотворении польского поэта бедуин «летит все вперед», презирая покой. В гордом одиночестве, в безлюдном краю он «обнимает красу природы милой»:

Вздыхнул свободно я и поднял к звездам взор.

Очами золотыми все светила

Послали мне привет в земной простор,—

Мне одному: кругом безлюдие царило...

...В безбрежную лазурь несется мысль моя,

Все выше, в горние незримые края⁴⁰...

1828

(Перевод О. Румера)

Эти настроения, несомненно, созвучны герою поэмы Исаакяна. Однако они составляют в идейной и художественной концепции произведения отдельные штрихи частного значения. Даже в пределах этих мотивов сразу же намечаются и расхождения. У Мицкевича пейзаж окрашен в возвышенно-романтические тона: «безбрежная лазурь», «горние незримые края» и т. д., в то время как в поэме Исаакяна картины

³⁸ Л. М. Меликсет-Бек. Материалы для полного собрания сочинений Аветика Исаакяна (на арм. яз.). Альманах армянской секции Союза советских писателей Грузии, Тбилиси, 1950, стр. 363, 364.

³⁹ Там же, стр. 364.

⁴⁰ Адам Мицкевич. Собр. соч. в пяти томах, т. I, М., Гослитиздат, 1948, стр. 177.

носят эпический характер и написаны жесткими мазками. Затем, бедуин в «Фарисе» мчится с быстротой молнии (как в «Мерани» Бараташвили) на черном скакуне и перед его взором мелькают леса, горы, скалы. И строки стихотворения отражают неукротимое движение, динамику быстро меняющихся картин. Общий же колорит поэмы Исаакяна определяет медленное, размеренное движение каравана в тишине ночи по безлюдным просторам пустыни. Поступь каравана, как и размеренные строки поэмы, соответствуют ритму размышлений Абул Ала, целиком погруженного в свои думы.

Дорог был Исаакяну и беспокойный, мятежный дух «Мерани». Он сочувствовал герою стихотворения Бараташвили, бросившего отчизну, родных и друзей, жаждущего в стремительном движении по горным кручам развеять свою «черную думу». Однако не в этих общих мотивах основной пафос поэмы Исаакяна. Г. Канкава, не соглашаясь с теми, кто видит непосредственное воздействие «Мерани» на «Абул Ала Маари», указывал на широту замысла поэмы, на ее эпический характер и философское содержание. «Абул Ала Маари», — пишет Г. Канкава, — выражает стремление человеческой личности к возвышенному, к великой цели, ясным и свободным просторам. При таких больших порывах и стремлениях индивидуум, естественно, отвергает или оставляет позади отжившие и устаревшие формы жизни»⁴¹.

Для обоих авторов (как стихотворения «Мерани», так и поэмы «Абул Ала Маари») единым источником вдохновения мог служить Лермонтов, перед поэтическим гением которого преклонялись и Бараташвили, и Исаакян.

Абул Ала Исаакяна по миросозерцанию, по своей жизненной позиции весьма близок к героям Лермонтова. Так, например, об Измаил Бее в одноименной поэме автор говорит о том, что он «презирал ничтожный мир», что

Обманут был он,—и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему...

Лермонтовский герой много испытал, постиг жизнь, «узнал людей и дружеский обман», «презрел чистую любовь». Он живет среди холодной толпы «без дружбы, без надежд», на устах его «дикие проклятия». Все эти черты свойственны

⁴¹ Г. Канкава. Указ. соч., стр. 11—13.

и Абул Ала Исаакяна. И он «ненавидит все, что прежде любил», ненавидит близких, родных, отца и мать. И он разочарован в любви, был жестоко обманут и клятве женской более не верит, наконец, и для него весь мир «пуст и сучен». Он также

Оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья⁴².

Лермонтовский герой разочарованный, мятежный, гневный любит «бури роковые, и пену рек, и шум дубрав», скитается мрачным и скорбным «среди ветров онемевших»⁴³, бежит от жизни и чуждых ему людей в природу, в бурях ищет он покой:

...Летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главою;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.
(«Гроза», 1830)

И Абул Ала Исаакяна уходит из жизни в природу, и он не знает страха перед стихией природы. Более того, буря ему по душе, он гордо, одиноко идет навстречу урагану:

Войте лютые ветры! ревите кругом!
Обвевайте вы, вихри, главу мою!
Вот, робости чужд, с непокрытым челом,
Я буйные ветры, пред вами стою...

Близость Исаакяна Лермонтову очевидна. Однако идейное содержание и художественное своеобразие поэмы «Абул Ала Маари» невозможно объяснять родством ее отдельных мотивов с темами лермонтовской лирики или какими-либо иными литературными источниками.

⁴² См. также «Стансы» (1831), Лермонтова:

На светлый запад удалюсь:
Вид моря грусть мою рассеет
Ни с кем в отчизне не прощусь—
Никто о мне не пожалеет...

⁴³ См. «Мой демон», «Элегия» («Дробись, дробись, волна морская...»), «1830 год, Июня 15-го», «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...»), «1831-го января» и др.

В дореволюционной критике были попытки поставить «Абул Ала Маари» и философскую лирику армянского поэта в зависимость от движения символистов. В. Я. Брюсов в 1916 году писал: «Благодаря сближению с европейскими литературными кругами Исаакян испытал воздействие того «символистического движения», которое властно захватило всю европейскую литературу в конце XIX в., хотя, впрочем, оно отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа»⁴⁴.

Характерными признаками символического мировоззрения, вызванными в конечном счете упадком культуры и нравственным вырождением, явились отчужденность от жизни, бегство от действительности в призрачный населенный страшными видениями больной фантазии мир, подчеркнутая изысканность, утонченность, эстетизм, эротика, крайний индивидуализм, пессимизм и, наконец, мистика.

Не случайно «символистическое движение» взято Брюсовым в кавычки, как условное обозначение многосложного явления, далеко не единого движения, внутри которого сталкивались различные тенденции и течения. Следует при этом сказать, что наиболее талантливые из русских символистов, в творчестве которых сказалась сила прогрессивных традиций и воздействие передовых идей эпохи (Блок, Брюсов, Сологуб), в своих лучших произведениях преодолели историческую ограниченность символистического мирозерцания, возвысившись до подлинной поэтической правды, и создали непреходящие художественные ценности.

Исаакян не мог остаться вовсе непричастным к господствовавшим в конце XIX века направлениям художественной мысли, и он в известной степени, несомненно, испытал влияние общеевропейского движения символизма. Однако влияние это было ограничено кратковременным увлечением лишь отдельными идейными мотивами. И не правы те, которые зачисляют Исаакяна в символисты. «Как многие символисты,—пишет В. Я. Кирпотин,—Исаакян увлекался учением Ницше»⁴⁵. Ницшеанством армянский поэт в молодости, как

⁴⁴ «Поэзия Армении», стр. 79.

⁴⁵ В. Кирпотин. Поэзия армянского народа, М., Гослитиздат, 1938, стр. 83.

увидим ниже, действительно, увлекался, но и здесь следует сохранять исторические пропорции. О ницшеанстве Исаакяна писала много дореволюционная критика. «Поэма («Абул Ала Маари») Исаакяна,—говорил Ив. Гнуни,—навеена философией Ницше. Его багдадский герой скопирован с Заратустры»⁴⁶. Другой автор статьи об Исаакяне пытался создать целую концепцию ницшеанства поэта⁴⁷. М. Берберян, не касаясь «Абул Ала Маари» (поэма тогда еще не была опубликована), распространял воздействие Ницше на все творчество Исаакяна. Он писал: «Ницшеанство, вернее одна сторона философии Ницше—проповедь индивидуализма и анархизма формируют миросозерцание мрачного певца»⁴⁸. Писатель и историк литературы В. Папазян находил, что многие стихотворения армянского поэта написаны «вполне в духе Ницше»⁴⁹. Распространению этого ошибочного взгляда способствовал и тот факт, что слова Фр. Ницше «Не иди к людям—иди в пустыню, к зверям» стояли в качестве эпиграфа над стихотворением Исаакяна «Растерянно дикие утки взлетели...», в котором автор гневно отвергал людей и их законы:

О, только б укрыться от злобы и фальши,
 От низких, коварных, трусливых людей,
 Уйти от бесправного мира подальше,
 Подальше от плена ничтожных страстей!
 Не стоит весь мир этих слез безотрадных,
 Ни другу, ни милой любви не дарн.
 Уж лучше меж тигров живи кровожадных,
 В пустыне от вечного солнца сгни!
 1905 (Перевод В. Звягинцевой)

В конце XIX и в самом начале XX века ницшеанские настроения были широко распространены среди интеллигенции. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что Иса-

⁴⁶ Ив. Гнуни. Мотивы армянской поэзии, Сарагов, 1915, стр. 69, 70.

⁴⁷ См. Е. Франгян. Исаакян как мыслитель (на арм. яз.). Журнал «Гехарвест» («Искусство»), Тифлис, 1911, № 4, стр. 141—147.

⁴⁸ Минас Берберян. Грустные мелодии (на арм. яз.), Журнал «Ара-рат», 1908, № 11, стр. 1—8.

⁴⁹ В. Папазян. История армянской словесности с начала ее возникновения до наших дней (на арм. яз.), Тифлис, 1911, стр. 576, 577.

акян живя долгие годы в крупных центрах Западной Европы. непосредственно соприкасался с новейшими течениями буржуазной философской мысли. И мы бы согрешили против исторической истины, если б стали вовсе отрицать влияние Ницше на Исаакяна хотя бы уже потому, что сам поэт неоднократно говорил об этом⁵⁰. Речь может идти лишь о степени и характере влияния.

В годы молодости, когда Исаакян переживал духовный кризис, пытаясь понять, осмыслить полную противоречий действительность, он, несомненно, отдал некоторую дань и символизму, и ницшеанским настроениям. Однако это было кратковременным увлечением. Реакционные идеи философии Ницше были чужды и враждебны гуманистическому творчеству армянского поэта. Тесная связь с мирозерцанием народа спасла его «от узкого индивидуализма и антисоциальных чувств, характерных для декаданса европейской и русской буржуазной культуры»⁵¹.

Что же касается эстетической системы Исаакяна, то истоки ее достаточно ясно обозначены национальными традициями и трудно отыскать нити, связывающие ее с поэтикой символизма. «Зрелым мастером вспоминал он свою долгую жизнь и с удовлетворением мог отметить,—пишет Н. С. Тихонов об Исаакяне,—что не увлекался легкими соблазнами поэтических новшеств, не дал распуститься в своем творчестве цветам декадентства, никакие западные эксперименты (следует добавить и русские, в России их было не меньше.— К. Г.) и требования моды не увели его все же с той прекрасной дороги, где поэт остается с народом, со своей родной стихией языка, какие бы пространства не отделяли его от земли его юности, где прозвучали первые строки его стихов»⁵².

И темы философской лирики Исаакяна (и формы его стиха) и идея поэмы «Абул Ала Маари» появились не под

⁵⁰ В письме Ю. А. Веселовскому Исаакян писал: «Я лично своим развитием был гораздо более обязан Германии... я чувствую, что на меня сильно повлияли Ницше, Гейне и другие писатели» (Ю. Веселовский. Русское влияние в современной армянской литературе, стр. 25).

Об увлечении ницшеанством и молодости Исаакян говорил и в упомянутой речи в апреле 1937 года. (Ав. Исаакян. Соч., т. 4, стр. 390).

⁵¹ В. Я. Кирпотин. Поэзия армянского народа, стр. 82.

⁵² Н. С. Тихонов. Аветик Исаакян. В кн.: Ав. Исаакян. Избр. произв., стр. 5.

воздействием внешних обстоятельств (литературных источников, влияний и т. д.), а были вызваны к жизни внутренними побуждениями. Они отражают путь армянского поэта, его размышления, сомнения, «злобные мысли», процесс искания истины, искания средств избавления человечества от рабства, от неисчислимых бед, от нищеты, от войн.

Вся идейно-художественная концепция поэмы «Абул Ала Маари» теснейшим образом связана с лирикой Исаакяна конца 90-х—начала 900-х годов.

Беспощадная критика звериных нравов одряхлевшего мира, уродливых и жестоких явлений, порождаемых буржуазно-капиталистическим строем, обладала революционизирующей силой.

Нужно было осознать весь ужас жизни, чтобы прийти к отрицанию ее лживых основ. Карающее слово поэта звучит как вызов, «едкие истины» учили ненависти, способствовали формированию бунтарского мировоззрения Исаакяна.

Многие горькие слова в поэме «Абул Ала Маари» следует воспринимать как крик отчаяния и ожесточения. Они не всегда выражают сокровенную мысль автора в непосредственной прямой форме. В гневных обличениях Абул Ала нужно видеть не только отрицание, но и благородные порывы. Он говорит страшные слова, но говорит об этом не равнодушно, не как наблюдатель или высший судья, а как человек, пострадавший право обличать подлость и зло на земле. Он говорит об этом с великой болью за человека, с тревогой за судьбы мира и человечества.

В 1916 году В. Я. Брюсов, характеризуя лирику Исаакяна и его поэму «Абул Ала Маари», писал: «Здесь Исаакян или сходные задачи, разрешить которые стремятся и лирики других народов,—французские, немецкие, русские... По этим стихам можно судить, какого большого мастера имеет армянская литература в лице Аветика Исаакяна»⁵³.

Тесная связь творчества Исаакяна с русским и общеевропейским литературным движением начала XX века сказалась и в поэтической разработке сюжета древнееврейской легенды о Лилит.

Новелла Исаакяна «Лилит» была написана в эпоху расцвета неоромантических течений. Еще в конце XIX века

⁵³ «Поэзия Армении», стр. 80.

наблюдается у символистов обостренный интерес к различного рода таинственно-загадочным, демоническим образам. Возрождаются, по-новому художественно осмысляются традиционные сюжеты древности, средневековья.

В русской поэзии Лилит воспел Ф. К. Сологуб.

...Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.
И вся она была легка,
Как тихий сон,—как сон безгрешна
И речь ее была сладка,
Как нежный смех,—как смех утешна.
И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, предо мной
Стояла и смеялась Ева⁵⁴...

«Волшебница Лилит» (1905)

Корни возникновения легенды о Лилит уходят в далекие века, в древний Вавилон, Ассирию, в европейскую мифологию. «Откуда явилась к нам эта таинственная Лилит,—пишет один из современных французских исследователей легенды,—златовласая, всегда прекрасная и вечно юная, которая, как сообщает легенда, в течение некоторого времени была причиной несчастья нашего далекого предка Адама?»⁵⁵.

По древним преданиям, Лилит—адское чудовище, дьяволица, сотворение тьмы, злой дух. Она—вампир, витает во мраке ночи в образе совы, ищет одиноких мужчин, похищает детей. В то же время Лилит дочь ночей, чаровница, она вечно прекрасная волшебница, появляется по ночам, как сновидение... Лилит упоминается в древнеавилонских заклинаниях, а по древнеиудейскому преданию, она была первой женой Адама⁵⁶.

⁵⁴ Ф. Сологуб. Стихотворения, Л., «Советский писатель», 1939, стр. 263—264.

⁵⁵ A. M. Killen. La légende de Lilith et quelques interprétations modernes de cette figure légendaire. В журнале „Revue de littérature comparée“. Paris, 1932 (avril- Juin), стр. 277.

⁵⁶ О легенде Лилит существует большая литература. См. библиографию. «Еврейская энциклопедия», т. 10, стр. 206, 207.

Легенда о Лилит имеет свою литературную судьбу. Многие из писателей обращались к этому древнему сюжету⁵⁷. Образ Лилит, сложившийся веками и связанный с представлениями отдаленных времен, во многом противоречивый по своей внутренней природе, разумеется, воспринимался в разные эпохи, разными авторами далеко не одинаково. В «Потерянном рае» Джона Мильтона, в описании «пределов ада» подразумевается, очевидно, Лилит, когда автор говорит о чудовищном призраке, голова которого до пояса казалась «женщиной очаровательной красоты; но остальное ее тело было отвратительно; оно извивалось в многочисленных чешуйчатых кольцах, широких, громадных, подобно змее, с ее смертоносным жалом» (книга вторая)⁵⁸. К образу Лилит обращается Гете в первой части «Фауста», в картине «Вальпургиевой ночи»:

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь кто она?

Всмотрись: Лилит.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться:

Коса—се единственный убор.

Кого она коснется, тот с тех пор

Прикован к ней, не может с ней расстаться...⁵⁹

(Пер. Н. А. Холодковского)

В поэме В. Гюго «Конец сатаны» образ Лилит трактуется в традиционном понимании как «нечистый дух», «дочь де-

⁵⁷ Вопрос этот частично освещен в указанной выше статье А. М. Киллен.

⁵⁸ «Потерянный и возвращенный рай. Поэмы Джона Мильтона». Перевод с английского А. Шульговской, с подстрочным английским текстом СПб., 1873, стр. 37.

⁵⁹ Гете. Собр. соч. в тринадцати томах, т. V, М., Гослитиздат. 1947, стр. 231.

мона», «соблазнительница», «созданная сатаной из мрака», чтобы покорить человека⁶⁰.

Во второй половине XIX века к образу Лилит обращался поэт и художник Данте Габриэл Россетти, глава английских прерафаэлитов. Он оставил стихи, посвященные Лилит и картину, на которой она изображена как олицетворение вечной женственности. «Где же найти человека, о, Лилит,—воскликает Россетти,—которого не привлекут твои чары. Смотри, как глаза этого юноши горят, встречая твой взгляд как он склонил свою гордую голову пред тобой и как вокруг его сердца обвивается петля золотых волос»⁶¹. Легенда о Лилит привлекла внимание Бернарда Шоу⁶², французского поэта Гильома Аполинера⁶³, чешского поэта Ярослава Врхлицкого⁶⁴.

В 1887 году в «Temps» была опубликована новелла Анатolia Франса «Дочь Лилит» (впоследствии она вошла в «Валтасар», первый сборник Франса). Героиня новеллы Лейла обладает «сказочной красотой», но она женщина «не нашего естества», «во всем ее облике страстным и неуловимом» было «нечто чуждое человеческой природе». Она толкает молодого Ари на расторжение официальной помолвки с любимой девушкой. Она заставляет его обмануть своего лучшего друга. Но дочь Лилит у Франса ни коварная, ни жестокая. «Наоборот,—пишет Франс,—она была нежной и кроткой... Лейле было совершенно чуждо то, что мы называем нравственным чувством». Лицо ее не выражало никаких эмоций, «разве только сладострастие, одновременно чувственное и неземное». Она «казалось была безучастной к радостям любви, которые она дарила» молодому Ари. В то же время она «отравляла все существо» его «ядом сладострастия». В новелле Франса образ дочери Лилит окружен ореолом таинственности. «Она была умна, но ум ее отличался от нашего. Она была молчалива, отказываясь отвечать на воп-

⁶⁰ Victor Hugo. La fin de Satan, Paris, 1911. (Русского перевода поэмы нет).

⁶¹ См. „Elen Bower“ и „Lilith“. В кн. „Dante Gabriel Rossetti. Poems. Translations. 1850—1870“, London, Oxford University press, 1926, стр. 18—23, 146.

⁶² См. Бернард Шоу. Назад к Мафусалу, М.—Пр., ГИЗ, 1924.

⁶³ См. А. М. Куллен. Указ. статья, стр. 302.

⁶⁴ „Lilith“ (1879) Jaroslav Vrchlicki, Epické básně (t. XII), Praha, 1949, стр. 139—140.

росы о своем прошлом. Не знала того, что знаем мы, зато знала то, что нам неизвестно». Лейла не знает ни муки страстей, ни страдания, ни смерти, у нее нет души, ей неизвестно ни добро, ни зло. Она глубоко несчастлива, потому что ей не доступны истинные наслаждения. Новелла завершается молитвой Лейлы, дочери Лилит:

Боже, испошли мне смерть, дабы я оценила жизнь.
Боже, даруй мне раскаяние, дабы я вкусила от наслаждения.
Боже, сделай меня такой же, как дочери Евы!⁶⁵

Исаакян, обращаясь к сюжету древней легенды, развит традиционную тему совершенно в ином направлении. В общей характеристике Лилит и для армянского поэта, как и для его предшественников, остаются в силе обычные представления о Лилит, как демонической женщине, в которой чарующая сила неземной красоты сочетается с отсутствием души. У Исаакяна «бездонный взор Лилит глубже неба», «солнце не ярче ее очей», в раю все озарено «светом ее лика». Белые, нежные руки ее «подобны лилии», тело ее «светозарней, чем вспышка молнии во тьме непроглядной ночи». Она всегда появляется перед Адамом, «овеванная несчетными соблазнами в сиянии своей красоты». В то же время Лилит «зловещий пламень», в котором сгорает Адам⁶⁶.

В новелле Исаакяна мотивы легенды служат лишь канвой повествования. Адам в раю в первое время «дивился чудесам», обозревая окружающий мир, но вскоре он затосковал в одиночестве. Не с кем было делить радость. Тогда создатель, «перехватив возносившийся к небу язык пламени, претворил его в первую женщину—Лилит»⁶⁷.

Франса прежде всего интересует образ дочери Лилит. У Исаакяна же авторское внимание сосредоточено на задаче психологической характеристики Адама, его страданий. Исаакян как бы ищет причины душевной трагедии Адама. У

⁶⁵ *Анатолий Франс*. Собр. соч., в восьми томах, т. 2, стр. 37—49.

⁶⁶ Русский текст см. *Ав. Исаакян*. Избранная проза. Перевел с армянского Я. С. Хачатрянц. Ереван, Айпетрат, 1947, стр. 41—63.

⁶⁷ По преданию, первая жена Адама—Лилит была сотворена из глины. Исаакян выбирает другую, по времени более отдаленную версию, связанную с мифическими представлениями о происхождении Лилит от пламени, от огня, что более соответствовало замыслу новеллы.

Анатоля Франса молодой герой, хоть и ненадолго, но все же вкусил с дочерью Лилит сладость неземного счастья. Ари в своих признаниях говорит: «Непередаваемые словами мгновения... Я сжимал Лейлу, лежащую в моих объятиях. И мне казалось, что мы оба уносимся в небо и заполняем его собою. Я чувствовал, что уподобился богу, что в душе у меня вся красота мира, вся гармония природы: звезды, цветы, леса с их песнями, и ручьи, и глубины морские. В свой поцелуй я вложил вечность».

Иначе развиваются события в новелле Исаакяна. Адам с первой встречи с Лилит глубоко несчастлив. Трагедия любви начинается с того мгновения, как он впервые увидел ее: «Перед ним предстала вся ее беспредельная красота, чарованная и манившая душу его с непостижимой силой в страшную бездну. И смежил он веки, полный чарующего ужаса».

Лилит—загадка для Адама. Он не в состоянии понять ее, разгадать ее душу. Точно найденная Исаакяном формула «чарующего ужаса» остается в силе на протяжении всей новеллы. И в этом случае армянский поэт верен духу древнего сказания, по которому Лилит была коварной чаровницей, околдовывающей человека силой своей неотразимой красоты. В новелле Исаакяна даже змея не выдерживает ее взгляда. Когда Лилит пристально глядит на змею, то та, испугавшись ее взгляда, шипит и скрывается в камнях.

Лилит знает больше, чем Адам, она «мудрее» его. Когда Адам, сгорая от всепоглощающего чувства, не может понять, что с ним (ведь он впервые полюбил женщину), и спрашивает об этом Лилит, она спокойно разъясняет: «Любовь, Адам, любовью это зовется», прибавляя при этом, что ей известно это давно.

Все эти мотивы имеют существенное значение для понимания художественной концепции Исаакяна. В развитии сюжета новеллы, важнейшим фактором становится момент столкновения двух противоположных, по мысли автора, враждебных начал. Носителем первого является Адам с его самоотверженной, безграничной любовью. Он горит в пламени любви, сердце его навсегда «приковано к лучезарным стопам» Лилит. И во сне и наяву он мечтает только о ней. Адам обращается к Лилит с мольбой: «Я хочу раствориться у ног твоих; хочу припасть к земле, по которой ступаешь ты; хотел бы я увенчать солнцем голову твою и усыпать путь твой».

блестками лунных лучей». Адам не жалеет себя, чтобы доставить малейшее удовольствие Лилит, угадывая и исполняя с покорностью раба все ее капризы, все ее прихоти: «Без усталости, без ропота карабкался он по кручам, из скалистых недр зубами вырывал драгоценные камни, не щадя ни рук, ни ног, но озаренный единственной мыслью—сложить к ногам чудесной Лилит свои дары. Адам постоянно живет в сердечной тревоге». Он не знает покоя, терзаясь «жгучей яростью любовной тоски».

Элементы сказочно-романтического пейзажа: «горы, снявшие серебристо-снежными вершинами», «лазурная тишина», «бурно низвергающиеся с высоких утесов водопады», «стада золотистых ланей», «сереброкрылые чайки», «дальние изумрудные острова»—все эти частности—звенья единой цепи, единого эмоционального звучания, составляющие атмосферу «напоенной истомой неразделенной любви».

Носительницей второго, демонического начала в развитии сюжета новеллы Исаакяна является Лилит. Она злая и коварная. Она небрежно, снисходительно принимает жертвы Адама, как должное, с гордым сознанием неотразимой силы своей красоты. Она обращается с Адамом, как жестокая повелительница с рабом. Она холодна и безразлична к страстным признаниям Адама, равнодушна к его ласкам. При малейшей попытке Адама прикоснуться к ней, она ускользает, как змея, мгновенно исчезает «в набегающей мгле».

Лилит не только безучастна к страданиям Адама; она смеется над его слезами, над его любовью. Мотив этот весьма характерен для Исаакяна. Лилит по художественной концепции новеллы причиняет Адаму боль не потому, что она «не нашего естества», как у Анатоля Франса, не потому, что ей незнакомы земные страсти, и в силу этого она неспособна понять Адама, а по лживости и жестокости природы.

В сюжете «Лилит» важное место занимает тема измены, предательства, развитая в заключительной части новеллы. Долго к Адаму не приходила Лилит. Он изнемог в тоске. В грезах ее образ казался Адаму «еще более желанным и неодолимо манящим». Он искал ее повсюду, и днем, и ночью и когда он, измученный вконец в тщетных поисках, присел отдохнуть, оплакивая свою судьбу, до его слуха в сумерках доносится зловещий хохот. И открылось перед взором Адама страшное зрелище: «Над райской стеной он узрел голову са-

таны, озаренную черным блеском глаз его—злых и коварных. Увидел он Лилит, обвивавшую шею дьявола. В порыве неудержимого желания впивалась Лилит устами в уста сатаны. И смеялись они—блаженные и счастливые... И видел Адам, как сатана, скрылся с Лилит за стеной рая... И заволокли туманом глаза Адама, и все исчезло из глаз его...».

В описании второго этапа в развитии отношений между Адамом и Лилит четко намечается тема измены, предательства. И ранее у Адама были подозрения: откуда Лилит знает о любви, откуда ей известна сладость поцелуя? Но это были смутные сомнения, и он старался отогнать их прочь. Ныне он прозрел, и страшная правда открылась ему. К страданиям и тревогам любви прибавились муки ревности. Адам «обезумел». Без волшебницы Лилит опустел Эдем, все теперь вокруг казалось Адаму ничтожным, пустым. Не знал он теперь ни сна, ни покоя. Увидя все это, «творец» сжалился над Адамом и дал ему новую подругу, кроткую, покорную Еву.

Однако Лилит осталась навсегда жить в сердце Адама: «Поднималась ли буря, Адам видел Лилит, пронесившуюся мимо; молния ли рассекала небо—Адаму чудилось, что это пламенная страсть Лилит пронзает ему душу⁶⁸. Закрывал ли глаза Адам, в мечтах он видел беспредельно прекрасный образ Лилит; глядел ли на звезды—в звездах видел Адам очи Лилит... «Ева» призывали его уста, именем «Лилит» откликнулась душа... И прожил Адам весь век свой, неустанно ожидая и алкая Лилит, и умер Адам, вздыхая и мечтая об одной лишь Лилит...».

Вся идейно-художественная концепция новеллы «Лилит» показывает, что обращение Исаакяна к древней легенде было вызвано не случайным увлечением романтическим сюжетом. В основе новеллы лежат, разработанная в лирике армянского поэта тема безответного, отвергнутого чувства, односторонние страдания горячо и сильно любящего, но не находящего в душе любимой женщины отклика человека. Образ демонической «волшебницы Лилит», «дочери сатаны и мрака» открывал перед автором новеллы широкие возможности для выражения трагедии любви. Равнодушие к чужим страда-

⁶⁸ Исаакяна больше привлекали древние представления, связывающие Лилит с стихией, таинственными силами природы. По преданию, Лилит—«богиня ветра», «демон бури» и «камни, ниспадающие с неба, это ее стрелы».

ниям, жестокость, коварство, предательская измена любимой женщины—тема многих стихотворений Исаакяна. Она же звучит в его поэме «Абул Ала Маари»:

Ах! женщина что? кровожадный паук, коварный и лживый,
тщеславье без дна...
...На ветхой ладье лучше в море плыви, чем женщине, клятве
преступной поверь:
Устами ее Иблис⁶⁹ говорит! о блудница, в красивом обличьи зверь!
(Перевод В. Брюсова)

Почему же герой поэмы в своих скорбных и гневных обличениях такие страшные слова говорит, разве он не любил женщин, разве была незнакома ему радость любви? В том то и дело, что по мысли автора, он выстрадал право на эти горькие признания, потому что он слишком сильно любил. Абул Ала говорит:

О лилии чистой, лучистой звезде ты
мечтал, ты желал спать под светлым крылом,
Ждал, что будет она бальзамом для ран,
над страдающей жизнью сияющим сном,—
Ты грезил о песне, как песнь родника, что
влечет и поет в голубых берегах,
Жаждал сладостных слез на небесной груди,
бессмертной росы на прелестных очах!
Но жаждущим душам женщин любовь
только горечь сулит...

Ведь и Адам, опьяненный красотой Лилит, предавался светлым снам, мечтал об именно таком лучезарном счастье с любимой. И он так же, как и герой поэмы, стал жертвой предательской измены.

Идейная канва «Лилит» имеет свои глубокие психологические предпосылки, в основе которых лежат духовная жажда и тоска по гармоническому счастью, стремление к совершенству, вечной красоте.

Обращение Исаакяна к теме борьбы стихийных темных сил в природе человека было вызвано не модными в то время увлечениями сюжетов древности. Армянский поэт и здесь, в смысле литературных традиций, более всего соприкасался с

⁶⁹ Иблис—злой дух, демон.

Лермонтовым. Романтизм Исаакяна по своему психологическому содержанию перекликается с романтизмом Лермонтова. с излюбленными его мотивами:

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда...
(«Мой демон», 1830—1831)

И Лилит в новелле Исаакяна озаряет жизнь героя «лучом чудесного огня». Она также является «образом совершенства» в смысле идеала поэта. Она также навсегда отнимает у Адама возможность созерцания «образа совершенства», счастья, рождая в нем лишь мятежную тоску и жажду, только «предчувствия блаженства».

Лилит Исаакяна по некоторым чертам психологического портрета напоминает излюбленные образы Лермонтова:

Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон коварна и зла...
(«Тамара», 1841)

Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится как птичка.
...В глазах—как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!
То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любит невозможно.
(«К портрету», 1840)

Образ Лилит у Исаакяна по своему психологическому рисунку соприкасается и с загадочной девушкой из «Тамани», окруженной ореолом романтической таинственности, сочетающей «всесильные чары» и «непонятную власть» «небесного создания» с коварством вполне земного существа. «Особенно очаровательна девушка,—писал В. Г. Белинский о героине «Тамани»,—это какая-то дикая, сверкающая красота,

обольстительная, как сирена, неуловимая, как ундина, страшная, как русалка, быстрая, как прелестная тень или волна, гибкая, как тростник. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидеть, но ее можно только и любить и ненавидеть вместе»⁷⁰.

В любви Исаакян видел не только источник высшей радости, счастья, жизни, но и проявление стихийных, непонятных таинственных сил внутреннего мира человека. «Сердце,—говорит поэт,—имеет свои непостижимые законы» («У могилы», 1922)⁷¹. Такой взгляд он распространял вообще на всю эмоциональную сферу, на высшие ощущения и чувства, в которых, по мысли Исаакяна, многое остается вечной загадкой. «Непостижима логика наших чувств,—говорит рассказчик в новелле «Веленье сердца» (1923).—Да, непостижима и к тому же порою совершенно противоположна логике разума. И никто еще не нашел и не привел в порядок законов, управляющих нашими чувствами: они еще ждут своего Аристотеля».

IV. ТЕРЬЯН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕРЬЯН И СИМВОЛИЗМ

Одной из наиболее типичных фигур третьего этапа развития русско-армянских литературных связей, охватывающего конец XIX—начало XX века, явился Ваан Терьян.

В поэзии Терьяна сказалась историческая преемственность, связь ее с предшествовавшими этапами духовного развития армянского народа, с его культурными и литературными традициями¹. Однако трудно понять путь, пройденный поэтом вне общеевропейского и русского литературного движения начала века.

У Терьяна связи с русской литературой и культурой были непосредственными, органическими. Образование он получил в крупнейших культурных центрах России. Его общественно-эстетические воззрения формировались под воздействием передовых идей русской литературы.

Терьян был глубоко убежден, что единственно правиль-

⁷⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 226.

⁷¹ Ср. у Белинского: «Сердце наше—вечная тайна для нас самих». Там же, т. VIII, стр. 349.

¹ Из новейших исследований см.: *Ваче Партизун*. Ваан Терьян (на арм. яз). Ереван, «Айастан», 1968.

ный путь для разрешения важнейших проблем жизни армянского народа заключается в сближении и установлении тесных дружеских связей с русским народом. «Тяготение и симпатии армян к России,—писал он в «Письмах с Севера»,—стали исторической традицией. Наш народ всегда инстинктивно чувствовал верный путь своего спасения, и лучшие представители нашей интеллигенции весьма ясно и ярко выразили это чувство»². Терьян гордился этой традицией. «Наша родина—Россия,—говорил он,—и в недрах ее мы хотим сохранить и двигать вперед нашу культуру»³.

Большое значение придавал Терьян изучению исторического опыта русской литературы. В архиве поэта сохранилась тетрадь, в которую он вписывал образцы русского стиха, из Пушкина, Лермонтова, современной русской поэзии. Терьян проявляет специальный интерес к тоническому стихосложению, сложным лирическим формам, в частности к сонету. Он изучает размеры, ритм, технику русского стиха. «Терьян—один из первых новаторов стиха в армянской лирике,—пишет А. Сурхатян.—Им введены многие размеры тонического стиха, что ошибочно считалось чуждым характеру армянского стиха, якобы исключительно силлабического. Стих Терьяна отличается стройностью, музыкальностью, тонкой отделкой»⁴.

В русской поэзии Терьяна более всего привлекали Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Баратынский. Горячо любил он Достоевского, из новейшей прозы выделял произведения Леонида Андреева, преклонялся перед гением Толстого.

Немалых трудов стоила Терьяну, тогда студенту историко-филологического факультета Московского университета, поездка в 1910 году в Ясную Поляну на похороны Толстого. В записках, посвященных печальным событиям этих дней, сохранились некоторые подробности похорон Толстого, а также отражение личных впечатлений и грустных дум армянского поэта. «Я увидел его страдальческое лицо,—пишет Терьян,—как изменилось оно и как не было похоже на фото-

² Ваан Терьян. Собр. соч. в четырех томах (на арм. яз.), т. 4, Ереван, Айпетрат, 1925, стр. 203.

³ Ваан Терьян. Собр. соч. в трех томах (на арм. яз.), т. 2, Ереван, Айпетрат, 1961, стр. 299, 300.

⁴ Энциклопедич. словарь «Гранат», 7-е изд., т. 41, ч. X, М., 1937, стр. 300. См. также: А. Сурхатян. Вопросы литературы (на арм. яз.), изд. Ереванского госуд. университета, 1970, стр. 170.

графин, которые мы постоянно видим. Это было лицо великомученика, святого. Оно было овеяно светлой тишиной и ясным покоем. На него легла печать грустных размышлений и глубокого страдания, но эта печать не затемняла благородную ясность этого лица.

Я не могу верить, что нет Льва Толстого, утешающего наше сердце, пробуждающего нашу совесть...

Можно не соглашаться с тем или иным мнением Толстого, но его идеал должен быть идеалом для всех нас, потому что отрицать его невозможно, потому что он бессмертен...»⁵.

Осенью 1912 года Тьерьян, не без пушкинского влияния, задумал в стихотворной форме написать «Воспоминания о Лазаревском институте», которые остались незавершенными и которые написаны размером пушкинских воспоминаний о лицее. В бумагах поэта сохранились лишь семь начальных отрывков, над которыми, в качестве эпитафии, стоят пушкинские слова: «Иных уж нет, а те далече!...»⁶.

В числе любимых поэтов Тьерьяна был Лермонтов. Он часто обращается к нему, задумал издать его двухтомник в армянских переводах, провел большую подготовительную работу, но помешала война и замысел его остался неосуществленным.

Однако не только этими единичными фактами определяется характер связи Тьерьяна с русской литературой. О том, какое большое значение придавал Тьерьян укреплению куль-

⁵ Ваан Тьерьян. Собр. соч. в трех томах, т. 2, стр. 218.

⁶ Не касаясь истории этой поэтической строки (она подробно изложена в «Пушкинологических этюдах» Н. О. Лернера), следует отметить, что попытки пушкинистов и специалистов-ранистов разыскать и точно указать на строки Саади, которые послужили Пушкину литературным первоисточником, по существу, не увенчались успехом. Исследователи остановились на следующих строках из «Бустана» Саади (привожу их в дословном переводе К. И. Чайкина): «Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: «Над этим источником отдыхало много людей, подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, то есть мгновение ока». Совершенно очевидно, что пушкинская строка «Иных уж нет, а те далече», хотя Пушкин и упоминает имя Саади (в эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану» и в 8-й главе «Онегина»), тем не менее являются не переводом, а лишь поэтическим откликом. И поэтому не будет ошибкой, если скажем, что строка с одинаковым правом принадлежит Пушкину так же, как и Саади.

турных и литературных связей с Россией, и о том, какое значение имела русская литература в творческом развитии армянского поэта, можно судить по его обстоятельной публичной лекции «Будущий день армянской литературы», прочитанной им в Тифлисе 30 апреля 1914 года, в зале армянского музыкального общества.

Терьян подверг анализу процесс развития армянской литературы от Абовяна и Прошяна до Туманяна и Ширванзаде. Ее серьезные достижения Терьян видел в том, что литературный язык стал более выразительным, образы более реалистичными, идеи более ясными, поэтическая форма более гармоничной.

Язык Терьян считал важнейшим фактором не только в развитии литературы, но и культуры в целом. «Народы,—говорил он,—имеют право гордиться своим языком, и недаром Тургенев с таким восхищением и любовью воспел «великий русский язык» и видел в нем залог светлого будущего своего народа». Рисую перспективы развития армянской литературы, Терьян обращался к опыту России. Он говорил об исторических предпосылках, обусловивших процесс формирования русского литературного языка, «достигшего громадной высоты, где сверкает чудесное имя Пушкина», появление которого было подготовлено Ломоносовым и Державиным. Ломоносова Терьян называет «невиданной величиной, гигантом русской культуры». Он говорил о том, как русская литература прошла через горнило языка литературы XVIII века, как осваивались достижения классицизма, сентиментализма и романтизма, чтобы совершился переход к новому, высшему, пушкинскому этапу. «Однако и Пушкин,—замечал Терьян,—не был одним и тем же в начале и в конце своего творческого пути. Он также должен был пройти путь, начертанный романтизмом, пока он достиг своей кристальной чистоты, пока он пришел к благородному и высокому реализму и в отношении формы, и в отношении содержания»⁷. Этот путь Терьян считал естественным и закономерным.

Язык Пушкина служил Терьяну эстетическим критерием в оценке творчества армянских поэтов. Остановившись на характеристике Туманяна как большого, разностороннего художника, называя его «мудрым толкователем народного духа», Терьян отмечал его заслуги в развитии армянского

⁷ Ваан Терьян. Собр. соч. в трех томах, т. 2, стр. 244, 283, 287.

литературного языка. «Туманян,—говорил Терьян,—довел свой язык до такой степени кристаллизации, ясности, что приблизил его к языку Пушкина. Это и нужно считать одним из его величайших достоинств»⁸.

Одной из наиболее трудных и запутанных проблем в изучении Терьяна является вопрос об отношении его к символизму русскому и западному. По этому поводу уже писалось⁹.

О символизме Терьяна сказано во всех энциклопедиях. Автор статьи в последнем, седьмом, издании энциклопедического словаря «Гранат» называет Терьяна «представителем символизма в армянской литературе»¹⁰. А. Аршаруни в Малой советской энциклопедии утверждает, что «символизм отразился в первом десятилетии XX века в произведениях выдающегося поэта В. Терьяна»¹¹.

Брюсов во вступительном историко-литературном очерке к сборнику «Поэзия Армении», давая общую оценку поэзии Исаакяна и Терьяна, несколько преувеличил и сгустил наличие элементов символизма в творчестве армянских поэтов. Брюсов называет Терьяна «учеником символистов»¹², что верно лишь отчасти, так как учителями Терьяна в широком смысле, воспитанного на лучших образцах армянской, русской и западноевропейской литературы, не в меньшей степени можно считать Исаакяна и Туманяна, Пушкина и Лермонтова, Гете и Гейне. Традиционное представление о символизме Терьяна основано на брюсовской оценке.

Нельзя сказать, что у Брюсова не было основания считать Терьяна «учеником символистов», но каждый, кому доступны чистые и ясные звуки лирики армянского поэта, не может согласиться с таким безоговорочным утверждением. Каждый задумается над тем, что же подразумевается под терминном «символизм», и если символизм оказал на армян-

⁸ Там же, стр. 288.

⁹ См. *Тигран Ахумян*. Ваан Терьян и символизм. «Уч. зап. Ереванск. гос. русск. пединститута», т. VII, Ереван, 1956, стр. 97—104.

¹⁰ Энциклопедический словарь, «Гранат», т. 41, стр. 299—301 (автор статьи А. Сурхатян).

¹¹ См. о Терьяне в «Малой Советской энциклопедии», т. 8, 1930, стр. 771, т. 10, 1940, стр. 740.

¹² «Поэзия Армении», стр. 86.

ского поэта влияние, то в какой степени оно сказалось в его творчестве и в чем конкретно выразилось это влияние.

Во всяком случае ясно одно, что Терьян широкими интересами и культурным кругозором не мог оставаться равнодушным к современной ему русской поэзии. Он не замкнулся в рамках традиции родной литературы. Он деятельно следил за новыми явлениями как в России, так и в Западной Европе, всесторонне знакомясь с их достижениями.

Отношение Терьяна к русским символистам не всегда было одинаковым и ровным. Вначале не было у него к ним особых симпатий. Впервые он увидел Брюсова, по-видимому, весной 1906 года на одном из собраний Литературно-художественного кружка. «Там видел странного поэта Брюсова, — писал Терьян Онику Оганджянну, — и слушал лекцию тоже декадента Георгия Чулкова»¹³. Такое несколько настороженно-ироническое отношение быстро преодолевается Терьяном. Не проходит несколько лет, как Брюсов становится одним из его любимых авторов. В 1909 году Терьян знакомится с ним на одном из собраний «Общества свободной эстетики». В 1916 году он посвящает Брюсову стихи, а еще раньше переводит и пропагандирует его творчество в Армении.

Терьяна не привлекали теоретические построения как русских, так и французских символистов. В его выступлениях, высказываниях, письмах к друзьям трудно, более того, невозможно отыскать мысли, идеи, хотя бы отдаленно напоминающие декларации символистов.

И в плане языка, стиля Терьяну были чужды характерные для эстетики символизма редко употребляемые, архаические, экзотические слова и выражения, нарочито окрашенные крайним субъективизмом, порою и вычурные метафоры, сравнения. Язык армянского поэта отличается простотой, прозрачной ясностью, и сила терьяновского стиля не в каких-то новшествах, языковых ухищрениях, а в правильном употреблении слова, с максимальным использованием богатств

¹³ Ваан Терьян. Собр. соч. в трех томах (на арм. яз.), т. 3, Ереван, Айпетрат, 1963, стр. 159.

«Двенадцать песен» Метерлинка в переводе Г. Чулкова, переписанные рукою армянского поэта, сохранились в его бумагах. Музей литературы и искусств АН Арм. ССР им. Е. Чаренца, Архив В. Терьяна, № 80.

поэтической речи, ее смысловых, интонационных оттенков, ее музыкальных возможностей.

По стилю, по эстетической системе Терьяну значительно ближе романтическая поэзия, и в творчестве символистов его привлекали те произведения, в которых, в той или иной степени, сказались традиции романтизма. С этих позиций и воспринимал Терьян новейшие течения русской и западноевропейской поэзии.

Из биографии Терьяна известно, что большую роль в пробуждении в нем интереса и вкуса к поэзии французских символистов сыграл один из преподавателей Лазаревского института Тор Неве Ланге, датчанин по происхождению, работавший в институте более 35 лет.

Тор Ланге был высокообразованным, разносторонне развитым, талантливым литератором, автором оригинальных произведений и переводов. Он одним из первых познакомил своих соотечественников с русской литературой. Ему принадлежат переводы на датский язык «Слова о полку Игореве», образцов русских народных песен, произведений новой русской литературы. В 1893 году за монографическое исследование о жизни и творчестве А. К. Толстого Копенгагенским университетом ему была присуждена ученая степень доктора философии¹⁴.

Ланге отлично владел многими языками. Ему, кроме переводов с славянских языков, принадлежат также переводы на датский язык с древнегреческого, латинского и произведений западноевропейских авторов. Ланге переводил и с армянского, пользуясь русскими переложениями¹⁵. Он находился в близких дружеских отношениях с коллегой по Лазаревскому институту—поэтом С. Шахазизом¹⁶.

В Лазаревском институте Ланге преподавал древнегре-

¹⁴ Тор Неве Ланге (1851—1915). См. о нем подробно: *К. Тиандер*. Датский пионер русской поэзии. В сб. «Датско-русские исследования». СПб., вып. II, 1913, стр. 1—48.

¹⁵ В архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) сохранился автограф стихотворения Ланге (на датском языке) «Цветы в снегу (армянский мотив)». См. *К. Григорьян*. Переводы Тора Ланге из армянской поэзии. «Советакан Айастан» («Советская Армения»), 1957, № 9, стр. 36.

¹⁶ См. *Л. Мсерянц*. Памяти Тора Ланге. «Русск. филолог. вестник», М., 1915, № 3, стр. 144—153.

ческий, латинский, французский, немецкий и английский языки. Поэт и романтик по натуре, он любил на уроках обращаться к произведениям новейших французских лириков. В аудитории он с большим воодушевлением декламировал стихи Верлена и Малларме.

Все это, разумеется, не прошло мимо Терьяна, на которого в молодые годы известное влияние мог оказать Ланге. Он должен был почувствовать близость и родство отдельных мотивов лирики Верлена со своими собственными настроениями, что и послужило толчком к более углубленному изучению французской поэзии.

Из всех западных поэтов по духу, по характеру творчества, по настроениям наиболее близким Терьяну был Верлен.

О творчестве этого замечательного поэта, ставшего родоначальником целого литературного течения в России, долгое время в нашем литературоведении ограничивались стереотипной, шаблонной фразой о том, что он был декадентом, и лирика его отражает общий упадок и разложение буржуазной культуры. При этом обычно опирались на статью М. Горького, толкуя ее односторонне, схематизируя ее основные положения.

Судьба поэзии Верлена в России была необычной. Дело не только в многочисленных переводах из лирики французского поэта и в восторженных откликах в печати. Верлен сыграл особо важную роль в формировании эстетических принципов нового направления русской поэзии. В начале 1890-х годов В. Я. Брюсов в своих попытках теоретического обоснования творческой программы русского символизма опирался именно на Верлена¹⁷.

Почти одновременно с Брюсовым о новейших течениях во французской поэзии выступил молодой М. Горький. Он в 1896 году на страницах «Самарской газеты», в связи со смертью Верлена, напечатал статью «Поль Верлен и декаденты». Если у Брюсова преобладал аспект, при котором искания французских поэтов рассматривались с точки зрения эстетических принципов нарождающегося нового направления, то Горький сосредоточил свое внимание на характеристике социальной почвы «декадентства».

¹⁷ См. К. Локс. Брюсов—теоретик символизма. «Литературное наследство», № 27—28, М., 1937, стр. 266.

«Декадентство» — следствие общего упадка буржуазной культуры, явление кризисного периода развития поэзии (не только французской). Однако было бы неверно при характеристике поэзии «декадентов» ограничиться указанием на преобладание в ней настроений «упадничества, безнадежности, отвращения к жизни, индивидуализма», акцентируя внимание только на ее отрицательные стороны, в лучшем случае глухо упоминая о ее достижениях в области культуры и техники стиха. При подобных оценках нередко ссылаются на М. Горького. Да, он к «декадентам», с точки зрения их общественного звучания в условиях конца XIX века, относился отрицательно, считая «декадентство» вредным явлением, с которым нужно вести борьбу. В то же время Горький, касаясь социальной почвы поэзии «декадентов», писал о том, как «честные, более чуткие люди», подразумевая под этим прежде всего таких личностей, как Бодлер и Верлен, задыхаясь в атмосфере духовного и нравственного оскудения общества, как мучительно они искали выхода из этой «буржуазной клоаки, из этого общества торжествующих свиней, узких, тупых, пошлых, не признающих иного закона, кроме инстинкта жизни, и иного права, кроме права сильного», как эти «люди с более тонкими нервами и более благородной душой, плутали в темной жизни, плутали, ища себе в ней чистого угла» и как они, «неудовлетворенные, ничего не найдя, гибли с оскорбленной душой»¹⁸.

В этих словах звучит глубокое сочувствие к этим людям «с более тонкими нервами и более благородной душой». Статья Горького о Верлене и декадентах начиналась фразой, в которой указывалось, как на «редкий пример», когда «за гробом умершего столь единодушно шли разнородные, враждебные друг другу элементы», когда в признании Верлена великим поэтом «сошлись представители всевозможных школ и фракций». Горький дал верную характеристику личности французского поэта, пафоса его лирики: «Верлен был яснее и проще своих учеников, — писал Горький, — в его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души, которая жаждет света, жаждет чистоты, ищет бога и не находит, хочет любить людей и не может...»¹⁹.

¹⁸ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 23. М., Гослитиздат, 1953, стр. 127.

¹⁹ Там же, стр. 124, 125.

Начало нового этапа в развитии французской поэзии принято связывать с именем Бодлера, с появлением в 1857 году известного его сборника «Цветы зла», вызвавшего самые разноречивые суждения, ожесточенную полемику, судебные процессы. Официальная печать и литературные «староверы», консервативно-мещанские элементы общества обвиняли автора в «безбожии» и безнравственности²⁰.

Поэзия Бодлера—порождение «черной тоски» и скорби. В ней преобладают «сумрачные видения», мрачные призраки. Они—порождение «безжалостной» жизни, приносящей поэту «только боль». Стих его «рыдает» о всех бездомных, страждущих.

«Цветы зла» явились дерзким вызовом, брошенным в лицо самодовольного благополучия, тупого равнодушия буржуа. В них заключалась большая разрушительная сила.

Когда пишут о Бодлере, нередко подчеркивается его «культ извращенного и порочного», его пристрастие к изображению отталкивающего, отвратительного, ужасного, при этом ссылаются обычно на стихотворение «Падаль».

Да, безобразна и страшна, в то же время и беспощадно реальна, нарисованная поэтом картина. Но чем она вызвана, каковы психологические предпосылки обращения к нарочито подчеркнутой этой стороне действительности? Здесь нет любования, эстетизации уродливого. Здесь лишь констатация ужаса, поэтическая формула горького сознания тленности всего живого, жестокого закона «великой Природы» («la grande Nature»). Обращаясь к «царице грации», красавице, к мечте своей поэт говорит:

...Вы трупом ляжете гнилым.

Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая...

...И вас, красавица, и вас коснется тленье...²¹

В этих строках—характерные для высокого романтизма, «черные думы», вследствие трагического столкновения мира идеального с реальностью. Здесь, пользуясь выражением

²⁰ См. Н. И. Балашов. Легенда и правда о Бодлере. В кн. Шарль Бодлер. Цветы зла. М., «Наука», 1970, стр. 267—273.

²¹ Там же, стр. 51, 52. Перевод В. Левика довольно точно передает образный строй подлинника Ср. Les fleurs du mal, Par Charles Baudelaire. Deuxième édition. Paris, 1869, стр. 127—129.

А. В. Луначарского, «отчаяние смешано с мечтой»²². Истинный смысл «Падали» можно понять лишь в контексте поэтического мирозерцания Бодлера, в одном ряду с такими стихотворениями цикла «Сплин и Идеал», как: «Соответствия», «Предсуществование», «Гимн красоте», «Духовная заря», «Тревожное небо», «Приглашение к путешествию», «De profundis clamavi» («Из бездны взываю»). Циклизация у Бодлера имеет свою логику. Это не просто поэтический ряд, а единая цепь «соответствий», определенного круга мгновенных состояний²³.

«Бодлер, — писал М. Горький, — «жил во зле, добро любя» и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а по смерти назвали поэтом...»²⁴.

В студенческие годы Терьян бывал в литературных кругах Москвы. Он посещал Литературно-художественный кружок, где Брюсов и Бальмонт выступали с пропагандой творчества Эдгара По, Шарля Бодлера, Поля Верлена, Оскара Уайльда, Мориса Метерлинка. В этот период армянского поэта пленила романтическая поэзия Шарля Бодлера. Терьян горячо взялся за перевод его маленьких поэм на армянский язык. Таким образом, предшественник Верлена оказал несомненное влияние и на молодого Терьяна, сначала через русских символистов, а затем и непосредственно.

Характерные черты поэтики Верлена определяются его пристрастием изображению «сумерек души», его обращением к едва уловимым переливам и полутонам поэтической настроенности, что является преимущественной сферой музыки.

Поэтическая палитра Терьяна также богата оттенками, едва заметными переходами, полутонами «высоких ощущений». Любимое время Терьяна — вечер, сумерки, ночь. Его настроениям созвучны «нежнотканые сумерки», когда нет ни единого яркого луча, нет резких линий, когда все утопает в переливах «синеватой мглы».

Верлен был близок Терьяну как по поэтике, так и по лирическим темам и мотивам. Жалобы, на одиночество, усталость, призыв к смирению «земных порывов», призыв к неж-

²² А. В. Луначарский. Бодлер. Лит. энциклопедия, т. I, М., 1929, стр. 550.

²³ Циклизация характерна и для поэзии русского символизма.

²⁴ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 23, стр. 128.

У Верлена, в строгом смысле, нет пейзажа, отдельные его элементы как бы растворены в общей грустной тональности музыкального ощущения. Блестящим образцом этого специфического жанра лирической поэзии может служить его «Осенняя песня»:

Протяжные рыдания осенних скрипок ранят мое сердце унынием однообразным.

Задыхаюсь и бледнею, когда бьет час, вспоминаю прошедшие дни и плачу.

И иду я во власти дурного (злого) ветра, который гонит меня то туда, то сюда, словно (осенний, опавший) мертвый лист²⁸.

(Подстрочный перевод)

Терьян упорно трудился над переводом верленовской «Осенней песни», упорно искал в звуках родной речи средства, способные передать музыку стиха французского оригинала. В бумагах Терьяна сохранились шесть вариантов лирического шедевра Верлена и все они казались несовершенными. Они были опубликованы лишь после смерти армянского поэта²⁹.

Терьян создал свою «Осеннюю песню», по характеру мировосприятия и настроению близкой верленовской «Песне»:

Продрогшие от холода, гонимые ветром,
Тихо (нежно) задрожали
Желтые листья
И покрыли мой путь...
Увяли лучи...
Бледная зелень осени—
Блуждающие мои думы,
Продрогшие от холода, гонимые ветром...
Погасли мои огни,
Лишь холод и туман...
Небесные мои грезы
Умчались, ушли...

1906 (Построчный перевод)

К другой своей «Осенней песне» Терьян эпиграфом избрал строки Верлена:

²⁸ Там же, стр. 27, 28.

²⁹ Ваан Терьян. Собр. соч., т. 4, стр. 80—83.

Il pleure dans mon cœur
Comme il pleut sur la ville...
Плачется в моем сердце,
Как плачет небо над городом...

(Подстрочный перевод)

Чувство природы является одной из наиболее сильных и ярко выраженных черт поэтической индивидуальности Тьерьяна. Из времен года более всего по душе ему осень: «нагие поля, обнаженный лес, темный свод неба, тучи, ветер, однозвучный, тоскливый шум дождя, тополи, шуршащие в холодном тумане». Эти печальные картины осенней природы созвучны его душе, гармонируют с его настроениями³⁰.

Стихотворение Верлена «Искусство поэзии» начинается своеобразным гимном музыке:

Музыка прежде всего...
De la musique avant toute chose...

Мысль о преобладающем значении музыки и поэзии настойчиво повторяется в предпоследней строфе стихотворения:

Музыка еще и всегда!..
De la musique encore et toujours!..

Как следует понимать слова французского поэта? Какой смысл вкладывается в эту поэтическую формулу? Речь идет не о простом внешнем благозвучии стиха или вольной игре красиво сочетающихся слов, чем, между прочим, грешили из-за недостатка чувства некоторые из последователей Верлена. Он вовсе не призывал к тому, чтобы во имя оригинальной, эффектной, звучной рифмы, как писал сам, «грошовой его красоты» был бы искалечен стих, были бы принесены в жертву простота, ясность и конкретность поэтического образа.

Принцип верленовской музыкальности относится прежде всего к природе самих ощущений. К блестящим образцам этого специфического рода лирики принадлежат стихотворения: «Никогда больше» („Nevermore“), «Закат» („Soleils couchants“), «Осенняя песня» (Chanson d'automne“), «И месяц белый...» („La lune blanche...“), «Небо над городом пла-

³⁰ См. «Осень», «Осенняя мелодия», «К осени», «В златотканной одежде явилась ты...», «Шопот и шелест», «Сумерки».

чет...» („Il pleure dans mon coeur...“), «Огромный черный сон...» („Un grand sommeil noir...“).

Романтизм опирался на многозначность, многогранность слова, на его способность выражать сложнейшие психологические состояния, тончайшие оттенки поэтической мысли. Символизму мы обязаны дальнейшим развитием, новым расцветом этого удивительного свойства поэтической речи. Романтики принесли культ чувства, культ природы. Символисты, опираясь на их достижения, пошли дальше. Их излюбленной областью становятся ощущения, настроения, мгновенные состояния духа. Они больше, чем романтики, сблизили поэзию с музыкой. В этом величайшая заслуга Верлена. Стиль его соответствует внутренней сущности его лиризма. В отличие от других представителей новофранцузской поэзии (Бодлер, Малларме, Рембо и др.), он стремится к большей непосредственности и простоте.

В верленовском понимании музыкальности и разгадка второго важного тезиса эстетического кодекса французского поэта, его обращение к литературе в смысле «литературщины». Литература—удел прозы, она тянет к враждебной истинной поэзии рассудочности. Сфера поэзии та же, что и сфера музыки. Из этого вытекает и третий важнейший принцип поэтики Верлена, преобладание ощущений над чувством, пристрастие его к полутонам, едва уловимым оттенкам:

Всего милее полутон,

Не полный тон, но лишь полтона...

(Перевод Б. Пастернака)

Car nous voulons la nuance encor,

Pas la couleur, rien que la nuance!..

Лирический пейзаж, открытый романтиками, Верлен довел до высшего совершенства. В лучших его созданиях характер восприятия природы, ее звуков и красок, находится в полном соответствии с настроением, окрашенным то в светло-грустные, то мрачно-скорбные тона. Здесь Верлен достигает идеальной гармонии между формой и содержанием.

Верлен в России, наряду с По и Бодлером, в начале XX века становится одним из популярнейших, любимых поэтов. Его переводили много. Здесь пробовали свои силы и крупные мастера, видные русские поэты того времени, и второстепенные имена. Несмотря на обилие переводов, некоторые из стихотворений французского поэта переводились неоднократно.

но, разными авторами, все же следует признать, что по переводам знать Верлена невозможно. В них, даже самых удачных, потери слишком значительны.

Терьян и Бодлера, и Верлена читал во французских оригиналах. О совершенстве знания армянским поэтом французского языка можно судить по его переводам «Маленьких поэм в прозе» Бодлера³¹.

В формировании эстетических взглядов Терьяна важную роль сыграли новейшие течения как русской, так и западноевропейской поэзии, в частности символизм. Это бесспорно. Однако при рассмотрении вопроса о влиянии символизма на творчество Терьяна следует принять во внимание следующие обстоятельства.

Символизм отражал характерные признаки сложной переходной эпохи конца XIX—начала XX вв. Его идейные корни следует искать в социальных «болезнях» времени, и правильно осмыслить его невозможно вне зависимости от «страшного мира», общего упадка буржуазной культуры. Такова социальная почва, породившая символизм. Однако это не дает основания рассматривать его как явление однородное.

Символизм возник и сформировался как неоромантическое течение. Романтизм, расцвет которого относится к началу XIX века, спустя столетие дал новую яркую вспышку. Романтизм, как известно, не был однородным течением даже в рамках одной национальной литературы. Разновидностей внутри общего движения романтизма было множество. То же следует сказать о русском символизме. В нем отчетливо выделяются два течения. Первое из них, зачинателем и теоретиком которого выступил В. Брюсов, было преимущественно художественным, поэтическим направлением, опирающимся на традиции романтической поэзии. Представители этого направления не только не отрицали, но и подчеркивали свою прямую причастность заветам романтизма. И далеко не случайно, что из французских символистов оказался им наиболее близким Верлен, лирику которого невозможно понять вне традиции романтической поэзии.

Терьяна привлекало именно это течение русского символизма. В то же время ему были чужды теоретические блуж-

³¹ Они переведены в 1906—1907 гг., но были опубликованы в первых двух номерах журнала «Гордз» («Дело») за 1917 год, в связи с пятидесятилетием со дня смерти Бодлера.

дания второго течения русского символизма, видными представителями которого были Д. Мережковский, А. Белый, Вяч. Иванов, претендующие на создание философской системы, с ярко выраженным религиозно-мистическим оттенком.

Терьяна привлекала и другая, «мятежная» героическая линия в развитии русской литературы. Близко было ему творчество «буревестника» революции М. Горького. В приветственной телеграмме, в связи с 25-летним юбилеем литературно-общественной деятельности Горького, армянский поэт назвал его «славным, смелым, верным вождем демократии, горячо любимым, правдивым писателем, гражданином и человеком».

В лице Горького Терьян видел символ величия русского народа, гордость и славу русской литературы.

* * *

Для сближения и взаимопознания народов литература всегда являлась благодарной почвой.

М. Горький в 1929 году писал: «Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом. Это не есть суждение профессионала, влюбленного в свое дело,— это вывод из моих наблюдений за сорок лет сознательной жизни моей»³². К такому же выводу в свое время пришел Ов. Туманян. Он был глубоко убежден в том, что «нет более благородной почвы и более великой связи для лучшего сближения и познания народов, внедрения в них взаимной любви и уважения, чем литература, в которой выявляются их лучшие чувства, их национальный гений и дух»³³.

Эти обстоятельства приобретают огромное значение в наши дни. История связей русской литературы с литературами народов СССР и зарубежных стран наглядно показывает как в различных литературах в яркой форме проявляется общность интересов трудовых масс, их думы и чаяния, их вековое стремление к справедливости, к мирному созидательному труду.

Великий национальный поэт Армении Ованес Туманян считал, что вражду и нетерпимость между народами искусст-

³² М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, стр. 115.

³³ Ов. Туманян. Избр. сочинения. Под редакцией Мариэтты Шагинян. Ереван—Москва, 1950, стр. 496.

венно создают и раздувают «политики и правители», выражая в то же время уверенность, что «чувство любви и братства значительно естественнее и гораздо сильнее, чем это думают». Туманян был глубоко убежден, что национализм, шовинизм не только антинародные явления, но что они вообще чужды народу. «Это и помогает им,— писал армянский поэт,—противостоять тем ядам, которые вспрыскивают в их измученный организм всевозможные правители»³⁴.

В годы первой мировой войны, в гнетущей атмосфере, когда международный империализм и его пособники отравляли народы ядом шовинизма, вражды и недоверия друг к другу, Ов. Туманян, в связи с 300-летием со дня смерти Шекспира и Сервантеса писал: «Этот день спешит навстречу страдающему человечеству, как символ международного единения, как свидетельство того, что народы шлют друг другу не только разрушающие снаряды, но и все самое возвышенное, о чем может мечтать человек, что есть у народов священные связи, крепкие и нерушимые даже тогда когда рвутся и попираются договоры, скрепленные королевскими печатями»³⁵. Армянскому писателю особенно дорога была мысль о «нерушимой, священной» связи между народами.

Такой широкий взгляд на литературное развитие был характерен и Исаакяну, который в духовных завоеваниях армянского народа искал и находил черты, сближающие, роднящие его с другими народами, видел глубокую внутреннюю связь между заветными думами и идеалами армянского народа с чаяниями всего трудового человечества.

³⁴ Там же, стр. 492.

³⁵ Там же, стр. 504.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абемян М. 28, 129
 Абовян Х. 199, 206, 217, 218, 248,
 283, 284, 297, 304, 342
 Абрамян А. Г. 7
 Авагян Х. 206
 Авгерян А. 171
 Авдалбекян Т. 243
 Авдалбекян Х. 243
 Агабабов Н. Н. 113
 Агабабов Н. Н. 113
 Агафангел (Агатагехос) 17, 120,
 133, 151
 Агаян Г. 204, 267, 281, 300, 304
 Агаян М. 301
 Адамян А. 109
 Адамян П. 302
 Адоиц Н. Г. 228
 Адрианова-Перетц В. П. 28
 Айвазовский И. К. 187
 Айвазян К. В. 274
 Акмян Г. 206
 Акитов М. 54
 Акопян А. 274
 Акопян В. 109
 Аксаков С. Т. 257
 Аламдарян А. 171, 174, 207
 Александр I 170
 Алексеев М. П. 83
 Алишан Г. 207, 306
 Амазасян Ов. 201, 202, 206, 207,
 291, 292
 Амаспур А. 205
- Амортол Г. 16
 Анаксагор 102
 Андреев Л. Н. 288, 340
 Анолинер Г. 332
 Арази М. 274
 Араратский А. А. 137, 139—166
 Араратян А. 145
 Арешян С. Г. 7, 176, 215, 223, 275,
 279
 Аристотель 101
 Аристофан 246
 Аргутинский-Долгорукий Н. 14, 81,
 87, 90—93, 103, 107, 108, 114
 Аржеванидзе З. 140
 Арзанов Д. 174, 175
 Арзанов Я. 174, 175
 Арутюнян Б. 8
 Арутюнян П. Т. 7
 Арутюнян С. 7
 Аршаруни А. М. 205, 246, 343
 Аскарян В. 206
 Астафьев М. 50
 Аствацатурян М. 95
 Атаджаниян И. А. 30, 31
 Атамаян Б. 256
 Ахматова А. А. 310
 Ахумян С. Т. 274
 Ахумян Т. С. 343
- Бабаян А. 8
 Бабкин Д. С. 129
 Багдасарянец О. 203

*Указатель составила С. М. Дашнелян.

- Багратион А. А. 183, 184
 Багратион П. Р. 183
 Багратион Р. И. 183
 Байрон Джордж-Гордон 304, 322, 323
 Бакунин М. И. 227, 228, 230, 234—237, 240
 Бакунина Н. С. 228
 Балашов Н. И. 348
 Балухатый С. Д. 284
 Бальмонт К. Д. 349
 Барановский А. 170
 Бараташвили Н. М. 322—324
 Баратынский Е. А. 201, 340
 Барсуков А. П. 45, 197
 Бартольд В. В. 44
 Бархударян Г. 203, 205
 Басин Е. 124—126
 Бегичев К. Н. 127
 Безмин И. 56, 58, 69
 Белинский В. Г. 200, 245—247, 250, 251, 255—268, 275, 311, 316, 318, 338, 339
 Белокуров С. А. 43
 Бель Г. 117, 118
 Бельченко Г. П. 36
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 355
 Бенешевич В. Н. 30
 Беранже Пьер-Жан 303
 Берсерян М. 6, 282, 327
 Берсерян О. 205
 Берков П. Н. 319
 Бернс Роберт 303
 Берсов Н. 223
 Бетховен Людвиг 249, 250
 Биберштейн М. 116
 Блок А. А. 310, 326
 Бодлер Шарль 347—349, 353, 354
 Богословский М. М. 60, 62
 Богуш С. С. 15
 Болдохитинов Е. 127
 Ботвинник С. В. 296
 Броневский С. 128, 129
 Броссе М. И. 32, 121, 198, 218
 Брюсов В. Я. 275, 277, 281, 288, 313, 314, 318, 320, 322, 326, 329, 337, 343, 344, 346, 349, 354
 Будагян М. 205
 Буренин В. П. 259
 Буришев С. Д. 119
 Буслев Ф. И. 52
 Буссе Г. 139, 146
 Бутков П. Г. 78
 Бюзанд Павстос 176
 Ваганов Варлаам 103—110
 Ван-Гален 169
 Вартазарян Ф. 265
 Вартамян В. 8
 Вейсгюфен И. 134
 Венгеров С. А. 81
 Верлен Поль 346, 347, 349—354
 Веселовский А. Н. 121, 282, 285
 Веселовский Ю. А. 199, 211, 212, 214, 221, 275, 281, 282, 285—287, 293, 294, 298, 308, 328
 Ветошников П. А. 230, 237
 Виктилмаер 243
 Викторов А. 48, 61, 69
 Волконский Д. М. 130
 Вольтер Франсуа Мари-Аруэ 246
 Вольнский А. П. 75, 117, 118
 Воронченков М. 124, 125
 Восканян В. 109
 Воскерчян А. К. 273
 Воскерчянц И. 145, 147
 Врхлицкий Ярослав 332
 Габриелян Д. Е. 273
 Галахов А. Д. 257
 Гамазов А. А. 180, 197
 Гамазов М. А. 178—198, 224
 Ганнбал И. А. 109
 Гаршин В. М. 275

- Гегамян О. 258, 259
Гейне Генрих 297, 310, 312, 322, 328, 343
Георги И.-Г. 121—123
Гердер Иоганн-Готфрид 180
Герцен А. И. 217, 227—230, 234, 235, 238, 240, 267, 278
Гете Иоганн-Вольфганг 130, 176, 246, 257, 297, 303, 304, 331, 343
Гильденштедт И. А. 116, 127, 128, 142, 143
Глак Зеноб 28
Глинка С. Н. 6, 47, 76, 81, 84, 85, 112, 175, 176
Гмелин С. 116, 121, 128
Гнедич Н. И. 201
Гюни И. 327
Гючева Б. Ф. 116
Гоголь Н. В. 137, 185, 254, 257, 275, 281
Головачева А. Я. 186
Гончаров И. А. 257, 263
Горький М. (Пешков А. М.) 273, 276, 284, 289, 306, 307, 346, 347, 349, 355
Грабарь И. Э. 67—69
Греков Б. Д. 15, 32, 33
Грибоедов А. С. 139, 171, 183, 184, 256, 257, 275
Григорий Просветитель 18
Григорович Д. В. 257
Григорян З. Т. 7
Григорьян К. Н. 7, 8, 82, 113, 171, 215, 223, 225, 228, 275, 278, 322, 345
Громов Г. 119, 120
Гюго Виктор 257, 331
Давтян А. М. 275, 285
Давыдов Д. В. 171, 181
Данибегов 140
Данте Алигьери 304
Даронян С. К. 7, 184, 219, 223, 230, 274
Даудов В. А. 43—47, 53
Державин В. В. 317
Державин Г. Р. 176, 199, 342
Десницкий В. А. 285
Джавахеци (Тер-Григорьян К. С.) 274
Джалалзи Р. 206, 207
Дживелегов А. К. 14
Джингезян К. А. 278
Джрнетиан Ш. (Шаган Чирбет) 132, 144, 174
Джугуриян А. 274
Диоген 102
Добролюбов Н. А. 5, 6, 211, 214, 229, 245, 247, 250, 253, 254, 259, 263, 264, 266, 278, 281, 287, 312
Додохян Г. 200, 206
Домашев С. Г. 117
Дондуа К. Д. 213
Дори Б. А. 198
Достоевский Ф. М. 275, 281, 288, 340
Дрампян Р. Г. 265, 266
Дуриян П. 286
Египше 93
Екатерина II 80—82, 87, 90, 93, 121
Ернцов (Ершян) А. Д. 6, 19, 20, 41, 142—145, 148, 164
Ефремов П. А. 117
Жуковский В. А. 130, 199, 201, 207, 257
Забелли И. Е. 19, 48, 49, 51, 57—60, 62, 67—69
Зарьян Р. В. 8, 183, 246
Звягинцева В. К. 245, 327
Зенгер Т. Г. 137
Зиновьев А. В. 170

- Золя Эмиль 257
 Зорьян Ст. 312
 Зубарев Д. 184
 Зубов В. А. 90, 130, 141

 Иванов Вяч. 355
 Иванов М. М. 82
 Инджикян А. М. 254—256
 Иоанниспан И. 199, 216, 281, 286,
 289, 290—293, 305, 306
 Иоаннесов И. 114, 129, 130
 Иоаннисян А. Г. 234
 Иоаннисян А. Р. 7, 77, 80, 82, 89, 90,
 102—104, 108, 110
 Исаакян Ав. 178, 199, 244, 290, 304—
 329, 333—339, 343, 356

 Каганкатваши М. 21
 Казарян С. К. 8, 223
 Калантар Ал. 263
 Кальдерон Педро 257
 Кананов Г. И. 6
 Канкава Г. 322, 324
 Канский В. 243
 Каравелов Любен 278, 280
 Карамзин Н. М. 14, 23, 24, 199, 275
 Каренян А. 255
 Каринян А. Б. 35, 259
 Карнович Е. П. 88
 Каченовский М. Т. 266
 Квитка-Основьяненко Г. Ф. 179
 Кеппен П. 15
 Киллен А. М. 331, 332
 Кирпотин В. Я. 326, 328
 Клапрот Ю. 130, 145—147
 Княжнин Я. Б. 246
 Кольцов А. В. 279, 298, 301, 311
 Концевский И. 65
 Корнель Пьер 246, 303
 Короленко В. Г. 275, 296
 Коцебу А. 133
 Краевский А. А. 179

 Крамской И. И. 295
 Крачковский И. Ю. 130, 131, 198, 322
 Крылов И. А. 257
 Кургнян Ш. 274
 Кучак 304
 Кучубекян О. 206

 Лазарев И. Л. 81, 87, 90, 107, 172
 Лазарев Э. Л. 201
 Лазарева Е. И. 107
 Лалаева Е. М. 180
 Лалаева С. Н. 197
 Ламартин Альфонс 257
 Ланге Т. Н. 345, 346
 Ланген Я. 127
 Левик В. 348
 Левский Васил 278
 Лемке М. К. 228, 235, 237, 238
 Ленин В. И. 6, 228, 267, 271
 Лермонтов М. Ю. 79, 170, 198—203,
 205—208, 210, 211, 256, 257, 265,
 275, 279, 281, 286, 288, 291—301,
 304, 307—310, 312, 315—317, 322—
 325, 338, 340, 341, 343
 Лернер Н. О. 341
 Лео (Бабахаян Аракел) 93, 95,
 102, 114, 260, 286
 Лепехин И. И. 121
 Лерхе М. Я. 116
 Лессинг Готтгольд-Эфраим 246, 257
 Лефорт Ф. Я. 62, 64, 65
 Лихачев Д. С. 28
 Лобанов-Ростовский И. И. 45
 Лозинский М. Л. 216
 Локс К. 346
 Ломоносов М. В. 82, 83, 246, 257,
 342
 Лопе де Вега Феликс-Карнио 246
 Лохвитский М. 126
 Луначарский А. В. 349
 Лусиков Г. 42
 Любин В. 315

- Мадатов В. Г. 169
 Майков А. Н. 246
 Малиновский А. Е. 41—43
 Малларме Стефан 346, 353
 Манвелян Л. 247, 286
 Маннчар (Манучарян) М. 109, 112, 113
 Марке Карл 5
 Марр Н. Я. 147, 148, 150, 286, 287
 Мартин Ф. 132
 Матвеев А. С. 42
 Маштоц М. 304
 Меликов М. 170
 Меликов П. М. 170
 Меликсет-Бек Л. М. 7, 15, 19, 27, 28, 30, 86, 322, 323
 Мережковский Д. С. 355
 Мерзляков А. Ф. 172
 Метерлик Морис 344, 349
 Миансарян М. 144, 202, 205, 207, 212, 257
 Миллер Г. Ф. 121
 Мильтон Джон 331
 Мириманян Г. 206
 Михайловский И. Н. 53
 Мицкевич Адам 322, 323
 Мкртчян Л. М. 8
 Модзалевский Л. Б. 137
 Монсева Г. Н. 40
 Мольер (Жан Батист Поклен) 246, 257
 Моцарт Вольфганг-Амодей 249, 250
 Мсерианц Л. 345
 Мур Томас 180
 Муравьев А. Н. 171
 Мурацян 260—262

 Надеждин Н. П. 176
 Надсон С. Я. 286
 Назарян Ов. 257, 258
 Назарян Ст. (Назарянц Ст.) 199, 206, 207, 217—223

 Налбандян М. Л. 184, 199, 202, 205, 207, 217, 218, 223, 225—244, 247—255, 266, 279, 281, 290, 303
 Нанумян Р. 7
 Нарекаци 304
 Некрасов Н. А. 179, 186, 187, 198, 208—210, 214, 215, 263, 264, 275, 279, 286, 300, 301
 Некрасова Е. С. 275
 Нерсес, католикос 144
 Нерсисян М. Г. 7, 105, 218, 277, 278
 Нессельроде К. В. 115
 Нестор-Искандер 36, 37
 Печнипоренко А. И. 237
 Никольский Н. К. 31
 Ницше Фридрих 326—328
 Новицкий А. П. 40, 49
 Норов А. С. 220—223

 Обручев Н. Н. 238
 Овнан Г. Н. 7, 215, 274
 Оганджаниян О. 344
 Оганесян Л. А. 24
 Оганнисян Р. О. 7, 246, 256, 275
 Огарев Н. П. 227, 228, 230, 234, 235, 238
 Озеров В. А. 246
 Онегин А. Ф. 137
 Ончуков Н. 26, 27
 Орбели Н. А. 34
 Орбелиани В. 212
 Ореус И. П. 196
 Ори Израел 76, 77, 86
 Орлов А. С. 36
 Орлов А. Ф. 222
 Остен-Сакен Ф. Р. 197
 Островский А. Н. 282

 Павлова М. К. 216
 Паллас П. С. 116, 121, 128
 Панаев И. И. 179, 186, 187
 Папазян В. 274, 279, 327

- Парсамян В. 7, 76, 89, 184
 Партев Саак 304
 Партизуни В. З. 339
 Пастернак Б. Л. 353
 Патканов К. П. (Патканян Керовбэ) 176, 177, 206, 240, 241
 Патканян М. 255
 Патканян Р. 156, 199—201, 204, 206—209, 279, 281, 285, 290
 Перетц В. Н. 26
 Петёфи Шандор 257
 Петр I 26, 31, 32, 62, 64, 75, 76, 78—80, 82, 84, 89, 117, 118, 121
 Петров В. 83
 Петров П. Н. 86, 87, 90
 Петросян М. 274
 Пешикташлян М. 207
 Пиксанов Н. К. 139
 Пигуев Н. З. 197
 Плеханов Г. В. 6
 Плещеев А. Н. 279
 Плиний 120
 По Эдгар 349, 353
 Погодин М. П. 176
 Познанский В. 50, 69
 Полонская Е. Г. 216
 Поп Александр 180
 Попов М. 117
 Попов С. 109
 Поступальский И. 217
 Потемкин Г. А. 80, 90, 105, 108, 111, 112
 Предтеченский А. В. 84
 Прошьян П. 140, 143—145, 148, 164, 233, 247—253, 304, 342
 Пушкин А. С. 125, 132, 137—139, 171, 176, 179, 183, 198—204, 207, 208, 210—212, 257, 266, 275, 279, 281, 286, 290—293, 296—299, 301, 304, 307, 308, 316, 340—343
 Пыляев М. И. 87
 Пыпин А. Н. 263, 282—284
 Радичев А. Н. 83, 129
 Райнис Ян 278
 Размадзе С. 212
 Расин Жан-Батист 246, 303
 Раффи (Акоп Мелик-Акопян) 156, 258—260, 279, 282, 283
 Рейсер С. А. 187
 Рембо Артюр 353
 Ризаев С. 8
 Ровинский Д. А. 48, 49
 Рождественский Вс. А. 311, 314—316
 Розен В. Г. 188, 198
 Розов Н. Н. 31
 Россетти Д. Г. 332
 Рубан В. 64, 80, 111
 Румер О. 323
 Руставели Шота 303
 Рылеев К. Ф. 109
 Рычков П. П. 121
 Рязанцев В. Н. 184
 Саади 188, 190, 191, 341
 Садатян М. 205—207
 Салтанов Богдан 41—63, 66—71
 Сарадов З. 16, 42, 43
 Сарафова К. 83, 96—103
 Саргсян М. С. 8
 Саринян С. Н. 306
 Сатин Н. М. 187
 Саят-Нова 304
 Свириц А. Н. 51
 Себастиан Мхитар 111
 Седракия А. (А. Е. С.) 146—151, 154, 158—160
 Селифонтов Н. 44, 46
 Семевский М. И. 223
 Сен-Мартен 32, 146, 176
 Сенковский О. И. 175
 Сервантес Сааведра-Мыгуэла 303, 356
 Сергеев Г. С. 82

- Серно-Соловьевич Н. А. 227, 228, 230, 238
Слещов А. А. 238
Смирнов А. П. 15, 33, 34
Смирнов И. И. 35
Сократ 102
Соловьев С. М. 14—16, 25, 41, 42, 45, 75, 76, 78, 86
Сологуб Ф. К. 326, 330
Сошиков В. С. 119
Сорокин А. Ф. 232
Софокл 246
Спандарян С. 267, 273
Спафарий Н. Г. 52, 53
Спендиарян О. 263
Срезневский И. И. 36
Стасюлевич М. М. 37
Степанэ Х. 213, 214
Суворов А. В. 105, 109
Суверин А. С. 48
Сукасян С. 95
Султан-Шах А. 205, 232, 239
Султан-Шах С. Г. 195, 196, 224
Султаян В. 205
Сумароков А. П. 246
Сундукян Г. 281, 282, 304
Суреньянц Е. 222
Суслов В. В. 40
Сурхатян А. 340, 343
- Табидзе Т. 322
Тагнадян М. 207
Торошци Степанос (Таронский) Асо-хик 20
Тархатян А. 260
Татаршинов В. 296
Тер-Гукасов С. 20, 21
Тер-Ованисян М. 205
Терзибашян В. 255
Тертерян А. 7
Терьян (Тер-Григорян) В. 199, 277, 281, 288, 290, 297, 298, 306, 313, 339—344, 346, 349, 350—352, 354, 355
- Тнандер К. 345
Тигранов С. А. 246
Тихонов Н. С. 328
Тихонравов Н. С. 173
Толстой А. К. 345
Толстой Л. Н. 275, 281, 288, 301, 340, 341
Траверсе Н. А. 230, 236
Тредиаковский В. К. 246
Трутовский В. 54, 68—70
Тумаян Нв. 8, 264
Тумаян Ов. 156, 199, 264—266, 281, 286, 288—290, 293—304, 306, 342, 343, 355, 356
Тургенев И. С. 173, 227, 235—237, 257, 263, 275, 279, 281, 342
Тучков С. А. 115, 129
Тучкова-Огарева Н. А. 227, 240
Тютчев Ф. И. 340
- Уайльд Оскар 349
Уваров С. С. 130, 131, 175, 219
Успенский А. И. 48—51, 53, 55—60, 62, 68, 69, 71
Успенский В. И. 49
Устрялов Н. Г. 64
Ушаков Симон 49—51, 54, 56, 58, 67—69
- Фельтен 87
Фенелон 114
Физули 114
Филлимонов Г. 19, 49
Фирдоуси 188, 219, 303
Фишер И.-Э. 121
Франгян Е. 327
Франс Анатолий 276, 332—335
Фрейганг 128
Френ Х. 218

- Хайям Омар 188, 189
Халатянц Г. А. 27, 176
Халдарян Г. 75, 83, 92, 95, 96, 110, 114, 171
Хастатов А. В. 79
Хастатова Е. А. 79
Хафиз 188
Хачатрянц Я. С. 333
Хачатурян А. Б. 226
Херасков М. М. 246
Хитрово Б. М. 54, 68
Хикоян А. 204
Холодковский Н. А. 331
Хомяков 170
Хоренаци Мовсес (Хоренский Монтсей) 104—107, 121, 129, 133, 176, 304
Хоченц М. (Гехамянц М. З.) 114, 115
Христофоров Л. 78, 79
Хубов Е. 130
Худобашев Александр 31, 132, 133, 171
Худобашев Артемий 132
- Цатурян А. 215, 216, 279, 281, 286, 289—293
Цицианов П. Д. 126, 128, 130
Цявловский М. А. 137
- Чавчавадзе Н. А. 183
Чайкин К. И. 341
Чамчян М. 133
Чарыхов Гр. 242, 243
Чернышевский Н. Г. 6, 36, 214, 217, 228—230, 232—234, 238, 247, 256, 259, 263, 266, 267, 278, 281
Чулков Г. И. 344
Чулков М. Д. 94
- Шаамирян Ш. 107—110
Шагинян М. С. 355
- Шаумян С. Г. 267, 273
Шахазиз Е. 214, 228
Шахазиз С. 199, 200, 207, 210—215, 281, 285, 287, 290, 306, 345
Шахназарян А. 274
Шевченко Т. Г. 312
Шевырев С. П. 176, 261
Шекспир Вильям 179, 186, 187, 246, 257, 302, 303, 356
Шервинский С. В. 309
Шеристанов Н. П. 85
Шиллер Фридрих 246, 257
Ширванзаде А. 287, 342
Ширванов Л. 86, 88, 89
Ширяев А. С. 32
Шишкевич Ф. 128
Шишонко В. 26
Шнорали Нерсес 31, 93, 95, 304
Шолохов М. А. 244
Шоу Бернард 332
Шпилевский С. М. 32, 223
Штелин Я. Я. 112, 113
- Щеголев П. Е. 232
Щедрин Н. (М. Е. Салтыков) 247, 275
Щекатов А. 84, 110
Щербиков А. А. 294
- Эврипид 246
Эзов Г. А. 6, 75, 198
Эмин Иосиф 77, 102, 103
Эмин Н. О. 21, 22, 28—30, 120, 121, 176, 177, 198, 200, 201
Энгельс Фридрих 5
Эсхил 246
- Юрьев А. 69
- Язвицкий В. Я. 320
Яковлев С. 50, 54, 68
Якубовский А. Ю. 15, 32, 33
Якшич Джура 278

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- I. Богдан Салтанов. Богоматерь с двумя ангелами. 1769.
- II. М. М. Иванов. «Остатки крепости Анталя при реке Лорри, в Великой Армении». 1782.
- III. М. М. Иванов. Развалины города Ани. 1782.
- IV. Начальная страница перевода В. Ваганова эпикола «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци.
- V. Автограф А. С. Пушкина. «Опыты библиографические». 1836.
- VI. Эчмиадзинский монастырь. Гравюра. 1808.
- VII. Взятие русскими войсками Ахалцихе. Гравюра Машкова. 1828.
- VIII. Переселение армян из Персии в российские пределы. Гравюра Машкова. 1832 (деталь)
- IX. Вид города Еревана. Гравюра Петрова по рис. Г. С. Сергеева.
- X. Запись С. Г. Султан-Шаха в альбом М. А. Гамазова.
- XI. Обложка армянского издания рассказа Л. Каравелова «Атаман болгарских разбойников»
- XII. Ав. Исаакян у памятника Лермонтову. Пятигорск. 1950.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вступление	5
Часть первая	
I. Древнейший период истории русско-армянских связей и их отражение в памятниках письменности X—XVI вв.	13
II. Русско-армянские культурные связи в XVII в. Армянские купцы в роли культурных посредников. Армяне в Посольском Приказе. Деятельность «царского живописца и иконописца» Богдана Салтанова в Московской Оружейной палате	41
Часть вторая	
I. Русско-армянские культурные связи в XVIII веке. Возникновение петербургской армянской колонии. Первая армянская типография в России. Армяно-русский словарь Григория Халдаряна	75
II. Книга Клеопатры Сарафовой. Русские переводы Варлаама Ваганова. Возникновение первых армянских учебных заведений на территории России	96
III. Усиление интереса в России к Кавказу. Русские печатные источники конца XVIII—начала XIX вв. об Армении. Радищевец С. А. Тучков об армянском народе	115
IV. «Жизнь Артемия Араратского» как литературный памятник начала XIX века. Poleмика вокруг личности автора. Разбор содержания книги Араратского. Ее значение как литературного источника, по которому русский читатель впервые ознакомился с армянской действительностью	137
Часть третья	
I. Возрождение крупных очагов армянской культуры. Лазаревский институт восточных языков в Москве. Основание русской школы арменоведения	169
II. Литературные опыты М. А. Гамазова. Его русские переводы из произведений персидской и арабской поэзии. Место Гамазова в истории русского востоковедения	178
III. Первые переводы из Пушкина и Лермонтова. Некрасов и армянская поэзия	198

IV. Русское общественное движение 60-х годов XIX века и армянская литература. Литературно-публицистическая деятельность Ст. Пазаряна. Журнал «Юсисапайл» и его роль в возрождении армянской литературы. М. Налбандян и русское революционно-демократическое движение 60-х годов. Значение деятельности Налбандяна	217
V. Белинский в армянской литературе	245
Часть четвертая	
I. Новый этап в развитии русско-армянских идейных связей. Формирование пролетарской литературы. Армяно-славянские литературные связи. Проблема влияний и национальных традиций	271
II. Ноаниссаян, Цатурян, Туманян и русская литература	289
III. Исаакян и русская литература	304
IV. Терьян и русская литература. Терьян и символизм	339
Указатель имен	357

КАМСАР НЕРСЕСОВИЧ ГРИГОРЬЯН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И
КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ (X—НАЧАЛО XX ВВ.)

*Печатается по решению ученого совета
Института литературы им. М. Абегамян
АН Армянской ССР*

Редактор издательства *С. М. Даниелян*
Художник *К. К. Кафадарян*
Технич. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *М. Т. Дальвадянц*

ВФ 05098

Заказ 744

Тираж 1500

Изд. 3962. Сдано в набор 31.10.1973г., подписано к
печати 24.5.1974г., печ. л. 23,0+8вкл., усл. печ. 21,85 л.,
изд. 21,58 л., бумага № 1. 60×84₁₆. Цена 2 руб.

Типография Издательства АН Армянской ССР. г. Эчмиадзин